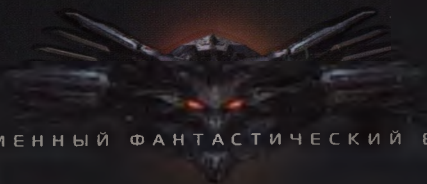

АНТОН
ДЕМЧЕНКО

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АНТОН ДЕМЧЕНКО

САМОЗВАНЕЦ
ПО ОСОБОМУ
ПОРУЧЕНИЮ

САМОЗВАНЕЦ ПО ОСОБОМУ ПОРУЧЕНИЮ

Всё зло от них...

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АНТОН ДЕМЧЕНКО

САМОЗВАНЕЦ ПО ОСОБОМУ ПОРУЧЕНИЮ

Москва
Издательство АСТ

ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д31

Серия основана в 2012 году

Выпуск 86

Оформление обложки А. Аслямова

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Демченко А.

Д31 Самозванец по особому поручению. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 416 с.

ISBN 978-5-17-094625-9

Жизнь на Руси Хольмградской плавна и нетороплива... но только не для Виталия Старицкого. Вокруг него все время что-то происходит. Казалось бы, какие проблемы могут быть у заштатного чиновника, в чью обязанность входит лишь боевая подготовка охранителей Особой Канцелярии? Ан нет... Стоило только Виталию Родионовичу расслабиться и помечтать о морском круизе в медовый месяц, как приключения посыпались на него как из рога изобилия... Сглазил, наверное.

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Демченко А., 2015

© ООО «Издательство АСТ» 2015

© Издательский дом «Ленинград»
оформление, 2015

ISBN 978-5-17-094625-9

Пролог

Всё зло от них... Вот точно говорю. Если в жизни происходит какая-то пакость, то без женщины дело точно не обошлось. Проверено на личном опыте. Нет, ну в самом деле... Вот как я на жертвеннике оказался? Правильно, дура одна, дочка влиятельного человека, подсуропила. Да и здесь меня уже два раза захватить пытались, и опять без участия женщины не обошлось... Так мне же еще и пришлось эту исследовательницу из «плена» вытаскивать. Мрак, в общем. Ну да, кто бы сомневался? С моим-то везением, иначе и быть не могло...

ЧАСТЬ I

Глава I

ПРИЯТНЫЕ ХЛОПОТЫ... ОКСЮМОРОН

На прошлой неделе мой будущий тесть отправился, как он выразился, «принимать корабль». Случилось это через месяц после нашего бурного знакомства, когда я, как новый владелец, получил банковским телеграфом счет из Гельсингфорса за обслуживание и стоянку «Варяга» в порту... Вот что мешало Бусу сбежать в январе, а? Оплатил бы счет и бежал... так нет, мне теперь придется раскошелиться за стоянку. Тысяча триста рублей за год, между прочим, и плевать, что серебром в два раза меньше получается... Всё равно много. Вот кстати, и Бажен Рагнарлович Белов, тесть будущий, со мной согласился. Минут двадцать белугой ревел, когда сумму узнал, потом еще два дня смурной ходил, волком зыркая... морским, понятное дело. А в конце концов плюнул и, требуя с меня капитанские полномочия, отправился за билетами на вокзал.

Честно, провожая своего будущего родственника, я с завистью вздохнул. Вот ведь, человек при любимом деле будет... а мне здесь крутиться, к свадьбе готовиться. Мрак! Из-за грядущего события дом уже превратился в нечто среднее между штабом воюющей армии и ателье

модной одежды, так меня же еще и заставляли во всем этом участвовать. Хорошо еще от выбора тканей для нарядов удалось отвертеться, переложив это бремя на Ладу и телепневского портного, а подбор блюд и поваров, которые займутся их приготовлением, я свалил на Лейфа. Но ведь помимо этого оставалось еще с полсотни нерешенных вопросов. От состава гостей и места проведения пира до набора экипажей и поисков храма, в котором будет проходить венчание... и еще, еще, еще... Жуть и ужас.

При всем при том тот же профессор Грац лишь улыбнулся, услышав однажды мои возмущения.

— Виталий Родионович, друг мой, радуйтесь! Радуйтесь, говорю я вам. Счастье еще, что старый Бажен согласился на городской обряд¹. Не то вам пришлось бы куда как худо, уж поверьте знающему человеку. Супруга моя, Людмила Карловна, царствие ей небесное, тоже была из ушкуйной семьи, так верите ли, свадьбу начали за год готовить, а уж сам обряд, и вовсе на неделю затянулся. Так что, повторяю вам, Виталий Родионович, радуйтесь.

Ага. Порадуешься тут. Свадьба назначена на конец апреля, а в доме суета такая, что кажется, завтра уже в церковь идти! Да еще и сама Лада нервничает, словно все никак решить не может: сейчас убиться или еще немного погодить. Хорошо еще, что большую часть дня я провожу в канцелярии, или у волжских купцов... или еще где-нибудь, а то б давно сорвался.

Кстати о купцах! Сегодня, наконец, Самуил Иосифович, ушлый хазарин-новгородец, с которым свел

¹ *Городской свадебный обряд* — упрощенное по сравнению с традиционными, действо, получившее свое название с распространением в городской среде так называемой, «малой семьи».

меня адъютант князя Телепнева, ротмистр Толстоватый, обещал устроить мне встречу с прибывшим в Хольмград мастером, из тех, что ладят «пароходы» на Волге. Но это будет ближе к вечеру, а сейчас надо выбираться из дома, пока мне еще какого-нибудь занятия по подготовке к свадьбе не нашли.

Поднявшись с постели я, в темпе вальса привел себя в порядок, надел приготовленный с вечера заботливой Ладой костюм... почему-то без пиджака... и двинулся на выход. Как я и ожидал, глянув с галереи вниз, несмотря на довольно раннее время, в гостиной уже творился суший бедлам. По всем возможным горизонтальным поверхностям комнаты в полном беспорядке разложены альбомы, образцы тканей и какая-то вовсе непонятная мне чепуха, а присутствующая здесь же Лада уже увлеченно щебечет о чем-то с парой добровольных помощниц из числа соседских барышень. Правда, увидев меня, она тут же поднялась с кресла.

— Доброе утро, дамы, — спускаясь по лестнице, уже привычно проговорил я, чуть склонив голову. Ну да, они же здесь чуть ли не каждый день торчат. Успел привыкнуть.

— Здравствуйте, — в унисон пропели барышни.

— Как почивалось, Виталий Родионович? — Улыбнулась Лада.

— Благодарю, Лада Баженовна, прекрасно. — Сдерживая ответную улыбку, кивнул я, ступая на ковер гостиной. Спектакль! Эти девицы прекрасно знают, что мы с Ладой делим постель, однако... приличия требуют, чтоб их...

Барышни хитро переглянулись, но взглянув в мою сторону, тут же построжили, а Лада, заметив это, окинула меня испытующим взглядом и, вздохнув, взяла с кресла мой пиджак. Зачем он ей только понадобился?

— Виталий Родионович, не стоит так пугать моих подруг. — Укоризненно покачала головой сероглазка, протягивая мне недостающую деталь гардероба. Только тут я сообразил, что именно заставило барышень принять серьезный вид. М-да уж, пока я спускался со второго этажа, сбруя с «Барринсом» была незаметна, а сейчас...

— Лада Баженовна, дамы, я приношу извинения, за свой неподобающий внешний вид... — Я склонил голову и добавил: — Хотя вина за это лежит на одной сероглазой красавице, для чего-то умыкнувшей у жениха его пиджак...

Девушка вздохнула.

— Мы только хотели взглянуть на его покрой, — проговорила она. — Портной настаивал, что обычный костюм вам не понравится, и советовал внимательно осмотреть те, что он вам уже пошил.

— О, ну если так сказал великий Григорий... — Улыбнулся я, надев пиджак и скрыв под ним кобуру с барабанником. — Тогда конечно. Спорить с этим сатрапом бесполезно, лучше четко следовать его указаниям.

— Мы заметили, — хором проговорили барышни.

— Ну что ж. Если вам еще нужен пиджак его выделки, то... Лада Баженовна, вечерние костюмы в моем гардеробе все до единого пошиты Григорием Евсеевичем. Можете воспользоваться ими. А сейчас прошу прощения, но я вынужден вас покинуть. Дела.

— Я провожу вас, Виталий Родионович. — Кивнула Лада, чем вызвала очередные хитрые улыбки подружек. Ну да, не станем же мы при них целоваться...

Предупредив Лейфа, чтоб не вздумал прогулять тренировку и явился в канцелярию не позже полудня, я попрощался в холле с невестой и, выйдя на крыльцо дома, с наслаждением вдохнул холодный и свежий

воздух. Мороз, установившийся еще ночью и успевший за несколько часов разукрасить окна домов причудливыми узорами, тут же принялся увлеченно щипать мои щеки и нос. Красота!

По дорожкам, очищенным смольянинской прислугой от снега, я добрался до ворот и уже хотел было выйти на улицу, как раздавшийся за спиной перестук копыт заставил меня отойти в сторону. Рядом со мной остановились запряженные тройкой сани. Легка на помине.

— С добрым утром, Виталий Родионович! — весело поприветствовала меня хозяйка дома.

— Здравствуйте, Заряна Святославна. — Я вежливо приподнял шляпу.

— Вы никак в присутствие собрались?

— Служба есть служба. — Кивнул я.

— Так нам по пути! Забирайтесь в сани, ваше благородие... ох, простите, теперь уже высокоблагородие, не так ли? — Улыбнулась Смольянина. — Я как раз на Торговую сторону еду, к старому другу-недругу по садоводческим делам нашим, так и вас до канцелярии довезу, всё по пути.

— Благодарю за предложение, Заряна Святославна, с удовольствием им воспользуюсь. Только одна просьба... Не могли бы мы обойтись без титулования, ваша светлость? — Ухмыльнулся в ответ я, усаживаясь в сани. Хозяйка только головой покачала.

— И как прознали-то, Виталий Родионович? — спросила она под перезвон бубенцов и звонкий цокот копыт покотившей тройки.

— Так ведь сами знаете, где служу. Чему ж удивляетесь? — Развел я руками. — Да и когда судебные протоколы читал, по делу Ловчина, обратил внимание. Ваш титул там упомянут... Только одного не могу понять, с чего вы его скрываете?

— Вот уж ничуть не бывало, — ответила Смольянина. — Не напоминаю лишний раз, это верно. Но уж точно не скрываю.

— А что ж так? — удивился я. — Вроде не водится такого обычая за титулованными-то дворянами? Вот помнится, и противник мой по хольмгангу своим боярским званием немало козырял.

— Ох, Виталий Родионович, так то ж поместные бояре, а Смольянины дворяне из жалованных, да не по земле, а по заводишку уральскому, малому, да серебряным рудникам, предком моим найденным. И не так давно то жалованье было. Так что, хоть род наш и графским величается, а вспоминать о нем старые роды боярские не любят. Опять же и титул наш из новых... — со вздохом взялась за мое просвещение, Смольянина.

— Вот кстати, Заряна Святославна... — заинтересовался я. — Я в Хольмграде человек новый, да и допрежь с такими материями не сталкивался, может, объясните неучу... как же так вышло-то с титулами? Тут и бояре, и бароны. С чего вдруг?

— С удовольствием отвечу, Виталий Родионович. Тут вы правы, негоже дворянину, пусть неподтвержденному, титульному да личному, таких вещей не знать. Стыдно. Тут вас, только ваше заморское происхождение и извиняет, — согласилась Смольянина. Ну да, заморское... а что еще она могла предположить, не зная моей реальной истории? Я, правда, ни о чем подобном не распространялся, но Заряна Святославна женщина внимательная и выводы из увиденного делать умеет... Ну да пусть так. К тому же её домыслы вполне сочетаются с придуманной для меня князем Телепневым «легендой»...

— Слушаю вас со всем возможным вниманием. — Улыбнулся я.

— Хорошо. — Кивнула Смольянина, на мгновение задумалась, словно стараясь сформулировать мысль почетче, и заговорила: — до Олега Строителя, прадеда государя нашего, таковых титулов на Руси не водилось. Но уж больно любил государь всё на западный манер делать. Поначалу, поговаривают, хотел и бояр в баронов да графьев переиначить, но не вышло. Еще бы! Половина из них по крови Хельговичи¹ да Гостомыслы² с Гедеминовичами, а вторая половина, свои роды к хану Чингизу да князю Булану³ возводит. Невместно им, видите ли, с европейскими малоземельцами равняться. Про князей и вовсе молчу. Вон, однофамильцы ваши, какую бузу подняли. Конечно, не в одном звании там дело было... Но и без него не обошлось. Четыре года у низовских имения пылали. От Киева до Твери, пока государь их пушками вразумлял. Вразумил, конечно, знатно.

¹ *Хельговичи* — здесь потомки Олега (Хельги), прозванного Вещим, сподвижника и советника Рюрика, правившего от его имени Альдегьюборгом (ныне город Старая Ладога).

² *Гостомыслы* — здесь потомки Гостомысла, князя Хольмградского, отца Рюрика Ютландца, ставшего первым князем Ладожским (Альдегьюборгом), а позднее, по смерти отца и Хольмградским, что позволило ему назваться Великим князем и начать сбор славянских земель под свою руку. Отсюда и второе, куда более известное в нынешней Руси, прозвище Рюрика — СобираТЕЛЬ).

³ *Булан* — здесь полуполегендарный иудейский военачальник, чьи потомки правили независимой Хазарией до её поражения в войне со Святославом Хольмградским, внуком Рюрика. После этого поражения Хазарский каганат вошел в состав Руси на правах зависимого княжества, правителя которого назначал только Великий князь Хольмградский.

Так что и по сию пору о князьях Старицких ничего не слышно, но и сам государь от своей затеи отступился. Только тем и ограничился, что титулами дворянскими стал новых людей жаловать. Офицеров выслужившихся, заводчиков, иной люд, что Руси пользу знатную принес, как тот же Ломоносов или Кулибин, к примеру. Тут уж боярам возразить нечего было, но любви к новым титулованным это, само собой, не прибавило. Ну и зависть опять же. Взять хоть Демидовых, соседушек наших уральских... Уж куда как богаты, на работах до сорока тысяч людей держат, и сами, хоть из новых титулованных, а любого боярина с потрохами купить могут, ежели не князя. И плевать им на все местнические да лествичные склоки. Ну как таким не позавидует какой-нибудь боярин, у коего кроме земли с парой тысяч арендаторов да громкого имени, предками прославленного и нет ничего более?

— Да уж. Есть чему завидовать да волком смотреть. — Хмыкнул я. — Кто ж им мешает тем же самым заняться?

— Так говорю же, Виталий Родионович, им сие невестно. — Улыбнулась Смольянина. — Ну как же! Не боярское то дело из-под земли железо выковыривать... Верите ли, и по сей день многие из них так считают... Ох, что-то я вас совсем заговорила. Вот уж и Словенская набережная. Ну, не буду вас задерживать...

Я поблагодарил Смольянина за помощь и весьма интересный рассказ и выбрался из саней, остановившихся у ворот при въезде на территорию Особой канцелярии.

— Да, Виталий Родионович, сделайте милость, коли встретите Меклена Францевича, попеняйте ему, что совсем забыл про нас. Уж который день от него ни слуху ни духу, — попросила меня хозяйка дома.

— Непременно, Заряна Святославна. Хорошего вам дня. — Кивнул я, и Смольянина, махнув мне на прощание рукой, укатила по каким-то своим делам.

Поприветствовав охранителей в холле канцелярии, я, прежде всего, направился к адъютанту Телепнева. После давешней поездки в Архангельск, мы с Вентом Мирославичем стали довольно дружны, в основном на почве увлечения ротмистра техникой, правда, по большей части, её летающими образцами. Впрочем, «сухопутные пароходы», также не оставляли Толстоватого равнодушным, а узнав, что я всё еще не расстался с желанием обзавестись самобеглым экипажем, он принял самое деятельное участие в моей затее.

— Здравствуйте, Виталий Родионович. Снова пришли наших охранителей по залу раскидывать? — Едва я появился в приемной, ротмистр поднялся мне навстречу. Обменявшись приветствиями и пожав друг другу руки, мы одновременно опустили в кресла.

— Не только, Вент Мирославич, сегодня мне и самому на занятиях несладко будет. — Улыбнулся я.

— А, Тихомир... — Понимающе протянул ротмистр.

— Он самый. — Со вздохом кивнул я, и перешел к более интересной теме, ради которой, собственно и поднялся в приемную князя, вместо того чтобы напрямик направиться в зал. — Вент Мирославич, вы, помнится, обещали мне устроить встречу со знатоком производства накопителей с Хольмского завода...

— Помню-помню. Есть у нас на примете один такой умелец. Незаурядного ума исследователь, знаете ли. Гордей Белозорич Горбунов, изобретательнейший человек. Я к нему нарочного с просьбой о встрече отправил. — Кивнул секретарь. — Думается, к обеду он как раз обернуться успеет.

— Замечательно. — Улыбнулся я, поднимаясь с кресла. — Вы уж сделайте одолжение, пошлите за мной, как он с новостями вернется...

— Разумеется, Виталий Родионович. — Кивнул мне ротмистр, и я вышел из приемной.

Вдоволь погоняв по залу своих великовозрастных учеников, я отпустил их с приходом по мою душу Тишилы. Может быть охранители и хотели бы полюбоваться на то, как их тренера самого изводят учебой, но памятуя, что это может для них закончиться незапланированным занятием с длинноклинковым оружием, синемундирники, пусть и с видимой неохотой, всё же покинули зал. А вот Лейф остался... не в первый раз, между прочим. Парню явно понравились занятия у старого дуэлянта, так что он и сегодня, не дожидаясь, пока Тихомир всучит ему довольно тяжелую дубину, долженствующую изображать нечто колюще-режущее, ринулся к стойке и принялся с энтузиазмом подбирать себе инвентарь.

Этот урок закончился только в пятом часу, да и то, большей частью потому, что Лейфу необходимо было ехать домой, а за мной явился посыльный от Толстоватого. Так что, приняв душ и переодевшись, я попрощался с Тихомиром, и направился в приемную.

Секретарь князя встретил меня кофием и запиской от обещанного исследователя, в которой тот соглашался встретиться с представителем канцелярии для небольшой консультации. Что ж, это именно то, что мне и нужно. Можно было бы, конечно, найти необходимые сведения в литературе, как я собственно и собирался поступить изначально. Вот только довольно скоро выяснилось, что времени на поиски нужных мне работ может уйти просто немеряно. И вовсе не потому, что эти сведения нарочно кем-то скрываются. Всё гораздо проще и унылей, здесь, в этом мире, банально не

существует еще публичных библиотек в привычном для меня понимании. Есть университетские собрания, гимназические, училищные, но они, за редким исключением, не содержат достаточно «прикладной» технической литературы. Таковая, в достойных объемах и качестве, может найтись лишь в заводских библиотеках, по закону считающихся частными и, как следствие, для меня труднодоступных. Можно было бы обратиться в Русское книжное собрание, но, как уверил меня ротмистр Толстоватый, на получение учетной карточки в этом заведении может уйти до полугода, даже для чиновников Особой канцелярии. Вот когда я с ностальгией вспомнил Интернет... Эх, да о чем тут говорить, если здесь даже Книжная палата, несмотря на свое довольно долгое существование в составе государева архива, только семь лет назад обязала всех издателей предоставлять ей в «непременнейшем порядке» по три экземпляра издаваемых ими книг. В общем, легче найти хорошего специалиста и обо всем его расспросить... а если удастся, то и привлечь к воплощению моей задумки. Поскольку технарь из меня... нет, кое-что я умею, но этого совершенно недостаточно для самостоятельной работы по созданию нормального авто.

Кстати, о специалистах, меня же еще и встреча с одним из волжских мастеров ждет... Я глянул на напольные часы в углу приемной и поспешил раскланяться с Толстоватым.

— Виталий Родионович, куда вы так торопитесь, если не секрет? — поинтересовался ротмистр, заметив мою спешку.

— Помните вы «сосватали» мне некоего Самуила Иосифовича, мастера с волжских паровозных фабрик? — осведомился я у ротмистра.

— Разумеется... О, никак он приехал? — Дошло до моего собеседника. — Виталий Родионович, не сочтите

за пустое любопытство... Но не мог бы я к вам присоединиться на этой встрече?

— Отчего же? Вент Мирославич, друг мой, буду только рад вашему обществу. — Кивнул я.

— Великолепно. Тогда чего мы ждем? — Обрадовался Толстоватый. «Энтузиаст», что с него взять?

Глава 2

ПОСПЕШАЙ НЕ ТОРОПЯСЬ, А ТО УСПЕЕШЬ...

Встреча с мастером-новгородцем оказалась на удивление продуктивной. Столько информации о практической стороне здешнего автомобилестроения я еще ни от кого не получал... Как оказалось, местные «гиганты отечественного автопрома» каждый образец своего творчества собирают чуть ли не на коленке, и каждый раз с какими-то модернизациями, новшествами... В общем, всё как и положено при зарождении нового вида производства. Иначе говоря, идет активный поиск оптимума, путем шараханья о максимумы... и минимумы. Не меняется в этой концепции только одно — пар. Накопители используются точно так же, как в паровозах и паровых машинах дирижаблей и кораблей. О том, чтобы использовать в качестве движущей силы что-либо иное, местным «кулибиным» отчего-то и в голову не приходит... То же электричество, например. Ведь энергия накопителей преобразуется в него с не меньшей легкостью, чем в тепло... А где электричество, там и электродвигатели, правильно? Впрочем, возможно, я просто не вижу каких-то подводных камней. Но пролить свет на эту тему сможет как раз приглашенный ротмистром исследователь с Хольмского завода.

Кстати, о камнях, тех, что подводные. По настоянию князя я вынужден был организовать себе частные

уроки по некоторым университетским курсам, включая историю, начала естествознания, право гражданское и уголовное, а также устную и письменную словесность, с тем, чтобы к осени пройти квалификационное испытание на чин надворного советника, которым меня одарил государь... Чтоб ему икалось, извергу. Этот самый минимум предметов, которые я обязан сдать, напряг меня, что называется, не по-детски. Шесть преподавателей, занятия по три дня в неделю, по два часа каждое. Хорошо еще, что всего по три предмета в день. Будь предметов хотя бы на два больше, или будь иначе составлено это драконовское расписание, и я бы от такого темпа жизни свихнулся уже на третьей неделе... Ну да ничего, выгребемся. Помнится, во время учебы на «том свете», еще и не так крутился. Или мне это просто кажется, поскольку я уже успел привыкнуть к неторопливости здешней жизни?

С началом подготовки к экзамену на чин мне пришлось основательно перетряхнуть свое расписание. О прежнем спокойном житье с кучей свободного времени теперь не могло быть и речи. В дни, когда мне не нужно было ехать в присутствие, я отправлялся на занятия с репетиторами, а закончив тренировку охранителей и занятие у Тишилы, отправлялся готовиться к свадьбе либо выполнял задания учителей.

И это еще не все. По вечерам к нам в гости стал частенько заглядывать Гордей Белозорич, тот самый исследователь с Хольмского завода. Горбунов весьма серьезно увлекся идеей создания полноценной силовой установки на основе столь хорошо знакомых ему накопителей. А некоторое время спустя к нашим беседам присоединились и Берг с Хельгой, преподающие мне начала естествознания и, после нескольких довольно специфичных вопросов с моей стороны, заинтересовавшиеся темой наших с Горбуновым встреч. Так что для

общения с Ладой у меня оставался в лучшем случае один выходной в неделю... не считая ночей, конечно. Впрочем, пока наша, увлеченная расчетами и теоретизированиями, компания заседала в гостиной, моя невеста с удовольствием снимала предсвадебное напряжение, пропадая в зимнем саду Смольяниной, где помогала нашей хозяйке с выращиванием очередных образчиков флоры...

В начале апреля, изрядно помучившись с расчетами и материалами, наш самопальный опытно-исследовательский, он же конструкторский, отдел смог, наконец, создать первый образец работающего электродвигателя. Точнее, его действующую модель, состоящую из переносного накопителя и собственно движущего блока, исполненного в классическом варианте асинхронного двигателя... Почему именно его? Потому что это единственный тип электродвигателя, с которым я был в какой-то мере знаком. Ну не технарь я... не технарь. А вот Гордей Белозорич и Берг Милорадович ухватились за эту идею и выжали её из меня досуха. Рассказал всё, что помнил, и даже то, что считал забытым сразу по сдаче последнего своего экзамена по физике.

К моему удивлению, самым простым в создании модели оказалось решить вопрос с частотным преобразователем и регулятором напряжения в статоре, для получения возможности плавного изменения скорости вращения ротора. Берг с Гордеем, на мои потуги объяснить смысл и необходимость этого устройства, только снисходительно фыркнули и буквально за полчаса вплели в конструкцию машины пучок медных жил, несущих в себе тут же созданные ментальные конструкты, запитанные от накопителя, с простым выводом для управления, в качестве которого присобачили поворотные звонки, вывороченные из стен спален и служившие прежним жильцам дома для вызова при-

слуги. Офигеть. На «том свете», несмотря на довольно давнее «бумажное» изобретение, «в железе» подобные преобразователи появились совсем недавно, а тут два естествознатца, понимаешь, философа от физики, на коленке забацали то же самое, не приложив к этому сколько-нибудь серьезных усилий! Правда, энергию накопителей, эти самые преобразующие конструкты жрут как не в себя, да и «текут» неслабо. Так что, в реальности электродвигателю перепадает в лучшем случае половина должной энергии.

Впрочем, Гордей Белозорич пояснил, что конструкты подобного действия были разработаны чуть ли не Ломоносовым для его опытов с электричеством, и до сих пор, в том или ином виде, используются на Хольмском заводе при проведении некоторых испытаний. Но их вполне можно доработать, просто пока в этом не было насущной необходимости. Ну да это уже его епархия, вот пусть на пару с Высоковским головы и ломают... Для меня же эта демонстрация стала последним и самым убедительным доводом о том, что ментальные воздействия и естествознание вообще могут играть куда большую роль в жизни общества и его развитии, чем мне представлялось на первый взгляд... Ну, лучше поздно, чем никогда, не так ли?

Одного не могу понять. Как, имея подобные познания и возможности, здешние жители до сих пор не отказались от пара, хотя бы в пользу того же электричества? Ну ладно, паровозы, корабли... При удивительном, точнее недостижимо высоком для «того света» КПД здешних паровых установок, вопрос их замены на что-то более эффективное в применении к железнодорожному и водоплавающему транспорту пока не стоит. Но дирижабли... автомобили, в конце концов? Для них-то такой параметр, как масса, является критичным... а много ли воды утащит на себе та летающая

колбаса не в ущерб полезной нагрузке, и сколько раз ей придется дозаправляться в пути? На авто же в этом случае и вовсе можно рукой махнуть. Дай-то бог, чтоб здешние «паротабуретки» хотя бы двух-трех человек увезти смогли... без багажа... за пределы прямой видимости. Так неужели здесь не нашлось своего Якоби, который устроил бы Крузенштерну катание по Неве... в смысле Волхову, на лодке с электроприводом?

Поинтересовавшись у Берга с Гордеем, известна ли им такая личность, в ответ получил лишь недоуменное пожатие плеч. Нет, эта фамилия им незнакома... И что, более никто не занимался эффектами магнетизма? Опять отрицательный ответ. Дьявол, да как они здесь хоть до лампочек додумались-то?!

И снова облом. Берг не поленился и, поднявшись с кресла, подвел меня к настенному бра, с которого и снял абажур... Ну да, лампочка, ага, как же. Скорее уж это стеклянный колпачок над толстой витой проволокой. Никакого вакуума. И здесь конструкты... Вот ведь, уже полгода живу в Хольмграде, а не замечал. Сыщик, чтоб меня...

Нет, баста, давайте-ка лучше вернемся к нашему двигателю. Нам его еще часок-другой погонять нужно, чтобы узнать скорость опустошения накопителя в разных режимах...

Как раз на следующий день после завершения испытания этого чуда техники в Хольмград вернулся из своей поездки Бажен Рагнорович. Старый ушкуйник сразу по прибытию в Гельсингфорс загнал яхту в сухой док и занялся её доскональным осмотром, результатом которого стал относительно недорогой ремонт и несколько переделок, о которых, как и о стоимости мероприятий, будущий мой тесть лишь мельком упоминал в своих коротких телеграфных сообщениях. В марте же, закончив работы, Белов нанял временную команду

и увел «Варяга» из Гельсингфорса, в Конуград¹, на новую стоянку. А оттуда уже, отпустив экипаж, поездом отправился в Хольмград.

— Как добрались, Бажен Рагнарович? — начал я разговор после сытного, «семейного» обеда, приготовленного расторопным Лейфом.

— Благодарю, неплохо. Совсем неплохо, — задумчиво проговорил в ответ ушкуйник, удобно устроившийся в кресле у «дровожорки» с трубкой в зубах. Выпустив облако ароматного густого дыма, хмурый Белов повернулся к сыну, сидящему вместе с Ладой на диване. — Лейф, принеси папку, что я оставил в холле.

Сын ушкуйника сорвался с места, приволок огромный кожаный бювар для документов, присмотревшись к которому повнимательней, я удивленно хмыкнул. На папку кто-то явно наложил не один наговор. Чего здесь только не было, и от огня, и от воды... даже на лихого человека была заготовлена пара ловушек... кажется.

— Значится так, Виталий. Я не привык ходить вокруг да около, так что приступим сразу к делу. — Мы еще до отъезда Белова в Гельсингфорс договорились о том, как будем именовать друг друга, так что никакого отторжения фамильярное, по местным меркам, обращение по имени у меня не вызвало.

— Слушаю вас, Бажен Рагнарович. — Кивнул я.

¹ *Конуград (Кёнигард, Город Правителей)* — город на границе Руси и Венда, возникший на месте небольшого приморского поселения, в котором был заключен первый договор меж свеями, вендами и русичами. Впоследствии, вплоть до конца семьдесят второго столетия (XVII века от Р.Х.) был официальным местом встреч монархов Северной Европы, отсюда и название. Начиная с семьдесят третьего столетия превратился в один из портов Великой Ганзы, часто используемый в качестве запасной базы ушкуйников. В нашем мире на его месте расположен Калининград.

— Угу. Осмотрел я «Варяга», опробовал его, и скажу следующее. Ладный кораблик, крепкий. Но игрушка, и игрушка дорогая. Грузов на нем никаких не увезешь, разве что кое-какие пряности окупиться могли бы... или редкий чай. В общем, что-то небольшое и дорогое. Использовать же яхту в ушкуйном деле и того сложнее. Экипажу на ней всего полтора десятка человек, от мальчика до кормчего. Да с дюжину пассажиров возьмет, ежели по двое в каюте считать. Защиты у яхты никакой нет, да и не рассчитана тамошняя установка на такую нагрузку. А это значит, что надо устанавливать второй комплект накопителей, да хоть пару стволов, иначе раз-metaет, к морским чертям, эту скорлупку первым же попаданием, даже с малой дрекки, и мявкнуть не успеет. В общем, иных возможностей, кроме продажи, я здесь не вижу, — угрюмо резюмировал Белов, прихлопнув ладонью по бювару. — Тем не менее, Виталий, взгляните на бумаги, что я привез. Здесь полное описание яхты, её возможностей, оснастки, машин и наговоров. Ну и счета, куда ж без них.

В принципе, ничего другого я и не предполагал. Зачем мне нужна эта самая яхта, что я с ней делать буду? Другое дело, что без нее меня может ждать совсем другая проблема, и настроение моего собеседника, кажется, это только подтверждает. Насколько я успел узнать будущего тестя, слово свое он держит крепко, а значит...

— А что, Бажен Рагнарович, коли я эту яхту продам, вы опять про владных ушкуйников вспомните? — осторожно поинтересовался я, буквально загρικом чуя, как сидящая в сторонке Лада затаила дыхание.

— Вы сначала её продайте. — Скривившись, хмыкнул Белов, уходя от прямого ответа, и скосил взгляд на напряженно прислушивающуюся к нашей беседе девушку. — Поверьте, Виталий, дело это непростое,

даже учитывая, что в столице нашей куда больше склонного к подобным тратам люда, чем в любом торговом городе. Да и не стоит меня в предубежденности подозревать. Уж поверьте, зла своей дочери, я не желаю ни в коей мере и против счастья её не пойду. Иначе еще на Руяне сговорился бы с кем из ушкуйников и замуж выдал.

Всё это было сказано спокойным и даже вежливым тоном, вот только слышалось за ним нешуточное раздражение от того, что кто-то мог заподозрить старого ушкуйника в такой подлости и... растерянность? Вообще, несмотря на первую нашу, вполне себе феерическую встречу с Беловым, в последующем мой будущий тесть показал себя человеком весьма уравновешенным, спокойным и не склонным к буйству.

— Я понял, Бажен Рагнорович. — Кивнул я. — Простите за дурную шутку. Но всё же вы говорили, что дали покойной супруге слово, и я не думаю, что было бы правильно его нарушить.

— То мое дело, Виталий. — Сдвинул брови Белов. — Или вы уже на попятную идти собрались?

— Ни в коей мере. — Я покачал головой. — И вообще, я о другом. Не желаете выслушать для начала?

— Отец... — тихо проговорила Лада, и Бажен махнул рукой.

— Куда уж я теперь денусь. — Пожал он плечами. — Говорите.

— Как я понимаю, условие было поставлено с тем, чтобы ваша дочь не оказалась замужем за... скажем так, необеспеченным человеком, я прав?

— Само собой. — Кивнул Бажен Рагнорович.

— Ну что ж. Я, конечно, небогат, но кое-какие деньги у меня водятся, — проговорил я. — Есть и яхта. Пусть это не полноценный ушкуй, но неужели все подряд руянские корабли несут на себе пушки?

— Нет, конечно, — вякнул было Лейф, но тут же сник под суровым взглядом отца.

— Тогда предлагаю поступить следующим образом. Мы продадим яхту, но лишь после свадьбы. Таким образом будет соблюдена и воля вашей покойной супруги, и ваша дочь будет замужем за обеспеченным человеком.

— Виталий, а вы понимаете, что в случае, не дай бог, развода вы лишитесь половины выручки за яхту? — не обращая никакого внимания на возмущенный писк Лады, проговорил Белов.

— Бажен Рагнарлович, я не буду убеждать вас в невозможности такого исхода, это было бы глупо. В жизни всякое может случиться. Но знаете, в моих краях есть такая поговорка: «Легко пришло, легко ушло». Эта яхта — мой трофей, причем трофей нечаянный, я за ним не гнался и на него не рассчитывал. Так что...

— Точно ушкуйник. — Покачал головой Белов и вдруг расплылся в искренней улыбке. — Но хитер. Не волк, лис, сущий лис. Порадовал старого... Ладно уж. Уговорили вы меня, Виталий. Действуйте, как решили.

— Замечательно. — С облегчением вздохнул я. — Ну а раз так, то предлагаю сразу после торжества отправиться в небольшое морское путешествие. Надо же хоть раз на «Варяге» пройтись...

От радостного вскрика Лады у меня чуть уши не заложило.

— Хм, и далеко путешествовать собираетесь? — Приподнял бровь Белов, когда радость Лады несколько поутихла. Поднявшись с кресла, ушкуйник вытащил из бювара кипу бумаги и направился к обеденному столу. Разложив на нем листы, на поверку оказавшиеся довольно подробной картой Европы от Средиземного до Варяжского моря, он подозревал нас.

— Далеко не получится. Боюсь, в дальние страны меня Особая канцелярия не пустит. По крайней мере,

в ближайшее время. — Развел я руками, разглядывая карту. — А вот по соседям ближним почему бы и нет? Отправимся из Конуграда. Заглянем на Готланд, потом в Стекольну, Гельсингфорс, а там можно и в обратный путь, через Колывань и Мемель.

Этот маршрут я придумал не случайно, вспомнилась мне одна из наших недавних бесед с Высоковскими, где мы обсуждали привлечение исследователей для работы над различными узлами будущего электромобиля.

— Интересно... — Пыхнув трубкой, кивнул Белов. — И не жалко вам будет таких сумм? Путешествие-то не на сто рублей потянет, а?

— Да черт бы с ними, с деньгами. — Отмахнулся я. — Когда еще удастся такую прогулку устроить...

— И то верно, — согласился Бажен Рагнарлович. — Только предлагаю, для начала, зайти не в Висбю, а на Руян, оттуда в Карлскруну... Там будет проще получить адрес. А уж потом можно будет и до Готланда прогуляться...

— Адрес? — не понял я.

— Ну да. Право заходить в любые порты иностранного государства без досмотра груза. Конечно, Свеаланд и Венеды это не галлийские Порты и Нордвик Дан, отношение к русским кораблям там много доброжелательнее, но всё же законы лучше соблюдать... — ответил Белов.

— Вам виднее, Бажен Рагнарлович. — Пожал я плечами.

— Это еще почему? — удивился ушкуйник.

— Ну так, а кто вы у нас по судовой роли «Варяга»?

— Но... — На мгновение мне показалось, что Белов выбит из колеи.

— Неужто вы имеете что-то против, Бажен Рагнарлович? — недоуменно поинтересовался я.

— Ох, Виталий... — Покачал головой ушкуйник и хмыкнул. — Ну да ладно. Так тому и быть. Только вы уж учтите, что ранее чем через седмицу после свадьбы в путь мы отправиться не сможем. И то это, если я сейчас себе помощника толкового отыщу, коего в ближайшие дни на «Варяг» и отправим, для подготовки к выходу. Впрочем... этот вопрос, думается, я смогу решить в ближайшее время, равно как и вопрос с командой.

— Вот и отлично, Бажен Рагнарлович. — Кивнул я. — Ну, а если понадобится какая помощь, обращайтесь. Сделаю все, что в моих силах.

— Понадобится, уж вы не сомневайтесь. — Усмехнулся будущий тесть, кивая на выглядывающие из-под неплотно прикрытой крышки бювара листы счетов. — На подготовку путешествия деньги нужны, и немалые.

— Сколько? — Понимающе кивнул я.

— Ежели с запасом, да с полной уверенностью, то тысячи три-четыре. Но через две недели смогу сказать точнее. — Вздохнул Белов.

— Серебром? — осведомился я и напоролся на недоуменный взгляд старого ушкуйника.

— Господь с вами, Виталий! — Махнул он рукой. — Ассигнациями. Все ж не усадьбу покупать-то будем.

— Что ж, это не проблема, Бажен Рагнарлович. Завтра же заедем в банковскую контору на Людинов конец, а оттуда к стряпчему, составим новую доверенность... и договора, для вас и экипажа.

Белов принялся было возражать, убеждая в совершенной ненужности такого официоза, но я, наученный горьким опытом «того света», всё же настоял на своем. И дело здесь вовсе не в подозрительности, а в твердом знании, что в море, как и в армии, не может

быть двух командиров. Вот пусть так и будет. Белов — капитан, ему и командовать. А я пассажиром побуду. Так же и с матросами. Понятно, что у ушкуйников с этим проще. По словам Белова, если уж ватажник слово дал и с атаманом по рукам ударил, то до тех пор, пока с похода не вернется, против воли атаманской ни слова не скажет, а вот с обычными матросами, черт его знает, как может дело обернуться. Так лучше уж все условия на берегу обкашлять, лишним это не будет, честное слово.

Попрощавшись с засобиравшимся до дому Баженном Рагноровичем, мы проводили его до дверей, после чего Лада с Лейфом сбежали на кухню, а я, вернувшись в гостиную, уселся в кресло у камина.

Вот, казалось бы, куда я намылился? Какое может быть путешествие, если Особая канцелярия до сих пор надо мной нависает и приглядывает... Но мне кажется, всё получится, как надо. Позавчера Хельга, до сих пор посматривающая на меня с благодарностью, отчего Лада уже даже начала нервничать, обмолвилась, что работа по проекту «Лед» наконец закончена, и вскоре в «Университетском Вестнике» должна выйти первая статья о новых теоретических разработках группы русских философов в области создания и видоизменения тонких оболочек человека. Не знаю, к добру эти вести или к худу, но очень надеюсь, что Телепнев не упрется рогом и не вздумает на меня давить. Черт, да я даже согласен на присутствие его охранителей на яхте во время круиза... Хм. Осталось узнать, согласен ли на такое сам князь.

Я вздохнул и, решив, что мне не помешает чашка чая, отправился на кухню.

— Ну, и когда ты расскажешь о... — комично-грозным тоном проговорил Лейф, но Лада его тут же перебила:

— Скоро, братец. Думаешь, это так просто? — В голосе девушки послышалось явное раздражение и... неуверенность?

Тут я осознал, что застыл у приоткрытых дверей кухни, и, попеняв себе на неизживаемые профессиональные привычки, вошел в кухню. Лада резко обернулась и, увидев меня, искренне улыбнулась.

— Чаем напоите? — поинтересовался я, устраиваясь у огромного кухонного стола. Брат с сестрой тут же засуетились, и уже через минуту Лада поставила передо мной поднос с чаем, после чего подошла ко мне и, обняв за шею, уселась на колени, ничуть не стесняясь краснеющего брата.

— Устал?

— Есть немного. — Кивнул я, перебирая пальцами водопад её распущенных волос.

— Поня-ятно, — со вздохом протянула Лада, пытаясь встать. Но я тут же обхватил её за талию.

— А что ты хотела? — прижимая к себе девушку, спросил я.

— Я... ты не сходишь со мной в зимний сад к Заряне Святославне? — проговорила Лада.

— Почему же? С удовольствием. — Я покосился на парящий чайник и махнул на него рукой. Успею еще чаем налить. — Идем сейчас?

— Идем. — Улыбнулась красавица, вскакивая с подлокотника. На этот раз я не стал её удерживать а, поднявшись со стула, двинулся следом к выходу, оставив Лейфа заниматься своими важными кухонными делами.

Не знаю, зачем я ей там понадобился, но отказываться от посещения вечно цветущего смольянинского сада не стану, поскольку лучшего места для отдыха, чем её оранжереи, не найти, уверен. Да и интересно же, что еще задумала моя невеста...

Глава 3

ПОДАРКИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ...

Любопытство сгубило кошку. Кажется, это так называется? В моем случае любопытство только оглушило, а зеленая тоска наверняка добьет мое бесчувственное тело... в самое ближайшее время. Ногами запинаят, ага. Потому что наслаждаться цветущей роскошью зимнего сада, медленно и вальяжно вышагивая по его тропинкам, это одно, а вот носиться по нему сломя голову, вслед за будущей супругой, чтобы как можно быстрее добраться до очередного шедевра Смольяниной и выслушать короткую десятиминутную речь о нем, с постоянными оговорками а-ля «этот охренипулос офигитилис будет замечательно смотреться в свадебном букете»... это совсем, ну совсем другое дело. Кажется, десять минут можно и потерпеть... вот только не зря зимний сад Заряны Святославны считается одним из лучших в Европе, это значит, что таких шедевров в нем не один десяток... так что лекция по ботанике, на которую я, по собственному недомыслию, нарвался, грозила затянуться не на один час.

Положение спасла хозяйка этого великолепия. Найдя нас в одном из садовых павильонов, она с одного взгляда на мою приклеенную улыбку въехала в ситуацию и бесстрашно ринулась спасать мой угасающий от напора ботанической информации разум. Так что, уже через десять минут я был выпущен на самостоятельную прогулку по саду... Кайф.

Расслабившись, я и не заметил, как мысли вернулись к озвученной сегодня идее морской прогулки... Хотя какая уж там прогулка? Круиз, он и есть круиз, если уж говорить привычным мне языком. Проблема-то не в этом, а совсем даже в ином. Его сиятельство князь Телепнев Владимир Стоянович, глава Особой

Государевой канцелярии и мой непосредственный начальник... Вот это настоящая проблема. Как уговорить его отпустить меня в путешествие по Балтике, точнее Варяжскому морю, как здесь его принято называть? После давешнего приключения с Бусом Ловчиным, князь чуть не заделался самым натуральным параноиком... Так что вероятность получения разрешения на круиз по сопредельным, хоть и дружественным, союзным Руси, Венду и Свеаланду, стремится к нулю. Если только... В моем мозгу забрезжила смутная идея, повертев которую так и эдак, я повеселел... Хм, а почему бы и нет, если правильно подать мысль, то ведь может и прокатить... Как там было в «Кавказской пленнице»: тот, кто нам мешает, тот нам и поможет, да? Вот и попробуем. Через два дня мне как раз надо будет явиться в присутствие, вот тогда и поговорю с князем. Глядишь, и выгорит моя задумка...

Вынырнув из размышлений, я окинул взглядом царящее в саду буйство красок и, довольно улыбнувшись, направился в обратный путь, на поиски Лады и хозяйки дома. Все-таки, замечательное место сотворила Заряна Святославна.

К моему приходу, правда, Смольянина уже ушла по своим делам, а немного успокоившаяся Лада начала выглядывать меня среди зарослей здешней флоры.

— Неужто ты всё уже осмотрела и выбрала? — поинтересовался я, выходя к невесте.

— Если бы. Заряна Святославна убедила не устраивать многоцветья, теперь вот не знаю на каком сочтении остановиться, — задумчиво проговорила Лада.

— Что бы ты ни выбрала, я уверен, это будет прекрасно, — подхватывая её под руку и увлекая к выходу, проговорил я.

— Лыстец. — Улыбнулась Лада. Но попыток вернуться в сад не предприняла. И замечательно, сад

у Смольяниной, конечно, выше всяких похвал, но и меру надо знать... Короче, хорошего понемножку.

К нашему возвращению забытый чай был уже оприходован довольным Лейфом, и Лада, глянув на часы, отправилась наверх готовиться ко сну, уже с галереи огорошив меня заявлением, что завтра съезжает к отцу. Честно говоря, я был выбит из колеи. Почему?!

На этот вопрос, заданный закрывшейся за девушкой двери гостевой спальни, ответил Лейф.

— Так ведь до свадьбы-то, почитай, меньше месяца осталось, — прогудел сын ушкуйника, шумно отхлебывая чай из огромной кружки, притащенной им с кухни. Пить сей напиток из сервизных чашек Лейф отказывался напрочь.

— И что? — не понял я.

— Ну так обычай такой, нельзя вам до свадьбы... вообще... ну и видеться тоже. — Чуть смутившись, проговорил новик. Вот дела... а заранее предупредить меня можно было?

— И почему же мне раньше никто этого не сказал? — Я вздохнул.

— Я думал, Лада вам сказала. — Пожал плечами Лейф.

— Понятно. Вот, значит, о чем она... — начал я, но осекся.

— А?

— Да нет, это я так... О своем, о жениховском... — Отмахнулся я. Грустно это, конечно, но... Чую, если настою на своем и не отпущу Ладу к отцу, то о дальнейших хороших отношениях с тестем мне придется забыть, если не навсегда, то надолго. Эх, ладно уж. Месяц можно и потерпеть.

— Виталий Родионович... — прервал мои раздумья Лейф.

— Что?

— Вы бы глянули бумаги, что отец привез. Он бы тогда уж с завтрашнего дня смог работу начать.

Я кивнул, и передо мной на стол опустился принесенный Беловым бювар. Отдав мне папку, сын ушкуйника тут же изобразил непреодолимую тягу ко сну и, пожелав покойной ночи, слинял, оставив меня один на один с кипой бумаг. Хитёр бобёр. На разбор всех документов и счетов у меня ушло около полутора часов, по истечении которых я почувствовал огромное желание вырубиться следом за моими домочадцами... и не стал ему противиться.

Следующим утром меня разбудил какой-то странный шум в гостиной. Одним движением выудив из-за спинки кровати припрятанный там «Сварскольд», я скатился с кровати... и тихо выматерился, услышав очередную перебранку Лейфа и Лады. Это уже становится традицией... Потерев ушибленное при падении колено, я поднялся с ковра и, вернув барабанник на место, двинулся в ванную, приводить себя в порядок.

Сборы и отъезд Лады, поездка с Беловым на Людинов конец к нотариусу и в банковскую контору, визит к репетитору по праву... За этот день я просто-таки умотался. А на завтра еще намечена встреча с Высоковским и поездка к Горбунову, и это в мой законный выходной... В общем, по возвращении домой меня хватило только на то, чтобы поесть Лейфовых разносолов, предупредить по телефону Берга Милорадовича и Гордея Белозорича о скорой встрече, после чего, добравшись до постели, я вырубился, едва моя голова коснулась подушки.

Ввиду праздного дня, поймав лихача, я отправился не в канцелярию, а на Неревский конец, на квартиру к Бергу Милорадовичу, недавно переехавшему в новый доходный дом, что выстроил кто-то из «золотых

поясов»¹ на Козьмодемьянской улице, как раз напротив церкви, в честь покровителей которой она и была названа. Как я заметил, кстати, это единственная улица в Хольмграде, в названии которой присутствуют церковные корни. Уж отчего так, не знаю...

Отпустив извозчика, я, под присмотром дюжего дворника в вычищенном холщовом фартуке, поднялся на высокое крыльцо нужного мне белокаменного дома и вошел в вестибюль, обитый лимонного цвета обоями и устланный, вопреки моим ожиданиям, не паркетом, а исполинских размеров досками мореного дуба. Уж не знаю, что подразумевали под доходными домами на «том свете», но здесь я нашел ту же обстановку и атмосферу маленького домашнего отеля, что и у Смольяниной. Встретивший меня у дверей местный проводник (то ли метрдотель, то ли управляющий... или вовсе дворецкий, не силен я пока в их классификации, не дается она мне, хоть убей), наряженный в очень приличный «дневной» костюм, осведомился о цели моего визита и, узнав, что я приглашен к Высоковскому, утвердительно кивнув, проводил мимо приоткрытых застекленных дверей салона к изогнутой, украшенной

¹ *Золотые пояса (Сто золотых поясов, Господа)* — обобщенное прозвище представителей боярских и торговых родов Хольмграда, в прошлом оказывавших немалое влияние на жизнь русской столицы и бывших своеобразным городским парламентом. С течением времени открытая политическая власть «поясов» была задавлена государями Руси, и Господе пришлось возвратиться к тому, с чего и начиналась когда-то их слава, к торговле. Тем не менее до сих пор принадлежность к «золотым поясам» является предметом гордости старых боярских родов и семейных торговых домов, а их представители неизменно участвуют в Большом совете Ганзейского союза, представляя в нем четверть всех русских «ганзейцев».

изящной резьбой, массивной деревянной лестнице, всё из того же мореного дуба. Представляя себе прочность этой древесины, я не мог не восхититься тонкостью её отделки. А уж стоимость этого шедевра должна быть как бы не на порядок выше цены такой же лестницы из каррарского мрамора... Ничего так место для жилья подобрал себе Берг Милорадович. Поднявшись на второй этаж, мы свернули на галерею, проходящую прямо над салоном, и остановились у тяжелых двойных дверей ведущих, как я понял, в апартаменты Высоковского.

К моему удивлению, меня встретил не только хозяин квартиры, но и его сестра. Как оказалась, после событий прошлого года Берг и Хельга решили «дуть на воду» и, съехав со своих прежних квартир, арендовали эти апартаменты, что оказалось еще и выгоднее раздельного проживания, поскольку эта квартира обошлась им всего в полтора раза дороже, чем их прежнее жилье.

— Ну вот, — огорчился я, когда, после осмотра апартаментов, мы устроились в гостиной, за чаем. — Переехали, а новоселье зажали.

— Что, простите? — не понял меня Берг.

— Ох, не обращайтесь внимания, Берг, — отмахнулся я. — Я только хотел сказать, что не худо было бы отметить ваше новоселье. И только.

— О. Но ведь мы не собираемся выкупать эту квартиру, — тут же бросился пояснять мой долговязый собеседник, пока его сестра разливала по чашкам крепкий черный чай. — Вот построим свой дом под Хольмградом, тогда-то и будет праздник.

— Неправильно это. — Покачал я головой, не уставая удивляться серьезности Берга, и его, иногда, напроочь отрубавшемуся чувству юмора. — Праздновать надо не какие-то события, они лишь повод, не более.

— Вот как? — Подвигая ближе ко мне блюдо со слойками, проговорила Хельга. — Интересно. А как, по-вашему, должно праздновать?

— По велению души, Хельга Милорадовна. Исключительно по воле ее, тогда и праздник будет в радость и любые условности в тягость не станут. Уж поверьте человеку, который до сих пор к иным столичным эквивокам привыкнуть не может, — заключил я, и мои собеседники сдержанно рассмеялись. Они уже не раз становились свидетелями моего ворчания по поводу подготовки к свадьбе, да и мое отношение к условностям традиций и этикета, вовсе не было для них секретом.

Постепенно наша легкая беседа перешла в деловое русло, и я, наконец, смог озвучить свою идею.

— Хельга Милорадовна, помнится, вы говорили о том, что неплохо было бы пообщаться с вашими коллегами по поводу проекта... А как на это посмотрит Владимир Стоянович?

— Вообще-то, он совсем не против. Более того, без помощи его сиятельства наша статья вряд ли бы так скоро вышла в «Вестнике», — проговорила Хельга. — Кажется, после тех событий, князь пришел к выводу, что шила в мешке не утаишь, и готов открыть наши теоретические наработки. Но вот как это организовать? Приглашать коллег в Хольмград выйдет довольно накладно, а ближайший большой философский диспут будет проходить лишь через полгода, в Ахене.

— А вам обязательно нужно встретиться... хм-м, в большой компании? — протянул я.

— Что вы имеете в виду? — не понял Берг.

Разъяснив Высоковским, что именно я имею в виду, в ответ получил такую бурю положительных эмоций, что мне стало даже неловко за все те слова, что они мне на радостях наговорили. Вот уж действительно, кому что, а философам лишь бы поболтать...

Когда страсти немного улеглись, я признался, что на эту тему с князем еще не общался, и очень надеюсь на их помощь в уговорах. Берг и Хельга были готовы ехать к Телепневу в ту же секунду, но меня это не устраивало. Первую беседу со своим работодателем я хотел провести один на один. А вот если эта атака не удастся, тогда и подключу Высоковских... А может даже и Сакулова. Хоть начальник исследовательского отделения и отворачивается до сих пор при каждой нашей встрече, делая вид, что мы не знакомы, но он фанатик от науки, и стоит ему прознать о моей затее, поддержит её со всем своим пылом. А уж как сей господин умеет капать на мозги, это что-то. Более нудного, настойчивого, упертого ос... м-да. Ну, в общем, быть Сакулову моей тяжелой артиллерией.

Уговорив Высоковских подождать итогов моей первой беседы с князем, я откланялся. Время шло к обеду, а мне еще нужно добраться до дома, переодеться и ехать к Горбунову на Хольмский завод. Нет, если бы Гордей Белозорич принимал меня у себя, как поступили Хельга и Берг, я бы не стал даже затевать эту чехарду с переодеванием. Но Горбунов назначил встречу на заводе и, появившись там в утренней визитке, я буду тут же отнесен в разряд посетителей по личному делу, каковых, по словам исследователя, на территорию завода попросту не пускают. С другой стороны, если бы я с утра пораньше приехал к Высоковским в официальном костюме, да с лентой ордена, то поставил бы их этим в неудобное положение. Утро, по здешним правилам, время личных визитов, так что гость, прибывший «при параде» до обеда, как бы переводит свой визит в ранг официального, со всеми вытекающими последствиями. А уж учитывая, что о своем приходе я оповестил их не карточкой, а по телефону... Короче, значило бы это мое к ним неуважение, необоснованное высокомерие

и конец любым доверительным отношениям. Дьявол, кто бы знал, сколько нервов я утробил, пока разобрался в этих идиотских правилах. Спасибо Ладе, натаскала.

Доехав до дома на очередном лихаче, я обнаружил, что мой новик куда-то слинял. Впрочем, прочитав оставленную им записку, найденную на столе в гостиной, никаких возражений у меня не нашлось. Сын ушкунника, вместе с соседскими барышнями, отправился провести свою сестру и помочь ей обустроиться в квартире отца. Это он молодец, а если еще догадается от меня привет передать, вообще героем назначу. Кстати, к следующему его визиту к Ладе надо будет у Заряны Святославны букет выпросить, уж его-то моя невеста может принять? Заодно ее фирменными медовиками полакомлюсь... Повар у Смольяниной готовит их просто изумительно, м-да...

Переодевшись в похоронно-черный, официальный костюм-тройку и надев на шею ленту с малым знаком ордена, я двинулся к выходу. Пальто, шляпа, перчатки, трость... Да, трость. Она у меня особая, ладожскими мастерами на заказ сделанная. Утяжеленная и с клинком в рукояти, как раз для таких вот выходов, когда кобуру под пиджак не нацепишь. Стиллет, конечно, не огнестрел, но хоть что-то...

До завода я добрался за час. Хольмское производство расположилось в пяти верстах от города, сразу за предместьями Плотни. Гордей Белозорич встретил меня в своем кабинете, куда я попал не без определенных трудностей. Как оказалось, на этом заводе охрана поставлена не хуже, чем на каком-нибудь почтовом ящике «того света», так что прежде чем я добрался от проходной до владений Горбунова, прошло добрых полчаса.

Гордей Белозорич — педант, каких мало, аккуратнейший человек. Тщательно следящий за собой пятиде-

сятилетний мужчина с небольшим брюшком и вечной полуулыбкой на устах, он искренне расстраивается, замечая какой-либо непорядок, и тут же стремится его извести всеми возможными способами. Я своими глазами видел миллиметровые риски на обороте его расчески, с которой он практически не расстаётся и с помощью которой приводит в порядок свои пышные бакенбарды. И ничуть не сомневаюсь, что эта линейка служит ему как раз для выравнивания и восстановления симметрии этих самых бакенбард. Так вот, заглянув в его кабинет, больше похожий на маленькую мастерскую, я был ошеломлен. Такого грандиозного беспорядка мне видеть еще не доводилось. Нет, может быть, он и не был столь грандиозен, как мне показалось на первый взгляд, но этот кавардак никак не вязался с привычным уже образом исследователя, хотя по всему было видно, что Горбунов отлично ориентируется в этом нагромождении справочников, деталей и разрозненных листов различных чертежей, и их положение в пространстве ему совсем не в тягость.

— Прошу прощения за беспорядок, Виталий Родионович. Знаете, когда я работаю над чем-то интересным, решительно не хватает времени на уборку, — повинился исследователь. — А работа над новым накопителем для вашего авто-мобиля, надо сказать, захватила меня целиком и полностью.

— Не стоит извиняться, Гордей Белозорич. — Отмахнулся я, проходя в глубь кабинета, следом за его хозяином. — Тем более, что в возникновении этого беспорядка, некоторым образом, виноват я сам...

Недрогнувшей рукой смахнув со стула кучу железа, Гордей Белозорич тут же аккуратно протер сиденье белоснежным платком, выуженным из кармана длинного, похожего на дворницкий фартука, и, гостеприимно указав мне на стул, запалил небольшую

плитку. Взгромоздив на нее потертую медную турку, исследователь прилип к плите. Правильный подход, по-моему. На огне кофе, как и молоко, не терпит невнимательности, а Гордей Белозорич любит сей напиток ничуть не меньше, чем я, и как мне уже удалось пару раз убедиться, мастерски его готовит... хотя до таланта Лады ему, конечно, далеко.

А еще Горбунов терпеть не может долгих бесед ни о чем. Нет, он, как и принято здесь, при встрече интересуется здоровьем собеседника и его близких, скажет пару слов о погоде, но если у него имеется какой-то интерес к своему визави, то уже через три минуты перейдет к делу, если же разговор пуст, то через те же три минуты исследователь откланяется и исчезнет. Так что наш кофе еще не успел подняться, а мы с Гордеем Белозоричем уже вели вполне предметный разговор. Правда, здесь начала сказываться дотошность и педантичность исследователя, и в результате из его кабинета я вышел лишь спустя полтора часа. Зато разжился согласием на его участие в моей аванюре, если она, конечно, состоится. Правда, исследователь не был уверен, что сможет сам присоединиться к нашей теплой компании, все-таки он не хозяин на заводе, и не может настолько вольно распоряжаться своим временем. Но зато он обещал, что в этом случае предоставит нам одного из своих наиболее толковых помощников. И даже это было уже немало.

Вопреки моим ожиданиям, оставленный у ворот завода извозчик всё же дождался моего появления, так что не пришлось долго искать под начинающимся дождем кого-то, кто мог бы доставить меня обратно в Хольмград. Порадовавшись своему сегодняшнему везению, я уселся в коляску, и мы покатали в город.

Время было уже послеобеденное, а я ведь даже не завтракал. Так что, проезжая мимо приснопамятного «Летцбурга», в котором состоялось мое знакомство со

столичной кухней и военной мощью Руси, я тормознул своего лихача и, одарив его серебряным рублем, подхватив трость, направился ко входу в заведение. Офигевший от размера полученной платы, извозчик прогудел что-то в бороду и, гикнув, умчался, пока странный пассажир не передумал.

Устроившись за столом, в ожидании своего заказа, я открыл записную книжку, с которой в последнее время почти не расставался, чтобы еще раз пробежаться по заметкам, относящимся к создаваемому нами автомобилю. Ведь для постройки авто, в том виде, который меня интересует, недостаточно просто собрать силовую установку. На кой мне телега с электродвигателем?

От просмотра записей меня отвлек голос подошедшего к моему столу молодого человека в цивильном костюме, с рукой на перевязи.

— Господин Старицкий, если не ошибаюсь, — проговорил он, глядя на меня из-под густых черных бровей. Я присмотрелся к нему. Тонкие и резкие черты лица, молод, скорее даже юн, но это не так бросается в глаза, из-за его серьезности... и жесткости, что ли? Невысокий, отлично сложенный молодой человек... Где же я его видел?

— Вы не ошиблись, господин... — с вопросительной интонацией проговорил я, разглядывая своего неожиданного собеседника.

— О, прошу прощения, мы не были представлены, — чуть смутился молодой человек. — Дес... Полусотник отдельного пластунского отряда Второго добровольческого полка Мстиславской Ларс Нискинич.

— Старицкий, Виталий Родионович. Присаживайтесь, — поднявшись, ответил я. И все-таки откуда я его знаю?

Дождавшись, пока визитер устроится за столом, напротив меня, я тоже сел.

— Вы, должно быть, меня не помните, Виталий Родионович, — начал Мстиславской. — Я был в компании офицеров, которую год назад вы «учили вежливости» на выходе из этого ресторана.

— Точно... — Кивнул я, вспомнив наконец, где видел своего смущенного собеседника. — Это же вы кричали боярину Голове, чтоб тот двинул мне в зубы... Да уж. Помнится, мой начальник после тех событий, изрядно напугал меня перспективами хольмганга со всем офицерским составом «плесковичей». Но после боя с десятником всё затихло. Неужто, по истечении целого года, вы решили-таки продолжить выяснение отношений?

— О нет, Виталий Родионович. — Замахал здоровой рукой Мстиславской. — У меня было время подумать, да и я уж давно не состою в «плесковичах», как вы выразились... Дело совсем в другом. Я надеюсь, что вы не держите на меня зла за ту выходку?

— С чего бы? — Пожал я плечами, с интересом поглядывая на полусотника. — Ваша компания еще тогда расплатилась по счету, а Голова к тому же принес мне свои извинения... Да и вы, как я смотрю, сильно изменились за этот год.

— О да... — чуть нахмурившись, протянул Мстиславской и ненароком погладил свою бездействующую руку. — На фронте у меня было время и все возможности для этого.

— Ну что ж, Ларс Нискинич, если мы закрыли эту тему... — начал я.

— Виталий Родионович, одну минуту. Прошу вас, выслушайте, — заторопился полусотник. — Я ведь приехал в Хольмград не только в отпуск, но и по делу, и... мне кажется, вы тот человек, что может мне помочь.

— Вот как? — удивился я. — Однако. Ну что ж, я вас слушаю, Ларс Нискинич.

Глава 4

ГОРА С ГОРОЙ...

Убеждение князя поначалу не задалось. Нет, услышав о моем желании совершить морскую прогулку по Варяжскому морю, Владимир Стоянович не-орал на всю канцелярию, кривя багровеющую физиономию и высказывая все, что он думает об этом замысле. Князь был спокоен, сдержан и улыбочив, вот только на улыбающемся лице доброго дядюшки слишком ярко выделялся совсем не добрый взгляд, словно два орудия главного калибра, чьи жерла нацелились на меня и, кажется, в любую секунду были готовы дать убийственный залп. Впрочем, стоило ему меня дослушать и заговорить самому, как пустота исчезла из его глаз.

— Дражайший Виталий Родионович, вы же и сами прекрасно понимаете, что желаете невозможного, — с явной насмешкой в голосе заговорил Телепнев, едва я честно изложил свою просьбу. Князь окинул меня полным скепсиса взглядом и кивнул. — Вижу, понимаете. И всё равно явились ко мне в кабинет... Что ж. Излагайте свою идею. Так и быть, я её выслушаю.

— Не понял, ваше сиятельство, — «честно» удивился я. После выданного с таким апломбом разрешения мое желание делиться своими идеями с ушлым князем изрядно сбавило в силе.

— Виталий Родионович, не старайтесь казаться глупее, чем вы есть на самом деле. — Нахмурился князь, кажется, понявший, что несколько переборщил с игрой в «разговор умудренного жизнью взрослого с капризным ребенком». Вот только вряд ли извинится... Ну что ж, буду считать его раздражение некой формой «пардона». — Полноте, господин Старицкий. Неужели вы и в самом деле думаете, что я поверю в этот спектакль? Уж позвольте усомниться в столь низкой вашей оценке

моего разумения. Итак. Поскольку вы все-таки пришли со своей просьбой, будьте любезны изложить причины, по которым считаете возможным получить мое согласие на сию авантюру.

Вот ведь знаток человеческих душ... Ведь всё прекрасно понял. Ладно, к черту эти игры. В конце концов, поездка нужна мне, а не ему... Зато теперь ему вряд ли удастся стрясти с меня какие-нибудь бонусы за разрешение. И это совсем неплохо.

— Ваша правда, Владимир Стоянович. Есть у меня одна идея, — начал я. — Хельга Милорадовна говорила, что в «Университетский Вестник» подана статья о разработке вашего исследовательского отделения...

— Не совсем так, господин Старицкий. Во-первых, статья эта всё еще проходит цензуру, а во-вторых, авторство статьи, как и разработка, принадлежит коллективу русских исследователей, а не отделению моего ведомства, — с легкой улыбкой на губах перебил меня князь. — Прошу прощения, но это весьма важное уточнение. Продолжайте.

— Я понял, ваше сиятельство. Так вот... В любом случае эта статья наверняка вызовет немалый шум в среде философов, и уж точно будет обсуждаться на Ахенских чтениях, не так ли?

— Да уж, копий будет сломано немало, — согласился князь.

— И, соответственно, возрастет интерес к тем самым исследователям, что совершили если не переворот, то уж рывок в теории естествознания точно, — проговорил я. — Мы не в силах остановить все проявления этого интереса, но у меня есть предположение, каким образом можно значительно снизить накал страстей. Для этого, думаю, достаточно будет заранее переговорить с некоторыми участниками ахенской встречи, хотя бы с теми, чьи страны входят в Северный союз.

— Хотите увеличить количество «изобретателей», Виталий Родионович? — Прищурился князь.

— Не изобретателей, ваше сиятельство. Консультантов, — ответил я, чуть помедлив. — Пусть к началу Ахенских чтений, где тема работы Высоковских непременно всплывет, у нас будет если не поддержка, то хотя бы несколько человек, УЖЕ знакомых с этими исследованиями. А если Бергу Милорадовичу и Хельге Милорадовне удастся серьезно заинтересовать своих коллег из Венда и Свеаланда, то, возможно, они и вовсе придут на диспут с собственными наработками по этой теме. Доказать же, что подобные исследования не велись раньше на территории Руси, невозможно, а несколько ссылок на старые «потерянные» работы кого-то из почивших русских философов еще больше укрепят зарубежных исследователей в уверенности, что предложенная им на рассмотрение работа, далеко не первая в истории философии. И в этом случае не придется ссылаться на некое «озарение».

— Как-как? — Приподнял бровь князь.

— Хм, ваше сиятельство, а у вас была иная идея, объясняющая появление теории наших исследователей? — Пожал я плечами.

— Пожалуй, вы правы, подобный ход выглядит намного достовернее. — Со вздохом согласился князь. — Но и вопросов порождает немало. Например, откуда взялись эти старые работы? Кто их авторы и почему они неизвестны широкому кругу исследователей?

— А я на что? Прибыл в столицу с восточных земель некий господин Старицкий, который и привез работы своего предка, да отдал их на оценку здешним философам, по совету адъюнкт-профессора Граца, который, кстати, будучи заштатным сотрудником, и порекомендовал ищущего службы молодого человека из глубинки,

а то и вовсе из заморья, в Особую канцелярию. А уж её исследователи... Всё одно полностью скрыть мое участие в судьбе Высоковских будет несколько затруднительно, а тут появится и основание для моего присутствия рядом с ними. Педантичный потомок старательно заботится о том, чтобы наследие его славного предка не было извращено и не кануло в Лету...

— Да уж. — Телепнев чуть расслабился, и даже взгляд его стал мягче. — Остается один немаловажный вопрос... Зачем вам нужна эта поездка?

— Ваше сиятельство... вы можете сказать, что меня ждет лет через десять? — вздохнув, поинтересовался я у этого жучилы. В ответ, князь лишь пожал плечами. — Вот и я не знаю. Понимаете, Владимир Стоянович, «там», оказавшись за бортом армии, я выживал. Крутился, как белка в колесе, стараясь обеспечить себе спокойную жизнь в призрачном будущем, потому как обеспечить её в настоящем, не став моральным уродом, уж простите за выражение, мне было не по силам... Но случай перенес меня в этот мир. Поверьте, намного более спокойный и куда более оптимистично и уверенно смотрящий в то самое будущее. Знаете, буквально вчера я был на Хольмском заводе и там разговорился с одним из сменных мастеров... Честно, я не знаю, как жили такие мастеровые в Российской империи, но сильно подозреваю, что у них не было золотых жилетных часов, и они не жаловались на дуру-кухарку, так приготовившую седло барашка, «что уже третий час изжога мучает», и уж совершенно точно знаю, что нынешние заводские рабочие на моей родине даже не мечтают о собственной кухарке и золотом репетире, потому как, тоже заняты выживанием.

— Что же за место такое, этот ваш мир? — вырвалось у удивленного моей речью князя. — Нет, я помню ваши рассказы, да и те несколько тетрадей с записями,

что вы передали, до сих пор лежат в моем хранилище, но там, по-моему, не было таких подробностей.

— И не могло быть. Ведь вас не интересовал денежный аспект, правильно? А у меня и без того хватало неотложных занятий в исследовательском отделении, чтобы тратить то небольшое свободное время, что у меня оставалось, на изложение не требовавшейся вам на тот момент информации. — Пожал я плечами. — Но я немного отклонился от темы, прошу прощения. Так вот, Владимир Стоянович. Сейчас у меня есть то, чего не было «там». Вполне приличная работа, небольшая сумма денег, пусть фактически и полученная весьма предосудительным способом... и ненужная мне яхта, того же происхождения. Я, наконец, живу, а не выживаю. А продав яхту, смогу обеспечить себе и своей будущей семье такую же вполне безбедную жизнь, без штормов и денежных тревожений. Это ведь хорошо?

— Думаю, это совсем неплохо. — Мой собеседник позволил себе сдержанно улыбнуться в ответ на явно риторический вопрос.

— Именно, Владимир Стоянович. Это неплохо. Со всем неплохо... — Со вздохом кивнул я.

— Но? — Прищурился Телепнев.

— Но дьявольски скучно, ваше сиятельство! — Развел я руками. — Нет, я не трудоголик, и по жизни довольно ленивый человек. Просто «там» выхода моей лени не было. А здесь... знаете, когда закончились мои мытарства в вашем проекте, я с превеликим удовольствием окунулся в сибаритство. И наслаждался им... пока не понял, что начал толстеть. Честное слово, никогда не был так удивлен и обескуражен. А еще оказывается, я никак не могу отвыкнуть от взятого когда-то темпа жизни. Отдых, о котором год назад я не смел и мечтать, превратился в какую-то унылую тягомотину. Прав был король, скука — самый страшный враг. Хорошо еще, что

мне нашлось чем себя занять, а то я настолько привык к прежнему образу жизни, что сам себе начал казаться скаковой лошастью, которую вдруг остановили на полном ходу, и она, встав на дыбы, перебирает в воздухе передними ногами, стремясь лететь дальше.

— То-то о ваших метаниях по Хольмграду в свете уже легенды ходят. — Рассмеялся князь. — Не далее как сегодня утром от супруги своей слышал, что наемники, «этот странный Старицкий» успел побывать и в доходном доме на Козьмодемьянской, и на Хольмском заводе, и даже с давним своим неприятелем Мстиславским в «Летцбурге» свидеться и помириться сподобился, и всё за один только день. О том, что наши профессора поражены той скорости, с которой вы запоминаете их лекции, уже и речи нет. На ваш экзамен обещались собраться чуть ли не все представители нашей ученой братии, между прочим. А философы спорят до хрипоты, какие-такие наговоры вы используете для столь скорого запоминания читаемых вам лекций. И вы еще говорите мне о скучной жизни, Виталий Родионович... Кстати, а что вам понадобилось на Хольмском заводе, а?

— Хочу построить себе нормальный автомобиль, а то эти волжские «паротабуретки» меня нервируют. Верите ли, как увижу такое «чудо», сразу швейная машинка мерещится... с паровым приводом. Жуть, — честно ответил я. Однако. Это не город, это большая деревня! Понятно, почему при таких размерах столицы штат Особой канцелярии так невелик. Зачем нужны сотни сотрудников, если всю нужную информацию об «объекте разработки» можно, без особых хлопот и долгой слежки, выудить из сплетен? Я вздохнул. — Собственно, это одна из причин, по которой я хочу отправиться в путешествие. Мне жизненно необходимо переговорить с несколькими заводчиками и философами Венда и Свеаланда касательно задуманного.

— Будете открывать свой завод? — поинтересовался князь. — А меня в пайщики возьмете?

— Господь с вами, Владимир Стоянович. — Ошарашил так ошарашил, князюшка. — Какой завод, о чем вы говорите? Патентов наберу и опытное производство организую. А дальше пускай волжане трудятся... Какой из меня заводчик?! Я бухгалтерскую книгу от описи имущества не отличу.

— Ох, зря вы так. Подумайте, Виталий Родионович. Хорошенько подумайте. Коли сами этим делом займетесь, куда как лучше будет. — Хитро улыбнулся Телепнев. — Что такое патент? Семь лет и все. А свой завод...

— На завод деньги нужны, Владимир Стоянович. По самым скромным подсчетам, не менее полумиллиона серебром понадобится. — Покачал я головой. А вот то, что патенты здесь срочные, я не знал... Не было этого у меня в лекциях. — А у меня яхта, дай бог, на полмиллиона потянет, не больше. Так ведь еще же надо будет хоть сто тысяч отложить, на старость, так сказать. Так что...

— Потому и говорю о пае, любезный мой господин Старицкий. Я бы в такое дело с удовольствием часть средств вложил... А там можно будет и у государя кредитоваться.

— Ох, не надо о больном. Вон, на «том» свете, я уже один раз влез в ипотеку. Пятнадцать процентов годовых, да на тридцать лет, с двадцатипроцентным первым взносом. — Поморщился я.

— Ипотека? Это что за зверь такой незнаемый? — не понял князь.

— Покупка квартиры в кредит, — пояснил я. — Долговая кабала фактически. При зарплате в сотню тысяч рублей, семьдесят из них я должен был отдавать банку... в течение тридцати лет.

— Это что же за дворец вы себе купить пожелали, Виталий Родионович? — Покачал головой князь.

— Дворец?! Двухкомнатная квартира. — Рассмеялся я. — Да не в центре города, а ближе к окраинам.

— Всего две спальни? А с гостями как быть? А прислуга? — удивился князь.

— Не две спальни, Владимир Стоянович, а две комнаты, кухня и ванная комната. Ну, прихожая еще. На всё про всё шестьдесят квадратных метров. — Такого растерянного лица у князя, я еще не видел.

— Это же... это же конура собачья, прости господи. Так жить нельзя! — Телепнев аж поперхнулся и заколотил рукой по звонку на столе. — Так, Виталий Родионович, подождите. Вент Мирославич, голубчик, велите кофий подать... и коньяку, пожалуй. Нет, непременно коньяку.

Дождавшись, пока мастерски скрывающий свое удивление ротмистр выйдет из кабинета, князь Телепнев вопросительно взглянул на меня.

— Скажите, Виталий Родионович. А сто тысяч тех, ваших рублей, это много?

— Не знаю. Как считать, ваше сиятельство. — Пожал я плечами.

— Ну вот, к примеру, сколько у вас там корова стоит?

— Понятия не имею, — искренне ответил я. — Вот сколько килограмм мяса стоит, могу сказать. Около трехсот-четырехсот рублей. Свиная шейка, например.

— А у нас, тридцать, много тридцать пять копеек, — задумчиво произнес князь. — Это получается... получается, ваше жалованье здесь примерно в пять раз выше, чем «там»? А сколько ж та конура стоила, что вы такие деньги банку должны были отдавать?

— Семь миллионов.

— Виталий Родионович... вы жили в аду, — безапелляционно заявил князь.

— Именно так я и ответил Меклену Францевичу, когда он задал вопрос о моей жизни на «том свете». — Хмыкнул я.

Тут нашу беседу вновь прервал ротмистр Толстоватый, собственноручно принесший поднос, на котором расположился парящий фарфоровый кофейник с кипенно-белыми чашками для кофе, два пузатых бокала и небольшой графин, до половины наполненный янтарным напитком из известной и в этом мире французской провинции.

— Ну, скажу я вам, и страшные же вещи вы мне поведали. Этак и аппетита недолго лишиться, — поднося ко рту чашку с кофе, произнес Телепнев. Принюхался к тонкому аромату и, сделав символический глоток обжигающего напитка, вернул чашку на блюдце. — А уж банки эти ваши и вовсе живодеры ерусалимские. Да наш государь такой банк мигом бы в казну забрал, а ловчил в кандалы да в Сибирь.

— А может? — поинтересовался я.

— Он еще и не то может. Вон, помнится, некие ушлые людишки решили биржу открыть, где можно было бы акциями да паями заводов и производств торговать, вроде аукциона. А что, законом же сие не возбраняется. Вот только и месяца не прошло, как государь своей волей запретил подобное. Людишек тех, мои обмундированные сами на скамью сажали, а суд их «за рүшение устоев государства» на каменоломни отправил. «Поелику такая торговля отменяет самый смысл паевого хозяйствования, в коем каждый пайщик за общее дело радеть должен». Оно и верно. Как же завод работать будет, коли у него хозяева каждый день меняются? — поведал князь. — А по поводу кредита вы не переживайте, Виталий Родионович, у государя,

оно совсем иначе установлено. Тут дело такое... Сам кредит до тридцати, редко до сорока процентов от общей стоимости дела доходит. Но дается он не деньгами, а товарным займом. Железо ли для производства, станки или снасть какая. Срок возврата не больше десяти лет, единовременной суммой с обговоренным еще до выдачи кредита процентом. Но возможен возврат суммы и паем. А государь в пайщиках, это мечта любого заводчика, скажу я вам.

— И какой же казне прибыльток с такими-то условиями? — не понял я.

— А причем здесь казна? — Приподнял бровь Телепнев. — Кредит-то государев. Он с паевого дохода девяносто процентов в казну сдает, вот и вся её прибыль. А десять процентов, в личный государев кошт уходит.

— Ну дела-а, — промычал я. Такого я не ожидал... Это ж не государь, а какой-то филантроп получается!

— Что, чудно вам сие? — Усмехнулся Телепнев. — Тому и многие соседи наши дивятся. И пусть бы их. Зато ни один из государей наших, начиная с Олега Строителя, при коем этот закон введен был, никогда заводчиков да мануфактурщиков не прижимал, и по сей день, больше чем на Руси, заводов, лишь у Галльских Портов насчитать можно, да и то ежели вместе с колониями. Так-то.

Результатом наших посиделок с князем стало его дозволение на мою поездку, о которой я, из-за вываленных им на меня сведений, чуть было и вовсе не позабыл. Да и запала мне в душу идея с собственным заводом. Сагитировал меня князь. Тем более с этими новостями о срочных патентах у меня и выхода другого не остается... Хорошо еще, что сроки действуют только на территории Руси. В «европах» свое право и договоренности, там патенты сроков не имеют, это я точно знаю, князь подсказал. А значит, именно там

и нужно подавать заявки. Хотя бы иностранцы не будут бесплатно пользоваться нашими придумками, и то хлеб.

Пока ехал до дома, пытался разложить по полочкам полученную информацию. И как-то так выходило, что заморачиваться с патентованием, допустим, того же электродвигателя нам пока, оказывается, рановато. Равно как и оформлять заявки на остальные «изобретения», периодически всплывающие при работе над будущим автомобилем. Те же гидропневматические амортизаторы и пружинные подвески, например. Про резиновые уплотнители и сайленты я вообще молчу. Эх, придется созывать большой курултай нашего маленького конструкторского бюро и ставить вопрос с заводом на голосование...

А по приезду домой меня ждал большой сюрприз. Ну, как сюрприз? Я просто напрочь забыл о визите Мстиславского. Во время нашей встречи в «Летцбурге» он обещался быть сегодня ко мне в гости, к трем часам пополудни, и в тот момент, когда мой извозчик остановился во дворе смолянинских владений, Ларс Нискинич как раз выбирался из остановившейся у ворот в имение коляски. Это я вовремя приехал. Отпустив извозчика с двугривенным в кармане, я поднялся на крыльцо и, крикнув Лейфа, тут же принявшего у меня пальто, трость и шляпу с перчатками, остался у дверей, встречать гостя.

Вот князь говорил, что мы с Мстиславским помирились... Не знаю. Я с ним, честно говоря, и не ссорился. И дело не в том, что у меня память короткая. С этим как раз полный порядок. Просто тот юнец, что получил от меня «привет в зубы» прошлой осенью, не имеет никакого отношения к боевому офицеру, полусотнику княжичу Мстиславскому, присевшему за мой столик в ресторане «Летцбург». Тот франт уехал из столицы

с предписанием на Дон, а добровольцем на румынский фронт уходил уже совсем другой человек. Уж не знаю, что сподвигло яркого представителя здешней «золотой молодежи» на такой резкий шаг, но уверен, что ему это пошло только на пользу. По крайней мере, сейчас, напротив меня, в кресле у камина, с бокалом порто в руке сидит не кичащийся своим происхождением и родительской крутизной мажор, а воин. Да, молодой, да, пока еще не очень-то и опытный... хотя, как сказать, война опыт быстро подбрасывает, только успевай подбирать... вот именно: успевай! Мстиславской пока успевает. Живой ведь, хоть и раненый... Ну так на большой войне нужно быть совершеннейшим везунчиком, чтобы вообще без таких «гостинцев» обойтись. А она там действительно нешуточная, судя по рассказам Ларса... Война двух экспедиций, так её обозвали в газетах. Турки и русские режут друг друга на территории суверенной боярской Румынии... М-да уж. Зачем и почему, мне не ясно, но воюют с размахом. С русской стороны только добровольных три полка сформировали, да еще двенадцать номерных постоянно на фронте, чуть ли не с ежемесячной подменой, и, кажется, пару именных отправлять намерены. А у турков... Мстиславской говорит уже двадцать три полка в боях, и османы еще десяток из метрополии подводят. Румыны? А что румыны? Они, как всегда, в жбан с мамалыгой нырнули, и нету их. В смысле вообще. Крестьяне да обыватели по домам прячутся, армии с ними не воюют, самых боевитых и горластых бояр еще в начале кампании сами турки и грохнули, администрация разбежалась... амба. Нет такой страны Румынии, есть только румынский фронт. Так-то.

И вот сидит передо мной Ларс Нискинич и ждет, что ему ответит на его вопрос некий господин Старицкий. И я сижу. Вот только что ему ответить-то? Эх...

— Подождите несколько минут, Ларс. Я телефонирую в присутствие. Попробуем помочь. Но прошу понять, что вопрос этот не в моей компетенции... Так что за результат не ручаюсь. — В ответ княжич понимающе, действительно понимающе, кивает. Я поднимаюсь с кресла и иду в холл, а оттуда в особняк Смольяниной.

— Вент Мирославич, друг мой, хоть и виделись с вами сегодня, но всё же доброго дня...

Князь Телепнев прибыл лично, спустя всего лишь полчаса после моего звонка в канцелярию. Честно говоря, я думал, что он вызовет нас с Мстиславским к себе, а вот поди ж ты. Сам приехал. Выслушал немудреную историю Ларса, покивал и повернулся ко мне.

— Господин Старицкий, ехать лично запрещаю! Отберете в охрану десяток человек из тех, что сами тренировали, занесете список мне на подпись, сегодня же. Один десяток, не больше.

— Непременно, Владимир Стоянович. — Кивнул я. Вот делать мне больше нечего, как на фронт рваться. Хватит. Я свое отвоевал. Не хочу.

— Вот и замечательно. — Растянул губы в холодной улыбке глава Особой канцелярии и поднялся с кресла. Уже стоя у дверей, он обернулся к Мстиславскому. — Кланяйтесь от меня батюшке, Ларс Нискинич... Лихой рубака был, и сына такого же вырастил.

— Непременно, князь. — Недоумение в голосе Мстиславского подсказало, что Ларс и сам не в курсе знакомства своего отца с главой Особой канцелярии. Ну да ладно. У меня теперь другая забота. Нужно думать, кого из «птенцов» направить на фронт... Дьявол! Охрана, блин! Да их самих еще охранять надо... И что это контрразведка совсем мышей не ловит, что им следователь от канцелярии понадобился, да еще негласный? Ладно. Сопли побоку, будем думать...

Глава 5

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ, ИЛИ ПОДГОТОВКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Князь ясно дал понять, что именно те люди, на которых я укажу, и будут сопровождать следователя в Румынии... А я очень не хочу отправлять на фронт кого бы то ни было. Вообще не хочу. Не мое это дело. Но и не выполнить приказа начальства я тоже не могу... К моему немалому удивлению, лучший совет по поводу подбора охранителей дал мне Тихомир, на которого я наткнулся в присутствии, пока собирался с духом, чтобы явиться на доклад к князю.

— Да не мучайся ты так, Виталий Родионыч, — заметил Тишила, когда я кратко изложил причины замеченного им у его великовозрастного ученика, волнения. — Внеси в список два десятка лучших, и пусть князь сам выбирает, а то и следователя того кликнет, да на пару разбираются, кто им хорош, а кто рылом не вышел...

— А знаешь, пожалуй, так я и поступлю, — кивнул я. — Спасибо за совет, Тихомир Храбрович...

— Да что там. — Отмахнулся Тишила и, хотел было отойти в сторону, но замялся.

— Я могу чем-то помочь? — поинтересовался я у переминающегося с ноги на ногу старшего охранителя.

— Да вот, Виталий Родионыч... не знаю, как и сказать-то даже... — Тишила глубоко вздохнул и вдруг выпалил единым духом: — Возьми меня с собой в путешествие ваше, а? В чужих-то землях всякое бывает, не дай бог, и моя помощь пригодится...

— Вот задал ты мне задачку, Тихомир... — Опешив, я даже не заметил, как на фамильярный тон скатился. — И как только узнал-то?

— Да что там... — Махнул рукой старший охранитель. — Невелика загадка. Сегодня о том господин Высоковский в беседе с сестрицей своей обронил. А я и услышал. Так как?

— Ох, Тихомир Храбрович, не зря, ой не зря тебя в Особую канцелярию сманили. — Покачал я головой. — А как же ты со службой-то поступишь? Отпустят ли тебя?

— Вот это уж точно не беда. — Широко улыбнулся Тишила. — У меня и допрежь долгие отпуска бывали, когда охранители на занятия не захаживали... Отговорюсь, Виталий Родионович.

— Ну, ежели так... — Я махнул рукой. — Уговорил, чертяка. Но прошу учесть, бездельничать на «Варяге» не придется. Каждый день тренироваться станем.

— Да я с радостью. Со всем нашим прилежанием, как говорится. — Старый воин расправил усы и кивнул. — Только ты уж не забудь, сообщи мне, как в поход соберетесь.

— А мы иначе поступим, — помолчав, предложил я. — Приходи на мою свадьбу, Тихомир Храбрович, там и узнаешь, когда в путешествие отправимся. Заодно и с остальными попутчиками познакомитесь, кого не знаешь.

— Благодарствую за приглашение. Буду непременно. Вы же в михайловской церкви венчаться собираетесь? — проговорил старый воин. — Так я к обряду и буду.

— Именно. — Кивнул я. — Вот только интересно мне, кто тебе о том сообщил? Вроде бы мы пока и объявления-то не делали...

— Батюшка тамошний старый мой сослуживец. Мы с ним еще в Севастополе от «портков» отбивались. Он у меня в гостях частенько бывает, да и я к нему заглядываю.

— Прости, от кого отбивались? — не понял я.

— Ох, всё забываю, что ты у нас человек новый, Виталий Родионыч, — повинился Тишила и, хмыкнув, пояснил: — Турки да галлийцы в Севастополе, двадцать лет тому назад, десант высадить пытались. У турков — Блистательная Порта, у галлийцев — Галлийские Порты, вот «портками» их и прозвали.

Тишила явно желал бы продолжить рассказ об обороне Севастополя, но, заметив, что к нам приближается ротмистр Толстоватый, поспешил откланяться.

— Пора мне, Виталий Родионович. Да и тебя вон уж адъютант его сиятельства ищет.

Князь не стал пенять за нечеткое выполнение его указания. Только понимающе хмыкнул, пробежав взглядом по спешно составленному в его приемной списку и, отложив его в сторону, выжидающе воззрился на меня.

— Ваше сиятельство?

— Простите, Виталий Родионович, задумался, — тут же встрепенулся Телепнев. — Да. Ну что же, как я понимаю, вы решили переложить на меня бремя принятия решения о том, кто из обмундированных будет в охране у следователя... и, откровенно говоря, не могу вас за это винить. Но вы можете поручиться, что указанные вами лица действительно соответствуют возлагаемой на них миссии?

— Владимир Стоянович, — я на мгновение задумался, прежде чем отвечать. — Вы приказали составить список людей наиболее подготовленных физически, я выполнил этот приказ. А насколько они соответствуют иным вашим требованиям, мне неизвестным, извините, не могу знать. Но в плане боевых умений они лучшие в канцелярии, будьте уверены.

— Но молодцы... очень молодцы. — Покачал головой князь и вздохнул. — А значит, горячи и несдержанны.

Это может обернуться большой неприятностью для них на фронте...

— Извините, но позволю себе с вами не согласиться. — Я покачал головой. — Разумеется, полгода это не тот срок, за который можно подготовить настоящего профессионала, но уж вбить им в голову необходимость взвешенно подходить к решению любого вопроса, будьте уверены, я сумел.

— Это не те ли учения с «заложниками» вы имеете в виду, Виталий Родионович? — Прищурился князь.

— И они тоже, ваше сиятельство. — Согласно кивнул я. Было дело, устраивал охранителям выезды «на пленэр», так сказать. Между прочим, очень неплохо получилось. По крайней мере, приданных для отработки сценариев «статистов» из расположенного под Хольмградом номерного пехотного полка мои «плюшевые мишки» рвали, как тузик — грелку.

— Что ж. Раз вы в них так уверены...

— Уверен? Нет, Владимир Стоянович. Когда речь идет о подобных вещах, уверенным быть нельзя. Единственное, что могу утверждать с точностью, так это то, что отобранные мною люди, превосходят солдата линейного полка так же, как я превосхожу их самих. Вот в этом я уверен. Но хватит ли им этих умений, чтобы выполнить свою задачу... Пока вопрос.

— И когда же вы сможете дать на него ответ? — нахмурившись, поинтересовался князь.

— Война план покажет. — Пожал я плечами. Телепнев скривился. Еще бы, какому генералу понравится утверждение, что степень подготовленности его войск может быть определена только в ходе боя? И я договорил: — Ваше сиятельство, вы же понимаете, что идеальных солдат не бывает. Даже хорошо подготовленный диверсант не застрахован от шальной пули, выпущенной наугад в темный лес обделавшимся со страху

писарем... Прошу прощения. И какими бы умениями ни обладали наши охранители, попади они в хорошо организованную засаду, им это мало чем поможет. Разве что смогут побольше врагов с собой прихватить... А ведь их могут и пушками накрыть... или, учитывая специфику задания, и вовсе в какой-нибудь харчевне потравить, и дело с концом.

Князь слушал меня и кивал, молча глядя куда-то в окно и прихлебывая кофе из белоснежной чашки тонкого фарфора. Я умолк, и Телепнев вздохнул.

— Ох и трудно же мне с вами, Виталий Родионович... — протянул князь.

— Не понял, ваше сиятельство, — опешил я.

— Ну как же? — Изобразил удивление мой собеседник. — Обычно-то оно как бывает? Дал начальник задание подчиненным, те какой-то план составят, и давай начальству с пеной у рта доказывать, как их задумка хороша, да какие исполнители-то богатыри, что и горы свернут, и реки выпьют... А вы что же делаете? Нет, не по-нашему у вас всё как-то получается, Виталий Родионович, не по-русски. Где блеск в глазах, где рвение безудержное, я вас спрашиваю?

— Э-э, ваше сиятельство? А коли они, после таких «потемкинских деревень», да обмишулятся? — поинтересовался я, после чего пришлось потратить несколько лишних минут на объяснение, что за деревни я имел в виду. А выслушав, князь только хмыкнул.

— Так, понятное дело, ежели и план окажется нехорош и людишки не богатыри, а калеки, то тех выдумщиков по головке не погладят. — Телепнев усмехнулся. — Ладно уж, Виталий Родионович. Пошутили и будет. Я рад, что вы не из этих говорунов. И если быть честным, кабы услышал я от вас славословия, да пустое бахвальство о выучке охранителей наших, не быть бы вам надворным советником, хоть бы вы и де-

сять раз испытания на чин сдали... Уж простите старого пройдоху за такие кунштюки. Но вы и сами должны понимать, что дело затеялось нешуточное. Если бы даже и не дошло сейчас до посылки комиссии на фронт, так что-то другое в ближайшее время всё одно приключилось бы. И не хотелось бы мне разочаровываться в своих решениях...

— Понимаю, ваше сиятельство. — Кивнул я. М-да уж. Вот и первый звоночек...

— А что, Виталий Родионович, с этой вашей поездкой-то, получается, останутся наши охранители без наставника, а? — как бы задумчиво проговорил князь. Ну да, точно, сейчас и начнет...

— Так ведь ненадолго. Месяц, не больше, — проговорил я. — Да и к лучшему это...

— Чем же? — удивился князь.

— Вернусь, да на первой же тренировке видно станет, кто из них и без моего присмотра занимался усердно, а кто ленился да к делу спустя рукава отнесся.

— Что ж. Может и так. Ладно. Неволить вас не хочу и не буду. Задумка уж больно хороша, да и по Правде, вам отпуск положен, перед испытанием на чин... Только... — Телепнев отставил в сторону пустую чашку из-под кофе и побарабанил пальцами по столу. — Есть у меня дурное предчувствие какое-то, Виталий Родионович... Взяли бы вы с собой пяток охранителей, хоть из этого же списка... Всё у меня на душе спокойней будет. Да и потренируете их дополнительно в дороге-то, тоже худа не будет.

— А я уж и не знал, как вас о том просить, Владимир Стоянович. — Я изобразил улыбку. Ожидаемо. Кто ж меня одного за рубеж да без поводка отпустит. А уж с исследователями канцелярскими и подавно. — Всё же, хоть и будем мы по союзным странам путешествовать, а Высоковских защитить надобно.

— Вот и договорились, Виталий Родионович. — Телепнев подвинул на край стола мною же накорябанный список, и я отметил в нем пять фамилий. Молодые ребята, бесхитростные, подлянки от них ждать не придется, надеюсь... Князь просмотрел записи и, неопределенно хмыкнув, кивнул, после чего медленно проговорил: — Эх, будь моя воля, я бы на ваш «Варяг» еще и пару пушек поставил, хоть каких-нибудь, но...

— Экий вы перестраховщик, ваше сиятельство, — улыбнулся я.

— Работа у меня такая, господин Старицкий... Да и у вас тоже. — Развел руками князь и, на мгновение задумавшись, вдруг просиял. — Вот! Придумал. Езжайте-ка вы, мой друг, прямо сей же час в Адмиралтейство... Впрочем, нет. Стойте. Поступим иначе. Я телефонирую туда сам, а вечером ждите курьера с бумагами. Передадите их своему капитану, он знает, что с ними делать.

— Владимир Стоянович, да объясните вы толком, о чем речь ведете! — опешив от напора князя, проговорил я. — Неужто и впрямь решили прогулочную яхту орудиями оснастить?

— Что вы, Виталий Родионович. Кто ж мне позволит такое учудить! Я, чай, не полковник иррегуляров, а чиновник на государственной службе. — Отмахнулся Телепнев. — А вот защитить ваш кораблик от чужого интереса я вполне могу... Всё. Езжайте, господин Старицкий, езжайте. Вечером всё узнаете. Вам понравится, обещаю.

И что на этот раз задумал ушлый князь? Впрочем, кажется мне, что ничего страшного он не затеял, а значит, подождем. Отказаться от его задумки я всегда успею.

Распрощавшись с Телепневым, я отправился на встречу с репетиторами. Нужно было обговорить с ними предстоящий перерыв в наших занятиях, по-

лучить темы для самостоятельной работы, а там и двигаться дальше. Уж очень хотелось, чтобы в путешествии к нам присоединился Меклен Францевич... Ага, будет у меня на «Варяге» свой собственный доктор Ливси, почему бы и нет. Главное, чтобы обошлось без всяких сильверов с флинтами и израэлями хендсами... Но тут уж, что называется, на всё воля капитана... Надеюсь, тесть, подбирая экипаж, внимательно отнесется к их смутному прошлому... Почему смутному? Да потому, что даже в «том» мире матросы коммерческого флота редко отличались кристальной чистотой биографии... ну, если конечно, не говорить о советских мореманах, да и то с ба-альшой натяжкой.

Репетиторы по праву и словесности, услышав мое заявление, хватали ртом воздух, словно вытащенные на берег рыбы. Пришлось срочно отпаивать бедняг вином. Благо встреча наша состоялась у Гавра, и в хорошем алкоголе этот ресторан недостатка не испытывал. Когда же мои учителя немного справились с собой и попытались закатить истерику на тему: «мы-ничего-не-успеем-вы-провалите-испытания-позор-на-наши-седые-головы», я еле смог остудить их пыл. Впрочем, после напоминания о том, что с этих же их слов начиналось мое обучение, репетиторы немного сдулись. И впрямь они уже успели убедиться в том, что с моей скоростью подготовки я вполне способен успеть выучить всё необходимое до начала испытаний. Так с чего бы им быть уверенными в том, что отправляясь в круиз, я потеряю набранный темп?

В общем, убедил. Так что, выйдя от Гавра, репетиторы рысью дунули по домам, готовить для меня темы и планы подготовки к испытаниям в их отсутствие.

А вот уговаривать Граца мне особо и не пришлось. Адъюнкт-профессор, как не имеющий собственной кафедры, был сравнительно волен во времени и без

особых проблем мог выкроить три-четыре недели для путешествия по Варяжскому морю. Тем более, учитывая наш интерес к зарубежным университетам. А какой ученый откажется от возможности бесплатно прокатиться по странам да пообщаться с тамошними коллегами на свои, сугубо «профессорские» темы? А уж учитывая, природную легкость на подъем Меклена Францевича... В общем, я бы не удивился, если бы дня эдак через три он сам явился ко мне с предложением составить компанию в намечающейся поездке...

— Знаете, Виталий Родионович, чем больше я вас узнаю, тем яснее вижу, насколько вы отличаетесь от нас, — проговорил Грац, выслушав мое предложение.

— Что вы имеете в виду, Меклен Францевич? — не понял я.

— Вашу стремительность, дорогой мой Виталий Родионович. У нас иные приказчики, в надежде на пай в хозяйском деле, столь рьяны не бывают. Ведь вы лишь чуть больше полугода как в Хольмграде обосновались, а уж сколько всяких слухов округ вас вертится. — Усмехнулся профессор, блеснув стеклами пенсне.

— Ну уж, Меклен Францевич, тут я совершенно точно ни при чем. Слухи это вотчина хозяйки моей, Заряны Святославны, так что... — Рассмеялся я. — Вот, кстати, профессор, напомнили. Госпожа Смольянина велела вам попенять при встрече, дескать, совсем пропали, поди уж и дорогу-то к ее дому забыли.

— Не по моей вине, Виталий Родионович, не по моей вине, — со вздохом ответил Грац и пустился в объяснения. Станный такой, чего передо мной-то оправдываться? Или это он тренируется перед тем, как то же самое Заряне Святославне высказать? Так мне почему-то думается, что ей совсем по барабану, в какие-такие исследования ударился профессор и с кем из

коллег на этом поприще успел поссориться... в смысле вступить в полемику. Именно в таком духе я и высказался. В ответ Грац на мгновение застыл с совершенно изумительным выражением полного ошеломления на лице и отмер, только когда я сунул ему в руку бокал с излюбленным порто... Что-то мне сегодня везет на роль жреца Бахуса. Уж третьего профессора за день, вином пою...

— Так вы, думаете, Заряне Святославне сие будет не интересно? — Наконец, пришел в себя Меклен Францевич.

— Хм. Профессор, я в этом абсолютно уверен. Мнится мне, что госпоже Смольяниной куда больше хочется быть уверенной в том, что вы не подыскиали себе новый салон и иных собесед... ниц.

— Но... ведь... а я... Право, Виталий Родионович, совсем вы меня с панталыку сбили. — Опустошив бокал, Грац отставил его в сторону и тяжело вздохнул.

— Так что передать Заряне Святославне? — Пряча улыбку, спросил я. Блин, ну как будто восемнадцать лет профессору. Алеет, словно пионерский галстук на парадной линейке. Тоже мне Ромео... Хотя я и сам не лучше. Вот как подумаю, что мне до самой Красной Горки Лады не видать, так не то что краснеть... материться хочется. А что делать... Будем спасаться «колкой дров».

Вечером, как и обещал князь Телепнев, прибыл курьер из Адмиралтейства. Вопреки моим ожиданиям, это оказался вовсе не нижний флотский чин, а офицер в форме фельдъегерей. Вручив мне засургученный пакет и получив подпись на бланке, он коротко кивнул и, взлетев в седло припаркованного у крыльца черного мериноса, унесся по каким-то своим фельдъегерским делам. А мне не осталось ничего иного, кроме как отправить Лейфа к отцу. Заодно сын ушкуйника был снабжен

запиской для Лады и выпрошенным для нее же у Смольяниной букетом цветов.

Сказать, что Белов был удивлен содержимым присланного из Адмиралтейства пакета, значит ничего не сказать. Старый пират всю следующую неделю пребывал в эйфорическом состоянии, причину которого мне понять так и не удалось. Добиться от этого морского волка более вменяемых объяснений, чем невнятное бормотание о защите некоего «второго класса», я так и не смог. Да и Лейф, уж на что подкованный в плане ушкуйных заморочек молодой человек, и тот лишь непонимающе пожимал плечами, когда я пытался его разговорить. Кажется, эта самая защита и для него была «темным лесом». Ну и черт бы с ней. У меня и без того занятий хватает. День свадьбы всё ближе, и количество неотложных дел растет прямо-таки в арифметической прогрессии. А ведь ни подготовку к испытаниям, ни мои занятия с охранителями, равно как и посиделки нашей опытно-конструкторской банды, никто не отменял. Так же, как и мои тренировки с Тихомиром.

На фоне всей этой закрутившей меня карусели как-то незаметно прошли проводы уезжающих на фронт Мстиславского со следователем и сопровождающих их охранителей из числа моих питомцев. Потом Белов представил мне команду, набранную им на пару со старым приятелем Шульгой, здоровенным седоусым и чубатым дядькой самого что ни на есть боцманского вида. И это экипаж яхты?! Чушь! Дюжина лихих ушкуйников с ухватками серьезных бойцов и такими «наивными» глазами, что руки сами тянутся перепрятать кошелек куда-нибудь подальше... в приваренный к полу сейф, например. Потому как, если не приварить, унесут кошелек вместе с сейфом. Что я там про пиратов шутил? Так вот, беру свои слова назад. Тот же стивен-

совский Сильвер этим ушлым мордам и в подметки не годится. Ушкуйники, одно слово... Как бы они какую дрекку во время круиза на абордаж не взяли, так, чисто по привычке...

Повздохав и высказав свои опасения, чем вызвал жизнерадостный гогот этих товарищей, я устроил им грандиозную попойку... и свадебный обряд для меня начался на неделю раньше. Иными словами, эти... морские волки облезлые, с попустительства Белова, самым наглым образом поперли у меня Ладу! И ладно бы они отдали её за выкуп, так нет же. Пока я не набил морду последовательно каждому ушкуйнику, защищавшему дом, в котором они сховали мою невесту, ни о каком возврате и речи быть не могло. А последним на моем пути оказался Лейф... тоже мне почитатель традиций. Ведь ни словом не обмолвился о том, что затеял Белов при поддержке экипажа. Думаю, объяснять, что будущему родственнику досталось поболее, чем остальным, не надо. Хотя, если бы в защите невесты принимал участие мой будущий тесть, ему бы прилетело куда как солиднее. Но чертов ушкуйник решил, что его участие в этом дурном спектакле не самая лучшая идея... Жаль.

А через три дня после нашего с Ладой венчания в церкви экипаж «Варяга» в полном составе слинял в Конуград готовиться к выходу, и этот факт вызвал немало облегченных вздохов среди нижних полицейских чинов Хольмграда, коим за прошедшие две недели крепко досталось от буянящих ушкуйников. Нет, не подумайте ничего такого, полицейские в долгу не оставались... но ходить две недели подряд с постоянно подновляемыми упрямыми моряками бланшами удовольствие невеликое. И какая разница, что ушкуйники тоже не могли похвастаться целостным видом своих «фасадов»? Городовой, подсвечивающий себе дорогу

«фонарем», это неэстетично, и пятнает честь мундира! По крайней мере, именно так выговаривал мне на третий, так называемый, мужской день¹, после свадьбы княжич Туровской. Пришлось кивать с виноватым видом и внимать... внимать.

— Ну что ж. На сем, пожалуй, закончим нашу душещипательную беседу... Слышь, Виталий Родионыч, а у тебя в доме чего-нибудь бодрящего не найдется? — закончил свою тираду наш свадебный генерал, отнимая от распухшей скулы травяной компресс с фирменным смольянинским наговором. М-да. А здорово он вчера мне спину прикрыл от околоточных, что нас в ресторанчике на Неревском повязать вздумали... И как они своего шефа только не узнали, а?

— Найдем, как не найти, Бернгардт Брючеславич. — Я попытался принять сидячее положение на диване и протянул руку к колокольцу. От звона этой серебряной сволочи нас с Туровским перекосило одновременно. А спустя минуты три в дверях гостиной появился бледный покачивающийся Лейф, одной рукой обхвативший голову, а другой прижимающий к груди небольшую кадушку с рассолом. Спаситель!

¹ *Женский и мужской день* — соответственно второй и третий день после свадьбы, когда молодые приходят в дом к родителям. На второй день навещают родителей невесты, а на третий — родителей жениха. Навестив родителей жены, жених со товарищи оставляют молодую с ними, вроде как для прощания, а сами, по идее, отправляются в дом новобрачных, чтобы навести там порядок... Естественно, дело заканчивается пьянкой (но не запоздавшим мальчишником, за такое можно и поплатиться, а уж слава дурная так точно не минует. Зато гульба с угощением всех встречающих поперечных и мордобоем вполне себе в порядке вещей).

Глава 6

СТУК КОЛЕС И ПЛЕСК ВОЛНЫ...

Просто поразительно... Насколько удивила и даже шокировала меня предыдущая поездка в здешнем экспрессе, с которой, собственно, и началось мое знакомство с этим миром, настолько же я сейчас готов проклинать этот чертов поезд! Нет, не подумайте, он ничуть не хуже того, что доставил меня из Киева городища в Хольмград. «Ладожский экспресс» также комфортабелен, основателен и добротен. Вот только возникла у меня одна проблема... мы с супругой вынуждены ехать в разных купе. Оказывается, брать в экспрессе одно купе или, как здесь принято их называть, один «номер» на двоих, считается неприличным... то есть это не то чтобы совсем уж моветон... нет, если мужчина желает, он может ехать в одном «номере» с дамой, вот только в глазах окружающих снобов такая женщина будет выглядеть весьма предосудительно. Подозреваю, что это заговор железнодорожников, чтобы слупить побольше денег с пассажиров! Потому как ничем иным объяснить столь странный выверт я просто не могу.

Бред, конечно, но здесь так принято! Нет, можно было бы, конечно, начхать на эти условности и, касаясь дело только меня, я бы так и поступил, не сомневаясь ни секунды. Но Лада... Позволить двусмысленные ухмылки в её сторону я не могу. Черт, да меня даже от по-мужски вполне понятных оценивающих взглядов, брошенных на перроне двумя офицерами в сторону моей супруги, чуть в боевой режим не вышвырнуло! И не от того, что это я вдруг в «отеллы» подался, вовсе нет, просто мне отчего-то показалось, что эти взгляды оскорбляют Ладу. Не меня, а её! Никогда ничего подобного не испытывал, а тут вот, получите и распишитесь, что называется. Может, это и есть ревность? Не знаю.

Но даже если это и так, то я просто боюсь представить, что будет, если на мою супругу начнут смотреть как на даму легкого поведения. Я же тогда этот поезд в могильник превращу... ну, может, и не могильник, но в стоматологический кабинет после посещения его ротой сладкоежек запросто. Зубы лопатами с пола собирать будут. Не, на фиг, на фиг, как пелось в одной замечательной песенке. Пусть будет два купе, и пусть господам железнодорожникам эти лишние восемь рублей в глотке колом встанут! И спасибо Грацу за своевременную подсказку, а то могло бы совсем некрасиво получиться...

В общем, во время нашей поездки в постель к собственной жене я мог попасть только после некоторых ухищрений. То есть вечером я провожал её из салона до двери в номер, касался щеки целомудренным поцелуем, после чего отправлялся к себе. Там я, выжидая некоторое время, приводил себя в порядок, при этом старательно отслеживая всеми своими куцыми ментальными способностями движение в коридоре, и, лишь убедившись, что горизонт чист, подкрадывался к двери купе Лады, чувствуя себя при этом то ли восторженным мальчишкой, то ли полным идиотом. Хотя... нет, все-таки щенячьего восторга было больше. Правда, в первое же утро нашего путешествия, сразу после завтрака, Берг, обосновавшийся в следующем за купе Лады номере, пригласил меня в пустой по раннему времени салон, «выкурить по трубочке», где, чуть ли не заикаясь от смущения и поминутно краснея, предложил научить меня звукоизолирующему наговору, из чего я смог сделать вывод, что кажущаяся основательность и монументальность постройки здешних вагонов ввели меня в заблуждение... Вот тогда-то и настала моя очередь смущенно хмыкать. Что, впрочем, не помешало мне тут же согласиться с предложением Высоковского.

Ну а едва я смог сам создать подобный наговор, мы тут же дружно забыли об этом курьезе.

Наше путешествие на поезде длилось три дня. За это время экспресс миновал Псков, Оршу, Минск, Гродно, Белосток, после чего свернул с основной, Любекской магистрали и, наконец, прибыл в Конуград. Признаться, когда я только озаботился покупкой билетов на всю нашу «экспедицию», то, знакомясь с картой железнодорожных маршрутов, немало удивился такой странной их прокладке. Но профессор Грац, заметив мое недоумение, расставил всё по своим местам.

Прибалтийские области, исторически сильно завязанные на ганзейскую торговлю, первыми были обеспечены чугункой, едва та выросла из детских штанишек и стала представлять собой более или менее эффективный способ доставки грузов... И вот здесь сказался тот факт, что строительство железных дорог в Прибалтике, в отличие от остальной территории Руси, велось Ганзейским союзом, организацией, по сути, международной, с центром в венецком Любеке... В результате Прибалтика сначала получила узкоколейку, а уж потом была проложена государева железная дорога, причем, одна из основных её магистралей, та самая, по которой большей частью и пролегает наш путь, идет много южнее, в обход Прибалтики, вытягиваясь длинными «усами» лишь к портовым городам. А сама эта магистраль ведет к вышеупомянутому Любеку, являющемуся, помимо ганзейской столицы, еще и резиденцией венецких королей¹. Такой вот подарок сделал предыдущий

¹ *Венецские короли* — поморяне, после поражения, нанесенного ими Роскильскому Волку, низложили «назначенного» Акселем Абсаломом венецкого короля, служившего ширмой для этого «серого кардинала» — ставленника Вальдемара I, необходимой ему, поскольку князьям церкви было запрещено возлагать на себя знаки мирской власти.

русский государь своим августейшим союзникам. При этом, если я правильно понял, то ганзейцы до сих пор до хрипоты спорят на собраниях о переводе «своей» чугунки в Прибалтике на широкое полотно. Причем, если «северяне», торгующие на Руси и доставляющие к нам товар морем, ратуют за широкое полотно, так как им мало существующих колываньского, мемельского и конуградского «усов» государевой железной дороги, то венды и «южане», торгующие с Рейхом, Бургундией, Францией и иже с ними, упираются изо всех сил. Их-то узкая колея, принятая почти повсеместно в Венде и странах их торговых партнеров, устраивает как нельзя лучше, и тратиться на совершенно ненужную перестройку дорог они не желают. В результате в Прибалтике до сих пор действуют две железнодорожные системы, пересекающиеся лишь в крупных железнодорожных узлах, что не добавляет ни скорости, ни удобства перевозкам грузов. В общем, веселье то еще. Да и пропускные возможности государевой дороги не так уж велики. Иначе бы наш экспресс добрался до Конуграда максимум за сутки. А так ползли целых три дня... Зато кормили в экспрессе как бы не лучше, чем у Гавра в Хольмграде.

Конуград встретил нас шумным пассажирским Старпрогольским вокзалом, расположившимся чуть ли не в центре города. К счастью, нам не понадобилось искать

Собственно, до появления на горизонте ушлого Роскильского Волка, у венедов не было никаких королей, но, сместив неугодного правителя, совет вождей решил оставить этот институт власти (кстати, при полной поддержке русичей и свеев, князьям которых было легче договариваться с единым представителем поморян, чем со всем их советом), и возложили корону «на достойнейшего» — кнеса Водима, чьи потомки до сих пор правят Вендом, являясь одной из старейших монархических династий в Европе.

извозчиков на всю нашу компанию. Предупрежденный о времени нашего приезда, Белов позаботился о доставке пассажиров «Варяга» в одну из гостиниц Старого города. Он встречал нас на перроне, утопающем в клубах пара. Вот уж действительно «морской волк»! И куда только делся хольмградский обыватель в неброском костюме? Сейчас на перроне глыбой, скалой в бушующем людском море, стоял капитан, словно сошедший с картинки. Да, пусть его отутюженная черная форма не несет никаких знаков различия, а «краб» на фуражке не похож на эмблему русского военного флота. Зато дымит зажатая в зубах трубка, поблескивает редкой сединой аккуратная «шкиперская» борода... В общем, образцовый «первый после бога». Окинув взглядом нашу разномастную компанию, тесть позволил себе легкий вздох, но тут же усмехнулся в усы, и мы, поздоровавшись, направляемся к выходу. Черета грузчиков с нагруженными многочисленным багажом моих спутников тележками, катится за нами, а мы держимся в кильватере Белова. А выйдя из помпезного здания вокзала, оказываемся на небольшой площади, где уже застыли в ожидании пять открытых колясок. Будем надеяться, что мы в них поместимся.

Мои опасения, что наша компания не сможет разместиться в пяти экипажах, не оправдались, и спустя несколько минут тесть дал отмашку к началу движения. Вереница колясок миновала Высокий мост, Медовый мост, выехала на остров и, обогнув кафедральную площадь, покатила через Кузнечный мост, в сторону детинца... Хм. А ведь похоже, очень похоже на Калининград, каким я его помню по паре поездок. И названия мостов и даже расположение храма и замка. Вот только здесь и храм и замок совсем не те, что кенигсбергские... Храм, православный пятиглавый, вздымающий купола к небу, ярко сияет позолотой на синем, без единого

облачка, фоне, да и замок, вокруг которого мы только что проехали, совсем не похож на тот, что запомнился мне на «том» свете. Ну да, а чего еще ждать, если эти земли не знали ни тевтонцев, ни ливонцев... И родной язык для этих мест — прусский, чуть щелкающий, но при этом какой-то мягкий мелодичный говор, доносящийся со всех сторон, непривычный для моего уха, но приятный и почти полностью понятный. Да уж, это вам не ядреная карпатская смесь, которую и не всякий хохол уразумет... Зато мосты, кажется, те же самые... ну насколько я могу судить. Вот кстати, интересно, а здесь кто-нибудь уже отгадал знаменитую загадку Города Семи Мостов? Или так до сих пор и кружат по Старому городу гоняющие лодыря господ, пытаясь пройти по всем семи мостам, не ступив ни на один из них дважды? Хотя наверняка и в этом мире был свой Эйлер...¹

Катятся коляски на железном ходу, высекая искры из брусчатой мостовой, рядом со мной улыбается теплому солнышку Лада и иногда ежится от порывов довольно свежего ветра, набегающего с залива. А мимо проплывают высокие каменные дома, украшенные лепниной и резьбой. Вот еще одно отличие: архитектура Конуграда не похожа ни на «ту», вычурную немецкую, ни на уже привычную по Хольмграду белокаменную русскую. Высокие, выстроенные вплотную друг к другу дома с многочисленными двускатными крышами, украшенными затейливой резьбой, накрывающими разнообразные пристройки, балкончики и узкие веранды.

¹ *Загадка Города Семи Мостов* — издревле так называли Кенигсберг. А загадка довольно проста и не менее стара, чем это прозвище. Звучит она так: можно ли пройти по всем семи мостам города, не ступив ни на один из них более одного раза? Решить эту загадку, математически, смог Леонард Эйлер со своей знаменитой теорией графов.

Кое-где над домами возносятся небольшие башенки с шатровыми крышами и узкими стрельчатыми окнами, забранными мелкими ромбиками стекол... Странная, чудная, но завораживающая архитектура, она увлекла меня настолько, что я даже не сразу заметил, что мы уже прибыли в гостиницу.

Портье, невозмутимый как английский дворецкий, коих здесь в общем-то нет, за неимением самой Англии, не спасовал перед поставленной задачей и довольно шустро развел нашу многочисленную компанию по бронированным или, как здесь выражаются, «записанным» номерам. При этом как-то так незаметно получилось, что наш с Ладой номер оказался с одной стороны соседним с номером Высоковских, а в номере с другой стороны поселилась тройка охранников. Впрочем, соседями Берга и Хельги также оказались оставшиеся двое охранителей. Взяли нас в «коробочку»... В номерах же, расположенных напротив, поселились Лейф, Тихомир Храбрович, профессор Грац и несколько угрюмый худощавый молодой человек по имени Леопольд Юрьевич, с фамилией, поначалу вызывавшей у меня неизменную улыбку — Попандопуло. Естественно, что ассоциация никак не была связана со знаменитым шахматным композитором¹. Не знаю, может, Леопольд Юрьевич потому и был сердит, что заметил мои попытки задавить ухмылку, когда Горбунов представил его как своего помощника, которого он и командирует в путешествие с нами по Варяжскому морю. А может, Лёвушку, как уже через полчаса знакомства окрестили вежливого молодого грека наши

¹ *Попандопуло, Авенир Николаевич (01.05.1920—24.05.1988)* — доктор технических наук, профессор, советский шахматный композитор, международный мастер и международный арбитр по шахматной композиции.

дамы, просто замотали сотрудники канцелярии, пригласившие его перед отъездом на короткую беседу и промариновавшие в присутствии добрых три часа? Кто знает... Одно могу сказать точно, несмотря на некоторую угрюмость, Попандопуло оказался весьма эрудированным собеседником и толковым специалистом, с ходу ухватившим идею модернизации накопителей и ориентации их на применение с электропроводящими и преобразующими конструктами.

Я понял! Это заговор железнодорожников и владельцев гостиниц! Почему? Потому что наш с Ладой номер оказался трехкомнатным. Две спальни и гостиная. Нет, я понимаю, что тем же Высоковским, например, как брату и сестре, лучше всего подходят именно такие апартаменты, но мы с Ладой женаты, так на кой нам лишняя спальня в номере? Черт знает что! Может, здесь и принято ходить из комнаты в комнату для исполнения супружеского долга, но лично я не собираюсь тратить время на бессмысленную беготню. Хотя, помня разговор с Грацем по поводу отдельных купе в экспрессе, требовать другой номер, я, опять же, не стану. Нет, но какие ловкие делеги эти самые владельцы гостиниц и поездов. Хорошо еще, что не пришлось оплачивать отдельные номера для нас, но это если посмотреть с одной стороны, а вот если глянуть немного иначе... Говорю же, заговор это... построенный на ханжестве и искусственно раздуваемой псевдонравственности общества. Вернусь в столицу, обязательно доложу князю Телепневу. Заговоры это его епархия, вот пусть и разбирается... А Лада всё одно будет спать в моей постели.

Я побушевал на эту тему еще минут десять, изрядно развеселив своими истошными воплями, до того снова пребывавшую в странной меланхолии, жену, а когда, наконец, выдохся, мы закончили беглый осмотр на-

ших апартаментов и спустились в холл гостиницы для встречи с остальной частью нашей команды.

Поскольку «Ладожский экспресс» прибыл в Конуград уже после полудня, то прогулку по городу, как и знакомство с «Варягом», было решено отложить на следующий день, так что оставшееся до обеда время каждый из нас оказался волен потратить так, как нам было угодно. Правда, отсиживаться по своим комнатам члены нашей экспедиции не стали. Хельга и Лада устроились в номере Высоковских, пошущукать о своем, о женском. Берг вместе с Грацем оккупировали небольшой светлый салон на первом этаже гостиницы, а Тихомир с Лейфом уже расхаживали по небольшому внутреннему дворику и явно оглядывали его на предмет пригодности использования в качестве места для наших тренировок, что неудивительно, поскольку перед своим отъездом в порт, Белов предупредил о трех-четырех днях, которые мы вынуждены будем пробывать в гостинице перед отъездом. Какая-то заминка с оформлением документов... Один только Попандопуло заперся у себя в номере и тут же принялся что-то строчить в своем блокноте. Кажется, это были вычисления по проекту нового накопителя, о котором они спорили с Бергом чуть ли не все три дня нашего пути из Хольмграда в Конуград. В результате наша компания разбилась на группы, а я, после недолгого размышления, занялся своим «домашним заданием» от репетиторов.

Обед... хм, кто бы мне сказал год назад, что для того, чтобы не лечь спать голодным, мне нужно будет обязательно переодеваться для выхода к столу и запоминать как минимум восемнадцать столовых приборов с учетом специфики применения каждого из них, я бы, наверное, долго смеялся... А вот поди ж ты. Честно, раньше я считал, что подобный официоз был принят в царской России лишь в так называемом «высшем

свете», выходит, ошибся. Здешний «средний класс», оказывается, формализован ничуть не меньше, а как бы и поболее, чем верхушка общества. Аристократы вполне могут позволить себе некоторую вольность в манерах, порой даже на официальных мероприятиях, тогда как «мещане» позволяют себе расслабиться лишь в кругу семьи либо компании близких друзей... хотя есть еще рестораны, там также не принято усложнять застольный этикет. Правда, к гостиничным ресторанам это допущение не относится. В этом-то и состоит одна из причин, по которой я вынужден сейчас наряжаться в вечерний костюм. А вот вторая причина в том, что несмотря на вполне дружеские отношения, царящие в нашей небольшой компании и потому допускающие некоторую вольность в общении и этикете, среди нас есть новая личность, эдакая «темная лошадка» по имени Леопольд Юрьевич Попандопуло. Потому-то первый обед в Конутраде стал для меня настоящим испытанием манер и выдержки. Вот интересно, а ведь инженер наверняка понимает подоплеку всего этого официоза за столом. Но держится уверенно. Нет, точно, нужно как можно быстрее наводить с ним мосты, потому как если и на «Варяге» наши «трапезы» будут проходить так же церемонно, как сегодня, я не выдержу и двух дней, а при появлении на горизонте какого-нибудь нордвикского «купца», первым буду ратовать за абордаж! И команда Белова меня поддержит. После чего мы взбунтуемся против нашего капитана и моего тестя, поднимем на гафель «Веселого Роджера» и, переименовав «Варяг» в «Золотую лань»¹, отправимся в Новый Свет... Черт,

¹ «Золотая лань» — здесь намек на флагманский корабль сэра Френсиса Дрейка, галеон, изначально называвшийся «Пеликаном», и переименованный знаменитым пиратом и мореходом в первом же его походе, в честь по-

какая только дурь в голову не лезет. Нет, точно, надо что-то делать с этими китайскими церемониями, а то так и свихнуться недолго.

Кроме прочего, у меня появилось огромное желание пообщаться со здешним поваром. Разбалованный Лейфом и столичным общепитом, мой желудок весьма активно воспротивился той стряпне, что оказалась на наших тарелках этим вечером. И если я правильно понял выражения лиц профессора Граца и всё того же Лейфа, таковое желание появилось не у меня одного. С другой стороны, и Лада с исследователями, и инженер с Тихомиром, кажется, остались довольны угощением... Ну да кто поймет ученых и женщин?!

Правда, в ходе долгой и приятной беседы в салоне, куда мы перешли из-за стола, и я и Меклен Францевич несколько подобрали после пары бокалов столь любимого нашим штатным патологоанатомом порто и решили дать местному повару еще один шанс. А вот Лейф всё никак не мог уговориться и продолжал ворчать. Впрочем, его тоже можно понять, если мы с профессором просто гурманствовали, эдак, по-любительски, то Лейфа глодал перфекционизм настоящего мастера, столкнувшегося с халтурой... Так что успокоить беднягу стоило нам немалых трудов. Но мы справились.

М-да. Но если завтрак окажется таким же, как и ужин, то либо придется дать добро Лейфу на про-

кровителя Дрейка — лорда-канцлера Кристофера Хаттона, в гербе которого как раз и была изображена лань. Правда, помимо этого «животного», сэр Френсис увел у лорда и его фамильный девиз: «Cassis Tutis Sima Virtus» (прим. перевод: «Храбрость — лучшая защита»). Но сведений об отношении самого Хаттона к такому поведению своего протеже история не сохранила, а потому, на мой взгляд, и Виталий Родионович вполне может, в свою очередь, «позаимствовать» название корабля у знаменитого пирата.

ведение разъяснительной работы с местным «шефом», либо мне придется переключаться в «боевой режим», в котором любая пища оценивается только по принципу её питательности, а вкусовые ощущения не котируются вообще. Не хотелось бы, честно говоря. Я уже начал отвыкать от подобных «подвигов» и возвращать столь основательно и с удовольствием забытые привычки никак не входит в мои планы. В конце концов, я только-только начал вживаться в роль респектабельного столичного хлыща...

Следующее утро началось для нашей компании со вполне приличного, хотя и несколько раннего, на мой взгляд, завтрака. Впрочем, испортить томатный омлет и горячие тосты с севрюгой довольно трудно... А вот после завтрака меня ждала весьма неприятная новость. К полудню в гостиницу приехал наш капитан и с кислой миной попросил меня составить ему компанию в поездке к портовым властям. В результате на прогулку по Конуграду в этот день я так и не попал.

— Так все-таки, Бажен Рагнарвич, что такого произошло с «Варягом», что требуется мое присутствие в порту? — начал я допытываться у тестя, едва мы уселись в пролетку.

— С «Варягом» всё в полном порядке... почти. Припасы загружены, документы выправлены, команда с яхтой знакома... Даже пару ходовых уж исполнили, — со вздохом проговорил Белов. — Тут немного другое, Виталий.

— И? Бажен Рагнарвич, я что, должен клещами слова из вас тянуть? — не выдержав молчания капитана, поторопил я его.

— Извините, задумался, — вынув изо рта потухшую трубку, проговорил Белов. — Вот ведь какое дело, Виталий. У нас есть разрешение на установку

защитного оборудования на «Варяг», вот только, несмотря на её простоту, подобное действие проходит по судовым документам не как ремонт и наладка, а как глубокое усовершенствование судна... а у меня на такое прав нет.

— И это все? — удивился я. — Из-за такой безделицы вы и ходите чернее тучи грозовой? Бажен Рагнорович, я вас не узнаю... Вы же могли мне телеграфировать, и мы бы решили этот вопрос за несколько минут! На что еще банковский телеграф¹ нужен?!

— Каюсь, Виталий, не сразу обратил внимание на этот момент, закрутился. Да и кто же знал, что оно так обернется? Ушкуи-то мы на своих верфях оснащали, без всякой бюрократии... Вот и запамятовал. Впрочем, оправдываться я не собираюсь, последнее это дело. Но если бы это было всё! Это мелочь, тут вы правы, её за полчаса поправить можно. Да еще за полдня контур установить, и всего делов. Вот только... — Тесть махнул рукой. — Я тут проверил кое-что и выяснил следующую вещь. По штату на «Варяге» установлено две пары накопителей трехсуточного хода, мощностью в сорок единиц. Но третьего дня мы закончили ходовые испытания для расчета отвода энергии на защитный контур... Больше пяти единиц без потерь для иного питания, активные накопители дать не смогут, износ у них уж больно велик, да и негоже судно без резерва держать. А для полноценной работы контура нужно не менее пятнадцати единиц...

¹ *Банковский телеграф* — считается одним из надежнейших способов передачи информации. Условия его работы таковы, что существует даже возможность составления документов и заверения подписей отправителей, имеющих такую же силу, как если бы такие документы и подписи были засвидетельствованы стряпчими.

— А если на контур задействовать подменные накопители¹? — поинтересовался я.

— Можно, но тогда сокращается запас хода. — Развел руками Белов и, заново раскурив свою трубку, договорил: — Оно, конечно, не так уж и страшно, но случись что, а мы пустые... нехорошо. Впрочем, накопители же можно и заменить. Я уж и подходящие агрегаты подыскал, по знакомству, так сказать. Последней выделки, новенькие, только-только на верфи доставили. Посадочные гнезда на них такие же, мощность чуть ли не вдвое выше от прежних, да и отдать их готовы с зачетом наших накопителей. Вот только для этого нужен инженер с Хольмского завода, чтоб за снятием и установкой накопителей присмотрел, да акт подписал, а его ж вытребовать еще надо! В общем, всё не слава богу...

— Не надо, Бажен Рагнарович. Есть у нас в экспедиции такой инженер. — Усмехнулся я, одновременно пытаясь угадать, знал ли о подобной возможности развития событий Телепнев, когда присылал из Адмиралтейства тот пакет? — Горбунов откомандировал своего помощника в наше распоряжение, так что здесь проблем не будет, я думаю. Вот только... во сколько мне обойдется смена этих самых накопителей, а, Бажен Рагнарович, и когда мы с этими переделками в море выйдем?

— Цена им будет тысяч пять, с учетом стоимости старых накопителей, — тут же отреагировал повеселевший Белов и понимающе покивал. — Не прогадаете,

¹ Судовые накопители устанавливаются парами. Минимальное количество пар — одна (в такой установке один накопитель работает, второй находится в «спящем» режиме, до полной разрядки первого, после чего пустой активный накопитель глушится и ставится на зарядку, а его работу исполняет т.н. подменный накопитель).

Виталий, уж это я вам точно обещаю. После установки контура цену за яхту можно будет взять и поболее, чем рассчитывали. Уж поверьте, и траты отобьете и внакладе не останетесь. А на установку да калибровку трех-четырех дней довольно будет.

Думал я недолго, так что, развернув извозчика, уже через десять минут мы вернулись в гостиницу и, забрав Попандопуло, рванули в порт решать вопрос с покупкой и установкой новых судовых накопителей...

ЧАСТЬ 2

Глава 1

ВЫХОДИМ ЗАВТРА В МОРЕ

Повидать в этот день яхту мне так и не удалось. Сначала решали в порту вопрос с установкой защитного контура, оттуда переместились в местное отделение Особой канцелярии, где коллеги должны были подтвердить подлинность разрешительных документов. Хорошо еще, что тесть вовремя сориентировался и, пока я общался с охранителями, доставил нашего инженера на верфи, для осмотра новых накопителей. А то бы растянулись наши походы дня на два. К Попандопуло я смог присоединиться лишь ближе к вечеру, когда тот уже заканчивал разбираться с документацией на передаваемые нам агрегаты, в присутствии трех представителей судостроительной верфи Быхова.

— Ну, что скажете, Леопольд Юрьевич, по поводу наших обновок? — поинтересовался я у инженера, когда отыскал его в одном из закутков небольшой конторы, расположенной чуть ли не у самых доков.

— Признаюсь честно, Виталий Родионович, идея с накопителями этой серии просто замечательна. Я, конечно, не большой специалист по судовым уста-

новкам, но даже мне с первого взгляда ясно всё изящество подобного технического решения, — покачив головой, с намеком на улыбку проговорил Попандопуло.

— Вот как? — удивился я, одновременно отмечая насмешливо-недоверчивые переглядывания и отблески этих эмоций в ментале у представителей быховской верфи. Кажется, они посчитали, что наш инженер слишком скромн. — И что такого изящного в этом решении? Я, честно говоря, человек весьма далекий от этих материй, предполагал, что мы просто меняем маломощные агрегаты на более емкие... Разве нет?

— В принципе верно, Виталий Родионович. — Покивал Попандопуло. — Но помимо увеличения емкости, мы получаем еще и большую, по сравнению с прежними, устаревшими накопителями, гибкость установок, в плане подключения к ней дополнительных, непрофильных механизмов и структур. Весьма перспективное решение... Особенно учитывая тот факт, что «Варяг» построен по проекту, которому ныне уже более пятнадцати лет, и многие системы на нем, скажем так, несколько... м-м... отстают от нынешних и, как следствие, куда как более энергоемки. С новыми же накопителями проблема дефицита энергии исчезнет, что позволит перевести некоторые конструкты в режим постоянного действия. А это, несомненно, облегчит работу команды и управление яхтой в целом...

— Хм. Леопольд Юрьевич, прошу прощения, — Вмешался я в монолог инженера. — Время позднее, а нашим уважаемым контрагентам еще предстоит сформировать и прислать на «Варяг» монтажную команду. Давайте сначала закончим здесь, а по дороге в гостиницу вы мне обстоятельно поведаете о перспективах... Хорошо?

— Ох, да. Разумеется. — Блеск в глазах увлекшегося исследователя потух, и он, смутившись, согласно

кивнул, после чего повернулся к до сих пор молчащим «быховцам». — Прошу прощения, господа, я несколько увлекся. Извольте передать господину Старицкому, как заказчику, бумаги, дабы он мог ознакомиться с условиями предложенного вами контракта...

Вот тут-то приказчики и зашевелились. Кажется, они только сейчас поняли, что я и есть заказчик. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. После утреннего разговора с тестем я понял, что прогулка по городу мне сегодня не светит. Ну а предполагая, что придется изрядно полазать в порту и на яхте, по возвращении в гостиницу за инженером, я заодно переоделся в немаркий и не особо стесняющий движения «охотничий» костюм и удобные ботинки на высокой шнуровке, чем-то напоминающие родные берцы, с тем, чтобы потом не жалеть о случайно вымазанном в мазуте рукаве пиджака или утративших блеск туфлях. Нетрудно понять, что в таком виде я вовсе не был похож на владельца яхты... Впрочем, быховским приказчикам на мой вид оказалось плевать. Как только они уяснили, кто заказывает музыку, тут же на стол передо мной легли отпечатанные, очевидно, на некоем местном подобии «ундервуда», листы контракта... Пробежав взглядом по тексту и убедившись, что представленный документ не является купчей на «Варяг», или иной «подставкой», я подписал контракт и вручил его подскочившему приказчику.

А на обратном пути Попандопуло пришлось изрядно потрудиться, рассказывая мне о выгодах предстоящей замены накопителей. Несмотря на то что Леопольд Юрьевич старательно избегал специфических терминов, понимал я в его речи, дай бог, с пятого на десятое. Единственное, что я уяснил твердо, так это то, что теперь, во время работы того же камбуза, яхте не придется снижать ход, чтобы компенсиро-

вать расход энергии, и не вывалиться из графика смены накопителей. Утрирую, само собой, но все-таки. Да и проблема с откровенно малым количеством энерговодов для дополнительной аппаратуры тоже оказалась решена таким образом. Иначе говоря, теперь на яхте нет необходимости выбирать между подключением радиотелеграфа и трюмным освещением, например. Кстати о трюмах, по возвращении в гостиницу, я, дождавшись Белова, тут же кинулся выяснять у него, что за ящики уже нашли пристанище в невеликом грузовом отсеке «Варяга». По крайней мере, об их наличии говорили записи в росписи груза, куда при мне вносили ЗИП накопителей. Тесть несколько смутился, но обещал рассказать всё после ужина. Что ж, посмотрим-послушаем, что еще учудил этот морской волк...

Это не «волк», это лис! Самый натуральный рыжий морской лис. Новая порода, очевидно... Этот ушлый тип, мой тесть в смысле, загрузил в яхту самый ходовой товар на Руяне, а именно: вина! Дюжина контейнеров, общим весом чуть больше восьми тонн, самого что ни на есть дефицитнейшего товара на острове. Он бы и больше загрузил, да свободной наличности не осталось... Когда же я поинтересовался, сколько он планирует выручить за этот товар по прибытии к ушкуйникам, Бажен Рагнорович глянул на меня с хитрым «ленинским» прищуром и, пыхнув трубкой, с улыбкой ответил, что не менее чем сам-три.

— А сколько еще такого груза может принять «Варяг», Бажен Рагнорович? — делано-равнодушно поинтересовался я у тестя.

— Ну-у, еще столько же точно потянем. — Пожал плечами капитан. — А что?

— Да вот, думаю, не примете ли и меня в эту вашу негоцию? — со вздохом признался я. Белов же удив-

ленно на меня вытаращился и заперхал, наглотавшись ядреного табачного дыма.

— Так, Виталий... Это не моя, это ваша, как вы выразились, негоция! — откашлявшись, выдал тесть и, заметив мое недоумение, пояснил: — Груз закуплен на остаток тех денег, что были вами выданы изначально на экипировку к походу... ну и мы с командой пару тысяч доложили. Так что это не вы ко мне в пайщики напрашиваетесь, это я с командой к вам в «негоцию» влез.

— Умеее вы удивить, Бажен Рагнарович. — Покачал я головой. — И ведь не подкопаешься к вам за самоуправство! Деньги-то в судовую казну я сам отдавал... Эх! Так что насчет дополнительного груза, а, господин капитан?

— В центральный трюм можно загрузить еще тонн шесть-семь... Больше никак не получится, — со вздохом, ответил Белов. Кажется, Бажена Рагнаровича тоже начала грызть тоска по несбывшемуся. Ха...

— А если грузить в носовой? — поинтересовался я. Ну уж очень привлекла меня возможность, хоть немного отбить стоимость нашего похода.

— Качка. Вина там не разместишь. В укус перейдут. — Поморщившись, покачал головой тесть. — Я и в центральном трюме, велел крепить контейнеры точно над килем... и то пришлось их на компенсирующие поддоны устанавливать, чтоб от бортовой качки груз защитить...

— Понятно. Ну что ж, тогда распорядитесь, чтоб догрузили трюм, насколько возможно. Чек на закупку я выпишу вам сегодня же. — Кивнул я. Вот ведь, а я и не знал, что перевозка вин такое непростое занятие... Впрочем, кажется, несуществующие здесь англичане, в свое время, ввели моду на портвейн, именно потому, что его можно было без проблем доставлять морем

в метрополию, не опасаясь привезти вместо ароматного напитка переболтанную кислятину...

На следующий день я все-таки увидел свою яхту живую. Вот ведь, никогда не думал, что разживусь подобной игрушкой, а оно вон как обернулось... На фоне десятков торговых пароходов, стоящих под загрузкой, и пары военных кораблей, ошестинившихся стволами, «Варяг» действительно смотрелся игрушкой. Эдакий малыш среди пузатых взрослых дядек. Зато он был красив. Довольно низкий, стремительных обводов корпус черного цвета, белоснежные надстройки, тонкие шпили пары мачт и сияющие надраенной медью, массивные цилиндры накопителей, чуть возвышающиеся позади капитанского мостика. Наверное, любой мальчишка хоть раз в жизни мечтал бы оказаться на палубе такого корабля. Да, это не парусник, но в отличие от знакомых мне по «тому» свету судов, больше похожих на непонятно каким образом, вышедшие в море многоэтажки спальных районов, «Варяг» несет в себе какую-то неуловимую нотку той самой морской романтики, что знакома каждому, кто хоть раз в жизни, читая томик Сабатини, шел на абордаж вместе с капитаном Бладом, или резал форштевнем волны на 37-й параллели, вместе с героями Жюль Верна. Я влюбился в свою яхту, и от её немедленного исследования, меня не удержало даже прибытие монтажной команды быховской верфи и их суета вокруг снимаемых и устанавливаемых накопителей. За этот день я облазил «Варяга» сверху донизу, побывал во всех помещениях, начиная от капитанского мостика и пассажирских кают и заканчивая матросскими кубриками, машинным отделением и трюмами. Правда, сохраняя лицо, пришлось отговариваться перед моими сопровождающими, в лице капитана и боцмана, тем, что я, как хозяин данного плавсредства, должен знать о нем всё... Не поверили, конечно. Судя по тому,

как понимающе переглянулись эти морские волки, выслушав мою короткую речь, убедить их в том, что мой интерес сугубо практичен, мне не удалось. Ну и черт бы с ним со всем! Зато у меня есть свой корабль!!! Ну пусть яхта, ладно... И что? Многие ли могут похвастаться исполнением детской мечты? А вот я могу... Что самое забавное, пока я не увидел «Варяга» вживую, я и думать не думал, и помнить не помнил об этой мечте...

— Ну что, Виталий. Каково ваше мнение о яхте? — чуть иронично поинтересовался Белов, когда мы вынырнули из недр надстройки и оказались у остекленного эркера кормового салона.

— Красивый корабль. Стройный. — Честно вздохнул я, бережно проводя ладонью по тиковой накладке планширя. — Даже продавать не хочется.

— Хм. — Капитан с боцманом снова переглянулись, но уже не с усмешкой, а с каким-то... удивлением, что ли? Глянув на моряков, я встряхнулся и смог наконец вынырнуть из пучины морской романтики.

— Так. А теперь давайте определимся с кое-какими мелочами, — протянул я. — Во-первых. За время осмотра жилых помещений личного состава я так и не нашел ни одной душевой. Можете мне сказать, почему?

— Может потому, что их там попросту нет? — Приподнял бровь тесть. — Помывочная для экипажа устраивается раз в седмицу, на нижней палубе...

— Не пойдет. — Покачал я головой. Благо место, где можно было бы разместить нормальный душ для команды, я присмотрел там же, недалеко от кубриков. Был там такой закуток, рядом с гальюном... И это был только один из моментов, который я отметил, обследуя свою собственность. Вообще, меня поразило, насколько роскошна (в моем понимании) была пассажирская часть яхты, настолько же непритязательна и аскетична оказалась часть, отведенная для команды «Варяга».

И ведь нельзя сказать, что этому мешали какие-то конструктивные особенности яхты. Нет, просто создавалось впечатление, что комплектация матросских кубриков, столового отсека, да и тех же гальюнов, была проведена по остаточному принципу. Хорошо еще, что рабочие места были спроектированы с умом и, кажется, на мой дилетантский взгляд, были довольно удобны.

Едва до Белова и боцмана Шульги дошло, что все мои замечания касаются лишь условий жизни экипажа яхты, мореманы повеселели и с энтузиазмом принялись рассуждать о том, что еще можно улучшить. Когда они дошли до того, что надо-де переоборудовать один из трюмов левого борта под курительную комнату, я понял, что эти двое просто издеваются... Правда, после того, как я объявил тестю о терзающих меня сомнениях по поводу необходимости существования «адмиральского часа»¹ на гражданском судне, смешки прекратились. А боцман, почуявший, что следующим моим нововведением может стать замена обеденной рюмки для экипажа вторым компотом, тут же сдал назад и уже вполне серьезно стал прикидывать, какие работы нужно провести в доке, а с какими команда справится и в море... В общем, мы друг друга поняли.

¹ *Адмиральский час* — здесь традиция, согласно которой, перед началом и по истечении первой вахты (т. е. восемь склянок или четыре часа), капитану, либо его первому помощнику, на мостике подавался полный кофейник и рюмка коньяка (либо водки, либо эрийской виски, в зависимости от наличия продукта на корабле). В РИ же это укоренившееся со времени Петра I шуточное выражение, обозначающее час, когда следует приступить к водке перед обедом. Как сам Петр, так и его сподвижники — сенаторы и члены коллегий — прерывали заседания присутствий для обеда в 11 часов и, возвращаясь домой, заходили выпить водки в устроившиеся тогда австории.

А через два дня, едва солнце поднялось над горизонтом, «Варяг» вышел из дока и, проскользнув под бортом у огромного торговца, двинулся по недавно открытому Конуградскому морскому каналу, чтобы спустя четыре часа, миновав Вислинскую косу и Вограм, выйти в открытое море.

Вот тут-то «Варяг» и показал, на что он способен. Едва удалившись на пару миль от берега, Белов приказал дать полный ход. Палуба под нашими ногами чуть дрогнула, до ушей донесся тихий гул выходящих на маршевый режим накопителей, и яхта словно сорвалась с цепи. Взрезая форштевнем невысокие волны, «Варяг» понесся на запад со скоростью в двадцать четыре узла. Специально узнавал у тестя. Правда, ответив на этот вопрос, он тут же выставил меня с мостика, рывкнув для порядка и поддержания капитанского имиджа, и пришлось мне искать другое место, с которого можно было бы сполна насладиться открывающимися видами и скоростью хода моей яхты. Моей! Звучит-то как, а?

— Виталий Родионович! — Услышав раздавшийся из-за спины голос, я было подумал, что опять помешал кому-то из команды, и меня сейчас вежливо попросят отойти на пару метров в сторону, но обернувшись, увидел лишь Леопольда Юрьевича. Инженер с Хольмского завода, очевидно, уже успел нарваться на боцмана, громогласно рассуждающего о том, как, по его мнению, следовало бы поступать с нерадивыми пассажирами, болтающимися под ногами у занятых людей, поскольку с явной опаской оглядывался по сторонам и осторожно обходил суесящихся вокруг различных судовых приспособ матросов.

— Слушаю вас, Леопольд Юрьевич. — Кивнул я инженеру.

— Лада Баженовна уже велела накрывать к обеду в кормовом салоне. А мне наказала сыскать вас.

— Тогда чего же мы стоим? Идемте. — Я указал «Лёвушке» на как раз освободившийся от матросов проход по правому борту, и мы направились к салону. Двигаясь следом за инженером, мысленно я не переставал удивляться тому, как скоро решился вопрос о его «вписывании» в нашу теплую компанию. От недавнего официоза не осталось и следа. Немного освоившись в нашем обществе, Попандопуло перестал «застегиваться на все пуговицы», оказавшись на деле чуть застенчивым, но весьма эрудированным молодым человеком, немного неуклюжим в быту, но чрезвычайно увлеченным изыскателем, что не прошло мимо внимания Высоковских. Но если Берг просто обрадовался такому совпадению интересов и увеличению числа понимающих оппонентов в их ежевечерних с сестрой и профессором диспутах на философские темы, то Хельга, присмотревшись к молодому человеку, призвала на помощь Ладу, и дамы тут же взяли инженера под свое крыло, опекая его, словно младшего родственника, эдакого немного неуклюжего растяпу-племянника... Чему Попандопуло, кажется, совсем не противился, моментально приняв как должное авторитет «тетушек» в бытовых вопросах и с удовольствием выполняя их указания и поручения. Зато в беседах о будущем естествознания инженер отрывался по полной программе, жестко отстаивая свою точку зрения даже перед Хельгой. В отличие от Высоковских, Попандопуло был искренне убежден, что дальнейшее развитие прикладной философии возможно только в тандеме с техническим прогрессом, и не стеснялся вступить в полемику по этому вопросу даже с такими признанными мэтрами естествознания, как тот же Берг.

Вот и сейчас, за обедом, несмотря на недавнее обещание, данное всеми исследователями, они опять сцепились в жарком споре, напрочь забыв обо всем на

свете. Я обвел взглядом сотрапезников. Хельга внимательно следила за их беседой, так же как и брат, забыв о стынушем перед ней сырном супе, Тихомир и Грац тихо переговаривались о чем-то своем, и к их беседе прислушивался лишь сидящий рядом Лейф. А я, честно говоря, был рад, что не нахожусь на его месте, поскольку слушать во время обеда о различии раневых следов, оставляемых бебутом и абордажным палашом, не очень-то приятное занятие. А вот Лада, кажется, была сильно расстроена.

— Что случилось? — тихо поинтересовался я у супруги, на что та лишь тяжело вздохнула и указала взглядом на окончательно разошедшихся исследователей, уже принявших выкладывать хлебными палочками на белоснежной скатерти какую-то мудреную схему. Хм. Не удивлюсь, если вскоре в качестве наглядного пособия они привлекут посуду и столовые приборы. Я погладил Ладу по руке. — Оставь, пусть наговорятся. В споре рождается истина, так, кажется? Вот пусть и... того, рожают.

— Да ну тебя. — Улыбнулась она. — Мне отец с детства твердил, что едой играть нельзя...

— Ну так, может, пусть он и им об этом говорит, а? — Я кивнул в сторону сидящего у противоположного торца стола тестя, хмуро наблюдающего за действиями спорщиков.

— Это невежливо... — Вздохнула Лада, — всё же я хозяйка стола...

— А он капитан всего корабля, «первый после бога» и так далее. Так что имеет право. — Ухмыльнулся я, и Белов, словно услышав мои тихие слова, сказанные чуть ли не на ухо жене, вдруг треснул со всей дури кулаком об стол. А едва все присутствующие замерли на полуслове, разразился длинной тирадой, после которой наши спорщики стали похожи на подростков,

получивших заслуженную взбучку. Красные от стыда и надутые от гнева.

— Право же, не стоило так резко, всё же они не дети малые. — Покачал головой профессор, но получив в ответ яростный взгляд капитана, примирительно взмахнул руками. — Молчу-молчу, Бажен Рагнарлович.

Обед заканчивали в молчании, которое было нарушено лишь с уходом капитана. Постепенно наши изыскатели отошли от устроенного им разноса, и в салоне снова начался очередной спор между «менталистом» — Бергом и «техником» — Леопольдом. Правда, поскольку посуда со стола уже была убрана, а кофейные приборы были недостаточно многочисленны, эти двое вооружились блокнотом из запасов Попандопуло и, вырывая его друг у друга, принялись чертить свои схемы.

К вечеру яхта украсилась ходовыми огнями. Белов приказал сбросить ход до половины, и, чуть повернув вправо, «Варяг» ушел от береговой линии, весь день маячившей по левому борту, продолжая тем не менее двигаться на запад, к Руяну. Хм. Если мы так и будем идти дальше, то к логову ушкуйников прибудем уже завтра к обеду...

С этими мыслями я и отправился спать. И уже устраиваясь в постели, под боком у сладко посапывающей жены, довольно подумал о том, что на своей яхте мне никакие правила приличия не указ, и спальня у нас с Ладой одна на двоих... Что тоже не может не радовать.

Утром меня разбудил не уже привычный, но от того не менее сладкий поцелуй Лады, а заполошнный трезвон рынды и чей-то топот за дверью. Хотя почему чей-то? Можно подумать, что кто-то кроме охранителей Особой канцелярии умеет так нагло грохотать сапогами... Правда, я их вроде бы отучал от этой дурной привычки, иногда весьма вредной в их работе, но... кажется, у нас что-то случилось.

Поцеловав только что проснувшуюся от шума жену и наказав ей не выходить из каюты без моего разрешения, я быстро оделся и, не тратя времени на бритье, двинулся выяснять, у какого идиота родилась в голове мысль использовать рынду в качестве будильника, и кто надоумил охранителей заняться шагистикой под дверьми моей каюты...

— А, Виталий Родионович, доброе утро. — Едва я оказался в коридоре, из своей спальни выглянул сонный Грац. — Вас, верно, тоже разбудил этот грохот... Что случилось, не знаете?

— Даже не предполагаю, Меклен Францевич. — Пожал я плечами. — Вот, иду разбираться.

— Вот и славненько. — Покивал профессор. — Как выясните, не сочтите за труд, сообщите и мне о причинах столь ранней пробудки, сделайте одолжение.

— Разумеется, профессор, — согласился я. Вот только что-то мне подсказывает, что как только Грац закроет дверь, он тут же рухнет обратно в постель и уснет, забыв о своей просьбе. Уж больно сонный вид был у нашего адъютанта. Хм.

Оказавшись на палубе, я, недолго думая, взлетел вверх по трапу на мостик и, не заходя в рубку, остановился у комингса. Здесь дым стоял коромыслом. Явно не выспавшийся Белов, без кителя, вглядывался в огромную полупрозрачную панель, вделанную в стол, и, не сводя взгляда с сияющих на ней точек, линий и пунктиров, отдавал команды. Повинуясь им, рулевой бешено вращал штурвал то в одну, то в другую сторону, а еще один матрос, также следуя приказам капитана, судорожно дергал рукоять корабельного телеграфа. Команды вместе с матами лились из теста рекой. Вот прозвучала еще одна, совсем мне незнакомая: «Пелена! Сброс обманки!» И сразу следом: «Самый полный вперед!» А потом полминуты

тишины, и по ушам ударил довольно сильный взрыв где-то за кормой.

Белов отвалился от сияющей панели экрана и, вытерев пот со лба, повернулся ко мне лицом.

— Вот так-то, Виталий. Так и живем, — усталым голосом проговорил тесть.

— А что случилось, Бажен Рагнарович?

— Скорее уж, не случилось. — Слабо улыбнулся Белов. — Блуждающие мины. Подарочки от Нордвик Дан, так сказать. Пакостить по-крупному они опасаются, знают, что могут нарваться на ответ ушкуйников, а вот разбросать таких малюток с какого-нибудь нордвикского «купца» на торговом маршруте, да подальше от передающих телеграфных станций, это пожалуйста. Блуждающие мины, они на шум винтов реагируют. Заряд невелик, но лишить хода ушкой или «торговца», вполне хватит. А нас такая «рыба» и вовсе ко дну пустит... М-да... Вот, дан мины сбросит, да в сторонке схоронится и ждет, пока какой-нибудь бедняга о них не споткнется. А дальше всё просто. Абордаж, корабль на дно, концы в воду. Так-то. Да только не вышло по его на этот раз. Спасибо защите вашей, уберегла. А от дана этого мы уйдем. Вряд ли его лоханка больше двадцати узлов даст...

Глава 2

БЕГ ПО ВОЛНАМ, ИЛИ ЗАЯЦ В ПОЛЕ

Пока сосредоточенный Белов отдавал резкие и не всегда понятные мне команды, я пытался разобраться в происходящем. А подумать было над чем. Засада на торговом пути в исконных водах Руси и Венда, в сотнях миль от акватории данов показалась мне полной дикостью. Ведь, насколько я знаю, меж Северным союзом

и Нордвик Дан войны нет... Так с чего вдруг здесь такая партизанщина началась? А если...

— Бажен Рагнорович, поведайте мне, недалекому, а этот маршрут единственный, на котором встречаются подобные сюрпризы? Или на других маршрутах корабли пропадают не реже? — осведомился я у тестя. Белов отвлекся от разглядывания панели и, медленно обернувшись ко мне, устало потер лицо.

— Хм... Остальные маршруты проходят мористее и, признаться, куда как менее спокойны, чем наш нынешний путь. — Наконец, со вздохом кивнул тесть. — Здесь-то и связь работает бесперебойно, и до берега не так далеко, да и чуть ли не в каждой прибрежной деревушке по малой миноноске¹ приписано. Потому даны особо сюда и не забираются... точнее, раньше не забирались.

— А сейчас, значит, добрались, — протянул я. Наш капитан в ответ лишь рассеянно кивнул и, бросив взгляд на мягко светящуюся панель стола, вернулся к своим важным капитанским делам. Что ж, большего мне пока и не нужно. От мин ушли и ладно. А с этим странным нападением можно будет разобраться и попозже. Что-то мне говорит, что блуждающие мины не последнее новшество, ждущее нас в этих водах...

Выдавшееся таким нервным утро прошло, а к обеду бег от мин и данов и вовсе перестал быть интересной новостью. В нашей небольшой компании эта тема довольно быстро исчерпала себя, так что вскоре об утреннем происшествии напоминал лишь один из матросов, устроившийся в «вороньем гнезде» среди кучи сияющих надраенной медью приборов и время от времени

¹ *Малая миноноска* — по сути торпедный катер, оснащенный двумя двухтрубными минометами и машиной с парой накопителей суточного хода. Зачастую применяется в Варяжском море, в качестве прибрежного патруля.

телефонирующий на мостик с докладом а-ля: «В Багдаде всё спокойно».

Ну, к обеду, не к обеду, а в руянский порт Брег мы вошли еще до того, как солнце скрылось за горизонтом. И не одни. Еще за час до того, как прямо по курсу возник туманный абрис острова, вахтенный сообщил капитану, что к нам приближаются гости и идут парадным ходом. К моему удивлению, Белов не насторожился, а когда я поинтересовался у него причиной такой беспечности, пожал плечами.

— А чего опасаться, Виталий? — пыхнув трубкой, проговорил капитан, поднимаясь с удобного кресла и направляясь к выходу из салона, где нас и застало это известие. — Поверьте, в двух часах хода от порта Брег ни один дан не появится... если он не самоубийца, разумеется.

— А «гости»? — Кивнул я в сторону вахтенного.

— Наверняка дозорная пара малых рейдеров руянского флота. Из-за них, кстати, каперы данов и не суются к острову.

— Уверены, Бажен Рагнарлович? — Ну не терплю я подобной самонадеянности, а уж после недавнего урока в виде гонок с блуждающими минами поведение Белова и вовсе казалось мне странным.

— Полностью. — Уверенно кивнул тесть и, заметив мой скептический взгляд, со вздохом принялся объяснять: — Вахтенный их засек, когда эта пара вышла из-за Вальдемарова мыса, а за ним как раз и располагается станция адмиральской эскадры. Кроме того, корабли идут полным ходом, ничуть не скрываясь, можно сказать, демонстративно нагло идут, как только «локтевцы» здесь могут себе позволить. Понятно? В общем, можете поверить, это не пираты...

И действительно, Белов еще не успел подняться на мостик, когда корабли, о которых сообщал вахтенный,

оказались невдалеке от яхты, и Белов, взглядевшись в сигнальные флаги на них, отдал приказ стравить пар. «Варяг», послушный воле капитана, уже ложился в дрейф, когда в рубке, вход в которую мне заступил помощник капитана, тихо прострекотал корабельный телеграф. Это патруль продублировал уже принятый нами сигнал... Вот интересно, это у гостей такой связист медленный, или сигнальщики такие расторопные?

Я залюбовался подошедшими кораблями. Они не были столь огромны, как уже виденный мною в порту Конуграда крейсер, но производили не менее угрожающее впечатление, благодаря низкому хищно-стремительному силуэту и более чем серьезному вооружению. Красивые быстрые корабли. Эдакие морские гончие, созданные, чтобы догнать любого лихача, а в случае встречи с превосходящим противником способные с легкостью оторваться от преследования. На фоне этих темно-серых кораблей, кажущихся чуть угловатыми, из-за упрятанных под защитные кожухи накопителей, «Варяг», сверкающий на солнце надраенной медяшкой и обширным остеклением, смотрелся совершеннейшей игрушкой, да к тому же весьма хрупкой, о чем недвусмысленно намекали внушительные жерла сдвоенного носового орудия ближайшего корабля, ненавязчиво развернувшего башню в нашу сторону. Не знаю, что там за защиту предоставил нам князь Телепнев, но если «чемодан», выпущенный из такого орудия, попадет в корпус «Варяга», думается, это станет последней секундой жизни яхты... Я передернул плечами. Иногда живое воображение перестает казаться мне столь уж хорошим качеством.

В этот момент от дрейфующего в паре кабельтовых патрульного, взявшего «Варяг» на прицел, отвалил небольшой катер и, пыхтя паровиком, направился в нашу

сторону. Катер? Я проскользнул мимо прозевавшего мой маневр вахтенного и, прихватив, под укоризненным взглядом Белова, стоящий на консоли тяжелый «каролусский» бинокль, тут же покинул капитанский мостик. Присмотревшись к чуду инженерной мысли, старательно ползущему в нашу сторону, я невольно хмыкнул. Ну, если шлюпка с присобаченным к ней двигателем под небольшим навесом из парусины, здесь зовется катером, то да, это он и есть. А в нем добрая дюжина морячков, выглядящих словно братья-близнецы команды Белова. Головорезы те еще. Остается лишь надеяться, что эти деятели не попытаются растащить «Варяга» на сувениры...

Вопреки моим опасениям, взлетевшие по шторм-трапу моряки вели себя довольно мирно. Горохом рассыпавшись по яхте, они за какие-то четверть часа обшарили «Варяг», что называется, от киля до клотика и, не найдя ничего интересного, кроме тщательно принайтованных в трюме контейнеров с алкоголем, доложились своему командиру, всё это время проторчавшему в кают-компании вместе с капитаном, за увлекательным чтением судового журнала и прочей документации, прописавшейся в капитанском сейфе.

По настоятельной просьбе тестя я присоединился к их теплой компании.

— Вот, Любим, знакомься. Мой зять и владелец «Варяга», Старицкий Виталий Родионович, — весело проговорил Белов, представляя меня своему собеседнику. Командир досмотровой группы, сухой и жилистый дядечка, лет так сорока с гаком, окинул меня ленивым взглядом. Не знаю уж, что он там углядел, но спустя мгновение ушкуйник едва заметно кивнул и, приподнявшись с кресла, протянул мне руку.

— Полусотник Климин, Любим Будеславич, — проговорил знакомец тестя.

— Рад знакомству, — коротко ответил я, пожимая протянутую мне ладонь. А вот вертевшийся на языке вопрос о странном звании гостя, решил отложить до более удобного момента.

— Взаимно, Виталий Родионович. — Холодно усмехнулся Климин и повернулся к тестю. — Что, никак выполнил волю женушки, а, Бажен?

— Выполнил, Любим. Выполнил. — Довольно хлопнул по подлокотнику кресла тесть.

— Вот как? А отчего ж тогда лайба эта на ушкуй нимало не похожа, а? Уж больно угловатое суденышко.

— Ну-ка, ну-ка, это где же это записано, каким ушкой быть должен? — Прищурился Белов.

— Ну, пусть не написано. — Хмыкнул Климин и кивнул мою сторону. — Да всё одно сей рожи я что-то ни в Конуграде, ни в Арконе не видывал. Или скажешь, что и об ушкуйниках записей нема?

— А это как посмотреть, Любим, — протянул Бажен. — Давай-ка, старый, вспоминай, кто по уложению ушкуйником считаться может...

— Тю, так он не природный... — Махнул рукой Климин.

Я наблюдал за перепалкой старых знакомых, и мне всё меньше и меньше нравилось происходящее. Черт бы с ним, что меня «рожей» поименовали, но вот хаять «Варяга» полусотнику совсем не стоило. О его снисходительном взгляде на меня, после слов о «природных ушкуйниках», и вовсе говорить нечего. Не люблю спесивцев. Но придется пока промолчать. Я хоть и владелец яхты, но сейчас именно капитан здесь, что называется, царь и бог, это его переговоры, и лезть в них без спросу категорически нежелательно.

— М-да уж. Говорили ведь тебе, Бажен, не уезжай с Руяна. Глядишь, выдал бы дочь замуж за настоящего ушкуйника, природного да владного. А ты...

— Любим, ты забываешься... — резко оборвал полусотника тесть, ощерившись в злой ухмылке. Словно клыки показал.

— Действительно, что это я, — тут же согласился Климин и, деланно-сокрушенно покачав головой, встал из-за стола. — Заговорили вы мне зубы, господа хорошие, а время-то идет. Я уж почитай полчаса как на «Резвом» должен быть.

— Ну да, ну да. — С готовностью покивал тесть, недобро сверкнув глазами, и, в свою очередь, поднялся с кресла. Я же остался на месте, поскольку выказывать какое-либо уважение к полусотнику не собирался. Да и вообще, что он маленький, что ли? Сам дорогу не найдет, так вон, капитан наш покажет, еще и пинка для ускорения отвесит.

— Вот и поздоровались, — со вздохом проговорил Белов, убедившись, что полусотник покинул яхту.

— М-да уж, не самое приятное приветствие. — Хмыкнул я.

— Ну, не всё так уж печально, Виталий. — Тесть аккуратно выбил трубку и тут же принялся набивать её заново. — Климин — желчный человек, то всяк на Руяне знает. Но ни дел худых, ни помыслов за ним не замечали. А что резок не в меру, так места здесь такие, что любой добряк через полгода злее зимнего волка станет... Хотя язык бы я ему с удовольствием укоротил, — помолчав, с легким вздохом договорил Белов, отправляя в полет очередное облако ароматного дыма.

— В очередь, в очередь, уважаемый Бажен Рагнорович. — Усмехнулся я.

— Эк зацепило-то, а, Виталий? — Хмыкнул в ответ тесть, аккуратно выбивая трубку. — Ништо, будет и на нашей улице праздник. Дай только в порт войти, а уж там-то мы с господином полусотником в первом же кружале посчитаемся... по-нашему, по-ушкуйному.

— Вот кстати, Бажен Рагнарлович, а что за звание такое странное у этого Климина?

— Традиция. — Пожал плечами тесть. — Со времен Ингваря Флотоводца на каждом корабле регулярного флота полагалось иметь полусотню абордажников. Понятно, что сейчас серьезной необходимости в подобных командах нет. Нигде, кроме Руяна. Уж больно места здесь лихие, так что нет-нет, но рейдерам приходится и купцовы лайбы у данов отбивать, а одними пушками такого дела не сделаешь. Вот и держит руянский отряд рейдеров на каждом корабле по полусотне бойцов, как Ингваревым рескриптом предписывалось. Оттого и командиров абордажных команд величают полусотниками, хотя в судовой роли они сейчас значатся то лоцманами, то третьими помощниками капитана, а самих абордажников в палубные матросы вписывают.

— То есть, получается, Климин на государственной службе состоит? Что ж он тогда в дела ушкуйные полез?

— Так-то оно так, да не так. — Пригладил короткую «шкиперскую» бородку Бажен Рагнарлович. — Ингварев рескрипт хоть и княжья воля, да только времени с тех пор уж больно много прошло, да и уставы на флотах ныне совсем другие. Потому официально никаких абордажных команд на флоте нет. Вот и изворачивается адмирал Локтев, рядится с теми ушкуйниками, что по какой-то причине на берегу сидят, да и набирает из них абордажные команды на свои корабли. Вот и Климин к нему подался, как старшему сыну свой ушкуй отдал.

— Однако. — Я покачал головой. Оказывается, ушкуйники не только каперами бывают, но и «честными наемниками»... Хм.

Меня отвлек от размышлений трезвон корабельного телефона. Тесть поднялся с кресла и ответил на звонок.

— Иду. — Вернув трубку на рычаг, отчего висящий на стене аппарат тихонько тренькнул, тесть обернулся ко мне лицом и кивнул. — Пора. Если понадобится, телефонируйте на мостик, я буду там. Через час войдем в порт Брег, и, Виталий...

— Да?

— Пока мы не ошвартуемся, чтобы на мостике я тебя не видел! Ясно?! — вдруг рывкнул капитан.

— Так точно! — Меня аж с кресла выкинуло от рева тестя.

— То-то же. — Ухмыльнулся Белов и, подмигнув, исчез за дверью.

— Ну да, а после швартовки я туда и сам не пойду, — проворчал я, возвращаясь в кресло. Вот только посидеть спокойно мне в нем не дали. Стоило мне опустить свою пятую точку на мягкий пружинный диванчик, как в каюту заглянул подшефный наших дам. Попандопуло обвел взглядом помещение и, заметив меня, радостно сверкнул своими греческими очами. Понятно. Начиная сборы.

Заходить в нашу с Ладой каюту, честно говоря, мне не хотелось. Припрягут-с. Но куда деваться? За время нашего недолгого путешествия по Варяжскому морю огромное количество вещей оказалось вытянуто из саквояжей и чемоданов, и теперь нужно было все их утрамбовать обратно, да не абы как, а исключительно так, «как должно», по выражению моей супруги.

Нет, к костюмам, платьям и прочим предметам туалета Лада бы меня не подпустила, этим она займется сама, поскольку опять же «так должно». А вот мои многочисленные записи, письменные приборы и прочие мелочи, неведомо каким образом умудрившиеся расползтись по нашей каюте, супруга оставила на моей совести. Особенно я удивился, выудив из конторки свой «сварскольд» и полный набор для его чистки... Как

он там оказался, ума не приложу. Насколько помню, саквояж с оружием я даже не открывал на «Варяге». А вот поди ж ты...

За суетой сборов наша компания и не заметила, как яхта вошла в порт Брег. А уже через полчаса после швартовки мы покинули «Варяг» и окунулись в портовый шум и гам. Надо заметить, что хоть порт Брег и является гражданским, но здесь и в помине нет ничего подобного тому, что мы видели в Конуграде. Какие носильщики, какие экипажи у причалов, откуда?! Грузы, грузы, грузы и ничего кроме них.

Впрочем, понявший затруднения большей части нашей компании (Ладе с братцем было явно не до того, они радостно улыбались, глубоко вдыхая морской воздух с его резкими портовыми запахами, и даже, кажется, глаза прикрывали от удовольствия... в общем, ностальгировали) Белов тут же отрядил одного из матросов, и тот, ящерицей просквозив меж многочисленными телегами, груженными до скрипа осей, исчез в лабиринте нагромождений ящиков, бочек и тюков, чтобы через несколько минут вернуться вместе с небольшой процессией колясок. Уж как ему удалось провести этот караван через барханы грузов, я не знаю, но подобное умение внушило мне немалое уважение к бывшему ушкуйнику... или настоящему? Тут ведь сам черт не разберет...

Как оказалось, мой ушлый тесть еще из Конуграда забронировал по телеграфу целый этаж одной из гостиниц в центре Брега, так что нам не пришлось тратить время на поиски жилья. Спустя полчаса наш кортеж остановился на обширном дворе «Первой Брежской гостиницы». Странное название, конечно, но только до тех пор, пока не узнаешь, что этот отель действительно был открыт чуть ли не четыреста лет назад и был первым заведением подобного рода в городе. Хотя, на мой взгляд, все-таки наименование «Единственная

Брежская» подошло бы куда лучше. Других гостиниц в Бреге всё равно нет до сих пор. Ни одной, зато в портовом квартале имеется целых три «гостевых дома» для команд редких торговых гостей.

Все это и еще некоторое количество бесполезной, но подчас забавной информации я узнал из торопливой речи здешнего портье, время от времени прерывавшегося на то, чтобы дать указания снующим с нашими вещами служащим. Вообще, распорядитель в «Первой», настаивавший, чтобы его величали исключительно «портье»... ну грело, очевидно, родное словцо душу обрусевшего галла... Так вот, этот самый портье Эжен оказался на удивление шустрым малым... и очень понятливым типом. По крайней мере, доставшиеся нам с Ладой номера не только оказались соседними, но и были соединены между собой дверью, что не могло не радовать.

Кроме того, портье, этот стремительный, сверкающий обширной лысиной, отчаянно грассирующий колобок, умудрился не только в считанные минуты расселить нас по номерам, в соответствии с нашими предпочтениями, но и узнать, чего бы мы желали на ужин, предупредить о возможном ночном шуме в порту и даже дать несколько советов по поводу стоящих посещения мест. Последние, правда, в исполнении уважаемого Эжена касались в основном лавок.

Услышав рекламу портье, мужская часть нашей «экспедиции» понимающе захмыкала, одаряя Попандопуло сочувственными взглядами. Ну да. Кому-то ведь придется составить компанию нашим дамам, и есть такое подозрение, что этим «кем-то» предстоит стать нашему инженеру. Впрочем, сам Попандопуло информацию о предстоящем шопинге явно пропустил мимо ушей, да и наши взгляды задумавшемуся Леопольду Юрьевичу, кажется, были абсолютно до фени... Как витал в своих инженерных облаках, так

и витает... М-да. Спасать надо Попандопуло, вон как у наших дам глазки засияли.

Впрочем, такое настроение продержалось у нас лишь до вечера. Присоединившись к нашей компании за ужином, мой тесть весьма толково разъяснил присутствующим особенности здешней торговли, так что интерес к посещению некоторых лавок проснулся не только у наших дам, но и у мужской части «экспедиции». А всё дело в том, что хоть основная часть необходимых товаров доставляется на Руян морем с большой земли, частично самими ушкуйниками через Стрельный пролив, частично гостями из Венда, Свеаланда или Руси, остальное же либо изготавливается прямо на острове в небольших поселениях типа Дрешвицы или Лубково... либо берется на абордаж. Так и получилось, что здешние лавки делятся на обиходные, где местные жители могут обзавестись необходимыми в хозяйстве вещами и продуктами, и трофейные, куда ушкуйники сдают непроданный гостям товар. Вот как раз трофейные лавки нас и заинтересовали, да так, что на следующее утро наша компания, не сговариваясь, разбрелась по городу, чтобы потом в течение нескольких часов то и дело наткаться друг на друга то в одном, то в другом магазинчике с обязательным изображением окутанного облаком порохового дыма парусника на вывеске — непременно атрибуте любой здешней лавки, торгующей трофейными товарами.

Честно говоря, рассматривая выставленный в этих лавках товар, я никак не мог отделаться от чувства, что шатаюсь по владениям какого-то старьевщика. Такого гигантского количества и мешанины всякой всячины я не видывал даже на блошиных рынках «того света». А кроме того, меня не оставляла мысль, что ушкуйники самые настоящие барахольщики. Иначе чем еще можно объяснить наличие в продаже, например, набора латунных дверных ручек с корабельным клеймом не-

коего «Орма», явно свинченных с дверей кают какого-то «купца», или неполный фарфоровый сервиз из кают-компания монитора «Винден». А набор открыток с видами острова Зееланд?

Но если честно, то я даже рад, что Лада составила мне компанию в моих блужданиях по многочисленным трофейным лавкам. Если бы не она, я бы точно заразился болезнью ушкуйников и купил кучу совершенно ненужной мне ерунды. Хотя один раз чуть не сдержался. Набор из двух «дур» с полным прибором для чистки и боеприпасом на двадцать четыре выстрела напомнил мне те пистолы, с которыми Лейф участвовал в обороне нашего дома. Только его мини-артиллерия была хоть ухожена, но потерта, да и не отличалась богатством отделки, а увиденные мной в трофейной лавке «обрезы вертикалок» мало того, что выглядели абсолютным новьем, так к тому же были украшены тонкой гравировкой и аккуратно уложены на бархат солидной шкатулки красного дерева с серебряными уголками. Замечательное дополнение к моей разрастающейся оружейной коллекции. Бессмысленное, но... Интересно, у кого ушкуйники прихватили это произведение воспаленного разума оружейника? Стоимость, правда, у этого шедевра была... м-да.

В общем, за то, что я так и не разорился на эту покупку, мне нужно благодарить Ладу. В результате наше хождение по магазинам закономерно затянулось, и в гостиницу мы вернулись последними, как раз к обеду, начало которого было ознаменовано обещанным нам еще вчера «шумом в порту». Грохот канонады, разнесшийся над городом, заставил задребезжать стекла в окнах и хрустать на столе, при этом немногочисленные посетители гостиничного ресторана остались абсолютно спокойны.

— Кажется, кто-то привел приз, — задумчиво проговорил наш капитан, под согласные кивки Лейфа

и Лады. Мы же всей компанией воззрились на эту троицу в ожидании объяснений. — О, а вы вчера так и не удосужились узнать об этом обычае? Вроде здешний распорядитель говорил об этом, нет?

— Наш глубокоуважаемый распорядитель говорил вчера о слишком многих вещах, чтобы у нас возникло желание о чем-либо его расспрашивать, — ответил за всех профессор Грац и был поддержан улыбками окружающих. Шустрый галл действительно отличается какой-то гипертрофированной разговорчивостью.

— Ушкуйник, взявший приз, по возвращении в Брег дает залп. Это традиция, — проговорил Лейф, за что и заработал грозный взгляд от отца. Кажется, Белову совсем не пришлось по нраву поведение сына.

— Правильно. Только это не одна лишь традиция, это еще и сигнал для портовых служб, что скоро предстоит работа по разгрузке и приемке приза.

— А не проще сообщать об этом по телеграфу? — осведомился наш инженер.

— Телеграфу всего чуть больше десяти лет, тогда как традиция живет уже полстолетия, — пожав плечами, ответил Белов и после недолгого молчания заметил: — К тому же не во всяком порту имеется нужное оборудование... равно как и не у всякого ушкуйника найдется телеграфический аппарат.

— Почему? С ними же удобнее! — Попандопуло так искренне удивился, что я не сдержал смешка.

— Слишком дорогое удовольствие. — Покачал головой Белов. При этом, тесть даже бровью не повел... А я задумался. Леопольд и до того демонстрировал... хм-м... некоторую неприспособленность. Сейчас же я понял, что если он будет работать над созданием автомобиля в том же ключе, то мне не хватит и трех яхт, чтобы построить хоть один нормальный образчик, не то что целый завод...

Глава 3

ДЕЛА ДОМАШНИЕ, ДЕЛА ТОРГОВЫЕ

Утро следующего дня встретило меня телеграммой от князя Телепнева. К моему удивлению и облегчению, если честно, речь в ней шла не о государственных делах, а о нашем, теперь уже совместном предприятии. Владимир Стоянович, оказывается, уже подыскал место для будущего опытного производства авто, недалеко от Хольмграда, на территории, принадлежащей... Хольмскому заводу накопителей. Мало сказать, что подобное расположение было удачным... оно было идеальным для наших целей. Помимо того, что облегчалось сотрудничество с необходимым нам казенным заводом, ускорялся и многократно удешевлялся процесс поставки накопителей, к тому же близость завода, точнее расположение нашего производства на его землях, гарантировало спокойствие и общественный порядок на предприятии. Каким образом? Очень просто. Казенный завод, с его рабочим поселком приравнен по своему положению к городку¹, а значит, здесь имеется не только заводская администрация, но и своя система самоуправления и... полиция. Мне оставалось только порадоваться такой находчивости

¹ *Городок* — официальное наименование одного из типов поселений на Руси. Всего таких типов — семь. По мере увеличения количества жителей, деревенские поселения (то есть те, где больше пятидесяти процентов обитателей ведут натуральное хозяйство) подразделяются на: поселок (меньше 1000 жителей), весь (меньше 3000 жителей), село (до 10 000 жителей). Городские поселения (то есть те, где меньше пятидесяти процентов обитателей ведут натуральное хозяйство) подразделяются на четыре типа: городок, город, уездный (либо воеводин) город, княжий (либо стольный) город.

и, прямо скажем, добросовестному отношению князя к нашему общему делу. Я-то поначалу считал, что он отделается лишь денежным участием и, в случае необходимости, своим весом в обществе, а нет, Телепнев отнесся к проекту с удивительным энтузиазмом, что не могло не радовать.

Вообще, с того момента, как мы договорились об открытии дела и подписали необходимые учредительные документы, я был слишком занят подготовкой к свадьбе и учебной «гонкой», так что заняться поиском места для размещения будущего производства планировал лишь после возвращения из круиза, и вот теперь такой подарок... А подарки требуют отдарка, не так ли? И кажется, я даже знаю, какого.

Честно говоря, Брег как основная база каперов совершенно не походил на город, что я представлял себе в мыслях по пути из Конуграда. Нет, я понимаю, что глупо было ожидать увидеть Порт-Рояль с его пиратской вольницей, тонущими в дыму кабаками и визжащими продажными девками, но и узреть благовоспитанный тихий городок (если не считать портовой зоны, конечно) я не рассчитывал.

Тем не менее факт есть факт. В облике большей части города вообще ничто не напоминало о его буйном прошлом и не менее грозном настоящем. Потому, когда дамы решили прогуляться по Брегу без нас, особых возражений ни я, ни остальные члены нашей «экспедиции» предъявить не смогли. Что, правда, не помешало нам настоять на участии в их походе пары охранителей, торжественно поклявшихся быть незаметными, словно тени. Ну-ну. Да эти мордовороты будут незаметны только в строю борцов-тяжеловесов! Впрочем, дамы удовлетворились данным им обещанием и испарились фактически сразу после завтрака. Вскоре обеденный зал покинули и Высоковский вместе с Попандопуло,

на ходу обсуждая очередной выверт менталистики. Что уж говорить о Тихомире и нашем штатном «докторе Ливси» — Граце. Эти двое с удобством расположились в креслах у камина и явно не собирались выбираться из них в ближайшие пару часов. О чем тут говорить, если даже мой тесть умчался в порт заниматься выгрузкой нашего товара. Что ж, у каждого нашлось свое дело. Чем я хуже?

Думаю, увиденные мною вчера пистолы идеально подойдут в качестве благодарности за хлопоты Владимира Стояновича... Да и супруге своей я кое-что при-смотрел в качестве небольшого, но весьма интересного сувенира. Вот и сделаю ей сюрприз.

Впрочем, на этот счет я, кажется, несколько поторопился. По крайней мере, первый сюрприз преподнес не я, а мне...

Возвращаясь из лавки, где все-таки смог уболтать продавца на солидную скидку и набор великолепных наплечных кобур из тисненой кожи для купленной мною «артиллерии», я зашел в небольшое кафе на высокой набережной. Уж больно дурманивший аромат кофе доносился из его дверей, вот и не удержался.

Расположившись за круглым столиком в глубине небольшого зала, я заказал себе «кофия» и, с удовольствием потягивая густой черный напиток, уставился в витринное окно, любуясь прекрасным видом на набережную и наслаждаясь ярким солнечным днем. Настроение у меня было самое что ни на есть умиротворенное, так что я даже не сразу обратил внимание на ощущение чужого взгляда, появившееся спустя полчаса и две чашки черного удовольствия.

— Прошу прощения за беспокойство. — Нарисовавшийся рядом официант опустил на мой стол поднос, на котором лежал сложенный пополам листок бумаги. — Вам просили передать.

Проследив направление кивка официанта, я заметил пару человек, устроившихся за столиком у входа в заведение. Там, откуда я и почувствовал направленный на меня минутой ранее изучающий взгляд.

Я поблагодарил официанта, забрал с подноса записку и, дождавшись, пока он отойдет, развернул лист. Почерк легкий, стремительный, буквы с ярко выраженным наклоном... хм-м. Это явно писал не мужчина. Я бросил короткий взгляд на спокойно разговаривающих о чем-то людей, что передали мне эту записку и, не заметив ничего особенного, погрузился в изучение послания. Довольно странного, надо сказать.

«Милостивый государь мой, Виталий Родионович! Не будучи представленной, к величайшему моему сожалению, я всё же взяла на себя смелость обратиться к Вам в письме, пусть даже и пренебрегая в немногих правилами приличия. Надеюсь, Вы простите мне эту вольность и не откажете в любезности посетить мой дом в Бреге в любой удобный для Вас день. Поверьте, это важно как для меня, так и для Вас. С искренней надеждой на скорую встречу, Эльза Штауфен».

Вот и всё послание, плюс адрес дома, куда меня так вежливо приглашают.

М-да, прямо «Я вам пишу, чего же боле...» Сказать, что я не понял ничего, значит, промолчать. Кто такая эта Эльза Штауфен, как она узнала обо мне и что ей нужно? Темный лес. Но... Интересно. И само письмо, и его автор. Что ж, посмотрим.

Поймав на себе взгляд одного из «почтальонов», я кивнул, показав, что письмо прочитано и принято к сведению, и оба «курьера», бросив на стол по монете, тут же покинули заведение. Ну и я не стал терять времени зря и, расплатившись за заказ, отправился

в гостиницу, по пути высматривая книжную лавку. И ведь нашел. Говорю же, Брег это совсем не Порт-Роял!

Уже вечером, сидя в кресле у камина в нашем номере, я пребывал в раздумьях. Собственно, подозрения о том, кто именно пригласил меня на встречу, можно считать подтвержденными. Знаменитый альманах из города Гота издания позапрошлого года, найденный мною в полутемной лавке, заваленной самой разнообразной литературой с экслибрисами не менее разнообразных корабельных библиотек, не подвел. Маркиза Эльза-Матильда фон Штауфен, старшая дочь Фридриха, сорок восьмого герцога Швабского. М-да. Конечно, это могло быть совпадением, вот только альманах прямо утверждает, что однофамильцев у древнего рода Штауфен не существует, так что фамилия эта сама по себе относит обладателя к верхней строчке топ-листа аристократии, а значит... я опять во что-то вляпался.

В очередной раз развернув листок, я внимательно прочел текст и, плюнув на все свои домыслы, убрал записку с глаз долой. Ну правда, можно сколько угодно строить теории и умозаключения, но дальше гипотез они всё одно не уйдут. Недостает фактов... Вывод? Придется сходить в гости, глядишь, что-нибудь да проявится.

От размышлений меня отвлек шум открывающейся двери. Оглянувшись, в полумраке комнаты я увидел Ладу. Супруга тоже меня заметила, пересекла гостиную и, не говоря ни слова, устроилась на подлокотнике моего кресла. Маленькая ладошка взъерошила мои волосы... и тишина.

— Что-то случилось, солнце? — Я приобнял Ладу за талию, одновременно распуская нити ментального внимания. Отрешенная грусть в глазах супруги мне совершенно не понравилась.

— Нет. С чего бы? — с легким вздохом, но ровным тоном проговорила Лада, а вот эмоциональный фон говорил совсем другое. Испуг, обида, непонимание и грусть. Гремучий коктейль, скрыть который ей не удалось. Ну так не зря же я учусь у наших философов. Опыта, конечно, у меня мало, можно сказать, почти и нет его, но вот знаний, по утверждению того же Берга, я поднакопил ничуть не меньше, чем дознаватели — штатные «мозголомы» канцелярии. Так что все попытки Лады скрыть эмоции можно заранее считать проваленными.

— Фонишь, — честно ответил я и почувствовал, как супруга судорожно пытается уплотнить свои ментальные щиты. Поздно, дорогая. — Ну, так, может, все-таки расскажешь, что произошло?

И вот тут Ладу прорвало. Сначала медленно, а потом всё быстрее и сбивчивей, до полной невнятности, она выплескивала на меня разочарование от возвращения на остров, который искренне считала своей родиной. Обида на подруг, с которыми когда-то росла и которые сегодня смотрели на нее тусклыми глазами, словно на незнакомую, чужачку, пустое место. Холодный прием бывших знакомых и откровенно презрительные взгляды людей, когда-то родных и любимых. Её не приняли здесь.

Не зная, как помочь, я просто покрепче обнял Ладу, обволок её своими чувствами, словно укрыл теплым одеялом, и, дав выплакаться, отнес в спальню. Она уснула почти мгновенно, мне даже не пришлось нашептывать сонный наговор. Покачив головой, я поправил локон, упавший на бледное лицо жены, и, поцеловав её полуоткрытые губы, вышел из комнаты, напоследок развернув над кроватью тревожную сеть. Надо бы разобраться в произошедшем. И для начала, пожалуй,

я переговорю с Хельгой. Все-таки этот день они провели вместе...

Удивительно, но желание поговорить возникло не у меня одного. Госпожа Высоковская обнаружилась моментально. Она уже занесла руку, чтобы постучать в дверь моего номера, когда я вышел в коридор.

— Хельга?

— Виталий, добрый вечер. — Коротко улыбнулась Высоковская. — А я как раз хотела с вами поговорить.

— Как ни странно, у меня имеется аналогичное желание, — проговорил я. Хельга бросила взгляд на дверь номера Лады, из которого я только что вышел, и понимающе кивнула.

— В салоне? — спросила Высоковская.

— Если там не очень людно, — приглашающе поведя рукой в сторону лестницы, согласился я.

— Пусто. Все уже разошлись, — бросив взгляд на солидные напольные «куранты» в углу холла, заметила Хельга. Часы показывали, что до полуночи осталось едва ли четверть часа.

В салоне мы устроились в креслах у небольшого кофейного столика, вот только вместо кофья пришлось довольствоваться терпким и крепким, почти черным чаем с неизменными сладостями.

— Как она? — первой нарушила тишину Хельга, по отсутствующей в этом мире английской традиции вливая в сливки ароматный напиток. Хотя, может, тут это еще чья-нибудь традиция, кто знает?

— Расстроена, устала, спит, — коротко ответил я. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, о ком спрашивала исследовательница. — Не подскажите, что произошло?

— Я постараюсь, хотя и почти не понимаю причин произошедшего, так что могу поведать лишь то, что

видела и слышала. Строить предположения, как вы понимаете, я не вправе. — Вздохнула Хельга.

Все оказалось банально и просто. Лада решила показать подруге места, в которых выросла, и большая их часть пришлась на небольшой район Брега, где живут семьи ушкуйников. Вот только из первой же лавки, куда заглянули подруги, их выставили чуть ли не силой. И это при том, что за конторкой стоял хороший знакомый её отца, ходивший под его началом добрый десяток лет. Когда-то старый Вент был рад видеть дочь своего бывшего капитана и с удовольствием дарил ей всякие деревянные безделушки собственной выделки, вроде витиевато вырезанного гребня или фигурки какого-нибудь сказочного зверька. Сегодня же, узнав Ладу, старик повел себя так, словно видит её впервые в жизни, а когда девушка, по привычке, назвала его дедом Вентом, вспылил и велел убираться из лавки. И это был только первый случай. Куда бы Лада с Хельгой ни заглянули, везде их ждал крайне холодный прием, а некоторые бывшие знакомые так и вовсе не скрывали своего презрительного отношения. Причин подобного поведения девушкам дознаться так и не удалось. Ушкуйники просто не желали с ними разговаривать.

Рассказ Хельги о перипетиях прошедшего дня был неожиданно прерван появлением хмурого как туча тестя. Точнее, взбешенного до предела. Бажен Рагнарович протопал через весь салон и мощным ударом ладони о стойку, разбудив клюющего носом стюарда, требовал с него доскан водки. Стограммовый граненый сосуд с прозрачной жидкостью появился перед ним во мгновение ока и был опустошен с той же стремительностью.

— Еще, — рыкнул тесть.

— Бажен Рагнарович, — окликнул я его.

— А, Виталий... А вы что же здесь так поздно? — Тесть, наконец, заметил, что в салоне есть еще люди, кроме него и сонного стюарда, и подошел к нашему столику.

— Да вот пытаюсь разобраться, почему после прогулки по вашему славному городу у моей жены случилась самая натуральная истерика, — пояснил я, жестом предлагая гостю присоединиться к нашей компании. Тот обзрел заставленный чайными принадлежностями столик и, не найдя на нем чего-то важного, махнув рукой стюарду, присел в свободное кресло.

— Истерика, говорите... — протянул Бажен Рагнорович, дождавшись, когда на столике появился графин водки с немудрящей рыбной закуской, а принесший его заказ стюард вновь оказался за стойкой. Тесть налил себе стопку и... отставил её в сторону. — Поня-ятно. В ушкуйных кварталах гуляли?

Хельга кивнула, и Белов скрипнул зубами, явно стараясь сдержаться и не выматериться.

— Бажен Рагнорович, судя по всему, вам что-то известно. Поделитесь? — мягко поинтересовался я. Тесть бросил в мою сторону обжигающий взгляд, но постарался взять себя в руки.

— Непременно, Виталий. — Кивнул он. — Но чуть позже. Дайте мне прийти в себя.

— Господа, прошу прощения, но уже за полночь, а я довольно сильно устала за день. Если не возражаете, я покину ваше общество. — Хельга поднялась с кресла, и мы с тестем тут же встали, соглашаясь с пожеланием нашей на диво тактичной и деликатной исследовательницы. — Покойной ночи, господа.

— Покойной ночи, Хельга Милорадовна. Спасибо, что составили нам компанию этим вечером.

Наши короткие поклоны, легкий кивок Хельги, и мы остались в салоне вдвоем с тестем.

— Итак? — Вновь устроившись за столиком, проговорил я.

— Климин... — Коротко выдохнул Бажен Рагнорович и принялся набивать трубку. Справившись с этим медитативным процессом и пустив в потолок первое кольцо густого дыма, тесть договорил: — Язык, что жало у пчелы. Такого наговорил ушкуйникам, хоть святых выноси.

— И что же сей господин такого поведал, что ушкуйники, все как один, объявили бойкот нашей семье, Бажен Рагнорович?

— Не стану я такой мерзостью язык поганить, Виталий. Увольте. — Скривился тесть.

— И всё же... Должен же я знать, за что ему лицо рихтовать...

— Хм. Интересное выражение... Ладно. — Беловых пыхнул трубкой и махнул рукой. — Выходит, по словам Любима, что я не просто от дел отошел, а решил свою дочь в столице богатому хлыщу на содержание отдать, забыв про обычай и покон, а та и рада хвостом вертеть. Ну и окрутила денежную канцелярскую крысу. Это, ежели коротко и без скабрёзностей... почти.

Как-как он назвал мою жену?! Содержанкой??! То есть фактически высокопробной шлюхой?!!! Убью мразь.

— Оп-па. Какие интересные новости. — Только чудовищное усилие воли позволило мне задавить проснувшуюся ярость и кое-как изобразить на лице удивление, хотя губы так и разъезжались в диком оскале, предшествующем броску в боевой транс. Теперь еще бы с голосом справиться... — Значит, говорите, худых дел за Климиным не водится, да?

— Раньше не было. — Вздыхнул тесть, глянув на меня с некоторой опаской. Почуял что-то, волчара

морской. Ладно, я уже почти справился с собой... еще чуть-чуть...

— А ведь это обида, Бажен Рагнарлович. — Все, я в норме... кажется. Вдо-ох-вы-ыдох. — Такое не прощают. По крайней мере, я так точно. И жало этой «пчелке» придется вырвать.

— Хольмганг... — Тесть отложил трубку в сторону и задумчиво глянул на меня. — А выдюжишь?

— Посмотрим. — Я пожал плечами. — Я больше опасаюсь, как бы Лейф не начудил... да и одним боем мнение общества не изменишь.

— Не скажите, Виталий, ой не скажите... — протянул Белов, вновь переходя на «вы» и задумчиво глядя куда-то в потолок. — Смотря, как этот бой провести, да как его подать. Глядишь, ушкуйники и сами в репах-то зачешут... А за то, что о нашем добром имени печетесь, благодарю.

— Нашел за что. — Я покачал головой. — Какая-то гнида мою родню будет хаять, а я смолчу? Не, не пойдет. Не хочу, чтоб в моих детей, буде они здесь окажутся, пальцем тыкали да мнимые грехи их родителей поминали.

— Тут вы правы. Извините. — Тесть, кажется, даже смутился на секунду, но тут же оправился. — А о том, как доверие общества вернуть, я подумую.

— Ну-ну. — Я покивал. И в самом деле, тесть — ушкуйник опытный, обычаи и традиции знает от и до, глядишь, действительно чего надумает. Или не надумает, так Климину всё одно не жить. И плевал я с высокой колокольни на все местные заморочки. А найдутся орелики, что следом за Любимом начнут тень на плетень наводить да о Ладе зубоскалить, отправятся туда же. Так, глядишь, уложу в землю пару-тройку идиотов, остальные языки и проглотят. В крайнем случае.

Вот не думал, что новости тестя так меня заведут. Никогда со мной подобного не было, а сейчас я не просто уверен, я точно ЗНАЮ, что уроку любую тварь, посмеявшую оскорбить мою жену. Вот такая вот любовь... как диагноз. Ну и хрен с ним.

— Бажен Рагнарлович, пока совсем в думы не ушли, расскажите, как расторгвались. — Хлопнув стопку, утянутую прямо из-под руки тестя, и чуть успокоившись, я решил сменить тему.

— Сам-пять обернулись. В среднем. — Белов явно был не против такого поворота разговора и с готовностью принялся отвечать. — И то, это только по трети груза прикидки. Грубые. Послезавтра возьмем расчет по оставшейся части, тогда можно будет точную сумму назвать. Но уже сейчас могу уверить, что внакладе мы не останемся.

Мы еще добрый час провели в салоне, пока я не понял, что начал основательно клевать носом. Потому, распрощавшись с задумчивым тестем, оставил стюарду пару монет и отправился в свой номер, точнее, в апартаменты Лады.

А утро началось с известия о том, что Лейф таки нагнул. Ученик постучал в дверь номера Лады, аккуратно после завтрака, поданного мною супруге в постель. Ну... не всё же ей меня баловать? Получив в благодарность долгий и сладкий поцелуй, я уже было собрался продолжить ухаживания и отнести Ладу в ванную комнату, когда входная дверь номера содрогнулась от ударов пудового кулака. Пришлось открывать.

— Ну, чего тебе, горе луковое? — Вздыхнул я, впуская Лейфа в гостиную.

— Я... это... прошу прощения. Но у меня тут дело... важное... — Здоровяк почесал пятерней затылок.

— Что за дело? — Я нахмурился. Начало мне совсем не понравилось.

А Лейф помялся-помялся и вдруг оттарабанил, словно скороговорку:

— Учительвыбудетемоимпоручником? — И смотрит эдаким щенячьим взглядом.

— Еще раз. Медленно. Внятно. С чувством, толком, расстановкой. — Я удивленно взглянул на мнущегося, словно первоклашка в кабинете директора школы, Лейфа.

— Виталий Родионович, вы не откажетесь быть моим поручником на хольмганге? — переведа дух, уже отчетливо проговорил он.

Не успели. Начудил-таки ушкуйник... И что тут сделаешь? Слова сказаны, вызов брошен. Не отвертисься.

— Время, условия, кто ответчик?

— Так сегодня в полдень, в круге, что за ушкуйным кварталом. — Посветлел Лейф, но тут же сжал кулаки. — Сынок Климина Любима сестренку хаял, паскуда. Я его и вызвал.

— Оружие?

— Только холодное, кому что по руке. И... это... — О нет, родственник опять решил изобразить статую олицетворенного смущения...

— Что еще? Да говори уже, чего алеешь, как красна девица?! — Ну, у меня тоже нервы не стальные.

— Учитель, могу я воспользоваться вашим оружием, по обычаю? — тихо-тихо проговорил Лейф.

— Та-ак. Кажется, я чего-то не понимаю. Что за обычай такой?

— По традиции, новик перед хольмгангом может получить от учителя его оружие и выйти с ним в круг. Это как признание правоты ученика... и ну, поддержка, что ли. Заодно и присутствующие узнают, чей новик в круг вышел. Ну, не умею я складно обсказать. Батя, вот тот объяснил бы понятнее...

— Ладно. Понял. — Я медленно кивнул. Времени искать тестя у меня нет, так что... — Стоп! А какое

оружие я тебе могу дать? У меня ж на яхте, кроме тренировочного палаша, ничего подобного нет!

— Так, я те боевые лопаты, что вы перед своим хольмгангом заказывали, с собой прихватил, когда в поездку собирались. Ну, на всякий случай, — застенчиво улыбнувшись, проговорило это... это... Мра-ак!

Глава 4

ОТ РУКОМАШЕСТВА К НОГОДРЫЖЕСТВУ

В отличие от дня вчерашнего, день наступивший ясным небом не баловал. Ну, уж такая она есть, переменчивая балтийская погода. Мелкий дождь, моросивший с самого утра, сейчас меня совсем не радовал, хотя до прихода Лейфа казался вполне симпатичным дополнением к уютной и теплой атмосфере, воцарившейся в нашем номере. Самое то, чтобы привести в порядок расстроенные нервы Лады... Так ведь нет.

Я оглянулся на плотно закрытую дверь спальни и, порадовавшись в очередной раз основательности работы здешних мастеров, пришел к выводу, что наш разговор жена не слышала. И это к лучшему. Сейчас ей только таких новостей и недоставало. Но... Окинув взглядом всё еще переминающегося с ноги на ногу Лейфа, я вздохнул.

— Обожди меня здесь. — Указал родственнику и ученику на кресло у потушенного камина и скользнул в спальню.

— Кто приходил? — поинтересовалась Лада.

— Братец твой ненаглядный забежал. Беспокоится о вчерашнем. — Отмахнулся я, присаживаясь на кровать, и легонько коснулся ладонью лба любимой, словно разглаживая нахмуренные брови. Все-таки до

мастера мне еще очень далеко, а через тактильный контакт наговор ложится куда проще...

Не прошло и минуты, как лицо Лады разгладилось, а сама она погрузилась в глубокий сон. Да-а, Лейф будет должен за скандал, который устроит мне жена по пробуждении, когда узнает о произошедшем... Сильно должен!

Время приближается к полудню и вокруг хольмганга скапливается всё больше народа. Небольшой пустырь за кварталом ушкуйников шумит говором и мокрой листвой невысоких деревьев, ветви которых тербит пропахший йодом морской ветер. Хорошо еще, что дождь перестал заливать площадку круга, обрамленную высоким и широким каменным бордюром. Правда, песок на ней уже успел превратиться в грязь, и это не радует. Я толкнул локтем сосредоточенно размышляющего о чем-то Лейфа, застывшего рядом со мной истуканом, и тот встрепенулся.

— Да?

— Может, стоит привести площадку в порядок?

— Хм. Конечно. Сейчас дождемся старого Рудгара, он этим и займется. — Утвердительно кивнул Лейф.

— На вашем месте, Лейф Баженович, я бы на это не рассчитывал. — Стоявший невдалеке от нас щеголевато одетый полноватый мужчина, приподняв шляпу в приветствии, подошел поближе и пояснил: — Старик уехал к внучке в Ловицу, так что за порядком на хольмганге будет наблюдать его ученик, и я бы не советовал вам обращаться к нему за помощью. Молодой Нестор недавно взял его в свою команду, так что...

— Не понял. — Я перевел взгляд с нашего нежданного собеседника на Лейфа.

— Ох, прошу простить мою невежливость, — спохватился незнакомец. — Позвольте представиться —

Илларион Елизарич Бровин, врач общей практики. Здесь, как вы понимаете, нахожусь по долгу службы.

— Старицкий, Виталий Родионович. — Я ответил коротким кивком на представление доктора. — Рад знакомству, Илларион Елизарич. Прошу, объясните, почему вы считаете нежелательным обращение к ученику Брежского хавсигера¹?

— Как? Вы не знаете? — Удивленно вздел брови доктор, и трость в его руке прочертила на мокрой земле темную борозду. — Нестор Климин, противник господина Белова, уже два года как водит ушкуй своего батюшки, а хавсигером у него служит как раз-таки Скагер Рогволтич, единственный ученик Рудгара. Так что, сами понимаете... лучше поберечься.

— Благодарю за совет, Илларион Елизарич. А сейчас не могли бы вы нас оставить? Мне хотелось бы подготовиться к бою. — Хмуρο кивнул Лейф, и доктор, рассыпавшись в извинениях, укатился куда-то в сторону. Вот только на лице новика не было и следа той благодарности, о которой он говорил. Скорее уж мрачное ожидание. Интересно, чем так не потрафил Лейфу здешний эскулап?

Впрочем, подумать об этом или расспросить самого новика мне не удалось, поскольку именно в этот момент на пустыре появился противник Лейфа. Рослый черноволосый детина смазливой внешности, щеголяющий расшитым черным кителем и лихо заломленной белоснежной фуражкой с разлапистым «крабом». Да

¹ *Хавсигер* — говорящий с морем (руянский диалект). Предположительно данный термин пришел от викингов, на кораблях которых, так именовались мастера, управлявшие погодой. Впоследствии слово приобрело более широкий смысл, и хавсигерами на Балтике стали называть любых операторов ментала, независимо от их специализации.

не один, а в окружении полудюжины веселых молодыхчиков ему под стать, тут же принявшихся приветствовать собравшихся в ожидании хольмганга знакомцев. Прimitивное давление на психику. Ну-ну. Я хлопнул Лейфа по спине, подтолкнув ближе к кругу, и сам шагнул следом.

На нас, точнее на моего великовозрастного ученика, окружающие то и дело бросали любопытные взгляды. Нельзя сказать, что они уж очень нервировали, но вот сопровождавший эти взгляды эмоциональный взрыв ощутимо мешал, не давая Лейфу настроиться на предстоящий бой. А его сопернику, похоже, чувства зрителей не мешали вовсе. Хотя... я почти машинально «переключился», выделяя для себя эмпатическую составляющую фона, и не смог сдержать понимающего хмыканья. Недавно помянутый доктором ученик брежского хавсигера, шагающий рядом с Нестором, отсекал от своего командира весь эмофон. Грубо, но очень старательно. А окружившие младшего Климина дружки так и пылали уверенностью в своем товарище. Что ж. В эти игры можно играть вдвоем.

«Хрустальный полог» накрыл нас сразу, как только я понял действия ученика Рудгара. Лейф ощутимо дернулся и тут же облегченно вздохнул, осознав, что именно я для него сделал.

— По-моему, это нечестно, — тихо проговорил он, бросив на меня укоризненный взгляд.

— Хм. Я всего лишь привел тебя в равное положение с твоим противником. — Пожал я плечами, одновременно старательно проецируя ему образ увиденного в «неприятельском стане». Не самый простой фокус, но у меня, кажется, получилось. А вот и физиономия Скагера дернулась, засек хавсигер, как я Лейфа прикрыл. Эх, грязно играет будущий колдун «всея Брега», ну да ладно, справимся.

— Ваш доверитель подтверждает условия хольмганга? — Прощедил сквозь губу один из молодчиков младшего Климина, остановившись в паре метров от меня.

— Сталь, без наговоров и огня. — Я кивнул поручнику Нестора. Вляпавшись в хольмганг впервые, я вынужден был основательно проштудировать правила, а потому сейчас ни секунды не сомневался в своих словах... ну, почти не сомневался...

Поручник Климина стрельнул глазами в сторону молодого хавсигера и кивнул. Хм. Может быть, я ошибаюсь, но кажется, в чем-то доктор Бровин мог оказаться прав. Придется внимательно следить за тем, как Скагер готовит круг для боя.

Вопреки моим подозрениям, ученик брежского хавсигера не стал подкидывать подлянок и ловушек, а вполне добросовестно высушил и осмотрел боевую площадку, после чего пригласил спорщиков в круг. И едва они перешагнули через широкий бордюр, я шагнул следом за учеником. Окружавшие площадку зрители моментально поняли, что к чему, увидев, что противник Климина стоит в круге безоружным, тогда как сам Нестор уже обнажил широкий клинок тяжелого палаша. По толпе прокатился говорок, но быстро стих.

Щелкнули замки ларца в моих руках. И под шалыми взглядами присутствующих я протянул Лейфу его оружие.

Вообще, МПЛ, конечно, совсем не предназначена для фехтования. Лопата, она лопата и есть... Но и тяжелым абордажным палашом не очень-то повиртуозничаешь. Так что сегодня на хольмганге будет рубка без малейшей показухи и понтов. С другой же стороны... иного нам и не надо.

— Закопай его. — Я кивнул в сторону пребывающего в ступоре Климина.

— Сделаю, учитель. — Лейф ловко подбросил лопату в воздух, и та, совершив три молниеносных оборота, уверенно легла в подставленную ладонь.

Над хольмгангом царила такая тишина, что наш короткий и негромкий диалог отлично расслышали все собравшиеся. Миг, и затихшие было зрители взорвались изумленными возгласами, хохотом и бранью. Особенно старались дружки Нестора, увидевшие в наших действиях оскорбление. Можно подумать, всё так страшно! Вон, боярин Голова уж на что спесивец гонористый, и тот хоть не рад был незнакомому оружию, но униженным себя не посчитал, а эти... Я покачал головой и вышел из круга.

Хавсигер поднял руку, и шум стих, пусть не сразу, но довольно скоро.

— Начали!

Взметнулся над кругом, полыхнув радужными разводами, защитный полог, оградивший спорщиков от возможных неприятностей со стороны зрителей, и бой начался.

Как я и говорил, МПЛ не предназначена для фехтования, работа с ней больше похожа на бой топором, с тем отличием, что лопата позволяет наносить не только рубящие, но и длинные секущие, а в некоторых случаях и очень эффективные тычковые удары. Вот одним из таких «нежданчиков» Лейф и «порадовал» своего противника. Скользя под косой удар падающего сверху палаша, новик скрутился взводимой пружиной, и отточенное лезвие лопаты вошло точно подмышку вооруженной руки Нестора, заставив тяжелый абордажник упасть на моментально заалевший песок. Климин взревел от боли и ярости, а в следующий миг Лейфа унесло к самому бордюру от мощного пинка противника.

Ученик, помотав головой, поднялся на ноги, размазывая по лицу кровь из глубокого пореза на скуле,

и тут же вынужден был уйти перекатом в сторону. Как оказалось, Климин неплохо действует левой рукой, в которой уже был зажат только что выбитый палаш.

Оставляя за собой широкий алый след, Нестор лез на Лейфа, с упорством бульдозера. Прекрасно понимая, что для него счет идет на секунды, теряя силы с каждой каплей крови, Климин стремился уложить противника как можно быстрее. Не удалось.

Придя в себя от мощного удара Нестора, Лейф не стал кружить вокруг да около, выжидая, пока враг рухнет от слабости, и сам рванулся в атаку. Наверное, так выглядят два носорога, несущиеся друг на друга. Неотвратно и... потрясающе. В прямом смысле этого слова.

Два тела столкнулись в центре круга. Палаш и лопата сверкнули в воздухе, разлетаясь в стороны, и поединщики рухнули на песок, марая его кровью, осыпая друг друга сумасшедшими беспорядочными ударами. Покатались, рыча и хрипя, словно сцепившиеся медведи. Замерли. Толпа молчала. Миг, другой, и вот Лейф тяжело поднимается на ноги. Пошатываясь, он сделал несколько шагов, поднял выроненную лопату и, внимательно её осмотрев, бросил задумчивый взгляд в сторону поверженного противника.

Кажется, Скагер испугался. Иначе с чего бы ему так громко орать об окончании поединка? Хм... Может, он подумал, что Лейф действительно решил закопать своего еще живого противника прямо здесь? Ну, судя по взгляду... он был недалек от истины. Ха!

Как бы то ни было, бой окончен. Защита снята, зрители с удовольствием обсуждают прошедший бой и косятся на нас с куда более благодушным интересом, нежели перед схваткой. Ну да, странное оружие, странный учитель, ничуть не похожий на ушкуйника, но взявший Лейфа в обучение, согласно их традициям... Да и сам Лейф — молодой новик, умудрившийся об-

ставить на хольмганге пусть не первого, но уважаемого атамана, воина, за плечами которого не один поход... Внушает, так сказать.

Мельком глянув, как Бровин возится с валяющимся в круге Нестором, я хмыкнул и, встретив Лейфа, повел его к нашей коляске. Он довольно тяжело дышал, но при этом так фанил энтузиазмом и радостью победы, что я даже не стал ему ничего говорить, хотя пара замечаний так и вертелись на языке. Но это не к спеху, пропесочить его за ошибки я всегда успею, а сейчас пусть порадуется. Он действительно хорошо сработал, и это дорогого стоит.

Простой лечебный наговор остановил кровотечение, и Лейф наконец отер лицо от красных разводов. Так что теперь можно было спокойно отправляться в гостиницу, не опасаясь ненужного интереса гороховых. А там сдам ученика на руки Грацу, глядишь, Лада и не узнает, что её любимый братец не обошелся без ранений. О том, чтобы скрыть от нее сам факт хольмганга, можно было и не мечтать.

Доставив довольного, как обожравшийся сметаны кот, Лейфа в гостиницу и сдав его на руки Меклену Францевичу, я вспомнил о недавнем письме-приглашении и поднялся наверх. После недолгого размышления я решил пока не тревожить Ладу и прошел в свой номер. Пусть женушка поспит, заодно и нервы успокоит, а я напишу записку для фрау Штауфен... Или она фройляйн?

Вот, кстати, надо бы решить, брать с собой Ладу в гости или идти в одиночку? Весьма важный вопрос, особенно учитывая подозрения, что пригласили меня вовсе не для увеселения... А вот зачем именно? Ладно, узнаю на месте от самой маркизы... Эльзы-Матильды, чтоб ее...

Набросав на обороте визитной карточки извещение о скором визите, я сунул картонку в конверт

и отдал гостиничному посыльному. А уже через час тот же вихрастый мальчишка притащил ответ, который избавил меня от сомнений по поводу Лады. Маркиза ждала в гости нас обоих... на музыкальный вечер.

Не могу сказать, что такой поворот был мне уж очень по душе, но ведь теперь не отвертишься. Прийти одному, значит проявить неуважение к хозяевам дома... и к собственной жене. А явиться вместе с ней... Да я же не знаю, что этой самой Лизе-Моте от меня нужно! И втягивать Ладу в возможные приключения мне совсем не хочется...

С другой стороны, когда еще удастся показать ей европейских аристократов в естественной среде обитания? Эх. Ладно, пора идти к женушке, получать на орехи за утреннюю выходку. Впрочем, кажется, у меня есть неплохой способ попросить прощения.

Свою порцию фырчания и недовольства от Лады я все-таки получил, но от тела меня не отлучили, а значит, к следующему утру был прощен. Когда же любимая узнала, что на вечер у нас запланирован поход в гости, она тут же развила такую бурную деятельность по подготовке к предстоящему мероприятию, что я почел за лучшее слинять в салон, где присоединился к Тихомиру, в одиночестве потихоньку потягивавшему крепкий черный чай за дальним столиком.

— Странный день сегодня, а, Виталий Родионыч? — прервал молчание мой визави, наливая новую порцию чая в кипенно-белую чашку тонкого фарфора, которая в его тяжелой и широкой ладони казалась еще более хрупкой, чем была на самом деле.

— Может быть, может быть. — Я медленно кивнул. — Хотя день вчерашний был не менее странен. Но это у меня, а что такого необычного произошло сегодня у тебя, Тихомир Храбрович?

— Хм. — Бережной задумчиво покрутил в руке чашку и, так и не сделав глотка, отставил её на блюде. — Я бы сказал, что сегодня стал свидетелем чуда... даже двух, — осторожно проговорил бывший бретер и поднял на меня недоуменный взгляд. — Вот только, клянусь адским котлом, те двое, что встретились мне сегодня в порту, при жизни никогда не были такими праведниками, чтобы Господь позволил им вернуться на эту грешную землю...

— Подожди, Тихомир. Я ничего не понял. О чем ты говоришь?

— М-м? О, да... прошу прощения. — Бережной на миг сконфузился, но тут же взял себя в руки. — Я сегодня заглядывал на «Варяг» и, когда возвращался в гостиницу, по пути к выходу из порта увидел двух своих старых, очень старых знакомых. Ошибиться я не мог, но... вот те крест, Виталий Родионыч, эти люди уже лет десять как отправились за кромку. Я сам видел, как были сожжены их тела. И вот... Жаль, они слишком быстро ушли, так что я даже не успел их окликнуть.

— А ты не мог обознаться?

— Нет. — Уверенно покачал головой Тихомир. — Этих двоих я узнаю всегда. Собственно, когда-то мы... эм-м... скажем так, работали вместе, и не один год. Так-то, Виталий Родионыч.

— Понятно... И ты, разумеется, желаешь с ними встретиться? — уточнил я.

— Да уж хотелось бы. — Усмехнулся Бережной, демонстративно сжав кулак.

— Ясно-ясно. — Кажется, воскресшие знакомые бывшего бретера были ему не очень-то любезны.

На миг задумавшись, я прихлопнул рукой по столешнице.

— Вот что, Тихомир Храбрович. Поступим так. Возьмешь у нашего портье писчую бумагу и скрупулез-

но опишешь все, что тебе известно об этих людях, начиная со знакомства и заканчивая сегодняшней встречей в порту. Описание положишь в конверт, запечатаешь его в банковской конторе, в присутствии стряпчего и отдадишь его мне либо Меклену Францевичу.

Мой собеседник насупился.

— Право, не стоит оскорбляться, Тихомир Храбрович. — Вдохнул я, заметив, как изменилось настроение Бережного. — Я же не прошу писать донос в канцелярию. Более того, если желаешь, то после встречи с этими господами... если она пройдет без происшествий, разумеется, мы просто сожжем это твое письмо.

— Своего рода страховой билет, а? — покрутив головой, произнес мой собеседник и, разгладив длинные усы, махнул рукой. — Ладно уж. Чай, не мальчик, понимаю, что к чему... Будь по-твоему, Виталий Родионыч, сделаю.

Бережной кивнул и, встав из-за стола, направился в холл гостиницы, за бумагой.

М-да, всё страньше и страньше. Отправились в круиз, чтобы отдохнуть и развеяться, так и тут непонятки прут сплошным потоком.

В углу зала негромко, но басовито ударили напольные часы, и, бросив взгляд на их циферблат, я тоже принялся выбираться из-за стола. До назначенного срока оставалось не больше часа, а за это время мне нужно было еще переодеться в официальный костюм, повосторгаться видом принарядившейся Лады и добраться вместе с ней до дома Штауфенов, где нас зачем-то ожидает маркиза Лиза-Мотя. Хм. Главное, в глаза её так не назвать, или, чую, быть скандалу...

Коляска доставила нас к поместью Штауфенов точно в срок. Выйдя на мощеную площадку перед широкой лестницей парадного входа в особняк, я помог спуститься Ладе, и тут же рядом с нами материализовался туч-

ный пожилой дворецкий, затянутый в черную тройку. Серьезный и важный, какими, кажется, только и могут быть лишь дворецкие, он отвесил нам короткий поклон и, передав помощнику принятую у Лады накидку, а у меня шляпу, перчатки и трость, отконвоировал нас к дверям гостиной.

Вопреки моим ожиданиям, поначалу отчасти подтвержденным встречей дворецкого, у которого даже лысина в лучах закатного солнца сверкала высокомерно и чопорно, гостиная вовсе не поразила нас блеском и вычурностью. Иными словами, вместо ожидаемого балльного зала из кинофильмов, мы увидели довольно просторное, но чрезвычайно уютное помещение, где блеск натертого паркета был надежно прикрыт мягким ворсом великолепных персидских ковров, а на стенах разместились небольшие бра, чей свет был изрядно приглушен матовыми абажурами, неплохо сочетающимися с нежно-оливковым цветом шелковых обоев. А вот люди... Да-а. Такого набора расфранченных господ и дам я не видел, по-моему, даже на награждении у великого князя. И вдруг здесь, в Бреге, такое! Я еще раз мысленно поблагодарил Ладу за то, что она настояла на официальном костюме, и, бросив на нее короткий взгляд, не смог сдержать гордой улыбки. В своем скромном платье (если не знать, сколько стоит работа Григория Евсеевича...), с минимумом украшений (сапфировый гарнитур — свадебный подарок нашей доброй хозяйки, по стоимости не уступающий цене всего её хольмградского дома) Лада выглядела просто обворожительно.

А через несколько минут я имел возможность убедиться, что и в компании напыщенных аристократов, непонятно откуда взявшихся на Руяне, моя жена совсем не выглядит простушкой... Впрочем, тут я больше волновался на свой счет. Все-таки, хоть мне уже

и доводилось встречаться с «сильненькими» людьми в Хольмграде, еще ни разу во время тех встреч мне не приходилось судорожно вспоминать правила этикета. Там было всё как-то... проще. Так что, если за кем-то из нас двоих и нужно было бы присматривать, чтоб не наделали глупостей, то точно не за Ладой... и она это великолепно поняла. Поэтому, пока мы добирались до хозяйки вечера, женушка незаметно, но старательно делала все, чтобы я не ударил в грязь лицом. Тут незаметный кивок, там легкое пожатие ладони... В общем, через толпу гостей к месту встречи с маркизой, что с удобством устроилась в самом центре гостиной, Лада провела меня, как ледокол «Арктика» проводит караваны. И где только научилась такому дочка ушкуйника, а?

Первое, что меня поразило в хозяйке дома, была речь. Если бы не легкий, чуть жестковатый акцент, я бы ни за что не поверил, что разговариваю с иностранкой.

— Виталий Родионович. — Миниатюрная женщина лет тридцати, сидевшая в кресле, рядом с усталым на вид, исключительно усаемым господином, явно уже разменявшим пятый десяток, стремительно поднялась и, живо улыбнувшись, проговорила: — Рада, что вы столь скоро ответили на мое приглашение.

Собеседник маркизы поднялся со своего кресла и молча кивнул. А сама фон Штауфен уже перевела блестящий любопытством взгляд на Ладу и тут же удержала её от реверанса.

— Голубушка, не стоит, право. Такой официоз у меня в доме категорически неприемлем. — Хозяйка вечера шутливо погрозила Ладе пальцем. — Вы ведь супруга Виталия Родионовича, не так ли?

— Позвольте представить вам, маркиза, Ладу Баженовну Старицкую. — Эх, эта «Лиза-Мотя» своей стремительностью и пренебрежением к этикету мне просто опомниться не дает. Чуть не влетел!

— Очень приятно. — Хозяйка дома легко улыбнулась и повернулась к своему спутнику. — А я, в свою очередь, хочу познакомить вас с моим замечательным другом и настоящим рыцарем... герцогом Лауэнбургским. Оттон, не будь букой, улыбнись моим гостям!

Я на миг оторопел... Но... ему же сейчас должно быть под сотню! Или... нет, я же читал в альманахе... Здесь он родился чуть ли не на сорок лет позже... если можно так сказать. Точно!

— Чрезвычайно рад знакомству. — Кажется, я не сдержал удивления, и это не прошло незамеченным. Что ж, ла-адно. Я улыбнулся Ладе. — Дорогая, наша хозяйка щадит чувства её скромнейшего друга, так что позволь я представлю тебе сего замечательного господина. Оттон Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен, герцог Лауэнбургский, Канцлер Малого кабинета Его Величества короля Венда Вильгельма.

Глава 5

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ И СИЛЬНЫЕ МИРА

«Рыцарь» маркизы явно был не слишком доволен таким поворотом. Возможно, он, как и Эльза-Матильда, не рассчитывал на то, что кому-то окажутся знакомы иные титулы герцога Лауэнбургского. Или же, как бы самонадеянно это ни звучало, канцлер не рассчитывал, что тем самым «кем-то» окажусь именно я. А может, он просто был недоволен тем, что его своеобразное инкогнито было раскрыто, кто знает?

Но тут я должен сказать спасибо своему любопытству и купленному недавно Готскому альманаху, благодаря которому я не только узнал, кто такая Эльза-Матильда фон Штауфен, но и обнаружил фамилию знакомого еще по «тому свету» знаменитого генерал-

фельдмаршала Отто фон Бисмарка. Помнится, тогда я еще сильно удивился тому, как схожи иногда оказываются истории двух известных мне миров. «Там» знаменитый политик родился почти на полсотни лет раньше и получил герцогство Лауэнбург из рук прусского короля Вильгельма, впоследствии ставшего кайзером. А здесь вендский король с тем же именем отказался от отвоеванного им у Нордвик Дан Саксен-Лауэнбурга в пользу своего канцлера, по совместительству являющегося супругом представительницы младшей ветви Асканийского дома, присягнувшего королям Нордвик Дан еще в позапрошлом веке. Что, правда, совсем не мешает самому Оттону фон Бисмарку быть вернейшим подданным и первым советником короля Вильгельма Венедского.

Последнее, конечно, в альманахе не описывалось, но... недаром же перед отъездом князь Телепнев снабдил меня целым ворохом данных о ключевых фигурах Северного Союза, как будто предвидел, что мне придется столкнуться с их эмиссарами. Предвидел... или знал? Хм. Ой что-то не нравятся мне эти совпадения, ой не нравятся.

Как бы то ни было, Оттон Эдуард, и еще полдесятка имен, фон Бисмарк довольно быстро справился со своим недовольством, а паузу в нашей беседе скрыло щебетание хозяйки дома, успевшей за эти пару десятков секунд втянуть Ладу в оживленный разговор. Убедившись же, что мы готовы продолжить знакомство, маркиза мило улыбнулась... и увлекла мою жену куда-то в сторону. Хм. Кажется, сейчас я и узнаю, что именно понадобилось от меня представителю Вильгельма Венда.

— Виталий Родионович, позвольте без титулов? — Русский язык герцога оказался не хуже, чем у Эльзы-Матильды, что, впрочем, не так уж неожиданно.

Все-таки поморянский говор не сильно отличается от хольмградского, а именно он является основным государственным языком Венда.

— Почту за честь, Оттон Магнусович¹. — Я невольно улыбнулся, произнося столь заковыристое имя-отчество.

— Замечательно. Тогда... пока наши дамы наслаждаются музыкой, предлагаю прогуляться на свежий воздух. Знаете, с балкона на втором этаже открывается замечательный вид на окрестности. — Последние слова канцлер Вильгельма проговорил, кивая в сторону широкой лестницы, край которой был виден в дверном проеме, ведущем в холл.

Не выбиваясь из общего движения приглашенных гостей, мы совершили почти полный круг по залу и, оказавшись у дверей, вышли из гостиной. Мягкая ковровая дорожка, устилающая потемневшее от времени дерево ступеней, скрадывала стук каблуков, и тем разительнее был контраст меж праздничной и яркой атмосферой, наполненной шумом гостиной и почти полным безмолвием, царившим в темноте второго этажа этого огромного дома.

Вынырнувший из какой-то ниши слуга осветил наши лица небольшим переносным фонарем. Он не произнес ни слова, но, явно узнав моего спутника, склонился в коротком поклоне и, тут же выпрямившись, двинулся вперед, подсвечивая путь включенным на полную мощность фонарем.

Хотя, если честно, эта пантомима всё же оказала на меня определенное действие. Нет, мы не крались темными коридорами вдоль стен, шарахаясь от каждой тени

¹ В реальной истории отца Отто Бисмарка фон Шёнхаузена звали Фердинандом, так что приведенные имя и отчество можно считать авторским произволом.

и странных звуков, и не старались двигаться как можно тише, но общее ощущение некой... таинственности, что ли, всё же присутствовало, не давая расслабиться. А может, это я себя просто накрутил, не знаю. Да я, собственно, и разобраться-то толком не успел, поскольку не прошло и пары минут, как мы оказались в неброско, но удобно обставленном кабинете, освещенном лишь настольной лампой под тяжеловесным абажуром, и здесь наш проводник нас оставил. Щелкнул выключатель, и яркий свет залил пустую комнату. Канцлер, не глядя по сторонам, уверенно, как человек, прекрасно знакомый с окружающей обстановкой, пересек кабинет и, отдернув портьеру, приглашающе кивнул. Как оказалось, за тяжелой тканью занавеса расположились высокие застекленные двери. Глянцево блеснув на свету, они отворились, и мы шагнули на длинный балкон, кажется, протянувшийся во всю стену этого немаленького особняка. Здесь можно было расслышать музыку, играющую в гостиной под нами, и обрывки разговоров прогуливающих в саду людей. А дальше, за купами невысоких деревьев и плотного кустарника, можно было рассмотреть спускающийся огромными террасами к морю, ярко освещенный по вечернему времени Брег. Красиво.

— Виталий Родионович, — начал говорить мой визави, едва я смог оторвать взгляд от открывающегося с балкона вида. — Вы, должно быть, удивлены нашим приглашением...

— Признаться, это было действительно неожиданно. — Кивнул я, услышав оттенок вопросительной интонации в голосе моего собеседника. И это его: «наше»... Кажется, знаменитый герцог хочет исподволь показать, что затея с моим приглашением не столько задумка Эльзы фон Штауфен, сколько их совместное творчество. Или я опять чего-то не понимаю... — Но, надеюсь, вы развеете мое удивление.

— Что ж. Извольте, — проговорил Бисмарк и вдруг умолк, глядя в темноту сада.

— Я внимательно вас слушаю, Оттон Магнусович, — прислонившись спиной к высоким и массивным каменным перилам балкона, проговорил я.

— Хм... — Серые навывкате глаза окинули меня холодным изучающим взглядом. Герцог, кажется, совершенно бессознательно подкрутил пальцами чуть побитый сединой ус и, после секундного молчания, уверенно кивнул. — Да. Не буду ходить вокруг да около, Виталий Родионович. Само ваше появление в Хольмграде вызвало определенное, м-м, волнение в свете, если позволите такой оборот. А уж когда кое-кто из наших с вами общих знакомых обмолвился о готовящемся вами путешествии по странам Северного союза... мы просто не могли упустить такую возможность свести знакомство с представителем рода, долгое время считавшегося угасшим.

Удивление? Нет. Я был в полном шоке. Причем в таком, что на восстановление контроля над мыслями и эмоциями мне пришлось потратить не меньше минуты. И это при моих-то нынешних щитах!

— Оттон Магнусович, — каждое слово я выговаривал медленно и крайне осторожно, одновременно старательно восстанавливая и укрепляя мысленную защиту. — Я понимаю, о каком именно роде вы говорите, но... боюсь, вы совершаете ошибку. Я не имею к этой семье ни малейшего отношения. Уверю вас.

Бисмарк смерил меня коротким пронзительным взглядом и чуть заметно усмехнулся в усы.

— Не могу сказать, что удивлен вашим словам, Виталий Родионович. Более того, я вполне могу допустить, что вы сами не имеете представления о своей принадлежности к некогда знаменитому роду Старицких. Но позвольте мне попробовать доказать свои

слова. Итак, начнем по порядку. В Хольмград в поисках лучшей доли приезжает молодой человек, никому не известный, совсем незнатного рода... — Здесь мой собеседник отчетливо хмыкнул и продолжил повествование тихим, чуть рокочущим голосом: — М-да. Совсем незнатного рода, но с много говорящей понимающим людям фамилией. Молодому человеку отчаянно везет, и он почти тут же оказывается под крылом дражайшего Владимира Стояновича, главы Особой Государевой Канцелярии. О, этот молодой человек не только чрезвычайно везуч, он к тому же умелый воин, не лишенный ума и таланта, так что вскоре не только возглавляет учебный класс безоружного боя в канцелярии, но и всюсю сотрудничает с некими исследователями... Часть которых, как нам достоверно известно, также имеет касательство к ведомству князя Телепнева. И вот, не проходит и года, как сей ретивый молодой человек, взбаламутив свет Хольмграда, уже благожелательно принят аристократией, и даже представлен самому великому князю. О награде вашей умолчу, поскольку не знаю подробностей её получения, но замечу, что орден Двух Заступников несколько выбивается из ряда наград, обычно жалуемых великим князем лицам незнатного происхождения, хотя статут сего ордена прямо такого не запрещает, оговаривая лишь классный чин, с получением которого награждение сим знаком допускается. Ну и, наконец, тот факт, что вы, пробыв в столице едва ли год, уже готовитесь сдавать экзамены на чин, подразумевающий жалование личного дворянского достоинства... кое вам, ввиду вашей фамилии, необходимо лишь формально.

— Подождите, подождите, Оттон Магнусович. — Я нахмурился. Еще бы, мне и в голову не могло прийти, что моя жизнь в Хольмграде может быть рассмотрена под таким, прямо скажем, необычным и даже странным

углом. Да и осведомленность собеседника настораживает. — Но это же самый натуральный бред!

— Вот как? — Фон Шёнхаузен чуть приподнял бровь, в намеке на насмешку. Но обращать на это внимание я не стал, хотя и несколько умерил пыл, чтобы моя речь перестала походить на трескотню печатной машинки.

— Уверяю вас, это не более чем случайность. Шутка судьбы, если хотите. Да, по настоянию нескольких знатоков, — да уж, «знатоки» те еще! До сих пор иногда по ночам снятся эти уроды с их алтарем и жертвенным кинжалом, — я действительно приехал в Хольмград, имея при себе кое-какие материалы, чтобы найти философов, которые бы в них разобрались. И адъюнкт-профессор Грац, с которым я познакомился в поезде по пути в столицу, любезно согласился мне помочь с поиском таких исследователей. То, что я получил должность наставника безоружного боя у охранителей Особой канцелярии, тоже его заслуга. Именно он составил мне протекцию у князя Телепнева, поскольку на момент приезда в Хольмград я изрядно поиздержался, и мне был необходим хоть какой-то источник средств к существованию. Дальнейшие же происшествия, в результате которых я был награжден орденом из рук государя, иначе как стечением обстоятельств и вовсе не назвать.

Я выдохнул, выдав эту фразу, и мысленно погладил себя по голове. Ведь ни словом не солгал, а? Похоже, я все-таки смог полностью восстановить эмоциональный контроль.

— Ну и наконец, я не очень понимаю, о какой аристократии, якобы принявшей меня, вы говорите.

— Вита-алий Родионович... — Бисмарк покачал головой, глядя на меня, словно воспитатель на неразумное дитя. — Вспомните любезную графиню Смольянину, у которой, как нам известно, вы квар-

тируете... Или княжича Туровского, чей весьма забавный вид довелось наблюдать всему Хольмграду после вашей свадьбы, на которой он, кстати, присутствовал... всё это люди известные и их внимание к вашей персоне не могло пройти незамеченным в свете. Делайте выводы, государь мой Виталий Родионович. Делайте выводы...

Черт знает что такое, он ведь не шутит! И что мне теперь делать? Я взглянул на вновь уставившегося куда-то в темноту собеседника и тяжело вздохнул. Тоже мне, «делайте выводы, государь мой». Дурдом ка... государь мой? Вот попал! Как же я раньше-то не сообразил? В записке-приглашении, что передала мне маркиза, было точно такое же обращение. И ведь сколько времени убил, заучивая все эти обороты, чтобы не опростоволоситься в случае чего! А в нужный момент даже не вспомнил, что так обращаться друг к другу в письмах могут только равные по статусу... идиот! Можно было бы сразу связаться с князем по телеграфу, глядишь, он бы и подсказал чего умного, а теперь вертись тут, как уж на сковородке. Ар-р. Теперь думай, что делать, бра-вый. А то ведь схарчат тяжеловесы. Катком пройдутся.

— А что вы говорили о неких знакомых, что известили о моем приезде? Не могли они вас ввести в заблуждение? — поинтересовался я, в очередной раз справившись с накатившими эмоциями.

— О, это было бы вполне возможно... в любом ином случае. Мой коллега, господин Рейн-Виленский, как собственно и неоднократно упомянутый сегодня князь Телепнев, признаться, не большие любители откровенничать. Но историю вашего происхождения легко проверить, и я не думаю, что зная об этом, они пошли бы на подобный бессмысленный обман. — Мой собеседник развел руками и кивнул в сторону дверей, ведущих в кабинет.

— Хм. — Честно говоря, до меня не сразу дошел смысл сказанного Бисмарком... Зато когда это все-таки произошло... От ступора меня удержало только то, что сил на удивление попросту не осталось. Хотя разум еще несколько минут отказывался принять факт, что вся эта история — выдумка моего же собственного шефа и государева секретаря. Вот навалили счастья, интриганы международные. Я тряхнул головой и медленно выдавил из легких ставший вдруг густым и тяжелым для дыхания воздух. — И в чем же заключается эта самая проверка, Оттон Магнусович?

— Сверим кровные метки. Видите ли, наша любезная хозяйка маркиза Эльза-Матильда также в родстве со Старицкими, хотя и весьма отдаленном. Но, это значит, что в её семье хранится кровная метка вашего... скажем так, предполагаемого рода. Если вы не возражаете, то мы можем провести сверку прямо сейчас. Это не займет много времени и наверняка снимет любые вопросы и предположения.

Это что же, здешние удалыцы до генетического экспресс-анализа додумались?! Однако. Ну и черт с ним. Мне всё равно не остается ничего иного, кроме как кивнуть. А что? Если мой драгоценный шеф вкупе с не менее драгоценным государевым секретарем устроили это шоу, рыпаться бесполезно. Да и если речь Бисмарка — ложь от первого до последнего слова, и Телепнев с «Железным Феликсом» здесь не при делах, мне всё одно деваться некуда. Нет, можно, конечно, перемахнуть через перила и исчезнуть в ночи, но... Здесь же осталась Лада, куда я без нее?

— Что ж. Идемте, Оттон Магнусович, проведем эту вашу проверку и, наконец, закроем вопрос. — Я шагнул к балконным дверям, и краем глаза поймал отраженную в стекле довольную улыбку, мелькнувшую в пышных усах моего визави.

Едва мы вновь оказались в кабинете, герцог тронул лежащий на рабочем столе колоколец, и на звук тут же явился давешний молчаливый слуга.

— Позови хозяйку. Скажи, что мы ждем её в кабинете, — коротко приказал мой собеседник.

— И мою жену. Лада Баженовна наверняка уже волнуется по поводу моего отсутствия, — дополнил я, но прежде чем принять мои слова к сведению и исчезнуть, слуга дождался дозволяющего кивка от герцога. Вот так-то.

Маркиза появилась спустя лишь несколько минут, которые мы с Бисмарком провели в молчании. А вот Лада задерживалась. Впрочем, её присутствие было необязательно, а потому ждать дольше никто не стал. Едва хозяйка дома показалась на пороге кабинета, она тут же обменялась с герцогом коротким взглядом и, подарив мне вполне благожелательную улыбку, молча проплыла к одной из картин, что украшали стены комнаты. Кто бы сомневался, что за ней окажется сейф?

Из глубины вмурованного в стену хранилища маркиза извлекла небольшой пузырек с облитой сургучом и скрепленной печатью крышкой, полыхнувший в её руках слабым голубоватым сиянием. Внутри этого фиала виднелась игла, а на дне расплылось пятно некой черной субстанции, больше всего похожей на давно засохшую кровь. Так же молча Эльза-Матильда протянула этот самый пузырек мне... Покосившись на этот предмет, я вздохнул. И что мне с ним делать?

Вот только задать этот вопрос вслух не успел. Едва фиал оказался в моей ладони, как кабинет озарила ярчайшая вспышка, на миг окрасившая обстановку в синий цвет. Проморгавшись и прогнав круги, мелькавшие перед глазами, я выдохнул, в лучших традициях одного неизвестного здесь генерала.

— Что это было?

— Узы крови, князь. И ничего более, — как-то чересчур спокойно заметил Бисмарк. А вот хозяйка дома явно потеряла душевный покой. По крайней мере, платочек, которым она только что стирала пыль с ладоней, в считанные секунды оказался изорван на мелкие клочки.

— То есть это...

— Да, — резким от волнения тоном оборвала меня Эльза-Матильда. — Метка откликнулась на зов родной крови, да так, что впору предположить... Впрочем, это всё равно невозможно...

— Хм... извините, господа, но в этом вопросе я абсолютный невежда, а потому прошу объяснить, что вас так поразило. — Я постарался высказаться максимально вежливо, хотя готов был орать от бессилия и непонимания происходящего... и беспокойства, как мне показалось, совершенно не связанного с происходящим в этом кабинете действием.

Маркиза посмотрела на бледного Бисмарка беспомощным взглядом.

— Хорошо. Я постараюсь объяснить... — Вздыхнул тот. — Эльза, у вас найдется пустая метка?

— Да, но...

— Согласитесь, будет проще пояснить на примере, — не дал ей договорить герцог, и женщина, кивнув, вернулась к сейфу. На сей раз, на свет был извлечен совершенно пустой пузырек. Бисмарк взял его в руки и, проколов палец иглой, закрепленной на внутренней стороне крышки, принялся выдавливать в граненый флакон собственную кровь. Одновременно герцог продолжил речь почти лекторским тоном: — На этот сосуд наложен довольно сложный набор конструктов. Одни отвечают за сохранность хранимого в флаконе материала, другие направлены на прочность самого сосуда,

а третьи отвечают за сличение ментального отпечатка материала внутри и... снаружи. Как только фиал будет закрыт, конструкторы начнут работу. Вы видели, как отреагировала метка, оказавшись в руке нашей любезной хозяйки?

Я кивнул.

— А теперь... Эльза, будьте так добры, запечатайте фиал. — Бисмарк аккуратно передал крышку с иглой и пузырек со своей кровью маркизе, после чего легким ментальным усилием заживил место укола и, дождавшись, пока наша собеседница выполнит его просьбу, протянул ей руку. Миг, и помещение опять залило яркое синее свечение. Нужно быть идиотом, чтобы не понять смысла этих манипуляций.

— То есть, вы хотите сказать, чем больше сходство, тем ярче вспышка. Не так ли? — Вопрос, можно сказать, был задан мною для проформы.

— Именно. И судя по тому, как отреагировала на вас метка, вы принадлежите к основной ветви рода Старицких, а не просто несете в себе часть их крови, как, например, наша маркиза. — Короткий уважительный кивок в сторону явно успокоившейся Эльзы-Матильды.

— М-да. И ошибки быть не может? — протянул я, понимая, что в очередной раз попал в переплет.

— Нет. — Ответ был не менее короток, чем недавний кивок, и подразумевал абсолютную уверенность Бисмарка в своем мнении.

Но продолжить разговор нам не дали. На пороге возник уже знакомый слуга и, дождавшись дозволяющего кивка маркизы, заговорил.

— Прошу прощения. Мы не можем найти госпожу Старицкую.

В тот же миг, словно эхом его слов, в приоткрытую балконную дверь ворвался звук недалекого выстрела,

и мое беспокойство, чуть притихшее от новостей, вдруг заявило о себе с новой силой. Не думая ни о чем другом, я рванул на балкон и, не обращая внимания на предостерегающий крик герцога, махнул через перила. Высота второго этажа здесь это немало, но... Брошенный под ноги конструкт и короткий пережат изрядно смягчили падение.

Дорогу я не выбирал. Несся на звук выстрела, проламываясь через кустарник, словно лось через весенний лес. Пересекая очередную тропинку, я услышал короткий, но довольно громкий вскрик из-за темнеющей впереди каменной ограды и поднажал. Не знаю почему, но я должен быть там. **НЕМЕДЛЕННО!**

Приказ — и якоря отпущены. Тело послушно рвется вперед, звуки смазываются, и ночная темнота словно раздвигается. Трехметровый каменный забор — ничто для находящегося в боевом трансе. Миг — и я наверху. Совсем рядом, почти подо мной раздается удар хлыста и под конское ржание стоящая под оградой карета срывается с места. Ну нет! Прыжок, длинный, на пределе возможностей... и приземление на крепкую крышу кареты. Удар по шее вырубает «водителя», и он кулем валится с козел. Хорошо. Я подхватываю вожжи и тяну их на себя. Лошади снова обиженно ржут, но замирают. Еще один прыжок — и на стенке кареты, там, где секунду назад была моя спина, появляются неровные выбоины. Звуки выстрелов отдаются в ушах басовитым рокотом.

Подшаг, рву на себя дверь кареты и влетаю внутрь, точно под ствол барабанника. Хруст ломаемой кости. Что ж ты так орешь, болезный? Открытый перелом руки не самая страшная вещь в этом мире. Удар под ключицу. Хрип и сонный вздох. Поспи. Второй тянет дрожащую правую руку к отвороту пиджака, левой прижимая к себе тело, закутанное в темную плотную

ткань, из-под которого виднеется край знакомого платья. Даже не мечтай, с-сука. Улыбаюсь... и вываливаюсь из транса. От удивления. Он упал в обморок! Такого я еще не видел, честное слово.

— Экий я страшный, оказывается, — бормочу, осторожно разматывая огромный штормовик. Медицинские конструкторы-диагносты срываются с моих ладоней и окутывают пребывающую без сознания Ладу. Я облегченно вздыхаю. Ничего серьезного. Разве что легкое сотрясение мозга от удара по затылку.

Поднимаю с пола знакомый миниатюрный барабанчик, подаренный мною жене, после, кажется, такого далекого, а на деле только позавчера состоявшегося похода за презентами, разряжаю его и опускаю в карман своего пиджака.

Устроив сомлевшую Ладу поудобнее на мягком диване, вытаскиваю за шиворот горе-похитителей из кареты и приложив их для профилактики ногой по почкам и сонным наговором по безмозглым «котелкам», оглядываюсь в поисках «водилы». Нашел. Подтащив тело к его, уже уложенным рядком, приятелям, в целях восстановления справедливости, также наградил уroda футбольным ударом в бочину.

— Князь, вам помощь не нужна? — Голос Бисмарка донесся до меня из небольшой толпы людей, выпавших из ворот поместья, буквально в ста метрах от нас. Вот надо ему было орать про князя, а?! Эх, да что уж теперь...

— Благодарю, герцог. Было бы замечательно, если бы вы замолвили за нас с Ладой словечко перед госпожой фон Штауфен. Хотелось бы воспользоваться её гостеприимством до утра, поскольку, боюсь, в нынешнем состоянии Лады поездка в карете ей будет противопоказана. Растрясет.

Глава 6

ПРАВИЛЬНЫЙ ВОПРОС — УЖЕ ПОЛОВИНА ОТВЕТА... ИНОГДА НЕПРАВИЛЬНОГО

Гости покинули дом Штауфенов, едва в холл особняка вошли Грац и Бровин в сопровождении обширного и не в меру усатого городского. Обменявшись короткими приветствиями с хозяйкой, блюститель порядка потопал следом за слугой в подвал, где временно разместили горе-похитителей, а доктора тут же исчезли на втором этаже, за дверью гостевой комнаты, где устроили пока еще не пришедшую в сознание Ладу. Впрочем, там они пробыли недолго, так что мои метания у дверей не продлились и получаса. Бровин тут же попрощался и ушел, а Грац, окинув меня изучающим взглядом, протянул знакомую бонбоньерку, в которой на этот раз оказались не пилюли-говоруны, а обычное успокоительное, для разнообразия, наверное.

— Примите, Виталий Родионович. Полегчает, — коротко проговорил Меклен Францевич и, внимательно проследив, как пара горошин исчезают у меня во рту, довольно кивнул. — Идемте в гостиную. Ладе Баженовне сейчас нужен только покой и никаких тревожений, а вы, уж извините, просто-таки фонтанируете эмоциями.

— Но, а как же... — Я глянул в сторону плотно прикрытой двери спальни, и Грац, вздохнув, решительно подтолкнул меня в спину.

— Идемте-идемте. Всё с вашей супругой в порядке. Выспится и будет как новенькая. Разве что возможны головные боли и тошнота, но это ненадолго. Дня три-четыре, и всё пройдет, уверяю вас.

— И что, ничего нельзя сделать с помощью того же естествознания? — чуть успокоившись, поинтересовался я.

— Я бы не рекомендовал. — Отрицательно покачал головой Грац. — Видите ли, мозг это такая сложная структура, что лучше туда не лезть с грубыми ментальными конструкциями, впрочем, с ним и тончайшие корректирующие воздействия могут таких дел наворотить, что не дай бог! Уж извините. Так что только чистые травяные настои и, может быть, легкие болеутоляющие. Да, но на этот счет можете не волноваться, мой коллега составил рецепт, так что завтра из местной аптеки поставят всё необходимое.

Слушая мягкий увещающий голос Граца, я и не заметил, как он довел меня до гостиной, где уже устроились за небольшим столиком хозяйка дома и так удививший меня сегодня Бимарк. Сам же Меклен Францевич исчез, словно его здесь и не было.

Правда, обстоятельного разговора у нас так и не получилось. Несмотря на успокоительное от Граца, я всё еще был слишком взвинчен, чтобы вести долгие вальяжные беседы, а потому ограничился лишь высказыванием благодарностей хозяйке дома за то, что позволила воспользоваться её гостеприимством. Эльза-Матильда в ответ лишь грустно вздохнула.

— Полно, Виталий Родионович. Как принимающая сторона, я должна была обеспечить безопасность моих гостей, но раз уж это мне не удалось, позвольте хоть так искупить свою вину. — Покачала головой фройлян Штауфен и тут же улыбнулась. — А знаете, ваша супруга настоящая героиня! Это ведь она стреляла и... удачно, между прочим. Одного из этих молодчиков прямо-таки наповал уложила. Настоящая амазонка, право слово!

Теперь пришла моя очередь вздыхать. Да, как оказалось, несмотря на всю демонстрируемую нелюбовь к оружию, Лада все-таки носит с собой мой подарок. Хм... Заодно становится понятным, почему я так резко

отреагировал на происходящее и сломя голову понесся незнамо куда, едва заслышав стрельбу. Ничего странного. Я ведь сам отстрелял не один десяток патронов из подаренного жене барабанника, так что стоило услышать выстрел знакомого оружия, и подсознание тут же забило тревогу... А уж узнать звук «Блеман-Кассо» нетрудно, эта пятизарядная малышка рывкает, как хороший четырехлинейник. Ну и ладненько, одной загадкой меньше. Осталось разобраться с напавшими на мою жену уродами и... с «присвоенным» мне титулом. Ага, что называется, начать и кончить. Дьявол, и почему я не могу и дня прожить спокойно в этом мире, а? Нет. Стоп. Мне нужно передохнуть.

— Вы правы, маркиза, моя жена — чудо. Вот только сейчас... — Я кивнул, замялся... и вдруг, неожиданно для себя, зевнул. Позорище!

— Ох, что же это я! Ничего не говорите. Я всё прекрасно понимаю, Виталий Родионович. Это был тяжелый вечер и для вас и для нее. Я распоряжусь, и вас немедленно проводят в спальню. — Эльза-Матильда махнула рукой, в которой неожиданно блеснул колокольчик, и на хрустальный перезвон тут же явился уже виденный мною сегодня слуга. — Олаф, проводи нашего гостя в покои по соседству с комнатой его супруги. И убедись, что там найдется всё нужное.

— Благодарю вас. — Я поднялся с кресла и, откланявшись, потопал следом за слугой, затылком чувствуя пристальный взгляд неожиданно ставшего столь молчаливым Бисмарка.

Вот только стоило мне оказаться в комнате, уставленной громоздкими шкафами и огромной кроватью под тяжелым балдахином, как вся сонливость куда-то пропала, словно её и не было. А в голове закружили вопросы и, каюсь, большая их часть никак не была связана с сегодняшним происшествием. Правда, в этом отноше-

нии меня успокаивала мысль о валяющихся в подвале горе-похитителях. Сыскари разберутся, зачем им понадобилась моя Лада. А уж скрыть ход расследования от «канцелярской крысы» местному сыску не удастся, несмотря на всю декларируемую экстерриториальность Руяна. Как бы то ни было, а остров находится под защитой Руси и Венда, о чем сами руянцы не забывают. Еще бы! Если бы не поддержка двух государств, Нордвик Дан давно прикрыл бы эту лавочку. Ему-то этот оплот флибустьерства что кость в горле... Хм. Опять сбился.

Я остановился у высокого окна, выходящего в уже знакомый мне сад, и, нашарив во внутреннем кармане пиджака плоский серебряный портсигар, закурил короткую папиросу. Легкие наполнились ароматным дымом, и вместе с ним ко мне пришло долгожданное спокойствие. Мозг заработал, отщелкивая варианты, но вскоре пришлось признать, что имеющейся у меня информации совершенно недостаточно, чтобы делать какие-то далеко идущие выводы. А значит? Значит, нужно собирать данные. Я побарабанил пальцами по массивному подоконнику и решительно взялся за колокольчик.

Давешний Олаф появился в комнате, когда под толчком еще, кажется, не прекратило метаться короткое эхо перезвона.

— Чем могу помочь?

— Думаю, можете. Скажите, Олаф, в доме маркизы имеется телефонный аппарат? — затушив бычок в затуейливо украшенной малахитовой пепельнице, поинтересовался я.

— О да, разумеется. — Тут же кивнул мой собеседник. — Еще старший брат маркизы, будучи владельцем брежского имения, распорядился об установке в доме личного телефонного аппарата. Буду рад провести вас к нему.

— Идемте. — Кивнул я, не став уточнять у гордого служителя, к кому именно он собирается меня отвести. К телефону... или почтенному, пять лет как почившему, старшему брату фройлян Эльзы.

Номер гостиничного телефона я запомнил, а потому связаться с Тихомиром сложностей не составило. Нет, была, конечно, невеликая возможность, что бывший бретер умчался в поход по значным местам Брега, но она так и осталась лишь вероятностью.

— Тихомир Храбрович, доброго вечера. Вы уже слышаны? И? — Короткий разговор с Тишилой пролился бальзамом на мое сердце. Оказывается, как только охранитель узнал от Граца, вдруг резко засобиравшегося в имение Штауфенов, о происшествии, то тут же отрядил свободную смену наших охранников «в помощь» городовому. Так что теперь можно не опасаться, что с бандитами, напавшими на мою Ладу, произойдет что-нибудь интересное... вроде побега или свинцового отравления, по крайней мере, до того, как я с ними поговорю. Славно. А мне остается только пинать самого себя за нерасторопность. Ведь мог же и сам сообразить приставить к этим уродам охрану.

Поговорив с Тишилой и попросив его передать Меклену Францевичу по его возвращении, чтоб тот удержал обоих Беловых от буйства, я повесил трубку телефона на рычаг и поплелся обратно в выделенную мне комнату.

Второй вопрос можно будет прояснить завтра. Придется отправиться на «Варяг» и телеграфировать с него в Хольмград пару интересных вопросов для князя Телепнева. Конечно, не факт, что старый интриган ответит честно, но... даже лживый ответ содержит в себе частичку правды. Вот и посмотрим. А сейчас можно и лечь поспать. Только не здесь.

Я огляделся и, найдя взглядом неприметную дверь в стене, решительно шагнул к ней. Как я и ожидал, за

дверью оказалась ванная комната и выход в спальню, где сейчас отдыхает моя жена. Не заперто, замечательно.

Окинув взглядом огромную кровать, на которой хрупкое тело Лады просто потерялось, я начхал на все правила и, во мгновение ока раздевшись, скользнул под одеяло к жене. А Лада словно только этого и ждала. Приоткрыла на миг сонные глаза, подкатилась мне под бок и, крепко обняв, тут же засопела как ни в чем не бывало... Вот теперь можно спокойно спать.

Утром, после легкого завтрака в компании блистающей улыбкой хозяйки дома и хмурого Оттона Магнусовича, явно недовольного невозможностью поднять тему вчерашней нашей беседы, мы с Ладой сели в экипаж и отправились в гостиницу, фактически под конвоем свободных от дежурства в участке охранителей. Вопреки моим ожиданиям, возглавил этих молодчиков вовсе не Тишила, а Грац. Впрочем, я был ему за это только благодарен, все-таки Лада еще не отошла от ночного приключения, да и последствия легкого сотрясения сказывались. Так что коллекция всевозможных лекарств от нашего штатного эскулапа была как нельзя более кстати.

В салоне гостиницы нас встречала вся команда путешественников. Начиная с Беловых и заканчивая растерянным Попандопуло, то и дело переводившим взгляд с расстроенной Хельги на устало прислонившуюся к моему плечу Ладу. Берг Милорадович хмуро уставился куда-то в дальний угол зала, а за спинкой его кресла обосновался Тихомир Храбрович. Бывший бретер зло стрелял глазами по сторонам и, кажется, готов был броситься на любого постороннего, если бы таковой обнаружился в салоне.

Все они только что выслушали историю наших вчерашних приключений, с небольшими изъятиями

в части моей беседы с канцлером, разумеется, и теперь просто молчали, размышляя над сказанным. Я не стал дожидаться, пока кто-то из присутствующих начнет задавать какие-либо вопросы, и, кивком указав охранителям на лестницу, поднявшись с дивана, увлек Ладу за собой. Поднявшись в номер, я помог жене раздеться и, уложив в постель, предельно аккуратно погрузил её в сон. Выглянув в гостиную, поманил пальцем одного из охранителей и, дождавшись, пока он окажется в спальне, указал ему на кресло в углу.

— Твой пост. Если кто сунется в окно, бей на поражение. — Служака кивнул, выудил из-за отворота пиджака внушительный «Барринс» и молча уселся в кресло.

Следующий пост я выставил в гостиной, обязав одного охранителя также наблюдать за окном, а второй сосредоточил всё внимание на дверях, ведущих в коридор и мой номер. Вот и славно. Минимальная подготовка выполнена, теперь можно заняться остальным.

Разграбив свой арсенал, я слетел вниз по лестнице и, оказавшись в салоне, подошел к Беловым.

— Лейф. Часа через два смени охранителя в спальне Лады. Она к тому времени может проснуться, так будет лучше, если в этот момент рядом с ней будешь ты, а не он. — Не дожидаясь реакции посмурневшего новика, я повернулся к тестю. — Бажен Рагнорович, к полудню телеграф на «Варяге» должен работать в защищенном режиме. Это возможно сделать без запуска ходовой?

— Хм... Неужто вы ознакомились с документами по установленной на яхте защите? — Прищурился наш капитан, потерев бороду. Вот только тон его остался холодным. В принципе, могу понять старого ушкуйника. С момента нашего прибытия на Руян события идут валом, и у тестя есть причины винить в происходящем своего неугомонного зятя. Хотя, конечно, немного

обидно, но... Не до того сейчас, совсем не до того. Надо срочно решать накопившиеся проблемы, пока они не превратились в лавину, которая с легкостью погребет под собой и меня и моих спутников. А потому оставим сантименты. Очевидно, Белов-старший тоже не дурак читать по глазам, потому как не стал тянуть за хвост и договорил: — Отрадно. Но... нет. Без запуска машины, защита, в том числе и телеграфная, действовать не будет.

— Значит, придется запустить. — Я пожал плечами и надавил: — К полудню, не позже.

— Сделаю. — Кивнул тесть и, резко развернувшись, потопал к выходу. А я, проводив взглядом фигуру капитана, обратил всё свое внимание на Тихомира Бережного.

С момента моего ухода наверх Тихомир Храбрович явно немного успокоился, так что сейчас уже можно было не бояться оказаться поджаренным теми молниями, что он метал взглядом, когда мы только вернулись из поместья Штауфен.

— Что с охраной татей? — Вопрос не застал бывшего бретера врасплох.

— А что с ними? Караулят, как и было велено. Сидят у камеры этих молодчиков и глаз с них не спускают. Разве что на допросе не присутствовали. Но оно и понятно, кто ж их туда пустит, без надлежащих бумаг-то?

— Что ж, это хорошо, — протянул я. — Скатаемся в околоток?

— Отчего ж не скататься. Только не в околоток, а в участок. Там их держат. — Ха, кажется, я знаю, у кого мастер клинка стащил этот характерный прищур.

— Тогда поехали.

Коротко раскланявшись с остающимися в салоне членами нашей компании, мы с Тихомиром вышли на улицу, залитую ярким солнечным светом и, остановив

первого попавшегося извозчика, покатали в участок, разбираться с уродами, так лихо испоганившими нам с женой и без того не лучший вечер.

Брежский оплот правопорядка встретил нас тишиной, сонной и унылой. Несколько небольших помещений на первом этаже доходного дома, где разместился полицейский участок, на первый взгляд были абсолютно безлюдными. Впрочем, это впечатление оказалось неверным. Стоило нам с Тихомиром миновать пустынный холл и войти в длинный, плохо освещенный коридор, как где-то впереди хлопнула дверь и послышался шум шагов, сопровождающийся негромкой, но быстрой речью. Ба, да это же Климин-старший, и что же он здесь забыл, интересно?

Смерив нас коротким взглядом, бывший ушкунник, в сопровождении уже знакомого мне усатого городского, просквозил мимо, только что не полыхая от злости. О как. Всё любопытственнее и любопытственнее. Стоп. Это позднее. А сейчас нужно найти охранителей и кого-то из старших чинов.

Участковый надзиратель, царь и бог и воинский начальник здешней полиции, нашелся за той же дверью, откуда только что вышел Климин. Хм.

— Доброго дня, господин... капитан. — Пробежав взглядом по погонам сидящего за широким двухтумбовым столом начальника, проговорил я. Тихомир, занявший место у меня за плечом, с неожиданной сноровкой выхватив из моих рук только что снятые шляпу и перчатки, застыл изваянием, изображая верного слугу. Однако. Талантливо играет старый воин.

— Доброго, доброго. — Покивал наш собеседник, поднимаясь из-за стола. — Чем могу служить, уважаемый...

— Старицкий, Виталий Родионович. — Я протянул руку длинному и худому словно жердь надзирателю,

и тот неожиданно крепко её пожал. Желчное, хмурое лицо полицейского попыталось выдавить улыбку, но результат больше походил на нервный оскал, частично смягченный щеткой седоватых усов.

— Как же, как же. Уже наслышаны. Капитан Сворссон, кстати, — проговорил надзиратель, изобразив кавалергардский поклон. Уселся в кресло и, побарабанив пальцами по истертой крышке стола, словно спохватившись, указал на стул для посетителей. Скрипучий и жутко неудобный, как оказалось, едва я уместился на этом пыточном инструменте. А участковый надзиратель не умолк. — Прискорбное событие, да. Но сами понимаете, Виталий Родионович, Брег — город портовый, и специфика его такова, что сюда постоянно прибывают различные темные личности. Конечно, мы стараемся предотвращать происшествия, подобные вчерашнему, но... если бы вы знали, как не хватает людей и, стыдно сказать, финансов! Суммы, выделяемые нашему ведомству, до смешного малы, у меня на участке три околотка и всего девять, вдумайтесь только... Девять городских! И те низшего оклада. А нанять большее их количество нам просто не на что. Как уж тут уследить за порядком...

Я не понял, он меня за фининспектора принял или за благотворительную организацию?! На кой мне знать, сколько у него людей и как мало денег поступает из казны?

— М-да. Это, несомненно, весьма печально, капитан Сворссон. — Я задумчиво покивал. — И я вас прекрасно понимаю. Ничтожное финансирование — настоящий бич многих ведомств, а уж об их городских и земских отделениях и говорить нечего. В общем, мне не в чем упрекнуть ваших людей, тем более что вчера городской явился сразу, как только узнал о происшествии у имения маркизы Штауфен. Собственно... как

вы догадываетесь, лица, задержанные вашим чином, и составляют тот интерес, что привел меня сегодня к вам. Я бы хотел побеседовать с этими людьми, может быть, они расскажут, для чего им понадобилась моя жена.

На последних словах участковый надзиратель явно дрогнул. От него ощутимо потянуло недовольством с легкой примесью опаски.

— К чему это, Виталий Родионович? — Пожал плечами капитан. — Мы уже допросили этих молодчиков. Обычные тати, позарились на украшения прогуливающейся в саду у ворот дамы... Если желаете, могу даже допросные листы показать.

О как!

— Буду вам весьма благодарен. — Я растянул губы в улыбке, а участковый надзиратель, подхватившись, чуть не выпрыгнул из-за стола. Но в последний момент сдержался и нарочито медленно подошел к массивному шкафу. Отперев дверцы, рука капитана скользнула вдоль полки в поиске нужной папки, походя смахнула слежавшуюся пыль с нумерованных по годам укладок на и без того не слишком-то чистый пол, и, ловко ухватив длинными костистыми пальцами одну из стоящих в нижнем ряду папок, потянула её на себя.

— Вот. Да... Именно это. — Капитан Сворссон раскрыл полупустую укладку, и на стол передо мной опустилась тоненькая кипа листов желтоватой бумаги, исписанных химическим карандашом.

Ну да, кто бы сомневался! На каждом протоколе, или как здесь принято говорить, допросном листе, было написано одно и то же. Слово в слово, как под копирку. И подпись самого Сворссона, как проводившего допрос. Ну-ну.

— Благодарю вас, капитан Сворссон. — Я протянул участковому надзирателю прочитанные листы, но когда

он попытался их взять, чуть придержал пальцами бумагу. — С вашего позволения, могу я скопировать эти записи? — Сворссон нахмурился, и я поспешил дать объяснение: — Понимаете, моя жена — особа юная и, как все молодые девушки, чрезвычайно впечатлительная. А тут еще и доктор, диагностировав у нее легкое сотрясение мозга, заявил, что любые волнения Ладе Баженовне строго противопоказаны. Думаю, если покажу эти листы, доказав тем самым поимку напавших на нее молодчиков, она хоть немного успокоится. Господин капитан, прошу, вы меня крайне обяжете.

— Бог с вами, Виталий Родионович. — Чуть поколебавшись, вздохнул Сворссон. — Романтика медового месяца и такие приключения... Конечно, я вас понимаю. Копируйте.

— Благодарю вас, капитан Сворссон. От всей души. — Я положил допросы на стол, и участковый надзиратель, усевшись на свое место, тут же протянул мне несколько пустых листов бумаги. И то верно. Легче перенести на них текст, чем с нуля создавать полные копии.

Аккуратно переложив допросные листы так, чтобы каждый из них оказался на чистом, я настроился, и спустя несколько секунд над столом Сворссона вспухло еле заметное облако снежинок, а на каждом подложенном листе проступил текст, в точности повторяющий писанину допросов. Вот и все. Фокус несложный и полезный. Теперь отличить копию от оригинала можно только после исследования. А оно состоится обязательно... в рамках служебного расследования.

Больше нам здесь делать было нечего, поэтому, распрощавшись с капитаном, мы с Тихомиром постарались как можно быстрее покинуть обитель порядка.

— Тихомир Храбрович, отзывает наших охранителей, — проговорил я, едва за нами закрылись тяжелые

двери полицейского участка, и мы вновь оказались на улице. — Здесь им делать нечего.

— Как же это? — не понял Тишила.

— Объясняю, — стукнув тростью о каменную ступень крыльца, процедил я. — Скорее всего, сегодня этих татей переведут в другое место, или, быть может, содрав штраф, отдадут на поруки, например, тому же Климину. Задача наших орлов — проследить за тем, куда они отправятся. И доложить мне. Ясно? На рожон не лезть, глаза не мозолить. Следить тихо и незаметно. Впрочем... это они и без моих объяснений должны понимать. Все-таки Ратыша их хоть немного, да гонял по части негласного сыска.

— Не скажу, что всё понял, но... распоряжусь, Виталий Родионыч, — пожевав ус, медленно проговорил Тихомир.

— Желательно прямо сейчас. — Кивнул я. — Чтоб этот... Сворссон видел, как мы снимаем наблюдение с уродов. Иди. А я извозчика поймаю. Мне еще в порт ехать.

— Сделаю. — Миг, и Бережной исчез. Только хлопнула тяжелая створка входной двери.

До порта я добрался быстро. А там Белов уже, окаяется, запустил машины, так что «шифrogramма» в Хольмград ушла через пять минут после наступления полудня. Оставалось только ждать ответа. Конечно, телеграф это не мобильник, а телеграмма не эсэмэска, так что глупо было надеяться на немедленную реакцию Особой канцелярии. Потому, оставив тестя дежурить у аппарата, я отправился обратно в гостиницу. Несмотря на хорошую погоду, шляться по «гостеприимному» Брегу желания у меня не было.

Тишила появился в салоне только на закате, когда я как раз ломал голову над телеграммой от князя Телепнева. Ворвался, словно вихрь. Глаза блестят, руки

мечутся, будто испуганные птицы, в общем, старый бретер пребывал, что называется, в аффектации.

— Виталий Родионыч, как ты догадался?! — Ну и что ему ответить?

— Элементарно, дорогой друг. Элементарно. — Эх, трубки не хватает.

ЧАСТЬ 3

Глава 1

НОЧЬ — ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ЗАДУШЕВНЫХ БЕСЕД, НЕ ПРАВДА ЛИ?

Потратив несколько минут, я все-таки смог хотя бы временно отвертеться от вопросов Бережного и фактически заставил неугомонного бретера рассказать об итогах работы наших «топтунов». Настропаленные Тихомиром охранители смогли проследить весь путь участников нападения на Ладу, действительно отпущенных Сворссоном после короткого заседания городского суда и уплаты солидного штрафа в казну города. Кстати, деньги за них внес тот самый полусотник, Любим Будеславич Климин. И не было ничего удивительного в том, что едва оказавшись на свободе, тати, взяв извозчика, тут же помчались в станционный городок, где квартировали флотские экипажи адмиральской эскадры.

Проследить за действиями молодчиков на территории городка тоже не составило труда, что поначалу меня немало удивило. Впрочем, вспоминая историю «того света», и в частности, многочисленные описания плачевного состояния контрразведки в Порт-Артуре и Владивостоке во время Русско-японской войны, я вынужден

был признать, что отсутствие серьезной охраны и четкого режима секретности в месте расположения части государева флота вещь для этого времени совершенно обыденная... Как бордель напротив здания штаба эскадры, куда, собственно, первым делом и направили свои стопы уроды, посмевающие поднять руку на мою жену. Правда, уже спустя четверть часа туда же прибыл и Климин с пятеркой помощников, а еще через час неслабо избитых молодчиков сопровождающие полусотника буквально за руки и за ноги вынесли через черный ход борделя и утащили в один из домов, предназначенных для проживания нижних чинов эскадры. А спустя еще час туда же прикатил знакомый мне по хольмгангу врач. По крайней мере, профессиональное описание незнакомца, предоставленное мне Бережным, соответствовало.

Подслушать разговор татей с Любимом Будеславичем охранителям не удалось. Но это не так уж и важно, хотя высказанное Тишилой мнение о теме беседы и причинах, побудивших Климина заняться «стоматологической» практикой, заставили меня саркастически хмыкнуть. И бывший бретер тут же вцепился в меня клещом.

— Вспомни старую поговорку: бьют вора не за то, что украл, а за то, что попался. — Я со вздохом пояснил свою реакцию собеседнику. — Ничуть не сомневаюсь, что молодчики получили по зубам именно потому, что им НЕ удалось довести дело до конца.

— То есть ты думаешь, что полусотник с татями заодно? — Прищурился Бережной.

— Именно. Именно, дорогой мой Тихомир Храбрович. — Я развел руками. — Будь всё так, как ты предположил, Климин, вытащив своих орлов из-за решетки, может, и поучил их уму-разуму так, как это наблюдали наши охранители, но сначала он заставил бы их принести извинения Ладе Баженовне... и мне.

— А может, он решил сначала их того... поучить, а потом уж придет к вам? — протянул бывший бретер.

— С разбитыми мордами и переломанными конечностями? Это, как говорят иные наши «друзья»: не комильфо. Иначе говоря, это будет невежливо, и в чем-то даже оскорбительно. И полусотник Климин, как офицер, пусть и иррегуляр, понимает это не хуже моего. Впрочем, к чему спорить? Предлагаю, подождать день-другой, и если, скажем, послезавтра ни один из татей не придет на поклон...

— Согласен. — Вздыхнул Тишила, но тут же встрепенулся... — И всё же я не понимаю, откуда у тебя, Виталий Родионыч, такая уверенность в виновности Климина?

— А это не уверенность, Тихомир Храбрович, это только мое впечатление. Я, вообще, знаешь ли, бываю иногда таким впечатлительным, куда там молодым барышням. — Улыбаемся и машем, улыбаемся и машем. Хм. Ну действительно, у меня нет никаких твердых и однозначных доказательств причастности Климина к происходящему с нами на Руяне, только мои подозрения и несколько малозначимых для любого постороннего человека фактиков. Так с чего бы пыль поднимать? Не лучше ли будет немного подождать, пока не появятся настоящие доказательства?

— М-да. — Кажется, Бережной понял, что я не намерен пока раскрывать карты, и решил от меня отстать. Ничуть не сомневаюсь, что ненадолго. Уж такой характер у старого бретера. — Кстати, о времени и поклонах, Виталий Родионыч, а что, ты еще не решил, когда мы простимся с Руяном?

— Хм. — Подобной... витиеватости, что ли... я от Тихомира не ожидал. Но вопрос требует ответа, а кроме меня дать его некому. — Думаю, отчалим, как только Лада Баженовна почувствует себя в состоянии продол-

жить наше путешествие. Если верить Меклену Францевичу, то дня через три всё будет окончательно ясно. А там пара дней на подготовку к выходу и — «прощайте скалистые горы»...

— То есть до конца седмицы? — уточнил Тишила, и я кивнул. — Что ж, это и к лучшему, честно говоря, не нравится мне то, что здесь происходит. Совсем не нравится.

— Поверь, мне тоже. — Бережной кивнул и исчез из салона, а я решил подняться проведать Ладу.

Идея покинуть остров неплоха, конечно, но... Вот именно это пресловутое, всё переворачивающее с ног на голову «но»! Я боюсь, что отъезд не избавит нас от происходящей вокруг возни. Не представляю, чем мы не угодили тому же Климину, но учитывая настойчивость, с которой его окружение к нам цепляется, подозреваю, что даже окажись мы в Свеаланде, расстояние в тысячи миль не избавит нас от полусотника и его компании. Уж больно серьезно они взялись за дело. Хм... Знать бы еще с чего? Впрочем, с этим я, пожалуй, разберусь чуть позже. Загляну в гости к столь неровно дышащему к нашей компании полусотнику и поговорю с ним... по душам. Вот только надо будет это сделать тихо и незаметно. Все-таки с доказательствами у меня швах, а значит, действовать законными методами не получится. Следовательно... о моем визите не должна узнать ни единая живая душа. Особенно мои попутчики. Что ж, решено.

Оказавшись в апартаментах Лады, вздыхаю. Снова. Вот ведь! Уходил, она спала, вернулся, опять спит. Ну да ладно, пусть. Сон, он иногда полезнее любых лекарств бывает.

Я отпустил скучающего Лейфа и устроился в том же кресле, где бедняга провел почти целый день. Телеграмма, переданная тестем, вновь оказалась в моих

руках, и, перечитав её еще раз, я погрузился в размышления.

Итак. Что мы имеем? Если верить князю Телепневу, то информация о нашем путешествии ушла «в народ» с подачи княжича Туровского, небрежно, но с умыслом обронившего пару фраз по этому поводу на приеме у государя, в разговоре с Рейн-Виленским, которому, опять же если верить моему драгоценному шефу, и принадлежала идея вот так ненавязчиво выдать меня за представителя угасшего рода Старицких. Помню-помню. Здешний вариант Дзержинского, то ли отца, то ли его сына-революционера. Причем идея эта появилась у него еще во время работы проекта «Лед». Ну, это понятно. Тогда меня не только ментальными техниками мордовали, но и чисто медицинскими методами не брезговали, так что вопрос о том, когда был взят для сверки образец моей крови, даже не стоит. И теперь становится понятен действительный смысл той, первой встречи с Рейн-Виленским и его компанией, в которую, кстати, помимо самого Телепнева входил и упомянутый княжич Туровской. Я-то думал, что интересен им, как неизвестный прежде персонаж, которому покровительствует глава Особой канцелярии, а похоже, что тогда были самые натуральные смотрины. Сойдет этот выскочка за Старицкого или ну его... Выходит, сошел. Хм. А вот зачем им понадобился такой самозванец, это вопрос пока открытый. Слишком мало информации. Нет, можно, конечно, выдвинуть пару гипотез, но без фактов они ничто...

Например, первый, и самый пошлый вариант — заговор против государя. Чушь и ерунда. Если верить Готскому альманаху, который, кажется, скоро станет моей настольной книгой, Старицкие, хоть и были одной из побочных ветвей Рюриковичей, на хольмградский стол никогда рассчитывать не могли. Киев, Москов,

Тверь, вот города, где они в разное время княжили, но не в Хольмграде. А значит, шансов претендовать на монарший титул у них не больше, чем у доброй сотни иных родов, в ком есть кровь Рюриковичей. Использовать меня в качестве стяга и эдакого мстителя за предков? Ну-у, если забыть о том, что этой мести сто лет в обед, хм... так не дамся ведь. Сдерну из Хольмграда, и все. После недавней встречи с Оттоном Магнусовичем можно будет и в Венде осесть, демонстративно дистанцировавшись от хольмградского света и его интриг, а достанут там, сбегу в Новый Свет, и ищите ветра в поле.

Что еще? Восстановление власти Старицких в их прежних вотчинах... возможно с последующим отколом от Руси. Бред не в меньшей степени, чем предыдущее предположение! Ныне нет ни одного подобного клочка земли, который граничил бы с иными государствами. А пытаться отложиться, будучи в окружении русских земель... глупый способ самоубийства, даже если допустить, что в законах найдется какая-то лазейка, позволяющая повернуть подобный финт ушами.

Я уж молчу о том, каких средств, связей и возможностей требует любой из вышеперечисленных вариантов. Да и сам я, несмотря на имиджевые «плюшки», сопутствующие моему нечаянному самозванству, всё же птица не того полета. Значит, идею с революциями, заговорами и переворотами отбрасываем... точнее откладываем в сторону... на всякий случай. Мало ли как оно еще повернется.

Какие еще могут быть варианты? А черт его знает. Но вот если опираться на немногочисленные имеющиеся у меня факты, настоящие или мнимые, то получается следующая картина.

Есть некий симпатичный молодой человек по фамилии Старицкий, умудрившийся за неполный год пребывания в столице обрести определенную извест-

ность. Свет шепчется о его происхождении из опального и казалось давно угасшего рода, ему благоволят глава Особой канцелярии и секретарь государева кабинета, что в свою очередь можно трактовать как покровительство самого государя и, соответственно, эдакое молчаливое подтверждение бродящим слухам, на что, кстати, и купились Бисмарк со товарищи. Но при этом, о возрождении княжеского рода Старицких речь и не идет. Своей наградой монарх четко дал понять всем и вся, что принимает молодого человека как НОВОГО дворянина. Вот такой вот казус. То есть, получив дворянство, фактически, согласно геральдическому своду Русской Правды, я окажусь родоначальником ДРУГОГО рода и не смогу претендовать на любые звания, титулы, вотчины или имущество, когда-то принадлежавшие «моим» предкам. Хм. Но ведь я и не собирался этого делать, так? Более того, если бы не тот же Рейн-Виленский с компанией, я бы и знать не знал о своем нечаянном «родстве»... М-да уж. Чем дальше в лес, тем толще партизаны...

В общем, на данный момент четко ясно лишь одно. Учитывая разговор с Бисмарком и маркизой Штауфен, пытаться доказать, что я не верблюд, бесполезно. Свет, и не только хольмградский, стараниями известных личностей, уже уверен в том, что я являюсь прямым потомком некогда восставшего против государя княжеского рода, и поделаться с этим я ничего не могу. Остается только внимательно смотреть по сторонам и постараться не вляпаться в иные интриги, кроме тех, что заготовил Рейн-Виленский, ну и само собой, постараться выжить в его собственной шахматной партии, а еще лучше выйти из нее. Иных вариантов пока нет.

За размышлениями о творящемся вокруг моей персоны непотребстве я и не заметил, как наступила полночь. Мерно тикают в темной спальне часы.

В кровати тихонько посапывает во сне Лада, а мне не до сна... Поднявшись с кресла, я подхожу к окну и застываю. Безоблачное небо перемигивается светом ярких звезд, неправдоподобно огромная луна отбрасывает отблеск на черных волнах Варяжского моря, высвечивает силуэты кораблей в порту и накрывает призрачным светом спускающийся террасами к воде город. Не самая лучшая ночь для тайных визитов, но... я не хочу терять время, а значит, придется рискнуть.

Отхожу от окна и, уверившись, что жена крепко спит, пробираюсь в свою комнату. Костюм, который я сегодня так и не удосужился ни разу сменить, летит на пол. Нахожу в шкафу аккуратно сложенный «спортивный костюм» — черные свободные штаны и такую же рубашу. Вместо туфель или тренировочных тапок, высокие шнурованные ботинки. Немного посомневавшись, все-таки натягиваю «сбрую», креплю к ремню плоский пенал собственноручно собранной аптечки и вкладываю в кобуры привычные «Барринсы». Я не такой уж мастер стрельбы по-македонски, но бывают ситуации, когда перезарядить пистолет просто не хватает времени, а уж револьвер и подавно. Хотя, честно говоря, надеюсь, что сегодня обойдется без стрельбы и резни. Кстати, о последней! Один нож отправляется в ножны на бедре, а его засапожный родственник удобно устраивается в полном соответствии со своим названием. Накрываю свою «артиллерию» бушлатом, купленным в одном из магазинчиков из чистой ностальгии. В подобном я когда-то рассекал по улочкам одного очень северного и очень закрытого городка, на зависть сослуживцам... Вот и пригодился, как и фуражка. Тьфу, черт. Забыл! Надо ж с нее нордвикского «краба» скрутить... а то может совсем нехорошо получиться.

Вроде собрался... Осталось определиться с поисками нужных мне адресов... Впрочем, есть один вариант.

Из гостиницы я уходил, что называется, огородами. Убедившись, что в коридоре никого нет, я погасил свет в холле и, спустившись на один лестничный пролет, тихонько отворил окно. Здесь от лунного света меня прикрывает тень здания, так что можно сказать, что я сейчас невидимка. Выбираюсь на карниз и, аккуратно вернув створку окна в прежнее положение, прыгаю в темноту. А теперь ходу!

Доктор Бровин. Один из трех практикующих врачей Брега. Не самый лучший, но определенно самый опытный в... житейских коллизиях, так сказать. Почти официальная скорая помощь на всех хольмгангах, и совсем неофициальный врачеватель участников поножовщин, как поведал мне Лейф. Собственно, именно из-за столь неоднозначной репутации врача младший Белов и был столь негативно настроен по отношению к нему. Думаю, уважаемого эскулапа, как и возможно наблюдающих за ним соседей, совсем не удивит визит человека «без лица». В самом-то деле! Ведь медицинская помощь бывает нужна не только законопослушным обывателям, работники ножа и топора тоже жить хотят, правда?

Эх, мне бы вместо шарфа платок ковбойский на морду нацепить, вот была бы картинка. Прямо-таки грабитель дилижансов... ага, морской! С бушлатом и фуражкой то еще зрелище, на самом деле. А доктор молодец. И ухом не повел. Словно к нему каждый день такие вот колоритные «гости» наведываются... с замотанными шарфами физиономиями и золотыми червонцами наизготовку.

Мой поздний визит явно не стал для Бровина чем-то удивительным. А выслушав историю о подрезанном друге, отдающем концы в одной из портовых ночлежек, доктор не стал терять времени и тут же принялся собираться в дорогу. Вот только... А зачем нам куда-то идти? Я-то думал, у него домочадцы имеются, потому

и собирался провести допрос где-нибудь в подворотне, а оказалось, что Бровин даже прислугу не держит... Ну и замечательно.

Стоило доктору повернуться ко мне спиной, чтобы снять с вешалки пальто, как я аккуратно придавил ему шею, и эскулап почти тут же обмяк. Не дав Бровину рухнуть на пол, я подхватил его бесчувственное тело и оттащил в гостиную. Квартирка, кстати, у доктора, вопреки моему представлению, оказалась не такой уж большой. М-да, это вам не клиника на дому, как у профессора Преображенского из известного произведения. Впрочем, и сам Бровин тянет разве что на Борменталья...

Дождавшись, пока врач придет в себя и осознает, в каком положении он оказался, я довольно кивнул. Все-таки, что ни говори, а правильная фиксация несказанно облегчает взаимопонимание.

— Ч-что х-хвам нужно? — Откашливаясь после довольно болезненного удара в солнечное сплетение, проговорил Бровин, убедившись, что ремни, которыми я привязал его к стулу, достаточно крепки, и ему не удастся освободиться. Так, а теперь тон пониже, акцент пожестче, примерно как у Бисмарка. Точно, пусть с господин Бровиным общается выходец из Венда или, может быть, даже из рейха... А то вдруг у него память на голоса идеальная, кто знает?

— О! Сущие пустяки, любезный доктор. — Я опустил ствол барабанника, один вид которого мгновенно удержал эскулапа от глупой попытки закричать, и, изъяв еще один стул из-за обеденного стола, уселся напротив своего собеседника. — Адрес.

— Ч-кто? — Прохрипел пересохшим горлом Бровин. — Кха... кхакой адрес?

— На который вас вызывали сегодня днем. Ну же, доктор, вы не могли забыть такой прибыльный вызов!

Целых три пациента сразу, полагаю, нечастое событие даже в вашей богатой практике...

— Н-не... — Начал говорить Бровин и тут же заперхал.

— Не помните... не скажете? — любопытствовал я, одновременно поднимая барабанник. Срез ствола уперся эскулапу в переносицу, и, очевидно, прикосновение холодного металла к коже вернуло Бровину способность говорить.

— Я ск-кажу, — выдохнул доктор. — Станционный городок, первая линия, третий дом, второе парадное. Угловая квартира на втором этаже.

— Вот видите, оказывается, ничего сложного в этом нет. Правда? — Я хмыкнул, поднимаясь со стула и, поймав на себе затравленный взгляд собеседника, вздохнул. Кажется, он решил, что я его сейчас грохну. Идиот.

Отвязав усыпленного доктора от стула, я перенес его на кушетку и, старательно затерев свой ментальный след, покинул квартиру. М-да, а ведь до городка мне придется идти на своих двоих... Точнее, бежать, поскольку ночь, она, знаете ли, не резиновая.

Конечно, я мог бы узнать место обитания напавших на Ладу молодчиков и от следивших за ними охранителей, но... ни на секунду не сомневаюсь, что рано или поздно об этом интересе станет известно Телепневу, и уж он-то точно не преминет сложить два и два. А мне совсем не хочется, чтобы у кого-то появились даже косвенные доказательства моей причастности к тому, что может произойти в ближайшее время.

Два часа! Два часа мне пришлось добираться до этого идиотского городка. И чего эскадре не определили стоянку в Брежском порту? Насколько бы мне было проще, а? Хорошо еще, что луна давала достаточно света, и мне не пришлось в полной темноте ломать ноги

по ухабам, которые наивные местные жители именуют станционным трактом.

Проникнуть на территорию вроде как военного объекта труда не составило. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, поскольку будка у шлагбаума, где засел караульный, сократила ему возможность обзора до жалкого огрызка. Иначе говоря, находясь внутри этого недотуалета, бедняга мог видеть лишь происходящее четко перед ним. Неудивительно, что я прошел мимо шлагбаума, чуть ли не прогулочным шагом.

Поиски нужной улицы и дома также не заняли много времени. Правда, пришлось пару раз прятаться от патрулей, но боже мой! Эти ребята так грохотали сапожищами по мостовой, что не успеть вовремя от них скрыться мог бы только пьяный в хлам паралитик.

Но вот я уже на месте. Поднимаюсь по узкой скрипучей лестнице на второй этаж и, миновав небольшой коридор, оказываюсь перед нужной дверью. Там за ней отходят от побоев своего начальничка три уroda, каждому из которых я с превеликим удовольствием перегрыз бы глотку. Но... нельзя. Пока.

Открыть замок оказалось проще простого. Здесь не было даже простейшей защиты от прямых манипуляций! Я просто запустил в скважину щупы, и через несколько секунд собачка замка тихонько щелкнула. Вот и все.

Дверь открылась абсолютно бесшумно, но я её все-таки немного придержал и, оставив узкую, почти незаметную щель меж косяком и створкой, прислушался к происходящему в темной квартире. Тишина.

Проскользнув внутрь, я замер посреди небольшой прихожей и осмотрелся. Три двери, явно ведущие в комнаты, коридор, за ним какое-то помещение, слабо освещенное лунным светом, льющимся в окно, скорее всего, кухня... Хм. Не двигаясь с места, я вновь напряг

слух, одновременно отпуская с поводка эмпатию. Ага. Кажется, они все в одной комнате. Дверь справа. Спят? Кажется, да. Что ж, тем лучше.

Связать татей и привести всех троих в чувство. Во-от. Теперь можно и допрос начинать. Господин наемник из рейха, прошу на сцену. Ваш выход.

Опустим грязные подробности нашей долгой и весьма обстоятельной беседы. Скажу только одно, я успел управиться еще до восхода солнца и... оставил уродов в живых. Правда, теперь на полное восстановление им понадобится не пара-тройка недель, как это предполагалось до моего визита, а несколько больше. Пара месяцев, может быть. Всё будет зависеть от того, как быстро у татей будут срастаться кости. Но ведь это такие мелочи, честное слово. Зато теперь я точно знаю, кого следует винить в неудавшемся покушении на Ладу. И это оказался вовсе не полусотник... к моему удивлению.

Причина, по которой хозяин этих ореликов приказал им организовать похищение Лады, мне, честно говоря, совсем не кажется сколько-нибудь осмысленной, но тати ничего иного сообщить не могли. Они были абсолютно уверены, что таким образом их командир хотел отыграться за якобы нанесенную ему обиду. Ладно. С этим можно разобраться и попозже. Пока этому умыкателю чужих жен всё равно будет не до мыслей о жуткой мести. А вот перед полусотником мне, честно говоря, даже немного стыдно. Заочно.

Да, он вытащил этих молодчиков и оплатил за них штраф, стараясь скрыть произошедшее от окружающих. А потом лично отметелил всех троих за то, что пошли на поводу у его сына и попытались выкрасть для обиженного и пораненного дитяти замужную женщину. Думаю, он бы и сыну вломил, да тот после хольмганга и так еле двигается. Вот так-то. Бережной, оказыва-

ется, был в чем-то прав. А я — нет. Стыдно. Эх, так промахнуться! «Элементарно, друг мой»... «трубки не хватает»... Тоже мне, Шерлок Холмс недоделанный.

Я вздохнул и, уже привычным усилием погрузив своих говорливых собеседников в оздоровительный сон, покинул квартиру. Скоро рассвет, а мне еще до гостиницы чапать и чапать. Надо поспешить. Тем более что, если я не ошибаюсь, то завтра, точнее, уже сегодня нас будет ждать увлекательнейшее зрелище. Спектакль одного актера, пьеса под названием: «Кающийся грешник». В том смысле, что если допрошенные мною варнаки не соврали, то после обеда Климин привезет к нам в гостиницу своего болезного сынулю, который и станет бить поклоны перед Ладой и слезно молить о прощении. Хотя я бы на месте полусотника заставил его просить прощения у родни того, четвертого подельника, что сейчас, с пулей во лбу, лежит в леднике патологоанатомического отделения брежского полицейского департамента.

Говорю же, сделал меня старый бретер... Хотя... кое-какие нестыковки всё равно остаются, и они, между прочим, никак не дают мне покоя. Ну да ладно, разберемся. Как говорилось в одной умной книжке, «все тайное рано или поздно становится явным». Так что, подождем немного, а там, глядишь, и еще какие под-сказки выскочат. Прорвемся.

Глава 2

ИНОГДА ЛУЧШЕ ОШИБИТЬСЯ, ЧЕМ УБЕДИТЬСЯ В СОБСТВЕННОЙ ПРАВОТЕ

Визит младшего Климина фурора не произвел, да, честно говоря, я и сам не особо горел желанием превращать частное событие в публичное действо. И в этом

моем нежелании не было никакой заботы о чувстве гордости молодого ушкуйника или боязни того, что он еще больше обозлится на мою семью. Всё гораздо проще. Хорошенько подумав, я решил не оставлять дела на самотек и разобраться в происходящем до конца. Ну не понимаю я, зачем Нестору Климину потребовалась вся эта заваруха с похищением. Крышу от любви сорвало? Смешно... Конечно, сам этот лихой ушкуйник вряд ли захочет ответить на мои вопросы, и именно поэтому я надумал перекинуться парой слов с его отцом, благо тот появился в гостиницу вместе с сыном. Естественно, что он также не горел желанием общаться со мной, и уж тем более не стал бы тратить время на беседу после публичного принесения извинений. А вот если извинения будут принесены в более... хм... камерной обстановке, тогда у меня появляется шанс... И кто я такой, чтобы от него отказываться?

Лада молча и неподвижно, с невозмутимостью скульптуры выслушала короткую речь бледного гостя, явно еще не оклемавшегося после проигрыша на хольмганге. И лишь когда ушкуйник умолк, закончив бормотать о том, «что лишь потеряв голову от страсти, он пошел на столь неблагоприятный поступок», Лада наконец пошевелилась. Медленно поднявшись с кресла у окна, специально переташенного охранителями из спальни в гостиную, она оперлась на мою руку и, сделав несколько шагов, оказалась в каком-то полуметре от мрачно глядящего на нас Нестора. Интересно, он в самом деле думает, что Лада поверит в этот бред?

Несколько секунд она всматривалась в лицо старого знакомого, после чего кивнула.

— Я принимаю твои извинения, Нестор Любимич и... рада, что некогда мой отец отказал тебе в сватовстве. — В этот момент, я еле успел удержать спокойное выражение лица. Какие тайны вскрываются, однако!

Лада развернулась, отпустила мою руку и, не проронив более ни слова, исчезла за дверью спальни. Климин-старший катнул желваки и, смерив ссутулившегося сына совершенно нечитаемым взглядом, мотнул головой, молча приказывая ему выйти из номера. Нестор также безмолвно подчинился.

— Любим Будеславич, не могли бы вы задержаться? — Мой голос остановил полусотника, когда тот уже собрался было покинуть гостиную следом за сыном. Климин обернулся и недоуменно приподнял бровь. Дескать, что вам еще нужно, любезный? Ну как не ответить на такой вежливый вопрос... — У меня есть к вам разговор, и боюсь, непростой.

— Я вас внимательно слушаю. — Нет, это просто поразительно, как столь нейтральная фраза в устах этого... превращается чуть ли не в прямой посыл по известному сексуально-пешеходному маршруту. Талант, определенно талант. И сейчас мы его будем шлифовать, в полном соответствии с «Рекомендованной методикой ведения ментального допроса» за авторством моего дражайшего шефа.

Я указал Климину на кресло, только что оставленное моей женой.

— Присаживайтесь, Любим Будеславич. — Дождавшись, когда мой оппонент разместится в кресле, я уселся на диван и продолжил: — Для начала позвольте узнать, вам известно, по какому ведомству я служу?

В глазах полусотника на миг скользнула растерянность... а потом пришло понимание.

— Угрожаете, господин охранитель? — Тонкие губы разошлись в кривом подобии ухмылки, а вот эмоциональный фон моего собеседника буквально вскипел.

— Ничуть. Только хотел бы уточнить, откуда вы узнали этот факт моей биографии. — Покачав головой,

ответил я. Качели, они качели и есть. Ошеломить, разозлить, удивить, и по новой...

— Откуда? — переспросив, нахмурился Климин.

— Именно. Я, разумеется, не делал тайны из своей службы, но и не объявлял о ней во всеуслышание. О! И если вы сейчас скажете, что кому-то из вашей досмотровой команды во время визита на «Варяг» попались на глаза некие документы, в которых данный факт был отмечен, я рассмеюсь, честное слово. Так что, Любим Будеславич, поведаете, какая птичка напела вам эту песенку?

— Мир слухами полнится, Виталий Родионович. — Развел руками полусотник, оправившись после моего заявления. Пришел в себя? Молодец. Лови.

— О да, что касается слухов, тут вам равных нет, Любим Будеславич. — Рывком увеличив давление на слабую ментальную защиту собеседника, я подался вперед. Очевидно, получилось слишком резко, поскольку не ожидавший этого Климин тут же отшатнулся. — Особо когда дело доходит до их распространения.

— Не понимаю, о чем вы, господин Старицкий, — выдохнул полусотник, явно чувствуя неудобство от нарастающего давления на свои эмоции и мысли. Нет, я не пытался читать своего оппонента, до такого мастерства еще очень далеко, но вот зажать его в тиски воли, сковывая эмоции и контролируя ментальные оболочки, это мне уже вполне по силам. Лгать и изворачиваться под таким прессом проблематично даже для мастеров управления менталом, а уж Любим Будеславич к таковым точно не относится.

— Вам напомнить, как в кружале вы обвиняли мою законную жену в том, что она стала содержанкой у «канцелярской крысы»? То есть фактически обозвали её продажной девкой... — Настала моя очередь кривить губы в злой ухмылке. И давить на него, давить, пока не

дрогнет! Зацепив взглядом взор Климина, я откинулся на спинку дивана и, так и не дождавшись ответа, побарабанил пальцами по лакированному подлокотнику. — Что ж. Вижу, намек вы не поняли. Тогда буду говорить открыто. Либо вы сейчас, не таясь, рассказываете мне, кто, когда и при каких условиях рассказал вам о моей персоне, либо покидаете этот номер, но предупреждаю, как только вы окажетесь на людях, я тут же брошу вам вызов на хольмганг за нанесенное моей жене оскорбление, чему был свидетелем её отец. До смерти. А после приглашу в круг и вашего сына, за попытку похитить мою жену. Ведь его извинений кроме нас никто не слышал, не так ли? Ну так как, Любим Будеславич, желаете, чтобы ваш род пресекся?

— Ты так уверен, что переживешь бой со мной, охранитель? — побагровев, прошипел Климин, одним резким и нервным движением смахивая со лба выступившие капли пота. Ага, зацепило! Ну держись, волчина морской.

— Не верите, полусотник? Что ж, ваше право, но позвольте кое-что продемонстрировать. Глядишь, и переживаете, а? — Я ухмыльнулся и провалился в транс.

Взмываю в воздух, миг — и мой указательный палец вонзается поочередно в три точки на теле даже не успевшего трепыхнуться ушкуйника. Он так и замер с отвисшей челюстью, не в силах пошевелиться. Рисовка, конечно, но мне н е о б х о д и м о разговорить этого старпера.

Я вываливаюсь из транса и, отступив на шаг от кресла, с удовлетворением рассматриваю замершего в нем полусотника, ошалело вращающего глазами. А что ему еще остается при параличе опорно-двигательного аппарата? И какой фонтан эмоций... Просто блеск. Я вежливо улыбаюсь моему оппоненту и не торопясь возвращаюсь на диван. — Вот видите, как просто, Лю-

бим Будеславич. Лишь пара прикосновений и все. Заметьте, без всякой мистики и философии. И можете не сомневаться, прервать род Климиных мне будет ничуть не сложнее, уверяю вас.

Ну да. Давлю на слабость. А какие они у полусотника? Беспомощность — худший кошмар волевого человека, воина, которым без сомнения является Климин-старший... и отцовская любовь. А то, что он в сыне души не чает, видно невооруженным взглядом. Кстати, вполне возможно, что... Ну-ка, проверим!

Вновь поднимаюсь на ноги и, еще миг полюбовавшись видом моего оппонента, касаюсь почти тех же точек на его теле, и полусотник обмякает в кресле. Еще пару минут он не сможет толком пошевелиться от накатившей слабости в теле, но это такие мелочи, право! И пусть еще спасибо скажет, что я не расслабил ему в с е мышцы. Да и амбре в этом случае... Хм, Ладе бы не понравилось наверняка.

— Это ведь Нестор сообщил вам, где я служу, не так ли? — протянул я... и ореол вокруг и без того нервного полусотника полыхнул самым настоящим страхом. Есть попадание. — Право, Любим Будеславич, не надо так сверкать глазами. Ответ на один вопрос я получил, но выбор у вас всё тот же. Я по-прежнему хочу знать, откуда ваш отпрыск получил сведения обо мне и... как ему при этом хватило ума напасть на супругу служащего Особой Государевой Канцелярии. Неужто и впрямь столь огненная страсть в сердце вспыхнула, что он, очертя голову бросился во все тяжкие?

— Не знаю, — неохотно прохрипел Климин, осторожно проверяя вернувшуюся подвижность конечностей и зыря на меня исподлобья. — Может, Сворссон сообщил... Они с Нестором дружны, а более ни с кем из городских голов, что могли бы о вас узнать, он не знаком. Молод еще.

— Сильно сомневаюсь, что капитан Сворссон осведомлен о месте моей службы. Иначе он бы ни за что не совершил в моем присутствии некоторых действий. — Я покачал головой. — Например, не занимался бы подлогом документов и не нарушал инструкций и правил секретного делопроизводства в части, касаемой определения круга лиц, допущенных к лицезрению документов дознания. Я уж молчу о том, что он позволил мне самому скопировать допросные листы, пусть подложные... созданные им самим, по вашему же наущению.

— Что? — слабо возмутился Климин.

— Представьте себе, и это тоже мне известно, Любим Будеславич. Ну, право же, неужто вы думали, что я не сложу два и два? Не смогу соотнести нашу с вами встречу в участке и последующие действия капитана Сворссона во время нашей с ним беседы?

— Что вы хотите? — Не знаю, может быть, я слишком сильно надавил на него ментально, но сейчас передо мной вдруг оказался не гордый ушкуйник, пусть и бывший, а усталый, измотанный человек, понявший, что попал в серьезный переplet. С другой стороны... это же не его жену пытались похитить четыре урода. Так что, совесть — молчать.

— Я уже сказал. Мне нужно знать, откуда у Нестора информация обо мне, и что сподвигло его на это идиотское похищение. И предупреждаю касательно второго вопроса, в муки любви и помрачение рассудка на почве ревности я не верю. На этом все. Узнаете, и больше мы друг друга не увидим. Обещаю.

— Хо... хорошо. Я постараюсь узнать. — Нервно кивнул мой собеседник, поднимаясь с кресла. Задерживать я его не стал, и Климин, ссутулившись, вышел за дверь. Уф-ф. Вот и поговорили.

— Витушка, а ты уверен? — Выскользнув из спальни, Лада устроилась у меня на коленях и ласково взъерошила мои волосы.

— Уверен, милая. — Я приобнял жену за талию. — И ни на секунду не сомневаюсь, что здесь всё совсем не так просто, как кажется на первый взгляд. Впрочем, думаю, на днях мы решим эту шараду... А нет, так и черт бы с ней. В конце концов, у нас с тобой медовый месяц, не так ли?

— Именно так. Я рада, что ты об этом вспомнил. — Лада улыбнулась, и в глазах у нее промелькнул лукавый блеск. Хм. Кажется, женушка, наконец, пришла в себя после неудавшегося покушения. Что не может не радовать...

Я поднялся с дивана, подхватывая взвизгнувшую Ладку на руки, и двинулся в спальню. У нас ведь медовый месяц, правда?

День закончился... томно. А вечером наша команда путешественников собралась в полном составе за ужином. Тепло и уютно. Все непонятности и неприятности отошли на второй план, и я просто наслаждался беседой с симпатичными мне людьми и великолепным застольем. Сегодня повар решил нас удивить изысками родной кухни нашего портье Эжена... вот только, кажется, не всем присутствующим этот выбор показался удачным. По крайней мере, что Белов-старший, что Бережной поглядывали на некоторые блюда с явной опаской. Что, впрочем, не помешало им перепробовать все поданные к ужину вина. Кстати...

— Бажен Рагнорович, а как обстоит дело с нашим грузом? — поинтересовался я, едва на стол был выставлен десерт.

— Хм. — Белов-старший покосился на стоящий перед ним графин с коньяком и, расправив усы, довольнo улыбнулся. — Замечательно. Трюм пуст, деньги

в судебной казне. Если желаете, прикажу сегодня же доставить документы в гостиницу.

Я переглянулся с Ладой и покачал головой.

— Пожалуй, лучше завтра. На этот вечер у нас... у меня уже есть определенные планы.

— Как пожелаете, Виталий. Как пожелаете. — Всё с той же ухмылкой проговорил тесть, заставив Ладу катастрофически покраснеть.

— Виталий Родионович, а эти планы... — потеряв край рукава своего костюма, тихо заговорил Попандопуло. Леопольд Юрьевич как всегда в своем репертуаре. Тих и незаметен... пока дело не доходит до его любимой техники. — Так вот, я хотел бы узнать, не нарушит ли ваши планы, если я попрошу уделить нам час времени после ужина. Есть кое-какие вопросы, по которым мы с Бергом Милорадовичем и Хельгой Милорадовной хотели бы услышать ваше мнение.

Ну надо же, это что же за вопрос у них такой, и что за спор по нему вышел, что наш юный гений решил привлечь меня к обсуждению?

— С удовольствием поучаствую в вашей беседе, Леопольд Юрьевич. Помогу, чем смогу. — Кивнул я. — Но прошу учесть, что мое мнение будет сугубо дилетантским... если тема беседы, разумеется, не касается... эм-м... моей службы, скажем так.

— Не приbedняйтесь, Виталий Родионович. Нам и в самом деле нужен ваш совет касательно кое-каких деталей проекта электрического двигателя. Точнее, самобеглого экипажа на его основе. А это ваша идея, так что... — поддержал так неожиданно расхрабдившего Попандопуло Высоковский, и его сестра тут же с готовностью кивнула, после чего с азартом принялась что-то нашептывать сидящей рядом Ладе.

Да уж, тут точно не отвертись. Обложили со всех сторон. Ну да ладно. Час это не так много. К тому же

мне и в самом деле стоит уделить побольше внимания нашим изобретателям, а то со всеми этими событиями, чувствую, проект может запросто пойти куда-то мимо меня и, вполне возможно, вообще не в ту сторону.

В результате, перебравшись после завершения ужина в салон, я оказался меж двух огней. Оказывается, пока я занимался всякой ерундой, Высоковский и Попандопуло успели разойтись во взглядах по поводу способа воплощения периферийных устройств будущего электромобиля. Как и следовало ожидать, Берг Милорадович отстаивал версию чисто «философского» подхода, тогда как его оппонент предполагал большую часть систем создавать на технической основе. И тут уже я был в недоумении. С моей точки зрения, всё просто. Нужно воплощать то, что легче и требует меньших затрат, все-таки кошелек у меня не бездонный. Но стоило произнести эту сентенцию вслух, как Попандопуло сверкнул глазами и с пылом, напрочь убившим всю его стеснительность, разразился целой тирадой, итогом которой стала довольно интересная, хотя и прозвучавшая весьма неожиданно в его устах фраза.

— Это же выход на внешний рынок!

Занавес.

— Позвольте, Леопольд Юрьевич. А что, собственно, мешает нам продавать электромобили за рубежом в том виде, в каком предлагает Берг Милорадович? — поинтересовался я, как только пришел в себя от заявления Попандопуло.

— Но это же очевидно, Виталий Родионович! — Всплеснул руками тот. — Единственный вид артефактов, который Русь и Венд имеют право экспортировать в Европу, это накопители, и то с большими ограничениями. Любые другие приспособления подобного рода к ввозу в Европу запрещены. И если наш электромо-

биль будет использовать конструкторы, кроме как в накопителе, это закроет возможность экспорта.

— Не знал... Точнее, не предполагал о существовании прямого юридического запрета на подобные вещи. Но это и понятно. До изучения международных актов я пока еще не дошел. — Вздыхнул я. — Но в этом случае, по-моему, всё довольно просто, господа мои. Мы разработаем две схемы. Одна, так сказать, для внутреннего использования, а вторая для изделий, которые в будущем пойдут за рубеж. Только давайте не будем торопиться и начнем все-таки с первого варианта. Заодно увидим, какие именно узлы нужно будет пересмотреть и привести к чисто техническому знаменателю, если позволите такой оборот.

— Но это время... — протянул Высоковский. Впрочем, Попандопуло тоже не выглядел довольным таким предложением, он-то, кажется, уже чуть ли не воочию видел бегущие по улицам городов электромобили, в которых из ментальных конструкторов используются исключительно преобразователи накопителей. И вот тут я решил надавить прежде всего именно на второго изобретателя. Точнее, объяснить свою точку зрения, чтоб не перегорел наш «юный техник» и не охладел к самой идее. А то знаю я эти увлекающиеся натуры...

— Леопольд Юрьевич, посудите сами. Допустим, возьмем такую систему электромобиля, как освещение, необходимое для того, чтобы наш аппарат мог передвигаться в темное время суток. Вы можете назвать мне хоть один завод на Руси, производящий электрические лампы накаливания, которыми можно было бы заменить соответствующий ментальный конструктор, используемый повсеместно? Молчите? И правильно, потому как таких заводов не существует. И не только у Северного союза, где в них нет никакой необходимости, но и в Европе. Там вообще дикость средневековая. Богачи

могут себе позволить всё те же накопители и ментальные конструкторы, тогда как прочие пользуются масляными светильниками и керосиновыми лампами. Предлагаете ставить в качестве фар «керосинки»? Увольте. Ненадежно и абсолютно непрактично. А денег на завод, производящий лампы, у нас нет. Подчеркну: пока нет. И позволять кому-то вмешиваться в конструкцию электромобиля мне совсем не хочется. Кто знает, что они там намудрят? Но если дело пойдет, то этот вопрос мы вполне можем решить. То же самое можно сказать, например, о гасителях вибрации электродвигателя. На Руси нет каучука для производства резины, поэтому по первому времени роль гасителей будут играть соответствующие ментальные конструкторы, накладываемые на двигатель, что, как мы выяснили, неприемлемо для той же Европы, если эти самые конструкторы не будут накладывать их специалисты. Оно нам надо? Нет. Значит, и этот вопрос нужно до времени отложить.

— До какого? — чуть не простонал Попандопуло.

— До нужного, Леопольд Юрьевич, до нужного. Поверьте, будем мы еще строить машины без ментальных конструкторов. Но для этого нужна материальная база, которой у нас пока нет.

— Хм. Виталий Родионович, а зачем нужны эти самые гасители вибрации? — вдруг поинтересовался Высоковский, переключая на себя внимание расстроенного, но уже понимающего, что к чему, Попандопуло.

— Помните ваш экспериментальный образец двигателя, Берг Милорадович? Как под ним стол ходуном ходил? А теперь представьте, что он жестко закреплен в раме, на которой держится корпус машины. Как думаете, передвигаться на такой виброкроватке будет очень комфортно?

— М-да уж... — Кажется, Берг Милорадович вполне отчетливо представил себе этот вариант, но вопрос

о неведомом ему типе спальной мебели решил проглотить. Только понимающе покивал и легонько пнул коленом сидящего рядом Попандопуло, еще не умеющего сдерживать любопытство. — Согласен. Удобства мало... Вот только ментальных конструкторов подобного рода я еще не разрабатывал. Благодарю за разрешение нашего спора, Виталий Родионович, а сейчас прошу нас простить. В свете сказанного, нам с Леопольдом Юрьевичем необходимо переговорить с Хельгой. Будем думать и о гасителях в том числе.

Наши «штатные изобретатели» откланялись и исчезли, словно их и не было. Ну и славно, а я пойду, найду Ладу. В конце концов, у нас же были планы на этот вечер.

Правда, сразу сбежать из салона на поиски жены мне так и не удалось. Стоило только подняться с кресла, как в дверях показался мой первый знакомец в этом мире. Адъюнкт-профессор был явно чем-то встревожен, а стоило его шарящему по салону взгляду наткнуться на мою персону, как эта тревога передалась и мне. Уж больно целеустремленным и хмурым выглядел Грац.

— Профессор?

— Виталий Родионович, извините, что вынужден вас отвлечь... — Грац помялся, и я предложил ему присесть.

— Ничего страшного, Меклен Францевич. Чем могу помочь?

— Как вы могли заметить, меня не было на сегодняшнем ужине, — помедлив, заговорил профессор, задумчиво теребя свою «чеховскую» бородку.

— И кстати, совершенно зря... — Улыбнулся я. — Савойское фондю было выше всяких похвал.

— Признаться, я не большой любитель французской кухни. — Поморщился Грац, но тут же спохватился: — Впрочем, сейчас не о том. Видите ли, я был в гостях у маркизы Штауфен, по её приглашению, и там... Нет,

подождите, начну по порядку. Приглашение было прислано от имени маркизы, но писано рукой известного вам Оттона Магнусовича, ссылавшегося в их просьбе о визите непосредственно на князя Телепнева. Отклонить подобное приглашение я посчитал невежливым... сами понимаете. Приняли меня в доме маркизы замечательно, но... в общем-то это всё не столь важно. Важно другое. Его светлость герцог Лауэнбургский передал для вас письмо. Личное, но как он меня уверил, содержание его известно Владимиру Стояновичу и... полностью им одобряемо. Прошу.

Грац протянул мне засургученный пакет. Понять, что по этому поводу думает, точнее, чувствует сам профессор, я был не в состоянии, Меклен Францевич закрылся наглухо, но вот то, что лично мне вся эта катавасия не нравится, это абсолютно точно.

— Так... Полагаю, что находится в этом конверте, вам неизвестно. Да?

— Не совсем, Виталий Родионович. — Грац на мгновение умолк. — Это было не единственное виденное мной письмо. Второе, точнее, на тот момент, первое... поскольку переданный вам конверт я получил перед самым уходом, так вот, первое письмо принесли для самого герцога, аккуратно за ужином. Очевидно, оно было слишком важным, чтобы дожидаться конца трапезы. Каюсь, любопытство разыграло, но заглянуть в него мне так и не удалось, хотя очень хотелось. Уж больно удивленным был герцог по прочтении. Одно могу сказать точно, эту записку он вложил в то письмо, что я вам только что передал.

— Вот как? Интересно... — протянул я, крутя в руках конверт, но продолжить фразу мне так и не удалось. В салон буквально ворвался Бережной и, одним махом преодолев разделявшее нас расстояние, выдохнул:

— Климин-старший мертв.

Глава 3

ПОКОЙ — ПОНЯТИЕ РАСТЯЖИМОЕ. ОТ КОЙКИ В КУБРИКЕ ДО ДОСКИ НАД БОРТОМ

Час от часу не легче. Я закусил губу, чтобы удерживать мат на языке, и, справившись с собой, со свистом выдавил из легких воздух. Дьявольщина!

— А что младший? — Лада, неизвестно когда успевшая появиться в салоне, опередила мой вопрос на какую-то секунду. Ха, моя жена настоящая умница!

— Жив и относительно здоров, полагаю. — Пожал плечами Бережной, переводя недоуменный взгляд с меня на Ладу и обратно. Я приподнял бровь, выразительно уставившись на Тихомира, и тот неохотно договорил: — Ну, насколько это возможно, разумеется. Но на него никто не нападал, если ты об этом... А что... могут?

Вновь глянув на Ладу, Тишила увидел её решительный кивок и вздохнул.

— Тихомир Храбрович, друг мой, немедленно, слышишь, не теряя ни секунды, выставь тройку наших охранителей в негласный дозор. Пусть глаз не спускают с Нестора, и чтоб мимо даже мышь не просквозила.

— Не сомневайся, Виталий Родионыч. Всё исполню в лучшем виде. — Бережной на миг замялся, перед тем как отправиться выполнять приказ. — А что, думаешь, его тоже могут... того?

— Кто знает, Тихомир Храбрович, кто знает... но лучше перебдеть, чем недобз... хм. — Я покосился на стоящую рядом Ладу и счел за лучшее проглотить концовку.

Проводив взглядом двинувшегося к выходу из салона Тишину, я вздохнул и, повертев в руках переданный мне Грацем конверт, мысленно чертыхнулся. Навалилось же новостей, а?!

— Меклен Францевич, мне, право, крайне неудобно, но я вынужден просить вас о помощи. Просто больше некого. — Профессор, услышав мои слова, как-то подтянулся...

— Я внимательно вас слушаю, Виталий Родионович, — с готовностью проговорил он. — И поверьте, помогу в любом вашем начинании.

— Благодарю, профессор. Я бы хотел, чтобы вы как можно скорее встретились с Баженем Рагнарвичем и передали ему мою просьбу об удвоении караула на Варяге и... пусть не глушит машины. Мы можем отправиться в путь в любой момент. Остальное, думаю, он и сам поймет.

— Передам. — Коротко кивнул Грац и развернулся, с явным намерением отправиться в порт к Беловым, сразу после ужина вернувшимся на яхту, но тут я его немного придержал.

— Меклен Францевич, не считите за бестактность. Я бы советовал вам не расставаться с вашим «Сварскольдом». Кажется, теперь это может оказаться полезной привычкой.

Профессор на мгновение замер, словно прикидывая что-то, и, скороговоркой поблагодарив за совет, исчез из салона столь же стремительно, как и Бережной за несколько минут до него.

Я повернулся к жене и, склонившись к её ушку, прошептал:

— Что же касается тебя, моя дорогая, учти, до тех пор, пока мы не уберемся с этого «приветливого» острова, барабанник в наручной кобуре должен стать такой же неотъемлемой частью твоего гардероба, как этот идиотский корсет.

Нахмурившаяся было от свалившейся новости Лада еле заметно улыбнулась и, чуть заалев, кивнула. Моя нелюбовь к этому предмету одежды почему-

то веселит её безмерно. А я задолбался каждый вечер возиться с его дьявольской шнуровкой. Да и сам корсет... жену в нем толком не обнять... такое впечатление, что с бронежилетом обжимаешься. У-у, чертова мода! Ну ничего, до свадьбы Лада «доспех» не носила, и я буду не я, если не уговорю её отказаться от этого вредного для здоровья элемента одежды в самое ближайшее время.

— Уговорил, дорогой мой. — Голос её был так же тих, как и мой, а улыбка стала куда явственней. Лада подняла левую руку, мимолетно коснувшись пальчиками моей щеки, и в вырезе рукава её платья мелькнул кожаный ремень знакомой кобуры. — Как видишь, я, как послушная жена, предугадала твое желание. В свою очередь, надеюсь, ты пообещаешь мне не лезть на рожон. Я не хотела бы стать вдовой в свой медовый месяц. Это так... неприлично.

Вот, теперь точно вижу, что моя женушка окончательно оправилась после недавнего приключения!

Поцеловав теплую ладонь Лады, я подхватил её под руку и увлек к лестнице. В гостиной номера уже вновь обосновалась пара охранителей, изгнанных отсюда на время переговоров, но сейчас у меня было для них другое задание.

Внимательно выслушав, бойцы переглянулись и отправились выполнять приказ. В конце концов, наши изобретатели тоже нуждаются в охране и как бы не больше, чем остальные участники команды.

Выпроводив охранителей, мы с Ладой устроились на диване, и я, наконец, смог без помех вскрыть письмо «доброго друга и настоящего рыцаря» Эльзы-Матильды фон Штауфен.

«Милостивый государь мой, Виталий Родионович! По отсутствию довольного для написания надлежащего письма времени, прошу простить скупость моего послания. Князь! Ни в коей мере не желая показаться неучти-

вым невежей, прошу отнестись к моим словам лишь как к беспокойству друга, в самом деле озабоченного Вашим благополучием. Сегодня верный мне человек сообщил, что печальные события вечера третьего дня не были лишь досадной случайностью. Как ни прискорбно мне об этом сообщать, но в Бреге, очевидно, есть люди отчаянно не желающие Вашего спокойствия. Не ведаю, что именно могло послужить тому истинной причиной, но уверяю, что одно можно исключить совершенно точно. А именно возможный личный интерес Нестора Любимича Климина к вашей супруге. О причинах моей уверенности можете судить сами по приложенной записке. Человек, её при-
славший, пользуется моим полным и безоговорочным до-
верием. Разумеется, я понимаю, что полагаться на его искренность Вы не обязаны, но осмелюсь заметить, что написанное им касательно господина Климина-младшего легко проверить. В остальном же убеждать Вас не буду, хотя еще раз замечу, что этот человек ни при каких обстоятельствах не станет мне лгать или сообщать непроверенные сведения. Впрочем, оставляю это на Ваше усмотрение. С уверенностью в скорой встрече и пожеланиями здоровья супруге, Ваш добрый друг, Оттон фон Бисмарк-Шёнхаузен, герцог Лауэнбургский».

М-да, по местным обычаям, письмо на грани фола. Откровенное обсуждение личных вопросов здесь приемлемо только меж действительно хорошими друзьями, и то разве что в беседе... Вон как Оттону Магнусовичу изгаляться пришлось, чтоб и мысль донести, и на дуэль не нарваться. Только что сиропом не облил... милостивый государь. Даже про князя вспомнил, «коллега» чтоб его. Вот как бы его отучить от этого обращения, а?

Я вздохнул и развернул приложенную к письму записку от «верного человека». Хм. Конфуз, однако. Ну, не знаю я немецкого, не знаю.

Поймав мой взгляд, Лада вдруг хихикнула и вынула у меня из рук начертанную ровным уверенным почерком записку.

— Надо же, супруг мой, оказывается, и вы не всеведущи, — лукаво улыбнувшись, нарочито расстроенным тоном произнесла она. — А я в вас так верила!

— Увы, улы мне грешному. Пощады прошу за то, о светлоокая богиня сердца моего. — Развел я руками, добавляя в голос патетики, но тут же сбавил тон и попытался изобразить щенячий взгляд. В моем исполнении зрелище, наверное, то еще, но... как говорится, чем богаты... — Ты же меня не оставишь из-за этакой малости?

— Я подумаю. — Гордо вздернув носик, фыркнула Лада, и тут же рассмеялась. — Батюшка в детстве учил нас с Лейфом и свейскому языку, и германским наречиям, так что разберемся, дорогой.

— Чтоб я без тебя делал, солнце мое? — Вздыхнул я. — Читаем?

— Конечно. — Лада нахмурилась, пробежав по написанному взглядом, чуть-чуть подумала и, уверенно кивнув, принялась переводить текст записки.

Уж не знаю, каким образом, но «верный человек» Бисмарк оказался свидетелем двойного скандала в доме Климина-младшего. Сначала старший устроил сыну еще одну выволочку, которую Нестор, скрипя зубами, перетерпел. И отвечать на вопросы отца не стал. В результате, взбешенный Любим хлопнул дверью и, изрыгая проклятия, уехал в порт. А потом сам Нестор вызверился на некоего гостя, вошедшего в комнату тотчас после ухода отца. Судя по всему, Климин-младший орал и хрипел не хуже бати, и из его бессвязных обвинений доносчик узнал, что, оказывается, Нестор давно готовился к свадьбе, которая теперь из-за его вынужденного вранья о причинах похищения Лады

находится под угрозой срыва. Любим-де слишком щепетилен, чтобы оказать старому другу — отцу невесты, такую дурную услугу. А всего этого, дескать, можно было бы избежать, если бы не дурные затеи некоторых личностей. То, что под этими таинственными личностями подразумевается в том числе и гость, было ясно как день. Собеседник же лишь молча слушал излияния Нестора. Единственным признаком хоть какого-то проявления чувств с его стороны, был всплеск настороженности в момент, когда Климин-младший упомянул о визите некоего иностранного наемника в квартиру к участникам налета, переломавшего им руки и ноги. В остальном он был спокоен и невозмутим, а когда Нестор окончательно выдохся, его собеседник усмехнулся и, предельно вежливо попрощавшись, покинул дом.

Вот так. Хм. Проверить слова Нестора насчет свадьбы, конечно, не сложно, в остальном же... ну что-то в таком роде я и подозревал. Вот только, даже если написанное — правда, никаких реальных зацепок это не дает. Разве что позволить «иностранному наемнику» наведаться в гости к самому Нестору?

— Витушка, а ты ничего не хочешь мне рассказать? — Тон, которым Лада задала вопрос, заставил меня моментально отвлечься от размышлений.

— Что? — Я непонимающе взглянул на жену, а она не сводила с меня внимательного и очень серьезного взгляда.

— Я говорю о наемнике, что наведался в гости к моим неудавшимся похитителям, — медленно, с постановкой проговорила Лада.

— А что с ним не так? — Ой-ей. Кажется, сейчас мне будет плохо.

— Это был ты? — неожиданно тихо спросила жена. И что ей отвечать?!

— М-м... ну... в общем, да. — Ну не могу я ей врать. Не могу. — А... Как ты догадалась?

— Пф. Это не мог быть человек Оттона Магнусовича или Эльзы, иначе вместо записки мы получили бы только её пересказ без упоминания о наемнике. Лейф или отец, скорее, просто вломились бы к ним в дом, ничуть не скрываясь. Если бы знали, где те спрятались, конечно. Тихомир Храбрович всю ночь провел в салоне, пытаясь научить пить нашего портье, а охранители и подавно не отлучались из гостиницы. В общем, если следовать твоему же любимому выражению и не множить сущности без необходимости, а также учесть, что ты единственный покидал гостиницу прошлой ночью, вывод напрашивается сам собой. Единственное, что я не могу понять, откуда ты узнал, где их искать?

М-да, немного сумбурно, но... верно.

— Бровин. Его вызывали на квартиру после того, как Климин-старший намял им бока, — нехотя признался я и, поднявшись с дивана, отошел к окну. Чувствовал я себя препаршиво. Поймет или нет? Честно говоря, было немного страшно от того, что ответит Лада на мой вопрос. Вру. Очень, очень страшно. До тянущей пустоты в груди, до боли в сжатых кулаках. Испугается, отвернется, или... примет? — Ты... против?

Несколько секунд тишины за спиной растянулись в болезненную вечность и, кажется, чуть меня не убили. И тихое...

— Дурак... любимый. — Я почувствовал, как Лада уткнулась носом мне в спину, а её руки обняли мою талию. Развернуться и прижать её к себе было делом секунды... Облегчение? Нет, счастье. То самое, когда тебя понимают. Ох, как же прав был герой того старого советского фильма!

Больше мы об этом не говорили. Мы вообще в тот вечер больше ни о чем не говорили. А утром тесть со-

общил, что яхта готова к выходу, так что нам осталось только перевезти на борт наш немалый багаж. Впрочем, до прощания с Брегом у нас оставалось еще немало времени, и наша компания отправилась на прогулку. Охранители бдели как никогда, что, впрочем, осталось незамеченным нашими исследователями. Ну и ладно, пусть хоть для них посещение этого оплота каперов пройдет не отмеченным проблемами и неприятностями.

Кстати, о неприятностях! Добравшись во время прогулки до «Варяга», я не преминул отправить князю Телепневу очередную телеграмму, и то, что сделано это было как нельзя более вовремя, показали события следующих часов.

Стоило нашей компании, разомлевшей после плотного обеда в городе, вернуться в гостиницу и разбредиться по номерам, как на пороге моих апартаментов объявился уже знакомый капитан Сворссон, в сопровождении трех городских.

— Господин Старицкий, извольте пройти с нами в участок. — Лязгнул челюстью участковый надзиратель.

— Хм. А в чем дело, капитан Сворссон? — поинтересовался я.

— У Полицейского департамента имеются к вам вопросы касательно смерти господина Климина, полусотника эскадры адмирала Локтева, — процедил тот. — Будьте любезны поторопиться.

Вот как! Кажется, кто-то очень не хочет выпустить нас с острова. Хотя... нет, в принципе, всё правильно. Полиция обязана допросить человека, с которым убитый общался незадолго до смерти, вот только мне кажется, что господин участковый надзиратель несколько переигрывает. Ему достаточно было прислать приглашение в участок для допроса... или беседы с возможным

свидетелем, а тут конвой, словно он уже убийцу пришел арестовывать. Хм.

Я повернулся к Ладе и поцеловал её руку.

— Дорогая, проследи за сборами багажа и жди меня на яхте. Надеюсь на твое благоразумие. Да, если вдруг кто-то будет меня искать, сообщи, что я отъехал с капитаном Сворссоном по важному делу.

— Непременно, дорогой. — Лада улыбнулась и, смеив капитана откровенно недовольным взглядом, ушла в свой номер. Сворссон же наблюдал за этой картиной совершенно нечитаемым взглядом.

Я подхватил плащ и шляпу, проверил наличие бумажника, покосился на трость, но после недолгого размышления решил оставить её в номере.

— Я готов, господа. — Участковый надзиратель коротко кивнул и первым вышел в коридор. Там городовые взяли меня в клещи и так, под конвоем сопроводили вниз. На улице уже ждал открытый экипаж, запряженный парой низкорослых сонных лошадей.

М-да, я бы пешком быстрее дошел до участка, чем мы на этих одрах доехали. А уж взгляды прохожих, бр-р. Можно подумать, что меня уже на эшафот ведут!

От последней мысли на лицо выползла широкая ухмылка, и Сворссона от нее явно передернуло. Как раз в этот момент экипаж остановился у уже знакомого мне доходного дома, и участковый надзиратель поспешил покинуть наше общество, мгновенно скрывшись за тяжелыми дверями учреждения. Городовые же спокойно позволили мне спуститься наземь и, вновь взяв в «коробочку», повели в подвал, для допроса.

Как оказалось, я не ошибся. Меня, даже не обыскав, запихнули в маленькую комнату с низким сводчатым потолком, стены которой оказались покрашены такой знакомой казенной желтой краской. Под потолком болтается одинокая псевдолампочка, а маленькое окошко,

глубоко утопленное в стене, метрах в двух от каменного пола, забрано частой, хотя и относительно тонкой решеткой. Рассохшийся стул да маленький неудобный стол с треснувшей крышкой, вот и вся обстановка. Интересно, это у меня теперь такая традиция: раз год попадать в допросную? Ну, как у знаменитых героев, что перед каждым Новым годом в баню ходили...

Двухчасовое ожидание, наверное, по замыслу капитана должно было лишить меня душевного равновесия, но тут он сильно промахнулся. Так что проснулся я как раз в тот момент, когда в допотопном замке, запирающем мощную дубовую дверь, заскрежетал ключ.

Допрос... ну а что допрос? Стандартные вопросы, отвечать на которые мне совершенно не хотелось. Уж не знаю, с чего вдруг Сворссон решил, что я признаюсь ему в убийстве Климина-старшего, но уверенности ему было не занимать. Когда же я честно сказал, что после беседы с уважаемым полусотником утром дня вчерашнего вовсе не покидал гостиницу аж до утра дня нынешнего, капитан тяжело вздохнул.

— Что ж. Я так понимаю, господин Старицкий, вы отказываетесь сотрудничать со следствием, — заключил надзиратель и, поднявшись с единственного в комнате стула, ударил кулаком в дверь.

Увидев в дверном проеме двух из трех моих сопровождающих, успевших скинуть мундиры и теперь щеголяющих не первой свежести исподними рубашками, да еще и с внушительными дубинами в руках, я решил, что представление и без того вышло несколько затянутым.

— Господин участковый надзиратель, вы уверены в своих действиях?

— Поверьте, Виталий Родионович, более чем, — оскалился Сворссон и вдруг невнятно забулькал. Дети малые, ну кто ж без предварительного обыска такие вещи устраивает?

Вот и сейчас «Барринс» оказался в моей руке быстрее, чем эти держиморды успели сказать «А!».

— Лицом к стене. На колени. Руки за голову. — Пуля впиалась в стену рядом с головой Сворссона, засыпав его волосы каменной крошкой. Железный аргумент. Возражений у полицейских не нашлось.

Сей увлекательный спектакль не продлился и двух минут. Я как раз задумался, как бы сподручнее свалить из этого гостеприимного дома, когда из-за захлопнутой двери послышался вежливый голос.

— Господин Старицкий, ваше высокоблагородие! — О как! Интересно, это ж какой умник так интеллигентно дает понять, что в курсе моего, пока еще грядущего, статуса в канцелярии? — Позвольте войти?

— Почему бы и нет? — Но барабанник убирать не стал. Насколько мне помнится, Нестор ведь тоже в курсе дела, так что еще не факт, что за дверью ждут коллеги, а не... враги.

Замок громко щелкнул, и дверь со страшным скрипом отворилась. Предусмотрительный «интеллигент», оказавшийся за ней, стоял, сжимая в руке развернутый бумажник с закрепленным в нем хорошо знакомым мне гербом Особой канцелярии. Щит полыхнул алым светом ментального конструкта. Настоящий. Я окинул взглядом гостя. Невысокого роста, худощавый, в привычном для дознавателей «похоронном» костюме, взгляд уверенный, только кажется чуть хмурый из-за нависающих густых и широких бровей. Не брежневских, конечно, но близко к тому. А вот нос подкачал. Этот ястребиный клюв мало того что сам по себе навевал мысли о Сирано, так его еще и явно не раз ломали, отчего переносица приобрела весьма... извилистый вид. Серьезный дядечка.

Я медленно опустил ствол и кивнул столь же внимательно оглядывающему меня гостю.

— Добрый день. Прошу прощения, что встречаю в такой обстановке... Обстоятельства, знаете ли.

— Что вы, Виталий Родионович, это я должен просить у вас прощения. К сожалению, мы слишком поздно узнали, где вы находитесь, — ничуть не смущаясь стоящих на коленях у стены полицейских, проговорил гость. — Ох, прошу прощения, я не представился. Старший дознаватель руянского представительства Особой Государевой канцелярии, Раздорин Вячеслав Германович. Может, мы пройдем в более удобное для беседы место?

— С превеликим удовольствием. А с этими что делать?

— О, не беспокойтесь. Мои люди займутся господами б ы в ш и м и полицейскими. — Акуля улыбочка у этого Раздорина.

Выскользнувшие из-за спины гостя четыре не приметные личности в бушлатах и морских фуражках без «крабов» шустро спеленали онемевших от таких поворотов судьбы капитана и его подчиненных и, ничтоже сумняшеся, потащили их на выход. Ну а следом, двинулись и мы.

— В гостиницу? — поинтересовался я, едва оказался в закрытом экипаже. Одним из двух, что дожидались нас у входа. К моему удивлению, пока мы выбирались из участка, нам навстречу не попался ни один человек. Впрочем, кажется, в прошлый мой визит сюда, наблюдалась точно такая же картина.

— Сожалею, Виталий Родионович, но нет. Сначала нам нужно заехать в присутствие. Это в станционном городке. Разберемся с этими господами. — Раздорин лениво махнул рукой. — А уж потом мои люди доставят вас в гостиницу.

— Что ж, пусть так. — Я согласно кивнул и уставился в окно, разглядывая улицы Брега. Вот они сменились

проселочным трактом, и дорога стала заметно хуже. Нас начало просто-таки немилосердно трясти, так что мне пришлось проглотить вертевшийся на уме вопрос, чтобы случайно не откусить себе язык, задавая его.

Раздорин, судя по всему, тоже не рисковал сей важной частью тела, а потому поездка продолжалась в молчании. В конце концов, я не выдержал тишины и все-таки спросил:

— Князь ничего не передавал для меня?

— Нет, — коротко отреагировал Раздорин.

— Жаль. Кстати, Вячеслав Германович, мне кажется, или станционный городок должен быть в другой стороне?

— Что-о? — изображая недоумение, протянул мой визави, и в следующую секунду в меня ударил какой-то сложный конструкт. Ах ты ж м-мать! Больно!

Судя по всему, я отреагировал не совсем так, как рассчитывал «коллега». Но времени на размышление нет. «Барринс» выскочил из кобуры и сухо щелкнул бойком. Дьявол! Осечка!

Удар рукоятью в очередной раз сломал моему спутнику нос, и Раздорина, или как его там по-настоящему, просто-таки вынесло из экипажа. Крики, шум, гам! Ржание лошадей... Я не стал дожидаться, пока товарищи моего похитителя наспигуют салон экипажа свинцом, и рыбкой нырнул следом за псевдоколлегой вон из экстренно тормозящей кареты. Перекат и вновь боек вхолостую щелкает по капсюлю. Да что это такое, а?! Раздорин поднимается метрах в десяти от меня и зло щерится. В отличие от моего «Барринса», его барабанник осечек не дает, и я ныряю вперед и в сторону, уходя с линии огня. А в следующий миг мне в затылок прилетает что-то тяжелое, и сознание уплывает. Падая, успеваю лишь заметить идущего ко мне возницу нашего экипажа, сжимающего в руке какую-то длинную веревку. Темнота.

Глава 4

НИЧТО ТАК НЕ НАПРЯГАЕТ, КАК ПОСЛЕДСТВИЯ РАССЛАБЛЕНИЯ

Довольно мягкое сиденье подо мной основательно тряхнуло, и я поморщился от пронзившей виски боли. Что за манера у здешних похитителей — лупить своих жертв по голове?! Да и ребра подозрительно ноют... Ох, ладно. Сейчас, кажется, совсем не время для подсчета ран. Судя по всему, меня запихнули в тот же экипаж, в котором мы и выехали из Брега. Почему я не уверен в этом на сто процентов? Потому что у меня на глазах повязка, а руки скованы примитивными наручниками за спиной, так что судить об окружающей обстановке я могу исключительно на слух. А он уверяет, что в экипаже кроме меня никого нет.

Я аккуратно и очень осторожно разомкнул спасшую меня сегодня «хрустальную сферу» и распустил вокруг щупы. Пусто, как я и предполагал, в экипаже больше никого нет. Попытался вывести свое внимание за пределы экипажа, но не вышло. Какой-то ментальный конструкт, наложенный на карету, преградил мне путь, и обойти его я не смог. Ни ментально, ни физически. Хм. Теперь понятно, почему здесь нет конвоира. В таких условиях в нем просто нет надобности. Ладно... Начнем с малого. Первым делом попробую освободиться от пут, а там уж буду думать, как выбраться из всей этой истории вообще и телеги в частности.

Не успел. Наш экипаж прогрохотал по чему-то вроде моста и, резко свернув, вкатился на ровную дорожку. Скорее всего, песчаную, поскольку трясти стало значительно меньше, да и звук, издаваемый экипажем, изменился. Вместо стука ободьев по ухабам, теперь из-под кареты доносился лишь тихий шорох песка... или очень мелкой гальки. А вот кареты с полицейскими не слышно, совсем.

Экипаж замер на месте, и я поспешил вновь заблокироваться, успев напоследок ощутить, как спадает защитный ментальный конструкт со стен кареты. Дверь распахнулась, и меня в четыре руки выволокли наружу. Повязку с глаз никто снимать не стал, как был, так и потащили куда-то. Подхваченный под руки, я успел пересчитать ногами с десятков ступеней, по которым меня спустили в какое-то подобие подвала или погреба, и довольно неаккуратно бросили на пол, так что отбитые ребра напомнили о себе с новой силой. Нет, скорее всё же погреб... по крайней мере, запах квашеной капусты чувствовался весьма отчетливо. И всё это без слов. Хм. Ой, не нравится мне всё это. Совсем не нравится!

Не могу сказать точно, сколько времени я провел в этом погребе, сидя на каменном и весьма холодном полу, но когда мои конвоиры вытащили меня наверх, уже наступил вечер. Почему я в этом так уверен? Прохлада совершенно вечерняя, да и запахи, окружившие меня, не могли обмануть. Точно вечер. Эх, там Лада, наверное, уже с ума сходит, а я здесь торчу. Вот ведь...

Меня затащили в какой-то дом, шаги конвоиров отдавались эхом от явно высоких потолков. Скрипнули двери, и один из моих провожатых рывком усадил меня на стул.

— Снимите с него повязку. — Знакомый голос. Свет больно резанул по глазам. Неужели сейчас я увижу заказчика этого шоу? Проморгавшись, фокусирую взгляд на двух судариках, расположившихся за столом. Ну, первый — Раздорин, фальшивый дознаватель с распухшим носом-сливой, а второй... не знаю. Первый раз вижу этого толстяка. Нет, он не похож на гору сала, скорее эдакий колобок, немолодой уже человек с брылями, обширными залысинами, тремя подбородками и маленькими свиными глазками... хм, возможно, я не-

объективен, но у меня есть на то все основания, честное слово.

— И еще раз здравствуйте, Виталий Родионович. — Право, акуля улыбочка вкупе с потерявшим всякую форму разбитым носом выглядит довольно мило.

— Не могу пожелать вам того же. — Отражаю ухмылку моего собеседника, и тут же огребаю по шее от стоящего за моей спиной конвойного. Неприятно.

— Умерьте свой пыл, господин Старицкий. — Скривился Раздорин. Ого! Как полыхнул в его сторону взглядом толстяк. Интересно. А псевдодознаватель не заметил. — Как вы понимаете, здесь вы находитесь в нашей власти. И только от вас зависит, как будут развиваться наши отношения.

— Увольте, я не по этой части, неуважаемый. — Хех. Долго же до них доходит. Несколько секунд обоих собеседника сверлят меня непонимающими взглядами. Во, дошло! Ох. Опять прилетело по шее от конвоира.

— Что ж. Я так понимаю, сотрудничать вы не желаете, — пряча ярость за деланым вздохом, констатирует Раздорин и, переглянувшись с толстяком, разводит руками. — Тогда нам не остается ничего иного, кроме как провести глубокий ментальный допрос.

Стоило псевдодознавателю кивнуть, как конвоир вздернул мою голову, а еще один, подскочив откуда-то сбоку, подsunул мне под подбородок своеобразную подставку. Кожаные ремни захлестнули шею и темя, намертво зафиксировав положение головы. Что называется, ни вздохнуть, ни... Скоростные дядьки. И явно вытворяют этот фокус не в первый раз.

Раздорин подал знак, и передо мной поставили еще один стул, на который он и уселся, так что наши глаза оказались на одном уровне. Псевдодознаватель коснулся пальцами моих висков, и я понял, что не

в силах не то что моргнуть, но даже просто отвести взгляд. Классный фокус.

А дальше начался собственно допрос, но почти тут же и застопорился. Нет, я честно ответил, как меня зовут и откуда я приехал в Хольмград, но вот когда Раздорин задал вопрос о том, где я жил до приезда в Киево-городиче, а я не менее честно ответил, что именно там и появился на свет, псевдодознаватель резко откинулся на спинку стула и, потеряв ладонью лоб, развел руками.

— Это бесполезно, Роман Георгиевич... я вообще его не чувствую. Может, медикаменты?

— С удовольствием вас расстрою... — хмыкнул я, мысленно отметив, как дернулся «колобок», когда Раздорин назвал его по имени-отчеству. — Пилюли-говоруны на меня давно уже не действуют. Спасибо Особой канцелярии.

— Тогда остаются только пытки... — Вздыхнул Раздорин, улыбаясь мне своей фирменной «акульей» улыбочкой. Убью гадину.

— Только не здесь! — «Колобок» чуть под потолок не взвился, услышав предложение псевдодознавателя.

— Хорошо-хорошо. — Раздорин скривился и кивнул моему конвоюру. — Грошик, мухой к нам. Пусть там подготовят всё для встречи. Баркас, останешься с Романом Георгиевичем, дождешься остальных, как вернутся с моря, отправишь следом. А я доставлю нашего гостя.

— Мгм... атаман, так, может, я с вами, а? — просительным басом протянул тот, которого обозвали Баркасом. — А то ведь, не ровен час, сбежит паскуда! Уж дюже шустрый. Ежли б Грошик его грузилом не приголубил, поди и посейчас по холмам бегунка этого искали.

Раздорин невольно поморщился, словно невзначай коснувшись своего опухшего шнобеля, но тут же справился с собой.

— Из-под печати инквизиции в свое время даже Молох уйти не смог. Да и я в этот раз начеку буду. Нет, оставим так. Забирайте его, — после недолгого размышления, проговорил мой псевдоколлега.

Мою многострадальную голову, наконец, освободили от ремней, но не успел я насладиться этой «свободой», как на мои только-только отошедшие от «паралича» глаза снова накинута повязка и, не дожидаясь пока я поднимусь со стула, в четыре руки поволокли из дома. Вот это я и называю навязчивым сервисом.

— И... Баркас, болтай поменьше, не люблю суесловов. — Эта фраза Раздорина, сказанная спокойным, но от этого не менее угрожающим тоном, настигла нас как раз на пороге комнаты. Как я это понял, учитывая завязанные глаза? Просто. Баркас, тащивший меня, услышав слова атамана, чуть не грохнулся, запнувшись о тот самый порог. Да и Грошик дернулся х а р а к т е р н о. Я же в результате чуть паркет носом не пропахал. Боятся тати своего вожака, ох боятся...

На этот раз меня не стали запихивать в погреб, а бросили всё в тот же экипаж. Я услышал, как щелкнул за спиной замок, и, сняв блокировку, убедился в том, что мои тюремщики не забыли включить ограждающий конструкт. С-собаки. Печать инквизиции, надо же... Хм. А я ведь про нее читал. Точно читал... но вот где?

За стенками кареты было тихо. В следующие полчаса единственный звук, который разбавил вязкую тишину, окружившую меня, был топот копыт выезжающей со двора лошади, очевидно, Грошик отправился исполнять наказ Раздорина, и снова всё стихло. А я пытался вспомнить, где и что именно читал об упомянутой псевдодознавателем печати инквизиции. И ведь вспомнил же! Записки Хейрдалла, вот где мне встречалось описание этой печати.

В свое время знаменитый путешественник и богослов тоже не избежал подобного заточения, правда не в карете, а в одной из итальянских тюрем и, будучи человеком скрупулезным, подробно описал все свои исследования этого произведения церковных служителей. Благо времени на них у тогда еще будущего настоятеля Валаамского монастыря было предостаточно. Все-таки полтора года в той тюрьме провел.

Мои радостные восторги по этому поводу прервал приближающийся шум шагов. Экипаж еле заметно качнулся, и мы поехали. Куда? А черт его знает. Но мне туда не хочется. Не люблю пытки, знаете ли. А это значит... что пора побеспокоиться о своей свободе. Почему я не озаботился этим, пока экипаж стоял во дворе? Хм. А где гарантия, что перед выездом Раздорин не пожелает узнать, как обстоят дела у его пленника? Нет уж, лучше я займусь своим освобождением на ходу...

Я попытался щупом нащарить замочную скважину в наручниках и... чертыхнулся. На всякого мудреца, довольно простоты, если пристойно выразиться. Наручники оказались заперты не на ключ. Болты и гайки. Ни у одного щупа не хватит мощности, чтобы развернуть эту элементарную конструкцию. Нет, создать достаточное количество манипуляторов — не проблема, вот только площадь приложения сил просчитанно мала. Щупам не за что ухватиться, так что при попытке вывернуть болт они попросту сольются в один манипулятор, и тот лопнет от переизбытка вложенных сил.

Ну что ж. Если нельзя справиться методами здешних «волшебников», придется воспользоваться опытом фокусников «того света». Это будет даже проще, поскольку цепочка, сковавшая мои наручники, куда длиннее привычных трех звеньев.

Эх, давненько я подобной акробатикой не баловался. Соскальзываю на пол и, сгруппировавшись, тяну

руки вперед, одновременно смещая торс в противоположную сторону. Шиплю от напряжения и режущей боли в запястьях, но спустя несколько секунд мне-таки удастся пропустить руки под собой, и я с облегчением сдираю с лица эту чертову повязку. Впрочем, темнота вокруг и не думает отступать. В экипаже темно, хоть глаз выколи. Может быть, я ошибаюсь, но кажется, почернение стекол в дверцах это результат действия всё того же запирающего экипаж конструкта. Ну и ладно. Сейчас мне это не интересно. Важно другое. Первый шаг на пути к своему освобождению я сделал, теперь нужно двигаться дальше. Я молюсь, чтобы моя идея сработала. Щупы скользят по стенам экипажа, и через пару минут я облегченно вздыхаю. Есть! На боковых стенках манипуляторы находят держатели для светильников. Четыре штуки, но мне хватит и двух... Должно хватить. Пропускаю через ближайšie ко мне по паре десятков щупов, концы которых плотно охватывают металл наручников и мои собственные запястья. И... раз! Твою дивизию!!!

Стискиваю зубы, чтобы не заорать от боли, но тут же заставляю себя повторить упражнение, и еще один рывок сопровождается скрипом экипажа, звоном порванной цепочки наручников и моим сдавленным стоном. Чтоб я еще раз согласился на такой эксперимент... лучше застрелиться.

Трашу руками, горящими, что называется, от локтей до ногтей. Тянущая боль в плечах потихоньку отступает, и я судорожно выдыхаю, одновременно стряхивая с ресниц выступившие слезы. Чуть напополам себя не порвал! Тоже мне, палач-мазохист... Ох.

Простейший заговор кое-как унимает боль в пострадавших от рывка руках, и я, подвесив под потолком светлячок, наконец, могу спокойно рассмотреть результаты моего самоубийственного физического опыта.

Обрывки цепочки, соединявшей наручники, выглядели довольно жалко. Одно из звеньев, кажется, попросту разорвало пополам, а остальные выглядели так, словно их старательно и долго вытягивали. Однако.

Я повел руками из стороны в сторону, покрутил ладонями и, убедившись, что эти движения не вызывают особого дискомфорта, облегченно вздыхаю. Небольшая боль, иногда прорывающаяся сквозь заслон наговора, это ерунда. Главное, руки сохранили полную функциональность, а значит... будем жить.

Где-то через полчаса я почувствовал, что экипаж ускорился, выехав на брусчатку, прогрохотал по мосту и, несколько раз куда-то свернув, остановился. Кажется, приехали. Интересно, что это за городок?

«Хрустальная сфера» вновь заняла свое место, светляк под потолком мигнул и погас, рассыпавшись искрами, а я тяжело вздохнул, почувствовав, как разом обеднело восприятие. М-да, а ведь прав был Высоковский в свое время, убеждая меня в необходимости снятия блокировки. Действительно, теперь я чувствую себя с ней... нет, не калекой, конечно, но ясное ощущение нехватки чего-то важного не отступает ни на секунду. Неприятное чувство, что ни говори.

Рядом с экипажем слышались голоса, и я было приготовился к шумному выходу, но в этот момент карета качнулась, скрипнув рессорами, слышался щелчок бича, и мы вновь покатали по улицам. Ла-адно.

С облегчением свернув блокировку, я вновь зажег светляк, на этот раз поярче, и принялся осматривать защищенные конструктором стенки кареты. Самое слабое место нашлось довольно быстро. Дверцы. Как плотно ни подгоняй поверхности, одним целым они не станут. Нет, вынести одну из них так, как я это проделал с Раздориным, мне, конечно, не удастся, печать слишком сильна, но... В месте, где дверь соприкасается с кор-

пусом экипажа, имеется небольшое и малозаметное, но очень удобное для моих целей искажение этого самого конструкта. Нет, если пользоваться чем-нибудь убойным, то ничего хорошего не выйдет. Печать просто впитает такую конструкцию, но... у меня ведь ничего такого в арсенале и нету, а вот не прямое воздействие, скажем, бытового характера, может и прокатить... Например, такое.

Вспоминая уроки Меклена Францевича и Хельги, подношу ладонь к месту крепления петель и чувствую, как из-под нее бьет холодом. Над рукой вспухает маленькое снежное облачко и тут же тает, оседая на коже микроскопическими капельками. Бытовой конструкт для охлаждения напитков после небольшой перестройки промораживает любой предмет не хуже жидкого азота. Помнится, Берг Милорадович был весьма впечатлен, когда я продемонстрировал этот опыт, после очередного его отказа посодействовать в моем обучении боевой менталистике. А вот князь тогда отреагировал в своем репертуаре: «Виталий Родионович, дорогой! Если уж вы вытворяете такое с обычными бытовыми наговорами, то что будет, коли допустить вас к боевому оперированию?! Нет-нет, и не уговаривайте! За уничтоженную столицу, государь по головке не погладит, и плакали тогда все мои надежды на пустырь за канцелярией, это уж как пить дать». Юморист упертый... Эх.

Экипаж катится вперед, погромыхивая на брусчатке мостовой, а я внимательно прислушиваюсь. Нет, не слышно. А мне нужно точно знать, сколько людей меня сопровождает. Жаль, но время терять больше нельзя. Медленно ухожу в транс. Все дальнейшие действия должны быть быстры настолько, насколько это в принципе возможно.

С силой бью по стыку двери и корпуса экипажа, и створка выламывается вместе с частью стенки, рассу-

пая на ходу мерзлые осколки дерева. Удержав дверцу, аккуратно втаскиваю её внутрь и, почти мгновенно прощупав округу, довольно улыбаюсь. Рядом только во-дила. Прыжок! Цепляюсь за выступ крыши и, перебросив тело через нее, оказываюсь за спиной возницы. Не обращая никакого внимания на проносившийся мимо, теряющийся в ночной тьме пейзаж, зажимаю голову противника в жестком захвате. Тот сучит ногами, но сделать ничего не может.

Замечаю впереди узкий проулок, под небольшим углом отходящий от улицы, по которой мы едем.

— Правь туда.

Поворот, еще один, и экипаж останавливается в небольшом тупике меж двух длинных лабазов. Вот теперь можно и поговорить. Опомнившись, вновь разворачиваю блокировку и, стащив уже синеего Раздорина с козел, бросаю его на землю. На! Удар каблука приходится по и так пострадавшему носу моего похитителя, окончательно сворачивая его набекрень. Псевдодознаватель сдавленно охает, глаза его закатываются, и он обмякает, выпустив из руки барабанник, который почти успел достать из кармана. Вот и ладушки.

Предельно внимательно обыскиваю бесчувственное тело псевдоколлеги и, перебрав всё найденное, с удовольствием распикиваю трофеи по карманам. Перезаряжаю свой «Барринс» найденными в вещах Раздорина патронами и отправляю верный ствол в кобуру, которую с меня так и не удосужились снять. О, а вот и ключ от наручников. Споро сворачиваю болты и, отбросив в сторону изрядно надоевшие браслеты, обращаю внимание на завозившегося на земле Раздорина. Приходит в себя, уродец. Вовремя.

Удачное местечко нам попало. Никаких жилых домов, припозднившихся прохожих и прочих неприятных случайностей, что могут на корню зарубить искрен-

ность исповеди моего подопечного. Вообще, экспресс-допрос в полевых условиях штука довольно нервная и откровенно грязная, так что свидетели нам ни к чему. Я же говорю, удачное местечко. Ну-с, приступим.

Сначала Раздорин смотрел на меня с насмешкой. Но через несколько минут понял, что был неправ, и принялся шипеть от боли, с которой уже не могли справиться его навыки менталиста. Он-то, наивный, думал, что я начну его сознание потрошить... ошибся. А что, я похож на идиота? На кой мне состязаться с мастером на его поле? Нет уж. Сам всё расскажет, добровольно и быстро... ну, почти добровольно. А я послушаю и запомню.

К моему сожалению, из той речи, что выдал мне Раздорин, многого узнать не удалось. В частности, я так и не понял, в чем был интерес заказчика, то бишь Романа Георгиевича, сначала возжелавшего довольно невежливо пригласить к себе в гости Ладу, а когда не получилось, переключившегося на меня. Нет, то, что целью всех этих действий был я, понятно, но зачем было воровать Ладу? Этого Раздорин не знал. Равно как и суть претензий «колобка» к нашей семье.

Вообще, мой собеседник, несмотря на то что производил впечатление довольно осведомленного человека, оказывается, знал крайне мало по-настоящему интересных вещей. Например, он понятия не имел, кем является его заказчик, с которым ему, по сути, просто приказали работать. Кто? Даны.

Это известие заставило меня скривиться. В отличие от дворцовой подковерной возни, где смерть участников была скорее вынужденным исключением, чем правилом, с людьми, участвующими в шпионских играх, не церемонились никогда. Уж это-то я знаю точно...

Поняв, что просто завалить этого уroda и спокойно отправиться обратно в Брег, мне уже не светит, я пре-

рвал допрос и принялся упаковывать оглушенного собеседника с учетом имеющихся возможностей. Теперь я просто обязан доставить охранителям эту тварь живой. А то, что настоящие «канцелярские крысы» наверняка уже весь Брег перерыли, пытаюсь найти некоего Старицкого, я ничуть не сомневаюсь.

Собственно, именно потому, что ожидал прибытия в Брег арконских коллег, направленных по моей просьбе Телепневым для продолжения расследования, я и последовал столь неосмотрительно за Раздориным, когда он явился в полицейский участок и продемонстрировал мне медальон охранителя. Как выяснилось во время допроса, снятый им с убитого три года назад конуградского дознавателя.

Учитывая собственный недавний опыт побега из-под печати, я принял несколько нестандартное решение в плане фиксации пленника. Разрезав ножом длинный ремень сыромятной кожи, найденный мною в ящике под козлами, на четыре части, я вымочил получившиеся куски в ближайшей луже, после чего, затащив Раздорина в экипаж, принялся вязать узлы. Каждую конечность клиента я накрепко привязал к одному из держателей для светильников, так что пребывающий без сознания Раздорин оказался в подвешенном состоянии. Жестокое? О да. Зато есть хоть какая-то гарантия, что он не сможет освободиться. Кожа быстро высохнет, и тогда эти узлы уже будет не развязать. Старый испытанный прием, правда, вредный для здоровья связанного, но это уже не моя забота. Если Раздорин окажется интересен канцелярии, лекари быстро приведут его в порядок, а если нет... то, учитывая сотрудничество с «вероятным противником», плаха освободит его от этой проблемы раз и навсегда.

Пытаться восстановить защищавший экипаж ментальный конструкт, я даже не стал пробовать. Просто

поставил дверцу на место и воспользовался методом, применяемым как полицией, так и охранителями при опечатывании помещений.

К моему удивлению, стоило стыку меж дверью и корпусом зарости, как инквизиторская печать полыхнула синеватым отблеском и полностью восстановилась. Сама. Хм. Интересный эффект. Впрочем, чего-то в этом роде можно было ожидать. Я ведь не отключал конструктор, когда выбивал дверь, так что... Ладно, над этим можно будет подумать позже и желательно в компании с нашими исследователями.

Ну, вот и все. Пора в дорогу. Так, если верить Раздорину, то сейчас мы находимся в Стрельно. Значит... значит, есть два варианта. Первый: выбраться на прибрежный тракт и «дранг нах Остен», долго, но практически безопасно, поскольку исключается возможность встречи с подчиненными моего «клиента». И второй вариант, который нравится мне куда больше. Рискнуть и рвануть к дому «колобка». Чую я, если он и не является заказчиком всей этой возни, то находится достаточно близко к нему. А от такой ниточки грех отказываться. К тому же сейчас в том доме не должно быть много народу, Раздорин ведь приказал татам отправляться в Стрельно...

Эх, пропадать так с музыкой! Я с трудом вывел экипаж из тупика и, устроившись на козлах, попытался изобразить лондонского кэбмена. Ну не специалист я по гужевому транспорту... Наверное, именно поэтому резвые лошади втопили как сумасшедшие. Но «руля» слушаются, и то хлеб. А что по пути пару каких-то лавок своротили, так нечего на трассе свои будки выставлять!

Теперь главное удержаться на козлах и не ошибиться с выбором дороги.

Выехав из города, я все-таки настропалился кое-как управлять этим «болидом», так что по узкому проселоч-

ному тракту мы покатили уже на вполне приемлемой скорости. Мимо в предрассветной тишине замелькали холмы и перелески. Красота!

К моему удовольствию, с татями мы таки разминулись. Но это оказалась единственная хорошая новость. Прибыв в поместье «колобка», я не обнаружил там ни единой живой души. Только мусор и пепел. Сбежал, тварь. Теперь понятно, почему он так возражал против проведения моего допроса в своем доме. Чтоб никто не помешал ему смазать лыжи. Ну Роман Георгиевич, ну упырь-«колобок»... «я от бабушки ушел, я от дедушки ушел»... Найду, лично на диету посажу. Осинovou... ректальную...

Глава 5

УХОДИМ... УХОДИМ? УХОДИМ!

В Брег мой тарантас вкатился медленно и печально, словно катафалк. Лошади, заморенные, в серо-бурых разводах из смеси высохшего пота и дорожной пыли, уже не неслись во весь опор, как в начале моей первой извозничьей практики, и даже не бежали, они плелись, сопровождаемые скрипом изрядно пострадавшего за прошедшие двадцать часов экипажа. Впрочем, его содержимое почти соответствовало обычному грузу траурной повозки. Не скажу, что Раздорин был при смерти, но от невыносимой боли он отключился и весьма капитально, избавив меня от необходимости в пути чуть ли не ежеминутно прислушиваться к доносящимся из кареты звукам, из опасения, что мой подопечный удушает что-нибудь эдакое и попытует сбежать.

Собственно, именно для того, чтобы хоть как-то обезопасить себя от такого развития событий, я и подвесил Раздорина, привязав его конечности к держателям

салонных фонарей. Мера жестокая, но в моем положении необходимая. Болтанка доставила подвешенному за руки и за ноги Раздорину немало боли, а это один из немногих инструментов нементального толка, позволяющих ограничить возможности манипулятора. Боль не дает сосредоточиться, а без должного контроля создание даже простейшего ментального конструкта превращается в весьма нетривиальную задачу. Всё это я узнал из давних лекций того же Берга Милорадовича и теперь не постеснялся пустить полученные сведения в ход.

Ну а если уж быть совсем честным, то была здесь еще и маленькая месть с моей стороны. Все-таки, судя по тому, как ноет мое тело, подручные Раздорина, а может и он сам, весьма основательно прошлись по нему руками и ногами после моего неудавшегося рывка... Хм. И ведь, пока выпутывался из этого идиотского похищения, боли почти не было, адреналин всё заглушил. Зато стоило оказаться в безопасности, как усталый организм тут же принялся подробно перечислять все повреждения... ну, как он это умеет. А умеет больно... Тьфу ты. Уже всякая муть в голову лезет. Быстрее бы добраться до своих...

К гостинице я подъехал, когда солнце было уже почти в зените. Полдень не полдень, но часов одиннадцать утра уже есть. К сожалению, определить время точнее не позволяло отсутствие в кармане моего жилета давно ставших привычными серебряных часов. Не помню, куда они делись, но подозреваю, что теперь моим модным трехкрышечным «Брюнно», производства вездесущих швейцарских «гномов», щеголяет кто-то из подручных Раздорина. Наверняка сняли во время обыска моего бесчувственного тела, с-с... Обидно, конечно, но... черт, да всё одно теперь эти часики вору боком выйдут!

Вообще, я был крайне удивлен тем странным фактом, что меня, по уши изгвазданного в грязи, наряженного в поддраный костюм битюга, не остановил первый же брежский городской, едва я только прикатил в город. Эта загадка встала передо мной в полный рост аккуратно в тот момент, когда я увидел свое отражение в зеркале холла Первой Брежской гостиницы. Видок тот еще. Всклопоченные волосы, внушительный синяк на скуле, болтающийся на шее, полуоторванный и грязный, а совсем недавно безупречно накрахмаленный воротничок и густо забрызганная кровью Раздорины когда-то не менее белоснежная сорочка. Пиджак в клочья, на коленях брюк солидные прорехи... образцовый клошар, одним словом. Просто удивительно, во что способен превратиться мужчина, лишенный присмотра любящей и заботливой жены, за каких-то жалких двадцать часов. Эх!

А наш бессменный портье даже глазом не моргнул. Зато тут же сообщил, что госпожа Старицкая только с утра уже четырежды осведомлялась обо мне, и с готовностью согласился известить всю нашу компанию о моем возвращении. Правда, тут пришлось настоять на том, чтобы первым делом он вызвал в холл телохранителей.

Бросив взгляд за мою спину, где в проеме распахнутых настежь входных дверей виднелся нагло припаркованный у самого крыльца траурно-черный экипаж, портье медленно кивнул и, не теряя времени, устремился на второй этаж, так что уже через минуту тройка бойцов взяла карету под охрану.

Все-таки я правильно сделал, что первым делом явился в гостиницу, а не на яхту, куда наша компания должна была съехать еще вчера. Арконские охранители, настоящие, я имею в виду, по прибытии просто обязаны были настоять на таком варианте, во избежание риска

одним прекрасным утром остаться без большей части участников происходивших в Бреге событий. Нет, я абсолютно уверен, что без меня наша компания никуда бы не уехала, но охранители-то этого не знают... а полномочий настоять на своем у них хватает. Так что...

Из задумчивости меня вывел настоящий ураган эмоций, сумасшедший коктейль из беспокойства, сочувствия и облегчения налетел и... стиснул в объятиях. У Лады удивительно сильные руки, несмотря на всю её кажущуюся хрупкость... и нежные.

Я прижал к себе жену и, только ощутив её теплое дыхание, понял, что добрался. Многочисленные ссадины и отбитые ребра заныли с новой силой, а предплечья опять загорелись огнем, напоминая о недавнем опыте разрывания самого себя. Я втянул носом цветочный аромат, исходящий от волос Лады, и, поцеловав её в макушку, отстранился.

— Это же просто неприлично, обниматься на виду у всех, да еще и с таким оборванцем, — шепнул я на ухо стиснувшей меня красавице, и схлопотал от нее легкий удар кулачком в бок. Ребра тут же напомнили, что их не только отбили при падении на холодный пол погреба, но и хорошо отпинали. Еле сдержал тихий ох, но тело произвольно дернулось, что не укрылось от жены.

— Идем, я приведу тебя в порядок. — Лада потянула меня за собой.

М-да, тело вышло из боевого режима и решило, что больше игнорировать боль не имеет смысла. Это оно поторопилось, конечно. Мне же еще нужно встретиться с коллегами, чтобы передать им на руки Раздорина. Да и хоть немного утолить их любопытство тоже надо. А это — время...

Оповещенных о моем прибытии дознавателей я встретил в гостиной своего номера, сидя на диване, с голым торсом, умытый... и с барабанником наготове.

Так что им пришлось потратить несколько минут, доказывая, что они действительно присланы в Брег из руянского представительства в Арконе, приказом главы Особой Государевой канцелярии.

Надо отдать должное коллегам, они ни разу не возмутились тому, что во время нашей короткой беседы, состоявшейся буквально через десять минут после моего возвращения в гостиницу, я вел себя откровенно неподобающе... с точки зрения здешних правил приличий, разумеется. Нет, я извинился за столь невежливое поведение и спрятал «Барринс» под подушку, но даже не подумал просить жену временно приостановить приведение в порядок моего побитого тела. Так и общались. Пока Лада невозмутимо промывала и дезинфицировала многочисленные ссадины на моих боках, я рассказывал сидящим в креслах напротив меня дознавателям о событиях последних нескольких дней, опустив лишь подробности моего разговора с Бисмарком, состоявшегося в доме Штауфенов и информацию о визите к подручным Нестора Климина. Все-таки последняя выходка была напрочь незаконной.

— То есть вы хотите сказать, что похититель сейчас заперт в том экипаже, что стоит у входа в гостиницу? — удивленно поинтересовался дознаватель.

— Не только хочу, но и говорю. — Я попытался пожать плечами, но как раз в этот момент Лада прикоснулась смоченным в каком-то едком зелье тампоном к длинной и глубокой ссадине на спине, момента обретения которой я не помнил напрочь. В общем, вместо ленивого пожатия плеч, я дернулся, словно от удара током, и Лада тут же успокаивающе погладила меня по плечу.

Дознаватели переглянулись и, попросив разрешения забрать мой трофей, исчезли за дверью. Все-таки

здесь живут поразительно стеснительные люди. Еще на входе в номер вид моего обнаженного торса привел охранителей в некоторое замешательство, а последний успокаивающий жест Лады и вовсе заставил младшего из них покраснеть! Как говаривал мой инструктор по рукопашке, бывший филолог: *Sancta simplicitas*, ёж твою медь!

Проводив охранителей взглядом, я облегченно вздохнул и, извернувшись, опустил голову на колени жены.

— Не спи, Витушка. — Лада нежно потянула меня за ухо, и я нехотя приоткрыл глаза.

— Почему?

— Потому что спать в постели куда удобнее, чем на диване. — Пожала плечами жена и начала меня тормошить. Аккуратно, но настойчиво. Пришлось уступить ей и перебраться в спальню. Лада, правда, попыталась оттуда сбежать, ссылаясь на то, что мне, дескать, надо хорошо отдохнуть после таких-то приключений, но тут я её слушать не стал. Каким-то чудом, в один момент избавив жену от лишней одежды, попутно изодрав в клочья корсет, утащил её к себе под одеяло и, довольный и счастливый... моментально уснул, прижимая к себе Ладу, словно ребенок — любимую меховую игрушку.

Проснулся я только утром следующего дня от волшебного аромата кофе, который я узнаю где угодно и в каком угодно состоянии. Открыл глаза и невольно улыбнулся, обнаружив стоящую рядом с кроватью Ладу с постельным столиком в руках. Женушка тут же отразила мою улыбку и, не дав сказать и слова, склонилась надо мной. Водрузив свою ношу мне на колени, Лада коснулась моих губ невесомым поцелуем. Какой, к дьяволу, кофе?! Я еще не оправдался за вчерашний позорный отруб!

Но мои поползновения были мягко пресечены.

— Сначала завтрак, дорогой. — Увернувшись от моих загребущих рук, рассмеялась Лада и кивком указала на поднос.

Я бы возразил, но мой желудок меня предал, согласившись со своевременностью замечания довольно громким урчанием. Пришлось согласиться...

С одной стороны, двое суток без еды это не так уж много, с другой... столик-поднос, на мой взгляд, оказался все-таки несколько маловат. По крайней мере, покончив с завтраком, я обнаружил, что вполне способен съесть еще столько же. Во всяком случае, мне так казалось...

— Лада, милая, скажи, как тебе удалось за одни сутки научить здешних поварят готовить этот изумительный напиток? — Я ткнул пальцем в опустевший кофейник. — Это же твой рецепт, я не ошибаюсь.

— Никак. — Улыбнулась она. — Я готовила его сама.

— Здешний повар позволил тебе хозяйничать на своей кухне? — Я удивленно приподнял бровь и, хмыкнув, продолжил: — Знаешь, раньше как-то к слову не приходилось, но имей в виду, я жуткий собственник. И в ревности страшен, как Отелло...

— Кто?

— Эхм... да был такой герой в одной старой пьесе... ревнивец, — протянул я, поняв, что ляпнул лишнего.

— О! Не беспокойся, Вит. — Улыбнулась Лада. — Здешний повар теперь и глянуть-то в мою сторону боится.

— Вот как? — заинтересовался я. — А поподробнее?

— Видишь ли... — Лада на мгновение замаялась. — Он очень не хотел пускать меня на свою кухню, чтобы я приготовила тебе кофий, и Лейфу пришлось его уговаривать.

— И? — уже догадываясь, что произошло дальше, протянул я. Сопротивляться воле сестры мой новик

неспособен абсолютно, и в том, что она его раскрутила на содействие, я не усомнился ни на секунду.

— Ну, ты же знаешь Лейфа! Вот... братик немного перестарался. Загнал лопатой кухонную обслугу в холодильную комнату и там запер... чтоб не мешали. — Вздохнула Лада. — А... а я их нашла только через полчаса, когда уже к тебе собиралась идти.

— М-да. Значит, пора вставать. — Я покачал головой, старательно давя так и норовящую вылезти на лицо широкую улыбку. А что, решение вполне в стиле Лейфа! Новик ведь прям, как лом... поставили задачу, он её и решил доступными методами. Просто и без изысков. Эх...

Да уж, ни дня без приключений, ни минуты без стресса. Мне понадобилось пару минут, чтобы понять, что головной боли у нас чуть прибавилось. Ведь, чем бы ни был продиктован поступок Лейфа, добрым его не назовешь. Придется как-то разруливать ситуацию, договариваться с пострадавшими и полицией и заняться педагогикой в отношении одного «потерявшего берега» новика. Не хочется, конечно, но надо. Не поставлю на место сейчас, потом, может статься, будет поздно. Ох. Как будто у нас иных дел нет.

— Подожди, какой-такой лопатой? — Только что пришедшая в мою голову мысль заставила меня внутренне сжаться. Если этот обормот додумался распотрошить мой «дуэльный набор», пиши пропало. После выступления Лейфа на хольмганге убедить полицию в том, что новик грозил поварам обычным шанцевым инструментом, будет нереально... А это уже совсем другая статья!

— Не волнуйся. — Лада, кажется, прочла мои мысли. — Лопату он взял там же, на кухне. Ею соль из бочки набирают.

— Ты меня успокоила. — Я облегченно вздохнул. — И все-таки с этим надо разобраться. Ничуть не удив-

люсь, если наш портье уже выслушал жалобы кухонной братии и послал за городовым.

— Никто никого никуда не посылал. Старший кухарь до сих пор всем богам хвалу воздает за то, что Лейф его в круг не вызвал.

— Вот как? Это за что же? Неужто на Руяне героическая оборона гостиничной кухни может закончиться вызовом на хольмганг?

— Ну... я... — Кажется, теперь уже Лада поняла, что сболтнула лишнего.

— Хм?

— Когда я просила у кухаря разрешения приготовить кофе на кухне, он в ответ был излишне... резок, — замаявшись, призналась Лада. — Нет, в своем хозяйстве старший кухарь, конечно, царь и бог, и чужим там, действительно, не место... Но ведь можно было проявить немного такта?

— Полагаю, что и Лейфа ты о помощи не просила. Он просто услышал ругань повара в твой адрес и вступился, так? — уточнил я.

— Да. Брат был в салоне и услышал крик кухаря. Ну и... полюбопытствовал. — Кивнула жена. М-да уж, а я-то себе проблем напридумывал...

— Весело живем, ничего не скажешь, — заключил я и, отставив в сторону постельный столик, выбрался из кровати. Окинул Ладу долгим взглядом и, не теряя времени, потянул её за собой в ванную комнату, где еще одним корсетом в гардеробе моей жены стало меньше. Я же говорил, что избавлюсь от этих «бронезилетов».

Честно говоря, спускаясь в салон, я ожидал куда более сдержанной встречи, но компания «варяжцев», очевидно, посчитала иначе, а потому, стоило нам с Ладой появиться в зале, как меня чуть не затискали в объятиях. И куда только делся весь официоз и этикет? Разве что Хельга отказалась от возможности меня об-

нять, и то, по-моему, лишь потому, что Лада уж очень выразительно глянула в её сторону. Вообще, судя по встрече, можно было подумать, что меня не было как минимум месяц... Нет, умом я понимаю, что у моих друзей был весьма серьезный повод для переживаний, но... Наверное, я просто не привык. На «том свете» я жил один, и дома просто некому было с волнением ждать меня из очередной поездки в места с повышенной концентрацией свинца в атмосфере. Соответственно, некому было и радоваться моему возвращению из оных.

Нет, на службе, конечно, были друзья, настоящие, проверенные... но в том-то и дело, что в командировки мы ездили вместе, а там времени для переживаний особенно не было. В общем, неудивительно, что столь эмоциональная встреча здесь меня порядком ошеломила. Нет, в самом деле, мне пришлось потратить чуть ли не четверть часа, чтобы привести в порядок мысли и чувства.

А потом подтянулись вчерашние охранители, и времени на рефлексии не осталось. Явились эти господа в компании еще пары человек, и не нужно быть Холмсом, чтобы понять: все гости вылезли из одной песочницы. В отличие от затянутых в уже привычные мне черные похоронные костюмы охранителей Особой канцелярии, их спутники были одеты более прозаично, но холодными изучающими взглядами, невозмутимостью лиц и тщательной блокировкой эмоционального фона эти господа просто-таки в голос заявляли о своей принадлежности к той же касте. Так что я совсем не удивился, когда они продемонстрировали значки. Как оказалось, наши новые знакомцы представляют сходные, но всё же разные структуры. Широкоплечий белобрысый крепыш, лет тридцати на вид, щеголяющий шкиперской бородкой и наряженный в коричневый твидовый костюм, отрекомендовался как штабс-

капитан вендской жандармерии, а его старший спутник, худошавый, чрезвычайно подвижный и резкий в движениях, лысый как колено, обладатель шикарных вислых пшеничных усов, оказался представителем Третьей коллегии Совета Арконы¹.

Салон тут же опустел. Первой исчезла Лада, а там и нашим изобретателям понадобилось что-то обсудить накоротке, и они удалились. Ни Грацу со старшим Беловым, ни Бережному с Беловым-младшим, очевидно, также не захотелось присутствовать при беседе с охранителями. Что ж, я их вполне могу понять. В нашей компании и без того количество служащих Особой канцелярии превышает все разумные пределы, так что проще назвать тех, кто не имеет никакого отношения к охранителям, чем перечислить всех, кто получает жалованье у князя Телепнева. Вот и нет ничего удивительного в том, что присутствие еще четверых коллег отнюдь не улучшает настроения. В конце концов, это путешествие было задумано как отдых, а не командировка, нет?

Эх, жаль, что я не могу вот так, запросто, свалить от этих гостей в свой номер. Все-таки именно ко мне они и пришли. А то, схватил бы Ладу в охапку, и только меня и видели.

— Доброго дня, Виталий Родионович, — отвесив короткий поклон, глубоким баритоном заговорил уже знакомый мне по вчерашней встрече Ульян Чеславич Сумской, старший из охранителей Особой канцелярии, присланных по приказу Телепнева. — Уж извините, что

¹ *Совет Арконы* — Высший гражданский орган управления острова Руян. Его третья коллегия отвечает за обеспечение безопасности и защиту суверенитета острова. В её ведении находится полиция и тайный сыск. Кроме того, глава Третьей коллегии входит в состав Большого ушкуйного круга — совета владных ушкуйников, как один из пяти Глав, управляющих всем Кругом.

вынуждены отвлечь вас от отдыха, но дело, приведшее нас к вам, слишком серьезно. Впрочем, для начала позвольте представить вам моих спутников. С моим подчиненным, Радимом Тверитичем, вы уже знакомы, а это наш вендский коллега, штабс-капитан Ульрих Геннин. — Жандарм чуть прищелкнул каблуками и кивнул, а охранитель повел рукой в сторону вислоусого. — И, так сказать, здешний хозяин, коллежский секретарь Виллим Ярославич... Геннин.

— Приятно познакомиться, господа. Виталий Родионович Старицкий. — Я кивнул однофамильцам... впрочем, однофамильцам ли? И указал на кресла. — Прошу, составьте мне компанию за чашкой чая. Заодно и о деле поговорим.

Гости не стали чиниться, и вскоре на столе между нами уже пыхтел небольшой полуведерный самовар в окружении мисочек с разнообразным вареньем и блюд с горячими пирожками. Почти как в гостях у Смольяниной. Разве что ее фирменных медовиков не хватает... Но, несмотря на «домашность» обстановки, охранители не преминули окружить наш стол мутным пологом тишины, не позволяющим не только услышать содержание ведущихся под ним разговоров, но даже движений губ и выражений лиц собеседников. А я так пока не умею... Жаль. Впрочем, все мои сожаления ментально пропали, как только я узнал, что именно привело ко мне компанию охранителей. Раздорин мертв. Удушил сам себя в камере. Климин-младший, сданный им с потрохами как подельник — исчез вместе со своим ушкуем. Подручных самого псевдодознавателя нашли мертвыми в том самом доме в Стрельно, куда я так и не попал. Его адрес также успел сдать Раздорин, не сумевший перебороть штатного мозголома охранителей. Ай да Радим Тверитич, ай да юное дарование. Такого зубра забодал!

Ну и на закуску... участковый пристав Своррсон и пара его костоломов были найдены в гроте восточнее Стрельно, в получасе хода от опустевшего особняка, где состоялась моя встреча с «колобком» Романом Георгиевичем. Как легко догадаться, полицейские тоже были мертвы. Если быть точным, заколоты. Сопротивления они не оказали, а значит, скорее всего, их предварительно оглушили или усыпили. Уж если у меня сонный наговор выходит на раз-два-три, ничего удивительного в этом нет.

Итого: Раздорин, шесть его поделщиков и пристав с парой подручных. Десять. Это если не считать Любима Климина, убитого предыдущим днем, и его сына, вроде как испарившегося из Брега на своем ушкуе. Слов нет, одна нецензурщина на уме. Крутые дела творятся на благополучном острове... Нет, понятно, что прибежище каперов изначально не может быть спокойным местечком, но одиннадцать трупов за двое суток! Это уж слишком, господа... как говаривал один небезызвестный король, персонаж не менее известного произведения Александра Дюма.

Завершив свое повествование, Ульян Чеславич замолк и испытующе уставился на меня.

— Виталий Родионович, собравшиеся здесь господа, как и я, пришли к однозначному выводу, что центральной фигурой всех этих печальных событий являетесь именно вы. — Не дождавшись от меня ни слова, вновь заговорил Сумской. — Да, я понимаю, что не имею права требовать вашего участия в расследовании, равно как не могу и задержать вашу яхту в Бреге, но... очень прошу вас помочь.

— Благодарю за откровенность, Ульян Чеславич. Само собой, я не откажусь помочь коллегам, особенно если мы четко определим границы этой помощи.

— Разумеется-разумеется. — Сумской только что руками не всплеснул. — Собственно, мы бы хотели по-

просить только об одном... Вчерашний ваш рассказ был краток и касался лишь собственно похищения, а нам нужно составить как можно более полную картину произошедшего.

— Хм. Что ж. Я могу рассказать вам все, что мне известно об этом деле, включая догадки и размышления, но хотел бы быть уверен, что после нашей беседы экспедиция в полном составе продолжит свое путешествие, и препятствий в этом нам чинить не станут, ни Особая Государева канцелярия, ни коллеги из Венда и Арконы. — Наглею? Да. Но уж очень не хочется мне торчать на Руяне до окончания расследования, которое может идти еще бог знает сколько времени.

— Что ж, ваше высокоблагородие, не смею возражать. Особенно если позволите телеграфировать вам на «Варяг» в случае возникновения каких-либо вопросов, — выделив голосом обращение, с деланым вздохом проговорил Сумской. Понятно, Телепнев дал добро на наш отъезд, а этот... умудрился еще и целый устный доклад у меня выцыганить. Ну Ульян Чеславич, ну змей лукавый!

Глава 6

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ...

Брег исчез за мысом, и я позволил себе облегченно вздохнуть. Честно, до самого последнего момента я не верил, что нам вот так просто удастся покинуть этот чертов порт. Всё время казалось, что вот-вот, через секунду-другую опять случится какая-нибудь гадость, и наш выход в море снова будет отложен на неопределенный срок. Но нет, обошлось. Хотя понервничать, даже уже находясь на борту яхты, мне всё же пришлось. Когда один из матросов заявил, что в салоне меня

дожидается фон Шёнхаузен и Эльза-Матильда Штауфен, я было подумал, что начался очередной этап игры в «князя Старицкого», но нет, наши новые знакомцы, как оказалось, прибыли только для того, чтобы развеять для себя гуляющие по Брегу слухи, лично убедиться в моем здравии и пожелать нашей компании счастливо-го пути. По крайней мере, мне так сначала показалось.

Прощание с залетными аристократами обернулось долгим, но очень приятным обедом, сотворенным Лейфом, а трапеза, в свою очередь, вылилась во вполне себе уютный вечер в салоне «Варяга». Эльза-Матильда блистала, умудряясь при этом не изображать из себя эдакую небожительницу, снизошедшую до нас грешных. Как позже выразилась моя жена: «Лиза была так мила и проста...» Впрочем, Оттон Магнусович тоже не стал демонстрировать аристократический гонор, так что, даже Тишила, при знакомстве с нашими гостями изрядно побледневший и попытавшийся скрыться в самом темном углу, к середине вечера уже совершенно освоился и даже умудрился поспорить с венецианским канцлером о холодном оружии. А маркиза и вовсе смогла совершить подвиг, растормошив нашего Левушку. Попандопуло отчаянно краснел, бледнел, но был-таки разведен Лизой-Мотей на познавательную лекцию о практическом применении ментальных конструкторов в технике. Правда, наблюдать за тем, чтобы увлекающийся молодой специалист не ляпнул лишнего, мне пришлось приставить к нему Хельгу Милорадовну. Почему именно ее, а не Берга? Ну, во-первых, потому что Хельга и так ведет себя по отношению к Попандопуло как наседка. Опекает, заботится и вообще следит, чтобы наш юный гений всегда был накормлен, напоен, вычищен и выглажен. Так что добавление еще одного момента, требующего контроля с её стороны, для Хельги не было чем-то непосильным. А во-вторых,

есть у меня ощущение, что позволю я присматривать за Левушкой Бергу Милорадовичу, и через четверть часа наша гостья будет в курсе вообще всех дел исследовательского отделения Особой канцелярии. Высоковский натура ничуть не менее увлекающаяся, чем Попандупуло, а поводов для споров у этой парочки «безумных ученых» всегда найдется в избытке.

— Вы собрали замечательное общество, Виталий Родионович. — Вроде еще минуту назад обсуждавший что-то с Грацем, Бисмарк как-то неожиданно оказался рядом со мной и, подхватив бутылку кьянти, не чинясь, ловко наполнил пару стоящих на столике тонких бокалов. Бутылка вернулась в строй своих товарок, на полку красного дерева, а один из бокалов ткнулся мне в руку. — Выпьем, князь. Выпьем за ваше умение заводить интересные знакомства.

— Оттон Магнусович, прошу, забудьте вы этот титул. Я не имею на него никаких прав. — Я поморщился, поднимая бокал.

— О, смею уверить, тут вы не правы, Виталий Родионович. И в Венде и в Западной Европе доказанные узы крови герольды, в иных случаях, ставят куда выше писанных законов. — Улыбнулся в усы фон Шёнхаузен и, очевидно что-то прочитав на моем лице, тут же покачал головой. — Виталий Родионович! Вы меня неправильно поняли. Я вовсе не пытаюсь купить вас предложением титула, и без того принадлежащего вам по праву. И уговаривать вас сменить место жительства я тоже не собираюсь. Мы недолго знакомы, но смею предположить, что подобная попытка была бы для вас оскорблением... Просто имейте в виду, в любой европейской стране вас будут воспринимать князем Старицким де-факто. Понимаете?

— Не очень, если честно. — Пришла моя очередь качать головой.

— Хм. Попробую объяснить, — задумчиво проговорил Бисмарк и, оставив бокал с вином, побарабанил пальцами по крышке стола. — Вы слышали о таком государе: Олеге Строителе?

— Разумеется. — О местном аналоге нашего Петра Первого, после беседы с Заряной Святославной о «новых и старых» родах, я действительно прочел немало. Но при чем здесь государь-реформатор, почивший почти три столетия назад?

— Так вот, сей яркий представитель потомков Гостомысловых, прежде чем занять хольмградский стол, отправился в путешествие по Европе, — размеренно продолжил Оттон Магнусович. — Названо оно было Великим посольством. Два года наследник престола пребывал в поездке, но в официальных документах той эпохи вы не найдете ни одного упоминания о том, что кто-либо из европейских правителей принимал у себя будущего правителя Руси. Зато, например, в Иль-де-Франс в составе посольства пребывал некий боярин Холмской, правда, исчезнувший на границе с Лотарингией, а во владения Гизов вместо него въехал княжич Русов. В объединенном королевстве Валлона и Фландрии же слухом ни слыхивали ни о боярине Холмском, ни о княжиче Русове, зато в архиве магистрата города Льеж есть запись о мордобитии на постоялом дворе, затеянном неким бояричем Тверским. Суда, правда, не было, за примирением сторон... Понимаете?

— Хотите сказать, все знали, что вот этот боярич-боярин-княжич и есть наследник русского престола, но делали вид, что верят его бумагам, а сам будущий государь путешествовал, так сказать, инкогнито? И это избавило его от необходимости многолетней подготовки к встречам с иными венценосцами... так?

— Именно, Виталий Родионович. — Довольно кивнул Бисмарк. — Вы всё правильно поняли.

— И как эта история связана со мной?

— У вас весьма похожая ситуация. В Европе ваш княжеский титул неоспорим по крови и закону, но без представления ко двору вы официально остаетесь инкогнито. Обычный обыватель из Хольмграда, не более.

— Ну, допустим, насчет крови я понял, а что с законом? — протянул я. — Насколько мне известно, род Старицких был лишен всего имущества, вотчин и званий, а следовательно, и в иных странах его представителям княжеские почести не светят.

— Хм, интересное выражение. — Усмехнулся Оттон Магнусович, но тут же посерьезнел. — Да, русскими князьями Старицким больше не называться, это так. — Бисмарк кивнул и, залпом опустошив отставленный было бокал кьянти, продолжил: — Но, дорогой мой Виталий Родионович, тут ведь вот какая закавыка получается. Каким бы ни был самовластным правитель, он не вправе законно отобрать у опального подданного вотчины, находящиеся за пределами страны... Равно, как не может лишить титулов, присвоенных либо признанных за таковым подданным или его предками государями иных держав. Собственно, во многом благодаря этому, многие ныне существующие аристократические рода Европы и сохраняют по сию пору свои титулы.

— Хотите сказать, что у Старицких имеется феодал за пределами Руси? — Я чуть не поперхнулся, когда до меня дошел смысл слов Бисмарка.

— Не феодал... — Покачал головой мой собеседник. — Майорат. Вотчина. Земля, которая и ныне дает роду Старицких право на княжеский титул.

— За пределами Руси? — зачем-то уточнил я.

— Именно так. — Оттон Магнусович кивнул. — Правда, в те далекие времена, когда ваш предок стал вассалом русского государя, таких, как он, именовали не князьями, а вольными ярлами. Но записью в уло-

жение геральдического собора от семь тысяч сорок седьмого года¹ было постановлено именовать рода вольных ярлов княжескими, со всеми проистекающими изменениями в грамотах, геральдических списках и родовых книгах.

— Знаете, Оттон Магнусович, мне даже страшно спрашивать, где находится эта самая вотчина, что из обычного подданного русского государя превращает меня в вольного ярла, — со вздохом признался я, и Бисмарк понимающе кивнул. — Вот чуёт мое сердце, что и здесь всё будет очень и очень грустно.

— Ох, Виталий Родионович, знали бы вы, насколько правы. — В тон мне ответил фон Шёнхаузен, и в его глазах, кажется, мелькнуло самое настоящее сочувствие. — Но всё же лучше знать, чем оставаться невеждой, не правда ли?

— Согласен. — Кивнул я. А что мне еще оставалось. — Итак, где же находится моя новая головная боль?

— Вам что-нибудь говорит название «Зееланд»?

Честно, я сначала было подумал, что ослышался, или Бисмарк просто шутит, но посмотрев на убийственно серьезную физиономию собеседника, понял... попал. Остров Зееланд, та самая ниточка, что связывает две части королевства Нордвик Дан. Пробка в бутылке Варяжского моря... Моя вотчина находится на территории самого что ни на есть вероятного противника Руси. За-ши-бись.

— Я правильно понял? Майорат Старицких расположен на острове Зееланд? В самом центре Нордвик Дан?

¹ *Геральдический собор* — ежегодное собрание геральдических ведомств европейских государств. (7047—1539 годы от Р. Х.)

— Не НА острове. А САМ остров. — Двумя короткими фразами Бисмарк добил меня вернее, чем очередью из «Корда» в упор. И, кажется, сам этого не заметил, поскольку, придя в себя, я обнаружил, что Оттон Магнусович продолжает говорить как ни в чем не бывало и уже читает мне короткий исторический экскурс. — ...после Великого дня¹ и последовавшего за ним разгрома Роскильльского Волка, хевдинг Харальд Старый занял остров Зееланд, изгнав с него присных Вальдемара. Под рукой варяга было больше двух тысяч воинов, и победа была весьма скорой. Не проходит и полугода, как Северный союз признает Харальда вольным ярлом и владетелем Зееланда. Разумеется, тут не обошлось без родственной поддержки князя Хольмградского, но как бы то ни было, сделка оказалась выгодной для всех сторон, кроме разве что данов и нордов. Венды, свеи и русичи получили возможность беспрепятственного прохода через Эресунн и Каттегат в Северное море, а ваш предок обеспечил себе военную поддержку, в случае если, точнее, когда даны или норды попытаются завоевать его вотчину. Так-то. Такие попытки, разумеется, не раз предпринимались, но каждый раз проваливались. Немудрено, если учесть, что под началом самого Харальда были прирожденные воины и серьезный флот. Да и его потомки не забыли, с какой стороны братья за меч и как идти на абордаж. Зееландский флот стал

¹ *Великий день* — памятная дата. Считается, что заключенный в этот день (8 декабря 1183 года от Р. Х.), первый союзный договор вендов, русичей и свеев, ознаменовал начало возвышения Северной Европы. (Уже в следующем, 1184 году, союзные войска наголову разбили Роскильльского Волка — Акселя Абсалона, епископа Роскилле, ставленника и наперсника датского короля Вальдемара I, вернув тем самым вендам остров Руян, захваченный датчанами в 1168 году).

мощным подспорьем для купцов Северного союза вообще и Великой Ганзы в частности, ведь лучших охранников для прохода торговых караванов через Каттегат и Скагеррак, чем варяги дружины ярлов Старицких, было не найти... Так продолжалось довольно долго. Но... однажды всё изменилось. Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что в одну осеннюю ночь Копейный замок — место обитания ярла и его семьи, был захвачен горсткой наемников датчан, и из рода потомков Харальда уцелел лишь младший сын главы рода, в тот момент, по сложившейся традиции, находившийся на службе русского государя. Разумеется, дружина ярла вырезала захватчиков и вышла на бой с высадившимися на побережье датчанами. Варягов, лишенных командования ярла, оказалось значительно меньше, чем захватчиков, и они наверняка проиграли бы это сражение, но подоспевшая русская эскадра быстро остудила пыл датчан. Правитель Хольмграда явно и четко заявил о намерении во что бы то ни стало защитить права своего вассала, и вскоре стороны сели за стол переговоров. К сожалению, происходило всё это во время очередной войны Нордвик Дан с Русью, так что ожесточенный торг шел не только за Зееланд, и... ну, согласитесь, кто из сильных мира сего будет учитывать интересы некоего юнца, не обладающего никаким влиянием, нежданно-негаданно вдруг ставшего ярлом, если они не выгодны хотя бы одной из сторон. В результате Нордвик Дан лишился пары пограничных городков, но получил остров Зееланд... в долгосрочную аренду, правда, без права размещения на нем каких-либо войск. Вассалам Старицких, большей частью составлявших командование флота Зееланда, было предложено перебраться на Руян и влиться в тамошнее варяжское общество. Все варяги в какой-то мере родня, так что особо никто не возмущался... и флот ярлов Старицких перестал существовать. Вот так-то.

Собственно, договор аренды Зееланда действует и по сей день, и Нордвик Дан честно выплачивает оговоренные суммы, какими бы смешными они сегодня ни казались, но эти деньги оседают в казне Хольмграда, равно как и любые иные средства, поступающие со всех бывших владений Старицких. А на Зееланде до сих пор нет никаких войсковых соединений... Ведь каперы не считаются военными, правда?

— Однако история. — Я протянул руку и, не глядя, набулькал в свой бокал из первой попавшейся бутылки. Коньяк кометой промчался по пищеводу и ухнул в желудок. — Оттон Магнусович, я прошу прощения, но всё сказанное вами требует осмысления... Вы не будете возражать, если мы сменим тему?

— Отчего же? Я прекрасно вас понимаю, Виталий Родионович, и прошу прощения, если испортил вам настроение. Впрочем, лучше знать, чем быть невеждой, не так ли?

— Это ваша любимая фраза, как я посмотрю. — Я выдавил из себя улыбку.

— О нет, не моя. Но мой сюзерен начинает с нее каждое утро, едва обнаруживает на своем рабочем столе очередной отчет Кабинета. — Фон Шёнхаузен развел руками, а в следующий миг подошедшая к нам Эльза-Матильда, прощепетав что-то на немецком, увлекла своего «рыцаря» к компании Граца и Белова-старшего. Проводив взглядом веселую и беспечную маркизу, я вздохнул и, покосившись на стоящую на столике початую бутылку коньяка, протянул к ней руку. Для таких новостей даже двухсот граммов сорокаградусного напитка явно мало. Но не успел ухватить горлышко бутылки, как оказавшаяся рядом Лада решительно отобрала у меня и коньяк и бокал.

— Не знаю, что наговорил тебе этот уса́тый герцог, но это не повод для пьяного конфуза, — тихо прогово-

рила мне на ухо жена и, отстранившись, заглянула мне в глаза. — Всё так плохо?

— Плохо? — Задумавшись, я на автомате пропустил меж пальцев выбившийся из прически Лады локон и договорил: — Не знаю, солнышко. Просто не знаю. Мне надо развеяться и хорошенько подумать.

— Развеяться можно и без этого. — Тонкий пальчик Лады уткнулся в отобранную у меня пузатую бутылку. — Тем более, если хочешь потом о чем-то «хорошенько подумать».

— Пожалуй, ты права. С похмелья в голову лезут мысли разве что о самоубийстве, — согласился я.

— Тогда, чего стоим? — Лада лукаво улыбнулась и, подчиняясь её жесту, стоящий на полке граммофон зашипел, а в следующий миг салон наполнили звуки вальса. Эх, годы мои курсантские!

Я подхватил Ладу, и мы закружились в танце. Не прошло и минуты, как к нам присоединились Бисмарк с Хельгой и... я глазам не поверил, Тишила решительно оттеснил в сторону разливающегося соловьем Меклена Францевича и, прервав витиеватое приглашение доктора одним коротким «разрешите», увел Эльзу-Матильду в круг. Эх, ну почему у меня нет фотоаппарата? Отвисшая челюсть изумленного адъюнкт-профессора стала бы звездой несуществующей коллекции. Хм... Фотоаппарат... А это идея. Цветной фотографии здесь пока нет, так что... Подумаю, вспомню, глядишь, и выйдет что-нибудь интересное.

Гости покинули «Варяг» далеко за полночь, так что момент, когда яхта вышла в море, наша компания дружно прозевала... точнее, проспала. И в результате помахать на прощание рукой каперскому порту у нас не вышло. Только и успели заметить, как Брег исчезает за мысом. Ну и ладно. Надеюсь, оставшаяся часть круиза пройдет спокойнее.

Полюбовавшись на тающий за кормой Руян, я потянул носом свежий балтийский воздух и, сладко потянувшись, направился в каюту, вспоминать всё, что знаю о фотографии. Не то чтобы пришедшая вчера в голову идея так уж меня захватила, но это занятие позволило бы хоть на какое-то время забыть о Зееланде и моем гипотетическом княжеском титуле.

К чёрту. Достаточно того, что теперь мне стало понятным, на кой я понадобился датчанам. Еще бы, добрых двести лет они жили себе спокойно на Зееланде, платили какую-то смешную денежку за аренду, всё всех устраивало, и вдруг откуда ни возьмись вылез владелец этого самого острова. Кому такое понравится? Вот и решили господа даны подстраховаться. Майорат, конечно, нельзя продать, заложить или проиграть... но от него вполне можно отказаться. Если бы эта вотчина находилась на территории какого-либо государства, то она тут же стала бы выморочной землей, но поскольку Зееланд — по закону был владением вольного ярла, то после моего отказа остров стал бы ничейным, а его жители соответственно — фриманами. А кто у нас ныне живет на Зееланде? Правильно, даны. Так что и недели бы не прошло, как на «защиту» своих подданных Нордвик Дан прислал бы войска. И все. Был майорат и нету, был ничейный остров, стал территорией Нордвик Дан. Тьфу. Ввязал же меня Телепнев с компанией в большую политику!

Я тряхнул головой и, с трудом изгнав из нее навязчивые мысли о Зееланде, потопал в каюту. До обеда еще часа три, так что я надеялся, что успею поработать и набросать хотя бы примерный план по созданию цветной фотографии.

Правда, едва я начал рыться в секретере в поисках бумаги, как мой взгляд наткнулся на засургученный пакет, подписанный рукой Тихомира. Ну да, тот са-

мый доклад, что я просил составить Бережного о двух «лазарях». Хм... Интересно.

Покрутив в руках пакет, я вздохнул и, отложив мысли о фотографии, решительно взломав печати, углубился в чтение.

М-да, оказывается, бывший бретер жил богатой жизнью, пока его в канцелярию не затащили. Тут тебе и служба в армии, и наемные охранные отряды в Бессарабии и Словакии... Ага, ссора с подельниками, так понимаю, теми самыми, что Бережной так неожиданно встретил в Бреге.. Ушлые молодчики из отряда, что охранял караван контрабандистов, решили, что и сами неплохо справятся с продажей товара, вот только не подумали, что не все их товарищи согласятся с этой идеей. Ночная резня и бой с недавними подельниками был прекращен нагрянувшим на шум пальбы конным отрядом словацких вояк. Перебили всех... почти. Сам Тишила, несмотря на простреленную ногу и ранение в голову, чуть не отправившее его на тот свет, умудрился спрятаться в какой-то расселине и видел, как солдаты добивают контрабандистов, а после, стащив их в кучу, сжигают трупы. Однако... резко в Словакии решают вопрос незаконной торговли.

Теперь понятно его «трепетное» отношение к «лазарям» и надежды на скорую встречу. Жаль, конечно, что им не суждено сбыться, по крайней мере в ближайшее время...

Я аккуратно запечатал пакет собственным печатным набором и, упрятав бумаги Бережного в запирающийся ящик секретера, побарабанил пальцами по крышке стола. Не удивлюсь, если эти орелики и здесь занимаются тем же, чем в Словакии и Венгрии. М-да, но далеко же их занесло! Хм... Помнится, я обещал телеграфировать Сумскому в случае чего.

Не став терять время, я поднялся из-за стола и отправился на поиски Белова-старшего. Все одно без разрешения капитана даже хозяин судна не может воспользоваться связью.

— А, Виталий! — Стоило мне появиться на пороге, как тесть отвлекся от навигацкого стола и махнул мне рукой. — Проходите, не стойте столбом.

Помощник Белова, здоровенный, бритый налысо детина с мрачным взглядом и шрамом через пол-лица, явно оставшимся от сабельного удара, поморщился, но молча посторонился, пропуская меня к столу.

— Доброго дня, господин капитан, господин первый помощник. — Кивнул я нашим морским волкам.

— Оставьте, Виталий. — Тесть поморщился и вновь уставился на светящуюся поверхность.

— Что-то случилось, Бажен Рагнорович?

— Пока нет. — Белов вздохнул и, покрутив в руке стило, ткнул им в одну из засветок. — Если не считать вот этой вот лайбы. Идет малым ходом за нами уже часа три. То есть с того самого момента, как «Варяг» вышел в открытое море.

— Малым? — Удивился я. По моим прикидкам, «Варяг» сейчас делал не меньше шестнадцати узлов.

— Для них. Эта посудина, прежде чем оказаться у нас на траверзе, выдавала не меньше двадцати четырех узлов, а оказавшись на расстоянии уверенного контроля, тут же сбавила ход и вот уже три часа идет параллельным курсом. Наглая собака. Ее капитан ведет себя так, словно уверен, что мы его не видим.

— Хм. Бажен Рагнорович, а если бы у нас не было... такого оборудования, смогла бы штатная аппаратура засечь преследователя на таком расстоянии? — поинтересовался я.

— Вот черт. Точно, ата... капитан, — расплывшись в довольной ухмылке, пробасил помощник. — Они же

и подумать не могут, что у нас флотский навигатор установлен. Эх, такой бы столик, да нашу «Ласточку», хрен бы какая нордвикская миноноска нас врасплох застала, а?

— Это точно, — задумчиво протянул Бажен и, с недовольством покосившись на мерцающую отметку нашего неожиданного попутчика, зло усмехнулся. — Вот что, Грубор, высвистай Шульгу, пусть предупредит команду. Будем работать.

— Хм, атаман, что задумал? — Прищурился детина.

— А то. — Кивнул тесть. — Чутка ходу добавим и выставим этих горе-преследователей под маршрут.

— А можно по-русски? — скромно поинтересовался я, и помощник Белова гулко заржал.

— Отчего нет? — Пожал плечами тесть, бросив на Грубора предупреждающий взгляд, и тот, стушевавшись, вмиг вымелся из рубки. — Сейчас чуть прибавим ход и выйдем меж патрульных маршрутов локтевцев и свейского флота. Посмотрим, сколько наш попутчик продержится под угрозой атаки.

— Думаете, это даны? — Нахмурился я.

— Подозреваю. — Коротко кивнул тесть, вновь склоняясь над навигацким столом.

Морская прогулка, да, круиз? Дьявольщина.

ЧАСТЬ 4

Глава 1

**КТО ХОДИТ В ГОСТИ ПО НОЧАМ...
НУ, В ОБЩЕМ, ПРИЧИНЫ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ, ДА...**

Вопреки предположениям Белова, следующий за нами по пятам корабль пропал из виду, едва «Варяг», сменив курс, по выражению тестя, выставил «попутчика» на маршрут. Словно капитан знал, чем грозит дальнейшее следование за яхтой... и встреча с рейдером адмирала Локтева, как и кораблями союзного Руси и Венду свейского флота, совсем не входила в планы нашего преследователя. Так что нам не удалось узнать, чей флаг поднят на его гафеле. Но если Белов поначалу был убежден, что мы оставили за кормой лайбу, приписанную к одному из портов Нордвик Дан, то я... в общем, было у меня подозрение, что для такого дела, как слежка за одной-единственной яхтой, никто не станет снаряжать и проводить во вражеские воды специальный корабль. А значит, скорее всего, нашей тенью работал какой-нибудь не шибко чистоплотный контрабандист или, может быть даже, капер-ушкуйник, благо у нас уже имелась возможность убедиться, что отнюдь не все представители руянского «берегового общества» кристально чисты и пушисты. Пример

Климина-младшего и Раздорина был весьма и весьма показателен.

Ну а кроме того, в пользу моей теории говорил тот факт, насколько вовремя наш преследователь свинтил в сторону, когда его попытались подвести под встречу с военными моряками. То есть капитан этой лайбы не хуже Белова знал примерные маршруты движения дежурных боевых кораблей русского и свейского флотов... на ближайшие два дня. А этими сведениями с нами поделились старые знакомые тестя, еще на Руяне... когда пили с ним мировую и винулись за то, что Климины им мозги зас... хм.

Ну не смог бы корабль данов так оперативно получать, по здешним меркам, почти мгновенно устаревающую информацию. Да и шляться по Варяжскому морю кораблю данов не с руки. Трясти будут как грушу, причем со вкусом и часто, если это, конечно, не купец. Его-то как раз могут и с вежеством проводить до порта назначения, эдак лениво поводя стволами, чтоб с дороги не сбился. Вот только мало какой «купец» способен выдать такую скорость, которую нам произвольно продемонстрировал наш преследователь. Ну шестнадцать—двадцать узлов еще куда ни шло. Но двадцать четыре, причем явно без надрыва... с этим аргументом даже тесть согласился. Подобную скоростную посудину данов не пропустил бы не только флотский рейдер или дежурная миноноска, но и каперы-ушкуйники. Вернее, как раз последние-то точно не упустили бы такую добычу.

Ну вот, тестя я вроде бы переубедил. Вот только у меня самого после долгой беседы осталось какое-то странное чувство. Словно я что-то упускаю... и не в первый раз.

— Все складно, Виталий. Очень складно. Вот только поведайте мне, откуда у контрабандиста или, не дай

бог, конечно, у ушкуйника может взяться навигацкий стол и подзорная станция сродни нашей? — обдав меня облаком ароматного дыма трубочного табака, поинтересовался тесть, едва мы оказались на кормовой надстройке, куда дамы выдворили всю нашу курящую братию сразу после обеда. Впрочем, погода была вполне себе теплая, так что мы и не сопротивлялись.

— Ну, про ушкуйников ничего не скажу, а вот контрабандисты... Нордвик Дан.

— Это ж какая им должна быть выгода, чтоб «контрабасов» такими приборами мудреными снабжали, а! — Белов покачал головой. — Подзорную станцию такой мощи, как у нас, Виталий, на торгу не купишь, знаете ли. Ни у нас, в Висбю или Мемеле, ни в Галлийских Портах. Военный образец, их кому попало не продают.

— Так ведь контрабандисты на то и существуют, чтоб доставать то, что обычным путем приобрести затруднительно. А ежели предположить, что они не только черной торговлишкой занимаются, а еще и пригляд ведут для тех же данов или галлийцев, то их наниматели могли и расщедриться для такого-то дела. — Развел я руками и прищурился. — К тому же, согласитесь, Бажен Рагнарлович, «Варяг» ведь тоже нисколько не похож на крейсер Северного флота, а? А и стол навигацкий и подзорную станцию имеет не хуже, чем флагман эскадры адмирала Локтева.

— Уел. — Фыркнул тесть, к чему-то прислушался, недовольно покачал головой и, оставив меня в одиночестве, отправился на мостик. Уж что ему не понравилось, не знаю, но увязываться следом я не стал. Он капитан, ему виднее. К тому же из салона в этот момент выпорхнула Лада и, оглядевшись по сторонам, с самым решительным видом направилась в мою сторону. Хм. Интересно, и что на этот раз я забыл?

Долго держаться на пути следования военных кораблей мы не могли. База свейского флота на Борнхольме осталась позади, и вскоре, преследователь замаячил на навигационном столе «Варяга», словно и не исчезал никуда. Вот тут уж Белов озверел.

— Да неужто он вовсе от нас не отвяжется! Грубор! — Материализовавшийся перед капитаном помощник выжидающе взглянул на своего атамана. — Возьми свободных от вахты матросов и переверните «Варяг» вверх дном, но найдите маяк! — Грубор кивнул и исчез с мостика, а тесть, обернувшись ко мне, пояснил: — Понимаете, Вит, ну не могли они нас так скоро отыскать! Но... раз у них эдакое чудо вышло, значит, где-то на яхте проходимцы спрятали маяк. А ему никакой скрытник не помеха.

— Скрытник? — не понял я, и тесть кивнул на сверкающий латунным боком затейливый прибор, на верхней крышке которого, прикрытые стеклянными колпаками, медленно вращались тихо гудящие металлические спирали, то и дело искрившие миниатюрными молниями.

— Вот это и есть «скрытник». Часть нашей защитной системы, такая же, как навигационный стол и подзорная станция. Благодаря ему, мы можем становиться незаметными для наблюдения с других кораблей... по идее. — Тесть покосился на сияющую отметку преследователя на навигационном столе и, скривившись, тяжело вздохнул. — Вот только от маяка на борту даже он не спасает.

— И что теперь? — поинтересовался я у тестя, и тот вдруг зло усмехнулся.

— А что, не хочешь ли, зятек попробовать ушкуйного хлебушка, а?

— Хм. Бажен Рагнорович, а вы уверены, что родились на Руяне, а не в Одессе?

— Что-что? — не понял Белов, но я только рукой махнул.

— Пустое, Бажен Рагнорович. Так что вы предлагаете? Взять наших попутчиков на бордаж?

— Ну зачем же так сразу? — пробормотал тесть. — Подойдем ночью, тишком, да и поспрошаем голубчиков. Тихо-мирно, без пальбы и крови... лишней.

— Это ж пиратство, Бажен Рагнорович. Нет?

— Помилуйте! О каком пиратстве идет речь? — деланно-возмущенно пробурчал Белов. — Отсюда до Борнхольма не больше пятнадцати миль. А этот остров, как и Руян, находится под протекторатом Северного союза. А поскольку у нас на борту находятся представители Особой канцелярии...

— И мы не находимся в нейтральных водах, — подхватил я, — то имеем право провести досмотр подозрительного судна и, в случае необходимости, конвоировать его в ближайший порт для сдачи властям.

Ну да, последние события заставили меня интересоваться не только положениями Русской Правды, необходимыми мне для прохождения испытания на чин, но и межгосударственными актами, в том числе Варяжским морским кодексом.

— Так что, Виталий? — Голос Белова заставил меня вынырнуть из размышлений.

— А вы уверены, что нам удастся подойти к преследователю так, чтоб он не заметил нас до самого последнего момента?

— Как только отыщем маяк... Ручаюсь, Виталий. — Серьезно кивнул капитан.

— Что ж. Я предупрежу наших спутников и... пожалуй, посоветую им держать оружие заряженным. — Кивнул я и, помолчав, договорил: — Не могу уверить, что охранители примут эту идею с восторгом, но необходимую поддержку обеспечат. Ну, а что касается

Бережного и Лейфа, то сильно сомневаюсь, что мне придется долго уговаривать их поучаствовать в нашей аванюре.

— Вот уж точно. — Ухмыльнулся тесть и почти тут же выразительно взглянул на приборы. Правильно поняв намек, я оставил капитана на мостике и отправился сообщать нашим спутникам о грядущем приключении.

За шесть часов, что мы болтались в дрейфе, ушкунники обыскали «Варяг» от киля до клотика и отыскали-таки предательский маячок, столь точно выведший преследователя на наш след. Стальной цилиндр, полуметровой длины и двадцати сантиметров в диаметре, найденный в носовом трюме яхты, с проклятьями был вышвырнут за борт, едва на море упала ночь. Ходовые огни «Варяг» так и не включил, а через несколько секунд к «естественной» маскировке добавился щит, генерируемый прибором, который Белов окрестил скрытником. Еще одна часть той самой «защиты второго класса», как новый навигационный стол и подзорная станция. Убедившись, что все предосторожности соблюдены и «Варяг» теперь так просто не заметить, тесть хмыкнул и приказал дать полный ход.

За это время я успел выслушать от Лады все, что она думает о сумасбродных ушкунниках, которые ищут приключения даже там, где без них можно спокойно обойтись, договориться с Высоковским и Грацем и получить с них обещание, что они ни на шаг не отойдут от дам во время нашего визита на преследующий «Варяг» корабль, и пережить радостный вопль Лейфа, тут же бросившегося в свою каюту, готовить амуницию. Тишила был куда более сдержан в проявлении чувств, но вот улыбка... Кажется, во время похода в гости к нашим пресл... хм, да к черту экивоки! Во время абордажа. Так вот, во время абордажа мне придется следить не только за Лейфом, но и за старым бретером. Хм.

К дрейфующему преследователю мы подошли тихо и действительно незаметно. Как оказалось, скрытник не только воздействовал на приборы подзорной станции, но и до какой-то степени отводил внимание даже при визуальном наблюдении. Учитывая время суток и отсутствие ходовых огней, это позволило нам подобраться к преследователю почти вплотную, так что сейчас нас разделяло всего пару кабельтовых. Под воздействием ночного наговора искомый корабль, явно также не горящий желанием быть обнаруженным и потому тоже не зажигающий огней, выглядел антрацитово-черной глыбой на фоне мерцающей бездны моря и серого марева ночного неба. Сюрреалистическое зрелище, честное слово. Да и выглядит куда лучше, чем в визоре ПНВ.

— Бажен Рагнарлович, а вы уверены, что они нас не увидят? — почему-то шепотом поинтересовался я у Белова, сосредоточенно рассматривающего нашу цель с открытого крыла мостика. Тесть мельком глянул на меня и, сверкнув подсвеченными наговором зрачками, покачал головой.

— Я уже говорил, Виталий, такой защиты, как у нас, у них нет и быть не может, но... даже если предположить невозможное, до первого выстрела корабль под «Куполом» второго класса не виден, если, конечно, не идет полным ходом, при полной же иллюминации, всю задеиствуя рабочие накопители. А мы, как видите, крадемся тише мыши. Я ведь даже дежурное освещение приказал потушить, уж не говоря о телеграфе и иных приборах, способных дать хоть мизерные возмущения. Так что готовьтесь. Ваш катер выйдет через три минуты. И помните, зайдете с кормы...

— Бажен Рагнарлович... — Я укоризненно посмотрел на тестя и тот вдруг заметно смутился, вспомнив, что большую часть плана «визита» мы разрабатывали вместе.

— М-да. Нервы, Виталий. Нервы... — Тесть вздохнул и, хлопнув меня по плечу, кивнул в сторону собравшихся на палубе матросов и охранителей. Там же я заметил и Бережного с Лейфом.

— Иду. Пора. — Я кивнул Белову и, скользя вниз по трапу, присоединился к тихо переговаривающимся охранителям. Оглядев темные, не стесняющие движения костюмы «канцеляристов», я довольно ухмыльнулся. Эту своеобразную форму я ввел для них еще в Хольмграде, на тренировках в зале, и господа охранители по достоинству оценили удобство не стесняющей движения одежды, хотя поначалу и крутили носами. Но... пара занятий в их обычной форме переубедили даже самых упертых гордецов. И вот пожалуйста, результат. А я ведь даже словом не обмолвился им по этому поводу, когда объяснял задачу.

Сам же я нарядился точно так же, как во время своей ночной вылазки в Брге. А что? Удобно, это вон даже Лейф подтвердить может. Недаром же он сам постарался одеться так же.

А вот ушкуйники наши смотрят на нас с удивлением. Ну и пусть их. Нет у меня времени на убеждения и объяснения, типа того, зачем нам понадобилось чернить лица. Жаль только, что на приготовление грима целая бутылка чернил ушла... последняя. Так что до самой Карлскруны придется обойтись без вспомогательных записей при подготовке к грядущему экзамену.

Я оглянулся на ухмыляющихся матросов. Смейтесь, смейтесь, черти! Посмотрим, что вы скажете на борту.

— Первый. Ведомых определил?

— Так точно. — Кивнул рослый охранитель. — Второй пойдет с Пятым. Третий с Тишилой. Четвертый в связке с Лейфом. Ну а я с вами.

— Добро. Так, план всем известен? Вопросы есть? Нет? Хорошо. Итак, у нас только два гарпуна, поэто-

му определяю порядок. Первыми идет наша двойка и Второй с его ведомым, потом Третий и Четвертый. Учтите, переходы узкие, не забывайте о страховке. Лейф, Тишила? — Дождавшись двух уверенных кивков, я продолжил: — Вы ведомые, так что слушаетесь своих напарников как родную маму. Лейф, вздумаешь своевольничать, сошлю на камбуз и можешь забыть про тренировки... навсегда. Это понятно? Замечательно. И еще, ваши двойки работают на прикрытии, поэтому не суйтесь вперед. Мы чистим помещения, вы держите тылы. И не дай бог вам словить пулю. Охранителей поселю в подвале канцелярии на вечное дежурство, а Тишилу и Лейфа сдам на попечение Лады и госпожи Смольяниной. Все ясно?

— Так точно, — в унисон выдали мои архаровцы.

— Гут. Все. Действуем по плану. Наш выход, господа. — Ушкуйники горохом ссыпались в первый из двух спущенных катеров, и мы последовали за ними. Тихонько запыхтел миниатюрный паровой движитель, предусмотрительно укрытый Бергом пологом тишины, и мы почапали к возвышающемуся в двух кабельтовых кораблику, размерами ненамного превышающим мою яхту. Что ж, оно и к лучшему. Не хотелось бы тратить время на беготню по бесконечным переходам пассажирского судна или мотыляния по безразмерным трюмам «торговца».

Оказавшись под бортом преследователя, я заметил, как Лейф, в предвкушении, погладил рукояти своих ручных «гаубиц», и, скорчив свирепую гримасу, угрозил ему кулаком. Новик отдернул руки от «обрезов» и, смущенно пожав плечами, приготовился к высадке.

Бросок был скор и, к моему удивлению, вполне профессионален. Сказались наши тренировки на пленэре, когда я выматывал охранителей работой в помещениях. Под это дело, помнится, даже специально трениро-

вочный городок выстроили в предместье Хольмграда. Правда, я тогда даже и не думал о том, что моим великовозрастным ученикам придется брать на абордаж корабли, но основы действий в закрытых помещениях охранители получили, и сейчас эти знания пришлись как нельзя более кстати. Вахтенный на юте даже охнуть не успел, как Второй и Пятый его зафиксировали. Короткий допрос, и нам даже не потребовалось прибегать к угрозам, чтобы разговорить бедолагу. Ну а потом удар, дарящий почти здоровый, но определенно глубокий сон, кляп в глотку, на всякий пожарный, и мы двинулись к надстройкам... в гости к их обитателям. Шли быстро и тихо. Я было даже довольно хмыкнул, отдавая должное своему неожиданному таланту преподавателя, но вовремя себя одернул. Не время для понтов. Хотя даже Лейф с Тишилой, вроде бы самые неподготовленные из нашей группы, умудрились не совершить ни одной грубой ошибки, пока мы шерстили свою часть кораблика. Вперед не рвались, не своевольничали. В результате за десять минут мы успели пройтись по всем надстройкам и только в каюте первого помощника пришлось чуть-чуть пошуметь. Но это уже не имело особого значения, поскольку как раз в этот момент наши ушкуйники устроили перестрелку где-то внизу, так что, превратив помощника капитана в сладко посапывающее, надежно зафиксированное тело, мы рванули на подмогу нашим матросам. Ну как «рванули»? Скорее, выдвинулись, осторожно, но быстро. Ситуация ухудшалась тем, что в отличие от предыдущей части марлезонского балета, сейчас мы не имели никакой информации о возможном расположении оставшегося противника. А потому приходилось углубляться в железные дебри корабля с оглядкой и опаской.

Правильность такого подхода была доказана спустя несколько минут, когда нам навстречу буквально вы-

сыпало четверо расхристанных, полуодетых дядечек, вооруженных чем попало. Лишь у одного из них в руках оказался барабанник, остальные же могли похвастаться лишь своеобразным холодняком. Лопата, топор, багор... Пожарный щит они, что ли, разграбили?

Выстрел барабанника утонул в поспешно выставленном мною щите, а мощный удар воздушной стены прямо в центр композиции заставил неприятеля впечататься в переборку, одновременно превратив четырех человек в стонущую кучу-малу. И вот здесь я еле успел удержать рванувшегося к поверженному противнику Лейфа. Подсечка, и новик с грохотом летит на пол, а над его головой свистит очередной свинцовый «привет». Упорный дядечка, даже получив сногсшибательный, в прямом смысле этого слова, удар «спресованного» воздуха, умудрился не выпустить из руки барабанник. Еще три выстрела пришлось во вновь построенный мною щит, а шестой раз нажать на спусковой крючок он не успел. Выскочивший откуда-то из-за угла Второй мгновенно оказался рядом со все еще стонущими на полу хозяевами корабля и ловко приголубил стрелка ударом ноги по руке. Барабанник с лязгом улетел в сторону, а его владелец взвыл белугой. Ну да, таким ударом можно и кость раздробить, что, кажется, мы сейчас и наблюдали.

— Там чисто. Пятый бдит. Матросики в машинном с вахтой сцепились, но уже все уладили. Потерь нет, раненых двое... здешний Дед Грубора какой-то свайкой по уху приласкал, да одного из матросов о паровой котел приложил, теперь у того ожог на полморды.

— Ясно. Остальные члены команды?

— Свободные от вахты — заперты в кубрике. Остальных повязали... Да, забыл сказать. Когда каюты наверху шерстили, мы с Пятым в капитанской берлоге какого-то странного типа повязали. Нездешнего.

— Понял. Посмотрим. — Я вздохнул и, оглядев свое бравое воинство, кивнул. — Ну что, контрольный забег по кораблю и идем отмываться, орлы?

— Так точно! — Эка они дружно-то рывкнули.

В общей сложности на захват судна нам потребовалось немногим больше получаса. Так что впереди было еще уйма времени. Но сначала...

— Грубор! — Помощника Белова я отыскал в кают-компании, где означенный верзила как раз пытался привести в порядок изрядно покрасневшее, кровоточащее ухо.

— Эхм, Виталий Родионович, чем могу? — С того момента, как он и его люди узрели итог нашей деятельности и смогли убедиться, что среди нас нет ни одного не то что раненого, но даже помятого, ушкуйники явно изменили свое мнение о «сухопутных вояках», полезших на абордаж. Приятно-о!

Так что теперь Грубор даже пытался проявить вежливость в разговоре... ну, по крайней мере, перестал цедить слова сквозь зубы и смотреть на нашу группу, как на щеглов неразумных. Впрочем, мне было на это плевать, а охранителям и подавно. Разве что Лейф был обрадован. Ну как же, за своего посчитали... Я не стал разочаровывать своего новика и объяснять ему, что до «своего» в среде подобных Грубору людей ему еще расти и расти, а пока он может рассчитывать разве что, на определение: «небезнадежен»... Хотя, может быть, я и придираюсь к парню. Но... имею право.

— Так это, Виталий Родионович, вы что хотели-то? — вывел меня из задумчивости Грубор.

— Обыск мы закончили, пора сигналить на «Варяг», пусть подходят.

— Сейчас пошлю Лешко. — Согласно кивнул ушкуйник, и, следуя его короткому жесту, один из матросов вмиг умчался на палубу.

— Нашли что-нибудь интересное? — поинтересовался Грубор, и остальные присутствовавшие здесь же матросы, жадно вытянули шеи.

— Немного. — Кивнул я. — Контрабандист, как мы и думали. Вот только груз у него уж очень... специфический.

— Какой? — не выдержал кто-то из ушкуйников.

— Станный, — тут же поправился я. — Тяжелые инженерные машины, вроде горных... и не только.

— Тю-ю. — Раздался разочарованный голос кого-то из матросов. И его можно понять. Такой товар в том же Бреге не скинешь. Уж больно нестандартный улов. Ну да ничего. Премия за контрабандиста тоже штука неплохая... а кроме того, меня больше, чем материальные ценности, заинтересовала добыча иного рода. Наниматель этого судна, которого охранители повязали в капитанской каюте. Вот это да, кадр интересный.

— «Варяг» подойдет минут через пять, — доложил вернувшийся с палубы матрос и я, кивнув, направился к выходу. Уж очень мне не терпелось допросить человека, не пожалевшего сил и времени на слежку за «Варягом». Первый проводил меня до капитанской каюты, у которой он предусмотрительно выставил пост. По человеку снаружи и внутри.

Капитан, дородный дядька со шкиперской бородкой, белобрысый и жутко недовольный, сидел на привинченной к полу табуретке с закованными в наручники руками, а под левым глазом у него наливался сочный такой бланш.

— Буянил, — коротко ответил на мой немой вопрос Пятый.

— А, понятно. — Я хмыкнул и, повернувшись к капитану, покачал головой. — Что ж вы так, любезный? Видели же, что люди у нас резкие, зачем неприятности себе наживали?

— Я не понимают ваши слова и требовать объяснить мне причины пиратского нападения на честный торговец, — процедил капитан.

— Ну, вы уж для начала определитесь, господин контрабандист. Либо вы не понимаете мою речь, либо требуете объяснений. — Я улыбнулся.

— Я не есть контрабандист! — Вскинулся капитан, но я остановил его.

— Капитан, не ершитесь. Ругаться и доказывать, что вы не верблюд, будете властям Борнхольма. Меня же куда больше интересует ваш хозяин. — Я шагнул в сторону и, открыв дверь в соседнюю каюту, не сдержал удивления, увидав пресловутого нанимателя. — Роман Георгиевич! Право, какая неожиданная встреча!

Глава 2

КАК РУСИЧИ К СВЕЯМ ХОДИЛИ

Я не стал терять время и откладывать допрос возмущающегося «колобка» на потом. Да и не факт, что после сдачи контрабандиста властям на Борнхольме кто-то позволит мне побеседовать с этим шустрым дядечкой. А потому, когда в машинном подняли пар, мы с Романом Георгиевичем уже начали наш разговор. Точнее, я говорил, а мой собеседник упорно отмалчивался.

— Ну что же вы так, Роман Георгиевич! — Я покачал головой. — Неужто и впрямь не желаете поведать, за каким льдом отправились за нами следом?

— Я требую, чтобы вы покинули мой корабль, — с великой неохотой разомкнул губы мой визави и вновь умолк.

— Простите великодушно, но... увы, это не в моих силах. — Вздохнув, я кивнул на дверь. — Видите ли, ваш капитан оказался контрабандистом и, в соответ-

ствии с морским уставом, я, как лицо, находящееся на государственной службе, обязан приложить все силы, дабы нарушитель был препровожден в ближайший порт Свеаланда, Венда или Руси и помещен под арест. Желательно вместе с хозяином и экипажем... Так что вы говорили по поводу в а ш е г о корабля?

— Мра-азь. Ну какая же ты мразь. — Скривился «колобок». — И откуда только вылез, р-родственничек?

Не понял... Вот честно, не понял!

— Какой интересный поворот... — протянул я, старательно пытаюсь удержать спокойную мину. — Вот не помню я, чтоб среди моей родни попадались подобные... экземпляры.

— Не прикидывайтесь идиотом, господин Старицкий! — «Колобок» дернул подбородком и, напорвшись на мой взгляд, вдруг заговорил быстро и сбивчиво. — Прижились под крылышком Гостомысловых и думаете, что служение роду, уничтожившему труды наших предков, поможет вернуть вам Зееланд? Смешно! Хольмград никогда не пойдет на это...

Ну да, каюсь, я немного помог моему собеседнику разговориться. Совсем чуть-чуть. Но одного маленького эмоционального пинка оказалось достаточно, чтобы и без того расшатанная нервная система «колобка» сорвала тормоза, и моего визави понесло по волнам истерики. Правда, больше никакой вменяемой информации выдать из Романа Георгиевича так и не удалось, если не считать того, что «колобок» на полном серьезе принимает меня за потомка единственного выжившего сына князя Старицкого, убитого вместе со всей родней во время известной распри. Были, дескать, подозрения, что один из отпрысков взбунтовавшегося против Хольмграда князя предал родню и, переметнувшись на сторону противника, тем самым заслужил себе жизнь... На мой же законный вопрос, чьим потомком в этом

случае числит себя сам Роман Георгиевич, если по его же словам остальные Старицкие были вырезаны под корень, «колобок» только зыркнул недобро и замолчал. На этот раз окончательно... Наверное, завод кончился... в смысле истерика.

Но тема меня заинтересовала, так что, по возвращении на «Варяг», я тут же занял телеграфный аппарат и, несмотря на ворчание капитана, не освободил этот шедевр инженерно-магической мысли до тех пор, пока не получил ответ на интересующий меня вопрос, пусть даже не из уст Романа Георгиевича, а... так сказать, с противоположной стороны. Вент Мирославич Толстоватый — адъютант нашего общего шефа, дежуривший этой ночью в присутствии, наверняка проклял своего неугомонного коллегу, что вместо сладкого сна по ночам предпочитает изучать историю... Но тем не менее, получивший от главы Особой канцелярии строжайший наказ содействовать в решении вопросов некоего Виталия Родионовича адъютант князя довольно скоро нашел ответ, который так не хотел давать мой недавний собеседник.

Во время известной, хотя и необъявленной войны меж Старицкими и хольмградским государем, моих «родичей» вырезали подчистую... почти. Уцелела семья племянника тогдашнего князя Старицкого, находившаяся в тот момент в Керчи. Может быть, русский государь дотянулся бы и до этого осколка еще недавно богатейшего рода, но... не прошло и года с момента окончания резни во владениях опальных князей, как Керчь была захвачена Блистательной Портой. Через пару лет город отбили, но младшей, точнее к тому времени, единственной ветви Старицких в Керчи уже не было. Потом следы их пребывания обнаруживались то в Константинополе, то в Валахии и Чехии, пока в начале прошлого века не оказались потеряны окончательно.

Выходит, не совсем.

Сидя в своей каюте у рабочего стола, я перечитал короткое сообщение Толстоватого и спрятал его в саквояж, где с некоторых пор, помимо личного печатного набора, хранил и важную переписку.

Вот и еще один мотив нарисовался, но... Я хмыкнул. Конечно, история выходит в лучших традициях Дюма, вот только смущает меня одна вещь. На острове Роман Георгиевич показал себя весьма решительным и, чего греха таить, умным человеком. Стоило ему понять, что птичка упорхнула из клетки, как он тут же организовал зачистку хвостов. Кардинальную. Так что связать его с произошедшими событиями стало крайне затруднительно. Ну разве что он сам попадетсЯ в руки канцелярии, что, впрочем, и произошло, или нарисуетсЯ где-то Климин-младший, но... тут тоже есть сомнения. Если судить по действиям «колобка», ушкуй запутавшегося атамана вполне может покоитьсЯ на дне Варяжского моря, после «случайного» подрыва пороховых погребов. М-да.

И вдруг сей умудренный муж, вместо того чтобы воспользоваться своими связями и отправить следом за «Варягом» неприметного наблюдателя, сам грузитсЯ на корабль контрабандиста! и садитсЯ нам на хвост. Нелогично. Совсем нелогично получается.

— Что задумалсЯ, Витушка? — Лада положила руки мне на плечи.

— Замерзнешь, милая. — Увидев обнаженные руки жены, я оглянулсЯ. Она даже не удосужилась накинуть халат поверх ночной рубашки. НахмурившисЬ, я извернулсЯ и, притянув Ладy, усадил ее к себе на колени. Она еще и босиком! С ума сошла.

Кое-как скинув с себя пиджак, закутал в него жену.

— Хорошо. — Лада покрутилсЯ, устраиваясь поудобнее в моих объятиях, и испытующе взглянула мне

в глаза. Ну да, типа: «я все еще жду ответа». Хм, и ведь теперь не отвертеться, лиса заняла самую что ни на есть выгодную позицию... — Ви-ит?

— Да, лада моя?

— Что там такого произошло на этом корабле, что ты то от телеграфа не отходишь, то задумываешься так, что забываешь про сон... и ждущую тебя в спальне жену?

— Хм. — Я помялся, но... все-таки две головы лучше, чем одна, правда? — Хорошо. Вот ответ на вопрос, любезная моя женушка. Есть довольно умный и решительный человек, который вдруг делает феерическую глупость. Да такую, что та легко может стоять ему не только спокойствия, но и самой жизни. Что может быть тому причиной?

— О... — Лада задумалась, но уже через минуту тряхнула головой. — Ну, если тебя интересует мнение глупой женщины...

— Не приbedняйся. — Фыркнул я, дернув Ладу за прядку волос, выбившихся из-под сетки. — Называть глупой женщину, сумевшую заслужить уважение «рыцаря» маркизы Штауфен, значит, по меньшей мере недооценивать ее, поскольку наш добрейший Оттон Магнусович уважает в людях именно ум и храбрость.

— Ой, а ты не ревнуешь ли меня к этому усатому таракану, муж мой? — Хитро прищурилась Лада.

— Не уклоняйся от темы, пожалуйста. — Вздыхнул я. В самом деле, ну не признаваться же, что после тех дифирамбов, что при последней встрече напел Бисмарк о Ладе, я и в самом деле стал несколько пристальнее следить за его перемещениями по салону «Варяга» и как можно незаметнее старался оградить его от общения с моей женой. Хм...

— Хорошо-хорошо. — Лада кивнула с самым честным видом. Ну да, кто бы сомневался, что она догадается. Эх, не быть мне секретным агентом.

— Лада...

— Все-все. Отвечаю. Как тебе такая идея: умный и решительный человек способен на большую глупость из любви.

— Чисто женский взгляд на вещи. — Я не удержался от улыбки, и тут же заработал шутливый, но чувствительный удар крепкого кулачка по ребрам.

— Ты будешь дальше слушать, или... — Нахмурилась Лада.

— Слушаю, милая, слушаю.

— Итак. Вариант второй. Он сошел с ума. — Заметив мою приподнятую бровь, жена только пожала плечами. — А что? Душевнобольного порой очень сложно отличить от здорового человека. Это мне Заряна Святославна как-то сказывала.

— Те же яйца, вид сбоку. — Вздохнув, пробормотал я тихонько, но Лада все равно слышала.

— Что ты имеешь в виду? — Прищурилась она, внимательно всматриваясь в мое лицо.

— Только то, что любовь тоже есть форма умопомешательства, — ответил я.

— Во-от как? — протянула жена. — Значит, ты тоже сошел с ума?

— А я этого и не отрицал. Нормальный человек просто не может быть так счастлив. — Для верности я даже кивнул, и лицо Лады приняло умиротворенное выражение. Фух. Пронесло. А ведь мог бы еще раз схлопотать по ребрам. В лучшем случае. А в худшем... до конца круиза мог оказаться отлучен от тела. Воистину язык мой, враг мой.

— Ладно. Раз душевные болезни тебя не устраивают, тогда другой вариант. — На этот раз Лада верну-

лась к теме обсуждения без напоминаний. — У этого человека могло не оказаться времени на обдумывание ситуации, и он вынужден был действовать быстро. Или его просто торопили.

— Кто?

— Не знаю. Дела, родня... всяко бывает. — Пожала плечами Лада.

— Знаешь, последние предположения мне кажутся куда ближе к реальному положению дел, — задумчиво протянул я, прикидывая так и эдак предложенные варианты. Но тут жена поежилась, и я спохватился.

— Так, милая. Вижу, ты окончательно замерзла. Идем в постель. — Я глянул в иллюминатор и понял, что поспать мне сегодня так и не удастся. Небо над горизонтом уже наливалось светом, предвещая новый день и заботы.

Лада попыталась было встать, но я ее удержал и, подняв на руки, отнес в постель. Накрыв жену теплым одеялом, я удрученно вздохнул. Эх, сейчас бы улечься рядом, но нет же. Борнхольм всего в часе хода от нас. А там возня с контрабандистом, разборки с портовыми властями и бюрократией шведской пограничной стражи. От мысли о последней мое настроение, и без того не особо радужное, и вовсе ушло в минус. А причина была в том, что наш бравый капитан немало рассказал мне о нравах свейских погранцов, пока я ждал телеграмму Толстоватого, и надо сказать, что «бумажные крысы» было наиболее мягким эпитетом, что употреблял Белов-старший в отношении господ пограничников. Ну а поскольку не доверять в этом вопросе мнению старого морского волка, исходившего Варяжское море вдоль и поперек, было бы глупо, становится понятным и мой минорный настрой.

Лада явно поняла мои метания, потому как, взглянув на занимающуюся за стеклом зарю, вздохнула.

— Иди, и учти. После обеда я буду чувствовать себя нехорошо, так что сразу уйду в каюту. Ты же не оставишь болезную жену в одиночестве, не так ли? — Лада улыбнулась и, погладив меня по щеке, той же рукой мягко толкнула в плечо. — Иди. Пока я не передумала.

Вот так, всего пара слов, и я чувствую себя всесильным. Может, действительно сошел с ума, а?

Швартовка двух кораблей в порту оказалась не легким делом. И проблема была вовсе не в каких-то сложностях фарватера или еще какой лоцманской завыке, нет. Просто, не доверяя команде контрабандиста, Белову-старшему пришлось отослать на захваченную яхту призовую партию, тем самым уменьшив и без того невеликое число матросов на «Варяге». В общем, нашим мореманам пришлось изрядно повозиться, чтобы оба корабля без эксцессов заняли свои места у стенки.

А потом был ад. Правда, приближение его я почувствовал заранее... увидев злую ухмылку, появившуюся на лице нашего капитана при виде взбирающихся по сходням представителей порта. И той пары минут, что они потратили на дорогу к мостику, мне даже хватило, чтобы успеть хоть как-то подготовиться к обещанным тестем бюрократическим баталиям.

Честно, я был готов ко всему. К долгим объяснениям и не менее затянутым, нудным переговорам с союзниками, даже к тому, что придется тратить нервы и время на доказывание законности ареста контрабандиста, а может даже и собственной принадлежности к Особой канцелярии. Но жизнь и здесь подкинула сюрприз. И хотя догадаться о нем было несложно, я по какой-то причине, начисто упустил этот момент, за что и поплатился, едва единственный из гостей, наряженный в отличие от двух своих сопровождающих в штатское, открыл рот и вывалил на нас с тестем свое приветствие.

На шведском. Угу. А чего еще можно было ожидать от представителя властей шведского порта, расположенного в шведском городе, на шведском же острове?

И все бы ничего, если бы не один маленький факт... я не знаю шведского! А гости, по понятным причинам, не ведают английского. И как мы общаться будем? На фарси?

В общем, начало беседы с гостями у меня не задалось... но еще больше не повезло нашему капитану, когда он понял, что ему придется не только объясняться с пограничниками, но и поработать толмачом. Физиономия Бажена Рагноровича разом потеряла свою злую ухмылку, и тесть тихо вздохнул.

— Виталий, неужто вы и вправду северных наречий, ни свейского, ни датского не ведаете? — поинтересовался у меня тесть, когда я старательно повторил за ним слова приветствия.

— Хм. А вы, Бажен Рагнорович, все языки знаете? — Пожал я плечами.

— Дела-а. А ведь ныне в Варяжском море только по-русски да по-северному говорят. Да и далее, вплоть до Внутреннего моря, в основном на датском и галлийском общаются... даже турки. Так что без северного наречия, хоть одного, нам, морякам, никуда. Ох. Ну и задал ты мне задачку, зятек. — Белов попытался изобразить кряхтящего деда, но тут же прекратил спектакль, едва услышав речь наряженного в штатское платье гостя. Высокий, широкоплечий дядька, русоволосый, сероглазый... его можно было бы назвать настоящим викингем, если б не огромная «трудовая мозоль», туго обтянутая дорогой тканью костюма-тройки с блестящими, кажется, от напряжения, золотыми пуговицами. А уж массивная золотая цепочка карманных часов и вовсе натянулась так, что того и гляди лопнет. Гость окинул взглядом рубку и, одним жестом отправив сопрово-

ждающих его обмундированных наружу, аккуратно положил огромную кожаную папку на край навигацкого стола, после чего заговорил.

— Помощник капитана порта интересуется, по какому праву мы задержали честного купца и почему он не должен немедленно арестовать нас как пиратов. — Переведя текст гостя, Белов нахмурился, но тут же скрыл лицо за клубами дыма из неизменной трубки, которой он обиженно запыхтел.

— Бажен Рагнарлович, будьте любезны, передайте нашему гостю, что приличные люди при первой встрече представляются. Это называется вежливостью. — Клянусь, этот гигант все прекрасно понял и без перевода. Вон как глазками сверкнул. А арестовать он нас не может, депеша о задержании контрабандиста ушла в порт едва ли не сразу после захвата. Так что сначала будет долгое разбирательство... Ну, относительно долгое. Вспоминая, как в некоторых портах неделями мурыжили наших моряков-рыбаков на «том свете» после ареста ни за что ни про что, мне остается только порадоваться, что здесь до подобных мер давления еще не додумались. Да и наша принадлежность к канцелярии тоже должна внести свою лепту. Так что за день должны управиться. Мне вот только одно интересно, а с чего это сей господин так взъелся на наш мирный корабль? Так сильно не любит «гэбню» или питает слабость к датским контрабандистам? Ну, ведь правда интересно. Впрочем, мои подозрения развеял наш капитан. Переводя речь представляющегося Бьорна Орсона, он, походя, добавил от себя, чтоб я не лез на рожон.

— То у них в обычае. Все портовые такие, когда что-то не по их разумению выходит. Ничего, поворчит-поворчит, а работать все одно будем. Деваться-то ему некуда.

Дальнейшая возня с кипами документов на двух языках, опросы и беседы с местными пограничниками и таможенниками показала, что действительно, несмотря на первоначальную показную враждебность, шведы все-таки настроены на мирный лад. Другое дело, что спустя шесть часов меня так достала дотошность и въедливость хозяев Борнхольма, что я сам был готов начать искать на «Варяге» какую-нибудь, хоть самую завалящую пушку, мечтая разнести к чертям собачьим гордо возвышающееся посреди порта, вычурное здание управления, где размещались не только портовые власти, но и погранцы с таможенниками.

— Неужто все это обязательно? — Вздохнул я, откидываясь на спинку стула и обводя взглядом заваленный бумагами стол и саму кают-компанию. Сидевший напротив меня Бьорн Орсон неожиданно усмехнулся и, отложив в сторону один из листов, исписанных его помощником, вдруг проговорил на почти чистом русском:

— К сожалению, да. Я вас отлично понимать, герр Старицки, но... правила есть правила, я не смею их нарушать. Хотя иногда... да, иногда очень хочется.

— Я так понимаю, что ваше незнание русского языка тоже относится к одному из этих правил. — Вспомнив свое ворчание на Орсона, я еле подавил первый порыв выругаться. Вот уж не думал, что сей господин так легко признается в знании русского. По моим-то расчетам он должен был наливаться злостью, выслушивая мои тихие и «добрые» слова в свой адрес, и покинуть «Варяг» в состоянии закипающего чайника. А он... эх, такую шутку запарол. Жаль.

— Верно, герр Старицки. — Кивнул Бьорн, сладко потягиваясь. — На службе его величества короля Конрада должно говорить исключительно на свеоне... простите, свейском языке.

— Тогда... наша работа закончена, раз вы перешли на русский? — уточнил я.

— Именно. Все документ заполнен, ваше право на захват контрабандиста подтверждено, а у меня вот уже полчаса как закончилось рабочее время.

Вот так обязательность. Я вздохнул.

— Что ж. Тогда, может, составите нам компанию за обедом? Поверьте, наш кок стоит того.

— Хм. С удовольствием, герр Старицки. С удовольствием. — Растянул губы в улыбке Бьорн Орсон, демонстративно оглядывая собственный живот. Зацепил меня этот швед, ой как зацепил. А уж его оригинальные представления о работе и своих обязанностях... М-да. Занятный персонаж.

Когда наша компания собралась за обедом, я представил гостя и заодно, чтобы избавиться от натянутости за столом, как это было, когда к нам только-только присоединился Попандопуло, рассказал о своем провале в деле доведения до ярости представителя борнхольмской администрации, и о том, как легко он обернул эту шутку против меня самого. Байка имела успех, так что не прошло и минуты, как в салоне воцарилась вполне дружественная атмосфера. Бьорн оказался компанейским человеком. И куда только подевалась его чопорность? Наверное, закончилась вместе с рабочим временем.

— А что, господин Орсон, частенько здесь контрабандисты встречаются? — задал вопрос тесть, когда обед был почти закончен, и блюда сменились чаем и кофе, кому что больше по нраву. Бьорн, например, не отказался от черного напитка, изрядно одобренного толикой алкоголя... эрийской виской по-здешнему, а по-моему, так обычным односолодовым вискарем.

— Здесь? Во внутреннем море союза? — Кажется, только вежливость удержала Орсона от фыркания. —

Если верит архиву, то уж лет десять здесь не видели таких... как правильно? Ухарей? А вот на прежнем моем месте службы... там, да. Месяц не проходил, чтоб катера одного-другого контрабандиста в порт нье... нье привести, да, было дело. Но Западная марка, вообще, место живое. Тут и даны с нордами под боком, тут и контрабанда в Райх идет... а то и далее. И вед не перекрыт ее. Расстояния нье большие, но чуть ходу дат и уже на территории Нордвик Дан, и ищи этих контрабандистов по островкам, пока на нордвик патруль не напорются. А тье и рады. Да...

— И что везут? — поинтересовался Грац, раскуривая сигариллу.

— Так вы же и сами видьели. — Пожал плечами Бьорн. — То же самое, что и у вашего приза в трюмах. Оптика, тельфонные провода и станции, счетные машины... точная механика, так. Хотя, коньешно, раньше горных машин я здесь не встречал, как и стереотруб, да.

Счетные машины... ага, посмотрел я на эти механические калькуляторы... Тяжелая штука. Помнится, у родителей дома было что-то похожее... батя тот арифмометр почему-то Железным Феликсом называл. Хм. А вообще, интересный набор контрабанды... Одни охотничьи прицелы, как их здесь называют, чего стоят? А ведь помимо них, на яхте имелась и оптика посерьезнее. Конечно, не морские дальномеры, но мощные полевые бинокли и стереотрубы, штука не для обычной охоты. Уж стеротрубы-то точно! Правда, как это сочетается с горными машинами... не представляю.

Но вот кофе и чай выпиты, и наш гость засобирался восвояси.

Уже стоя у сходней, Орсон вздохнул и, разведя руками, повернулся ко мне.

— Виталий Родионович, прошу вас завтра зайти в таможенный пост... Нужно будет ваше присутствие

для подсчета стоимости приза, — проговорил Бьорн. И я кивнул, хотя...

Попрощавшись с Орсоном, я несколько минут смотрел вслед его кряжистой фигуре, не понимая, что именно меня так тревожит, но, в конце концов, плюнул на это безнадежное дело и, развернувшись, потопал обратно в салон, где моя жена уже готовилась к тактическому отступлению в каюту.

К черту все! Наконец я могу присоединиться к Ладе и... выспаться. А с трофеями и прочими непонятками разберемся завтра.

Глава 3

ОДИН РАЗ — СЛУЧАЙНОСТЬ, ДВА РАЗА — СОВПАДЕНИЕ, ТРИ — ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Ха, я понял, что именно так смутило меня во вчерашнем предложении Орсона заглянуть на таможенный пост для подсчета стоимости приза. Договоренность с Телепневым. То самое соглашение о трофеях, которое мы заключили с ним после поимки Буса. Я не могу претендовать на приз... И это плохо. Хотя-я... Я перевел взгляд на стоящего у открытого иллюминатора, дымящего, словно паровоз, тестя и ухмыльнулся. Неужто он не поделится с родственником прибылью от нечаянного ушкуйного промысла, а? Не верю, его же Лада тогда живьем сжует... уж чего-чего, а профессия штатной совести семьи Беловых у моей женушки отточена будьте-нате. А уж после того, как она стала замужней дамой, для нее даже отцовский авторитет утерял свою непререкаемость, так что в некоторых делах и вопросах она теперь строит батюшку не хуже, чем тот своих матросов. А Бажен пыхтит, удивляется, но... не спорит. Решено, вот пусть Лада и возглавит переговоры

с тестем на предмет честного дележа «апельсина». Задно, немного развеется, а там и вновь накатившая на нее странная хандра отступит. Да и Лейфу, глядишь, доля малая обломится, как новику в походе... тоже неплохо. А то он покамест у меня ни рубля не заработал по-ушкуйному.

С этой мыслью, я оставил тестя любоваться видом на утренний порт, а сам отправился к жене, договариваться о помощи. Шучу, конечно. На самом-то деле, я ни на секунду не сомневался, что Белов-старший, приняв на себя «вину» за атаку контрабандиста, поделится с нами трофеями. Но вот уговорить его признать приз своим, это будет та еще задачка. Мало того, что несмотря на всю свою кажущуюся ушлость, тесть, мужик честный, так ведь он еще и бюрократию ненавидит, не меньше чем я, а бумагомарания, при оформлении трофеев, будет ничуть не меньше, чем при вчерашней передаче контрабандистов портовым властям.

— И что ты себе голову ломаешь? — Пожала плечами Лада, когда я высказал ей свои опасения по поводу возможного отказа тестя в помощи. — Всего-то надо, поговорить с командой, объяснить им, что если трофеи будут записаны на тебя, то они, тотчас по возвращении в Хольмград, окажутся в государевой казне, и все.

И это правильно, но... Для начала нужно заключить ряд на ушкуйный промысел. А что? Да, «Варяг» не относится к иррегулярному флоту Руси, но его команда и капитан, насколько мне известно, самые натуральные ушкуйники, и какая разница, на каком корабле они каперствуют? Системы регистрации каперских судов, насколько мне известно, здесь нет. Лишь бы корабль был легальным и имел порт приписки. В остальном же хоть на джонке в бой иди... не то что на прогулочной яхте.

Объяснение с командой вышло довольно скорым. Ушлые морячки мигом «просекли тему» и дружно под-

держали идею заключения ушкуйного ряда, так сказать, «задним числом». Осталась самая малость — уболтать тестя. Хотя... прикинув состав делегации, направляющейся к капитану, я несколько расслабился. Мало того что компанию мне составил его помощник Грубор, так и Лада решила вставить свои пять копеек. Додавим!

— И не уговаривай, Виталий! — Как всегда, находясь в нервном состоянии, Бажен Рагнорович отчаянно путал обращения, называя меня то на «вы», то на «ты». — В конце концов, это просто незаконно!

Вот тут отвисла челюсть у Грубора.

— Ата... хм, капи... да к дьяволу! Атаман, ты в своем уме? — пробасил его помощник, справившись, наконец, с собственным удивлением. — О какой-такой законности ты твердишь? Или забыл, как мы к голштинцам в гости ходили под кряканье локтевцев?! Когда по возвращении на Руян пришлось по запасным норам прятаться, чтоб под руку адмиральских комендантов не попасть? А? Сколько тебе его светлость сроку обещал, не припомнишь?

— То было по покону, — нахмурившись, процедил Белов, чуть не перекусив пополам свою любимую трубку.

— А здесь? — уже в голос взревел Грубор. — Как мы этого дана брали, не по покону, что ли? Вот зять твой, хоть и не из природных ушкуйников, а о доле призовой для ватаги, заботится не хуже иных атаманов, так что ж ты носом-то крутишь, пень соленый?!

— Грубор, ты никак палубу с кабаком попутал? — прищурился тесть, в момент понизив голос до угрожающих интонаций. Но тут в разговор вступила Лада. Подлезла под руку отца, глазками похлопала, что-то мурлыкнула, и морской волк словно сдулся. И куда только вся его ярость разом делась? Покрутил головой, глянул в мою сторону, да и рукой махнул.

— Где там ряд этот, давайте сюда. — Вздыхнул Белов-старший.

Сделали. Теперь кто бы что ни сказал, а по документам выходит, что отряд Особой Государевой канцелярии нанял ушкуйную команду для пущей безопасности в походе и, по обычаю, определил им долю в добыче, хотя боевых действий не предвидится и поход этот насквозь мирный. Ага. Ну, совсем мирный, да...

Правда, в отношении моей доли... то есть куска причитающегося той части абордажной команды, что не относится к экипажу «Варяга», пришлось немного поломать голову, поскольку тесть наотрез отказался брать себе столь большую долю, чтобы из нее можно было выделить нашу «канцелярскую» часть. В результате выход предложил Грубор. По количеству абордажников экипаж и пассажиры выставили одинаковое количество людей, так что ушкуйники просто отдадут им по половине своей доли. Ну а тесть поделится своей добычей со мной. Только втихую, а то, дескать, руянское общество не поймет такой щедрости в отношении государевых людей. Ха, да мы заинтересованы в молчании ничуть не меньше. После эпопеи с Бусом Телепнев не постеснялся довести до всей канцелярии сведения о запрете на трофеи. Так что охранители будут молчать о доставшейся на их долю денежке, как рыбы... на льду.

Разговор на таможенном посту не затянулся надолго. Вопреки ожиданиям тестя, Орсон оформил необходимые документы просто-таки в рекордные сроки. Так что, не прошло и часа, как Бажен Рагнарлович положил в свой бювар вексель свейского казначейства на весьма кругленькую сумму. Ха, можно сказать, что затраты на этот круиз и содержание «Варяга» на ближайшие лет пять я уже отбил! Замечательно!

В принципе, можно было бы отправляться в путь, но... мне еще нужно было убедиться, что дело Ро-

мана Георгиевича не останется без надлежащего контроля.

— Виталий Родионыч! — Я уже было уселся в ландо, когда показавшийся на углу залитой солнечным светом улицы Бережной махнул мне рукой.

— Тихомир Храбрович, а ты здесь какими судьбами? — удивился я, притормозив извозчика. Старый бретер вскочил на подножку, и легкий экипаж, жалобно скрипнув, ощутимо качнулся, принимая на себя вес фехтовальщика.

— Да вот, решил прогуляться по твердой земле, пока опять в море не ушли... — Бережной бросил короткий взгляд на спину извозчика...

— Что ж, дело хорошее. — Кивнул я, поняв, что Тишила не собирается говорить при посторонних, и обратился к «водителю кобылы»: — К ближайшему ресторану... поприличнее.

— Доставим, вашество, — тут же откликнулся извозчик. Хлопнул вожжами по спинам двух индифферентных лошадок, и те, потянув за собой наш экипаж, лениво потрусили вверх по довольно узкой улице, сплошь застроенной зданиями из красного кирпича. Кстати, это самое «вашество» извозчик умудрился произнести почти без акцента.

Пока мы в молчании добирались до ресторана, Бережной чуть не извелся. Видно, новости уж слишком жгли ему язык. Но ничего, дотерпел...и. А что, я тоже чуть не сдох по дороге... от любопытства.

Пока я расплачивался с извозчиком, Тишила успел миновать двери ресторации и затребовать кабинет. Но тут я его притормозил.

— Лучше стол, где-нибудь в уголке основного зала. Все видно, всех видно... — как бы задумчиво протянул я, и Бережной согласно кивнул. Действительно, кто его знает, насколько хороша звукоизоляция у этих са-

мых кабинетов? А столик в углу гарантирует, что никто не подберется незамеченным, чтобы удовлетворить нечаянное любопытство и послушать о чем толкуют залетные гости с Хольмграда. Не знаю уж, зачем Тихомиру потребовалось разводить здесь тайны, но если человеку приспичило, то... почему бы не уважить такой пустяковый каприз?

— Следуйте за мной. — Местный мэтр принял к сведению наши пожелания и медленно и важно пошагал куда-то вглубь зала, богато отделанного деревом. Нет, ничего сверхдорогого, но... учитывая отношение местных жителей к невеликим островным рощам, подобная обстановка здесь может считаться даже шикарной.

— Итак. — Дождавшись, пока официант в белоснежной куртке расставит на столе наш заказ и уйдет, я заинтересовано кивнул Тихомиру. А тот, в ответ, только еле слышно хмыкнул, окинул взглядом сервировку и, наполнив рюмку холодной водкой, не чинясь, опрокинул ее в рот. Подцепил с тарелки ломтик ветчины, с явным удовольствием втянул носом ее тонкий аромат и отправил закуску следом за беленькой. Время тянет, брестер. Ну-ну.

Посмотрев, как довольный Бережной аккуратно вытирает усы, я не удержался и последовал его примеру, разве что, вместо ветчины, на закуску пошла вроде бы обычная, но фантастически нежная копченая скумбрия... Вот интересно, Тихомир вообще-то говорить собирается, или он просто решил таким образом развести меня на халявный обед?!

— Они здесь. — Очевидно что-то поняв по моему взгляду, отстраненно проговорил Бережной, одновременно присматриваясь к местному деликатесу под названием «Солнце над Гудьемом». Видно, изыск островной кухни не пришелся Тихомиру по вкусу, и он отложил ополовиненный бутерброд на свою тарелку.

Скривился. — Хорошую закуску испоганили. Неужто нельзя было просто селедку лучком присыпать? Всяко вкуснее было бы.

— Тихомир Храбрович... я тебя внимательно слушаю. — Пришлось выдергивать собеседника из омута дурных мыслей.

— Так я уж все сказал. — Недоуменно пожал плечами мой визави.

— А поподробней? — Вдохнул я. — Кто «они», где «здесь», и почему этого нельзя было сообщить в менее приватной обстановке?

Бережной аккуратно вернул поднятую им крышку блюда на место и только после этого принялся отвечать.

— Извини, Виталий Родионыч. — Развел руками Тишила и пояснил: — «Лазарей» наших давешних встретил, и тоже в порту. Поначалу даже подумал, не померещилось ли мне... да вроде вчера особо на горькую-то не налегал, ну а когда один из этих «воскресших» с каким-то пьяным матросом сцепился, убедился, что то совсем не морок. У видений юшка с носу не капает.

— Та-ак. И куда они делись, Тихомир Храбрович? Неужто, не присмотрел?

— Да куда они могли деться? — Пожал плечами Бережной. — Понабежала портовая полиция, да и повязала всю компанию.

— Так это же замечательно. — Я улыбнулся, к удивлению не понявшего такой реакции Тишилы. — А что, Тихомир Храбрович, не прогуляться ли нам до портового полицейского управления? Поинтересуемся, что за «привидения» за нашим «Варягом» хвостиком бегают, а?

— Хм. В случайность, стало быть, не веришь, Виталий Родионыч? — медленно проговорил мой собеседник.

— Ну почему же? Вот заодно и проверим, что здесь: случайность, совпадение или закономерность...

— И то верно. — Бережной кивнул и вновь взялся за крышку супницы. Ну да, война войной, а обед по расписанию. Тем более если на обед подают такого каплуна... Нет, вот точно, Бережной — халявщик, самый натуральный!

Идея, конечно, хороша. Вот только я не подумал об одной вещи. Если на Руяне я мог бы просто продемонстрировать канцелярский «глаз», чтобы получить нужную мне информацию в любом учреждении, то на Борнхольме, принадлежащем Свеаланду, такой возможности у меня нет... Какое дело свейским бюрократам до заштатного коллеги из Руси?

Но попробовать надо... И мы, пообедав, выдвинулись в порт.

Как и следовало ожидать, в полицейском управлении нас встретили... да никак не встретили. Пустой холл да одинокий дедок в потертом мундире, притулившийся за маленьким столиком в углу. Естественно, первой проблемой стало мое полное незнание свеона, так что пришлось многоопытному Тишиле брать на себя всю тяжесть переговоров с дряхлым представителем борнхольмской полиции. И вот тут нашла коса на камень. Нет, поначалу дедок кивал и даже благожелательно улыбался. Затем нахмурился и вызвал по телефону начальство, оказавшееся его полной противоположностью. Молодой офицер в новенькой отутюженной форме, появившийся в холле спустя несколько минут, был изначально хмур и неприветлив. И беседа «высоких договаривающихся сторон» началась заново. Естественно, снова через Тишилу.

— Извините, господин Старицкий, но я не могу предоставить вам эти сведения, — бубнил Бережной, переводя резкий говор лейтенанта. — Честь имею.

Сказал, развернулся и ушел. М-да, переговоры выдались недолгими. Я переглянулся с Тишилой.

— Ну что ж. Не пускают в парадное, пойдем через черный ход, так, Тихомир Храбрович? — поинтересовался я у спутника, едва мы покинули здание портовой полиции.

— Это как? — заинтересовался Бережной.

— Ну, будем надеяться, что господин Орсон окажется более благожелательно настроен в отношении нашей экспедиции, нежели этот полицейский фертик. — Я щелкнул было портсигаром, но, опомнившись, вернул его во внутренний карман пиджака. Не принято здесь дымить на улице. Уж если хочешь потравить легкие, будь добр, устройся в собственной гостиной или курительной, или на худой конец в ближайшем кафе или ресторации, и дыми, сколько хочешь. А вот на улице... моветон, господа, такого себе даже завсегдатаи плотненских кабаков¹ не позволяют. А уж они-то и вовсе босяки из босяков.

— Уверен, Виталий Родионыч?

— Надеюсь, Тихомир Храбрович, надеюсь. Но, думаю, для верности, стоит подождать, пока у нашего знакомого закончится рабочий день и он вспомнит русскую речь.

Бережной в ответ гулко хохотнул. Историю моего знакомства с Орсоном, он знал не хуже прочих. Отсмеявшись, Тишила высвистал извозчика, и мы, устроившись в ландо, отправились к стоянке «Варяга», поскольку бить ноги пешком по огромному порту, то и дело уворачиваясь от разнообразных грузов, и плутать среди лабиринтов тюков и ящиков, совсем не хотелось. Проще взять экипаж и объехать портовую зону вокруг.

¹ *Плотненские кабаки* — здесь имеются в виду трактиры, расположенные на торгу Плотненского конца Хольмграда (так называемой Плотни), местечка, чем-то напоминающего знаменитую московскую Хитровку в реальной истории.

Как оказалось, мои опасения, касающиеся избирательной памяти господина помощника капитана порта на языки, были беспочвенными. Сегодня господин Орсон должен был править вахту в портовом управлении в ночь, что, естественно, не добавляло ему добродушия, но даже дурное расположение духа не помешало ему заглянуть на «Варяг» перед заступлением на пост. Очевидно, талант Лейфа-повара нашел себе еще одного поклонника, что, право же, неудивительно.

— Герр Старицки, объясните мне, зачем вам это понадобилось? — выслушав мою просьбу, проговорил помощник капитана порта и недовольно поморщился.

— Видите ли, господин Орсон, я очень не люблю неясности, а этих людишек наш Тихомир Храбрович еще на Руяне приметил да узнал. Учитывая историю, что поведал мне господин Бережной как о них самих, так и об их «подвигах», я счел необходимым присмотреться к нашим случайным попутчикам.

— Вот как? — Бьорн задумчиво погладил подбородок. — И что же за истории рассказал ваш друг?

— Некрасивые истории, господин Орсон. Очень некрасивые, большего, уж извините, сказать не могу, ибо права такого не имею. А люди те тати и душегубцы. Вот и волнуюсь я, с чего бы нашим дорожкам с ними пересекаться... А ну как они за старое принялись, да к «Варягу» присматриваются?

— То ясно. — Кивнул Бьорн. Ему явно не понравилось, что я не собираюсь распространяться об истории «лазарей» и не желаю рассказывать, откуда их знает Бережной, но вот беспокойство мое Орсон понял. — Вот только одного не пойму, герр Старицки, чем вам лицезрение этих... татей, да? Чем оно вам поможет?

— А я их образы сниму да всем членам нашей экспедиции продемонстрирую, чтоб запомнили, да береглись, коли кого похожего увидят, — ответил я.

— Хм. — Орсон на миг задумался, покрутил в ладонях толстопузый бокал для коньяка и, вздохнув, решительно кивнул. — Гут. Хорошо, Виталий Родионович, я понимаю ваше беспокойство и... постараться вам помочь. А сейчас... будьте любезен, оделите еще толикой этого чудного напитка!

Вечер в салоне «Варяга» прошел уже вполне привычно. Наши высоколобые энтузиасты, отыскав себе очередную головоломку, наполнили помещение гулом спора, Бережной и Грац устроились в креслах в углу, прихватив с собой, для душевности беседы, бутылку так понравившегося Орсону коньяка, Лейф сосредоточенно внимал отцу, а Лада молча устроилась рядом со мной на диване, положив голову мне на плечо. И было что-то уютное и домашнее в воцарившейся в салоне яхты обстановке.

Но как бы ни был приятен и долог вечер, он закончился. Солидные, сияющие надраенной медью часы отбили полночь, и народ потихоньку потянулся к каютам. Разве что Меклен Францевич решил выделиться и вышел через распахнутые стеклянные двери на кормовой балкон яхты... подымить на свежем воздухе перед сном.

Сумрачная, но романтическая немецкая душа нашего «штатного патологоанатома» порой нуждается в лицезрении бескрайнего ночного неба и молчаливом диалоге с подмигивающими звездами. Сам он, разумеется, ни за что в этом не признается, ну да его никто и не заставляет, не так ли?

Утро. Нет, на самом деле, ночь еще не закончилась, более того, часы еще даже не пробили четырех часов, а я уже вынужден был выбраться из-под теплого одеяла. И все из-за того, что пять минут назад на борт «Варяга» буквально взлетел запыхавшийся посыльный и, мешая русские и свейские слова, объяснив

вахтенному, что его прислал помощник капитана порта с запиской для владельца яхты, протянул матросу огромный журнал.

Лешко, за очередной какой-то влет оставленный вахтенным на «собаке», расписался в грессбухе посылного и тут же отправился будить адресата. Скажу честно, просыпаться в четвертом часу ночи для меня удовольствие невеликое, хотя на «том свете» не такое уж редкое, но вот... расслабился я здесь, что ли?

В общем, прошло добрых десять минут, прежде чем до меня полностью дошел смысл записки, переданной Бьорном Орсоном ни свет ни заря. Хорошо еще, портовый чиновник не пошел на крайность и не стал писать свое послание на свеоне. Будить Ладу, ради прочтения его эпистола, я бы точно не стал.

Окончательно проснувшись и разобравшись в завитушках стремительного почерка Орсона, я тяжело вздохнул и принялся одеваться. Утро все-таки началось, и оно... отвратительно.

— Ты куда, Витушка? — Сонный голос Лады оставил меня уже на пороге.

— Дела, милая. Дела. — Я обернулся и извинительно пожал плечами. — Наш новый знакомый прислал записку, зачем-то я ему понадобился.

— Но ведь еще даже не рассвело? — бросив взгляд на иллюминатор, проговорила Лада.

— Знаю. Как ты помнишь, у господина Орсона сегодня ночная вахта. Не знаю, что там произошло, но очевидно, что-то важное. Иначе бы Бьорн не стал тревожить нас столь рано.

— Ладно, иди, только... — Лада на миг замялась, и я, понимаяюще кивнув, на миг распахнул полу пиджака, так что стала заметна сбруя «барринса».

— Я обязательно предупрежу охранителей. Более того, я собираюсь пригласить с собой Тишилу.

— Мальчишка. — Вздохнула она. — Ладно, можешь идти, но обещай мне...

— Я буду предельно осторожен, милая, — заверил я Ладу и уже собрался было шагнуть за порог.

— Хм. Ты ничего не забыл, любимый? — Тон супруги стал почти угрожающим, и я, демонстративно хлопнув себя по лбу, подошел к изголовью кровати и склонился над ней. Руки жены обвились вокруг моей шеи. Спустя минуту Лада оттолкнула меня от себя и, облизнув припухшие губы, тихо вздохнула. — Вот теперь иди. Слышишь? Уходи немедленно, а то я за себя не ручаюсь.

— Уже ушел, — хрипло ответил я и действительно постарался как можно скорее убраться из комнаты. Потому как еще полминуты пребывания рядом с Ладой, и в нашей каюте не найдется ни одного контролирующего себя человека. М-да.

На ходу поправляя костюм, я дошел до каюты Бережного. Постучал.

— Тихомир Храбрович, поднимайся. Нас ждут в портовом управлении, — проговорил я, едва заспанный Бережной отворил дверь.

Тишила кивнул и, посторонившись, пропустил меня в свою берлогу. А сам, не теряя времени, прихватил с вешалки одежду и отправился в ванную комнату.

— Что так срочно, Виталий Родионыч? — спросил Бережной, заглушая голосом шум текущей воды.

— Орсон прислал записку с мальчишкой-посылным. Торопил, — коротко ответил я, рассматривая развешанную по переборкам коллекцию белого оружия Тишилы.

— Ясно. — Шум воды стих, и Бережной вышел из ванной уже одетым и даже чисто выбритым. На автомате я провел рукой по собственной щеке. И этот жест не укрылся от Тишилы.

— То не сложно, Виталий Родионыч. Заговор-то простенький. — Понимающе хмыкнул Бережной. И через минуту я уже довольно поглаживал лишенный щетины подбородок. И как я раньше не додумался о существовании подобного заговора?! Да уж, это вам не опасная бритва, общение с которой ежедневно доставляет мне десяток неприятных минут. А тут раз и все. Красота!

— Так, все же. Что случилось, Виталий Родионыч, с чего такая срочность? — отвлек меня Тишила.

— Капитана преследовавшей «Варяг» лоханки помнишь? — Вздыхнул я. Бережной кивнул. — Преставился, грешный. Аккурат с полчаса назад, прямо в камере портовой полиции. Сердце. Так-то.

Глава 4

ЗНАКОМЫЕ ВСЁ МОРДЫ. ВОПРОС ОДИН, СРАЗУ БИТЬ ИЛИ ОБОЖДАТЬ?

На этот раз в управлении полиции порта было куда как многолюдно. Мы попытались было поймать кого-нибудь из пробегающих мимо чиновников с целью выспросить, где находится Орсон, но... очевидно, находясь на работе, сотрудники управления следовали принципу помощника капитана порта, и даже шли дальше. Они не только не понимали русского языка, но и вообще делали вид, что нас не видят и не слышат. Впрочем, «свеон» Тихомира они также игнорировали.

Переглянувшись с моим спутником, мы одновременно пожали плечами и, не сговариваясь, шагнули в сторону лестницы. Придется искать господина Орсона самим.

На втором этаже количество суесящихся чиновников разных ведомств увеличилось примерно вдвое.

Заглядывать во все помещения подряд мы не стали и, ориентируясь по тому, откуда вылетают самые напуга... в смысле встревоженные «владельцы столов», направились к большим двойным дверям, из-за которых доносился приглушенный гул голосов.

— Герр Старицки, герр Бережной... — Помощник капитана порта, заметив нас в дверях, жестом заставил замолчать что-то докладывавшего ему секретаря и даже не поленился подняться нам навстречу. Окружающие резко замолчали, а один, судя по богатому золотому шитью, генерал, даже прищурился эдак... профессионально. — Сожалею, что пришлось беспокоить вас в столь раннее время, но дело не терпит отлагательств. Знакомьтесь, шеф полицейского управления Борнхольма, генерал Стормунд. Генерал...

Тут Орсон протарахтел что-то на свеоне, очевидно представляя нас с Тишилой, поскольку в тексте пару раз мелькнули наши фамилии, и шеф борнхольмской полиции немного смягчил взор. И даже каблуками щелкнул, с обязательным наклоном головы. Так называемый кавалергардский поклон.

— Рад знакомству, генерал Стормунд. — Вернув поклон полицейскому начальнику, я бросил вопросительный взгляд в сторону Орсона.

— Да, боюс, времени на дружескую беседу у нас ньет. — Понимающе кивнул помощник капитана порта. — Обстоятельства таковы... впрочем, пройдемтье. Сами увидите.

Не знаю, чего ожидали от нас, но оказавшись в полицейском холодильнике, и Орсон и генерал Стормунд с помощниками наблюдали за нашей реакцией на вид трупа с таким вниманием, словно ждали, что кто-нибудь из нас тут же обольется слезами и признается в жестокое убийстве контрабандиста.

А в том, что это убийство, сомнений у меня не было.

— Ну что, герр Старицки? — нарушил тишину Орсон.

— Увольте вашего патологоанатома. — Пожал я плечами.

— Извинитье? — Брови портового служащего полезли вверх. — Я, кажется, вас не очьен поньял.

— А что тут непонятного? Убили грешного, а патологоанатом дал неверное заключение.

— Вобще-то, я хотьел спросить, знаком ли вам сей господин... — протянул Орсон. — Провести опознание, если позволите, но... а с чего вы взяли, что этот человек был убит?

Вместо ответа, я ухватил руку трупа за предплечье и развернул ее так, чтобы стоящим в паре метре от нас свеем были видны характерные синяки на запястьях.

— На другой руке точно так же, — прокомментировал я. — Его держали, чтобы не вырывался... А убили...

Я внимательно осмотрел предплечье, затем другое... А потом склонился над головой контрабандиста. Повернув ее так, чтобы свет мощной лампы, висящей над прозекторским столом, хорошенько осветил шею и, углядев предмет поисков, я торжествующе щелкнул пальцами.

— Вот след инъекции. Что за яд, не скажу, но без него точно не обошлось.

Пока я осматривал тело, Орсон что-то быстро говорил генералу, отчего тот вдруг принялся наливать какой-то неестественной краснотой. В конце концов, он нервно мотнул головой и, не обращая никакого внимания на продолжающего говорить портового чиновника, шагнул к столу.

Внимательно осмотрел запястья, потом жестом попросил показать ему место укола и, чуть не уткнув в него свой мясистый нос, долго рассматривал еле заметную точку на шее контрабандиста. Наконец, генерал

выпрямился и резко рывкнул какую-то фразу. Дежуривший у дверей адъютант тут же взял под козырек и слинял из прозекторской, только сапоги по кафелю защелкали.

И тишина. Но через минуту в зале вновь раздался звук шагов, на этот раз сдвоенный, и в прозекторскую ввалился тот же адъютант в сопровождении невысокого пухлого человека, то и дело промокающего потеющую лысину огромным носовым платком.

Дальше был театр. Генерал рычал и тыкал пальцем то в синяки, то в шею трупа, а патологоанатом только разводил руками и почти неслышно что-то блеял в ответ, время от времени хватаясь то за сердце, то за пенсне.

— Доктор говорит, что принял сшибки за след от наручников, — вдруг раздался рядом со мной тихий голос Орсона. — А в остальном картина соответствовала обычному сердечному приступу. Герр Старицки, я все-таки должен получить ответ на вопрос. Скажите, вы знали этого человека?

— Знал? Нет. Впервые я его увидел в капитанской каюте захваченного нами намеренно судна контрабандистов. — Я пожал плечами.

— Но это совершенно точно он, то есть... капитан? — уточнил Орсон.

— Разумеется. А что, у вас возникли какие-то сомнения? — поинтересовался я.

— Ньет-ньет. Всего лишь глупая формальность, о которой я позабыл. — Махнул рукой помощник капитана порта, всем своим видом показывая, какая все это ерунда. Ну да, ладно, сделаю вид, что поверил.

— Господин Орсон, а что насчет нашей с Тихомиром Храбровичем просьбы?

— Хм. Нье думаю, что сейчас наилучшее время для визитов в тюремный подвал... — задумчиво протянул

собеседник, но тут же тряхнул головой. — Впрочем, в такой суете... Идѣмтѣе, я вас провожу.

Дорога от холодильника до тюремного подвала оказалась подозрительно короткой. Не прошло и пяти минут, как мы оказались в довольно длинном коридоре, разделенном несколькими решетками, в конце которого виднелось несколько тяжелых, обитых железом дверей.

— Нам туда. — Орсон кивнул сопровождающему нас полицейскому, и тот, зазвенев ключами, подошел к первой решетчатой двери. Сначала я было подумал, что эти замки, не сложнее тех, что встретились мне в станционном городке на Руяне, но стоило присмотреться к ним, как стало понятно: защитой от умников, владеющих началами ментальных манипуляций, здесь вовсе не пренебрегают. Об этом говорил и короткий высверк в момент соприкосновения ключа с замочной скважиной, и радужные разводы какого-то щита на металлической коробке замка.

— Послушайте, господин Орсон, а что, неужто смерть подследственного такой шум вызвала, что в управлении людей ночью больше, чем днем? — поинтересовался я, когда мы миновали очередную решетку на пути к камерам.

— Хм. — Чиновник покосился сначала на меня и молча вышагивающего рядом Тишилу, потом бросил короткий взгляд в спину идущему впереди полицейскому... и вздохнул. — Нье совсьем, герр Старицки. Нье совсьем...

Поняв, что Орсону совсем не хочется говорить на эту тему, я не стал настаивать, так что до камер мы дошли в молчании. Полицейский потянулся было к замку, запирающему одну из камер, но портовый чиновник только покачал головой. Наш проводник и ключник тут же кивнул в ответ и потянул щеколду задвижки, прикрывающей врезанное в дверь оконце.

— Смотрите, герр Старицки. Смотрите. — Полицейский и Орсон отошли от двери.

— Тихомир Храбрович, взгляни-ка ты для начала, — проговорил я тихонько, уступая место Тишиле, и тот с готовностью шагнул к окошку.

— Они, Виталий Родионыч, как есть они... «лазари» наши, — бросив короткий взгляд в камеру, также тихо ответил мне старый бретер. Ну-ка, ну-ка...

От двери камеры я отошел в несколько задумчивом состоянии. Люди, сидевшие на грубо сколоченных нарах, определенно мне кого-то напомнили, и теперь я судорожно пытался вспомнить, где мог их видеть.

— Вы удовлетворены, герр Старицки? — спросил Орсон, отвлекая меня от размышлений, и я, в ответ, кивнул.

— Да, благодарю вас, господин Орсон. — Я бросил взгляд на соседнюю камеру, замок которой был открыт. — А что, я так понимаю, контрабандист сидел здесь?

— Именно. — Кивнул помощник капитана порта и дал знак полицейскому, который тут же закрыл наблюдательное окно в двери камеры наших странных знакомцев.

— Понятно. Неужто и Роман Георгиевич где-то здесь, по соседству, обретается?

И вот тут взгляд Орсона в и л ь н у л.

— Извините, герр Старицки, но этой информации я... у меня ньет. — К концу фразы стало понятно, что больше никаких сведений от помощника капитана порта мы не получим. Ла-адно.

Направившись к выходу из тюремного коридора, полицейский вновь пошел первым, а я, шепнув пару слов понимающе улыбнувшемуся Тишиле, поравнялся с Орсоном, явно стремящимся быстрее покинуть это место.

— А что, господин Орсон, вы человек знающий, может, подскажите, какие места стоит обязательно посетить у вас на родине? — Помощник капитана порта недоверчиво покосился на меня, но, не заметив и следа насмешки, начал нехотя отвечать.

— Смотри, в какие порты вы намерены зайти в Свеаланде. — Пожал он плечами. Не-не, так просто ты от меня не отделаешься. Я вновь насел на Орсона и таки заставил его разговориться.

Едва мы остановились у первой решетки, как я почувствовал прикосновение Тишилы к моему локтю и, мысленно выдохнув: пронесло, успел чертяка, вновь сосредоточил свое внимание на ровной речи Орсона.

До выхода из тюремного коридора мы дошли без проблем, а вот дальше началась сущая чехарда. Перед нашей компанией нарисовались еще два полицейских чина, при полном параде и с оружием. Перебросились парой слов с Орсоном и нашим «Вергилием» на свеоне и тут же повернулись ко мне с Тишилой.

— Герр Старицки, господин геньерал просит вас, и вашего сопровождающего подняться в кабинет начальника портового управления. Господа полицейские вас проводят. — Орсон указал на двух вытянувшихся перед нами хмурых и явно чем-то недовольных «орлов». — К сожалению, они не говорят по-русски.

— Ничего, насколько я понимаю, здесь недалеко? — Орсон в ответ кивнул. — Ну и замечательно, а поговорить по дороге мы и с Тихомиром Храбровичем можем.

— Тогда я с вами прощаюсь, герр Старицки. — Развел руками помощник капитана порта. — Чьестно говорья, устал. Да и вахта моя завершьена.

— До свидания, господин Орсон, до свидания.

Раскланявшись с уставшим чиновником, мы отправились следом за полицейскими. По дороге к главному

входу в портовое управление Тихомир попытался со мной заговорить, но я сделал большие глаза, и старый бретер закрыл рот, так и не произнеся ни звука. Может быть, Орсон и не обманывал насчет знания полицейскими русского языка, но береженого бог бережет... А не береженого конвой стережет.

Я скосил взгляд на вышагивающих рядом полицейских и с трудом подавил ухмылку. Ну да, вовремя поговорку вспомнил, ничего не скажешь.

В кабинете начальника портового управления, огромном вытянутом помещении с высокими, чуть ли не от пола до потолка, окнами, нас встретила высокая комиссия. Нет, правда, количество генералов на единицу площади здесь, кажется, превышало всякие пределы. Неужто всех наличных высших офицеров Борнхольма собрали в этом кабинете?

— Господа. — Перешагнув порог, я обвел взглядом присутствующих и... ограничился общим поклоном. Тихомир за моей спиной тихонько охнул и, будь его воля, наверное, там же и забаррикадировался. А так пришлось ему ограничиться изображением моей тени. Скромной такой, почти незаметной, ага. Не любит высокие чины наш бретер, ой не любит. Ну да ладно, его право. В конце концов, во время службы мы тоже старались держаться принципа «подальше от начальства, поближе к кухне».

— Герр Старицки, — заговорил на «свеоне» шеф полиции Борнхольма, поднимаясь с кресла, а Тихомир тут же забубнил перевод. — Рад, что вы приняли мое приглашение. Позвольте представить вам начальника портового управления. Герр Гreve, капитан порта. А это начальник полицейского управления порта и мой подчиненный — полковник Спенс. Ну и командир борнхольмского гарнизона, генерал Таубе, барон аф Оденкат.

— Рад знакомству, господа. — Я еще раз отвесил общий поклон, мысленно начиная подсчитывать, на каком подходе у меня попросту отвалится голова. — Чем обязан...

— Кн... герр Старицки, давайте поговорим о причинах вашего приглашения чуть позже, а сейчас не откажитесь выпить с нами по чашке кофе. Право, нет ничего лучшего с утра, чем чашка этого горячего и ароматного крепкого напитка.

— С удовольствием, господин генерал. — Я устроился в кресле, услужливо подставленном выскочившим из-за спины капитана порта адъютантом, а Тихомир занял место за моим плечом, по аналогии с помощниками, маячившими за спинами хозяев острова, помощниками, которых никто не удосужился мне представить. Хотя звания у них... если я правильно разобрался в знаках отличия, отнюдь не солдатские, и даже не унтер-офицерские... Ну что ж, со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Промолчу.

А дальше... дальше началась комедия. Мои высокие собеседники завели светскую беседу, в ходе которой то пытались выспросить у меня цели нашего путешествия, то интересовались моими взглядами на политику стран Северного союза... В общем, переливали из пустого в порожнее добрых два часа, но так и не признались, зачем им понадобился «князь» Старицкий. Вообще, чем-то эта встреча напомнила, и напомнила весьма неприятно, другое собрание, на котором меня точно так же забрасывала вопросами компания господина Рейн-Виленского, по результатам которой я и обзавелся совершенно ненужным мне «виртуальным» княжеским титулом со всеми вытекающими последствиями. Вот именно они меня и беспокоили, точнее возможные последствия беседы сегодняшней. Конечно, здешняя компания не чета секретарю государя со товарищи, но и недооценивать их возможности тоже не стоит.

Проваландавшись добрых три часа со здешним генералитетом, я, наконец, смог распрощаться с гостеприимными хозяевами и с прикрывающим мой отход Тихомиром ретировался на «Варяг».

— Ну что? — Только оказавшись на палубе яхты и убедившись, что на нас нет никаких ментальных меток, я задал вопрос, интересовавший меня с того самого момента в тюремном коридоре, когда Тишила, незаметно проверив остальные камеры, коснулся моего локтя.

— Пусто, Виталий Родионыч. Нет там его. Но был, в том я уверен, — проговорил Тихомир.

— С чего бы вдруг такая убежденность?

— Так в пятой камере на полу пиджак валяется, по спине разошедшийся. Точно такого же колеру, как у Романа Георгиевича был. Помню я, как ткань его аккурат по шву треснула, когда тать из рук наших ушкуйников вывернуться попытался.

— Ясно... И что мы имеем в результате? — Я вытащил очередную сигарету и, прикурив, выпустил в утренний воздух облако дыма. — Капитан контрабандистов на тот свет сбежал, как сказал бы князь Телепнев, а Роман Георгиевич из камеры...

— Может, перевели?

— Тогда пиджак в камере не валялся бы. Не-ет. Либо бежал, либо выкрали. Да еще и «лазари» эти подозрительные... Вот что, Тихомир Храбрович, давай-ка в рубку, к телеграфу. Есть у меня одна идея...

Бережной покосился на меня с недоумением, но направился в указанном направлении.

— Доброе утро, Бажен Рагнарлович, — поприветствовал я тестя.

— А оно доброе? — Пыхнул трубкой Белов.

— Как посмотреть. — Я пожал плечами. — Мне бы телеграмму отослать, на Руян.

— Аппарат в твоём распоряжении, Виталий Родионоч. — Указав чубуком трубки на дверь, ведущую к радиоузелу, проговорил тесть. — Сам займешься, или мальчика нашего прислать?

— Справлюсь, Бажен Рагнорович, справлюсь. — Кивнул я. — Тихомир Храбрович, будь любезен, пожди меня у двери... пожалуйста.

Когда Тишила замер у радиоузла, словно охранник, тесть удивленно приподнял бровь, но комментировать увиденное не стал. Хотя пантомима ему явно не понравилась.

Ответ с Руяна пришел лишь после обеда, когда наша компания, сытая и довольная, только-только устроилась в салоне.

— Вот так вот, Тихомир Храбрович. — Я продемонстрировал Тишале принесенную мальцом телеграмму.

— Однако... — Протянул Бережной, вчитавшись в текст. — Думаете, наших «лазарей» рук дело?

— По крайней мере, без них не обошлось. — Кивнул я.

— Виталий Родионович... — голос Лады, предупредительный... как выстрел по курсу, прозвучал за моей спиной. — Может, поведаете, что за бумагу вы с Тихомиром Храбровичем столь рьяно обсуждаете?

— Да вот, любезная моя женоушка, пришла тут телеграмма, подтверждающая кое-какие мои подозрения. — Вдохнул я.

— А можно поподробнее? — Нарисовавшийся тут же профессор Грац с интересом покосился на несчастную телеграмму в руках Бережного. После чего перевел взгляд на меня и, протерев пенсне, спохватился: — Если это не секрет, разумеется.

— Да какой уж там секрет. — Я отмахнулся. — Все одно мы, все без исключений, завязли в этой странной

истории, как мухи в янтаре. Читайте, Тихомир Храбрович.

Бережной мельком глянул на наших ученых, снова занятых очередным научно-философским спором, после чего перевел взгляд на зажатую в ладони телеграмму и, откашлявшись, начал читать.

«Г-ну Старицкому тчк По Вашей просьбе проведена проверка журналов учета следственного отделения тчк Ответ положительный тчк Приметы совпадают тчк Указанные лица были задержаны нарушением порядка в портовом квартале тчк Отпущены утром следующего дня выплатой штрафа тчк Тело Раздोरина было обнаружено двумя часами позднее тчк Надеемся на дальнейшее сотрудничество тчк Ротмистр Сумской»

— Ничего не поняла. — Нахмурилась Лада.

— Все просто, лада моя. — Я потер переносицу. — В Бреге, еще до начала всей этой дурацкой истории, Тихомир Храбрович обратил мое внимание на двух человек, коих он когда-то знал, и был полностью уверен в их смерти. Тогда у нас так и не достало времени вплотную заняться этими «лазарями», но вот мы прибыли на Борнхольм и здесь также обнаруживаем сих господ, как ни в чем ни бывало расхаживающих по городу. А вот дальше... дальше начинается что-то еще более странное. Эти двое попадают в портовую тюрьму в то самое время, когда туда бросили наших знакомцев — Романа Георгиевича и капитана корабля контрабандистов. Той же ночью капитан был убит, а «колобок»... простите, Роман Георгиевич, то ли бежал, то ли был похищен. Вот я и подумал... Конечно, шанс на то, что все окажется так, как есть, — я кивнул на листок телеграммы, — был невелик. Но все же решил проверить свою догадку и, как видите, получил пусть малое и шаткое, но подтверждение своей идее.

— Муж мой, а тебе не кажется, что будь все так, как ты думаешь, эти двое сбежали бы вместе с Романом Георгиевичем? — Лада побарабанила пальцами по лакированной ручке кресла.

— Если они не намерены здесь больше работать, то так и было бы. — Кивнул я. — Вот только мне почему-то кажется, что в отличие от того же «колобка», эти господа намерены и дальше изображать из себя вольных варяжских ушкунников. Но знаете, что самое интересное? Мне кажется, что я их уже где-то видел. Вот только где?

— Хм. А мне больше интересно, как они сумели добраться до Борнхольма раньше нас, — пробормотал себе под нос Меклен Францевич, и подошедший с минуту назад к нашей компании Белов-старший его поддержал.

— Да, интересный вопрос. «Варяг» — яхта ходкая. Так что, даже с учетом потраченного времени как в порту Брега, так и на захват контрабандиста, мы должны были подойти к стенке чуть ли не одновременно. Но этого не случилось. Более того, после прихода «Варяга», сюда не заглядывал более ни один корабль.

— Ну не вплавь же они добирались? — возмутился Бережной.

— А я знаю, как они могли нас обогнать, — вдруг заявила Лада, глядя куда-то мимо нас. Мы дружно повернулись в ту же сторону.

— М-да. Об этом я как-то не подумал, — признал я.

— Не вы один, Виталий Родионович. Не вы один. — Покачал головой профессор Грац. После чего встал и, отмерив три четких шага, протянул руку сидящей рядом со мной Ладе. Та недоуменно посмотрела на Меклена Францевича и, вдруг зардевшись, вложила свою ладошку в грабку профессора. Наш штатный патологоанатом бросил на меня короткий взгляд, но тут же перевел его на Ладу.

— Лада Баженовна, пусть ваш муж меня убьет, но я обязан это сказать. Вы не только очаровательны, как Афродита. Вы умны, как Афина. Браво.

— Почему убьет? Зачем убьет? — Ухмыльнулся я. — Наоборот! Завидуйте смертные! Я женат аж на двух богинях разом! Ну кому еще так повезло?

А сквозь стеклянные двери салона, выходящие на кормовой балкон, было отчетливо видно, как откуда-то из-за города поднимается колоссальная туша дирижабля.

Глава 5

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ХЛЕБ НЕ НАМАЖЕШЬ

Карлскруна это не просто военно-морская база на чертовой уйме островков. В свое время король Карл решил, что ему не по нраву воздух тогдашней столицы Свеаланда, и, недолго думая, построил новую столицу, обозвав ее своей «Короной». Тридцать три острова были расчерчены улицами словно линейкой и оцетинились многочисленными фортами. Так появилась единственная европейская столица, никогда не бывавшая в осаде. С другой стороны... чтобы заблокировать этот город, нужен флот, размеры которого были бы сравнимы с общим количеством судов, имеющихся в распоряжении всего Северного союза.

По уму, мы должны были бы прийти сюда сразу после посещения Руяна, но... ладно, Бьорн Орсон был достаточно любезен, чтобы закрыть глаза на небольшое нарушение и пойти навстречу людям, поработавшим вместо пограничной службы Борнхольма, тем более что это принесло весьма внушительную прибыль местной администрации. Да и, собственно, властям острова от нашего ухода только полегчало. Нет, разумеется, тот

же генерал Стормунд вполне мог задержать «Варяг», вместе со всей нашей экспедицией, так сказать, до выяснения, но... в отсутствии у нас на борту беглого «колюбка» он не сомневался, а желания связываться с представителями спецслужбы, пусть и принадлежащей не Свеаланду, а его союзнику, у Стормунда явно не было. Правда, я ни на секунду не сомневаюсь в том, что нежелание лезть в дела Особой канцелярии не помешало генералу исполнить свой долг и отправить соответствующее донесение в эту самую Карлскруну, где мы уже пару часов ползем среди островков под руководством присланного из порта лоцмана.

Здесь мы получим так называемый «адрес», что позволит «Варягу» заходить в порты Свеаланда без какого-либо досмотра. Вот интересно, а как господа пограничники собираются контролировать наличие или отсутствие контрабанды в наших трюмах? В конце концов, при небольшой сноровке погрузку можно провести не только в порту, но в любой удобной бухте, а то и вовсе в открытом море...

Этот вопрос меня так заинтересовал, что я не поленился узнать подробности у тестя. А тот, вместо ответа, предложил дожидаться визита портовых чиновников. Вот и стою я теперь у самого трапа, высматривая в портовой суете свеаландских бюрократов. А ветер, между прочим, холодный и резкий, заставляет поёжиться, несмотря на солнечную погоду и накинутый на плечи бушлат...

О, вот и они...

Процесс получения адреса оказался куда интереснее, чем я предполагал. Это, оказывается не только документ, но и целый комплект своеобразных артефактов, закрепляемых на трюмных люках судна вместо пломб. Вот только, если по сорванной пломбе можно сказать лишь то, что ее теперь нет, то каждый арте-

факт способен сообщить портовым служащим, когда и сколько раз был вскрыт запломбированный им трюм, вес перемещенного груза, а также было ли это сделано в порту, с соблюдением всех правил, или же шкипер не стал заморачиваться с законностью. Конечно, при необходимости, можно просто повыкидывать все эти зловредные прибаамбасы и зайти в порт как ни в чем не бывало. Вот только при отсутствии на борту этих мелких доносчиков визит таможенников с пограничниками становится неизбежен, а это значит, что придется предъявлять судовой журнал, в котором всегда ставится отметка о получении судном адреса. И тут уже штрафом не отделаешься. Исчезновение пломбирующих артефактов с корабля, получившего адрес, согласно здешним законам, автоматически переводит судно в контрабандистское, за чем следует его конфискация и арест команды. Иных доказательств преступной деятельности местной Фемиде не требуется.

Удовлетворив свое любопытство, я передернул плечами и, оставив Белова-старшего в компании портовых чиновников, «пломбировать» последний трюмный люк, направился на поиски Лады, которой я пообещал небольшую прогулку по столице Свеаланда, так сказать, променад на двоих. Вообще, я, конечно, понимаю ее желание хоть ненадолго отделаться от нашей компании путешественников, все-таки одни и те же лица изо дня в день утомят кого угодно. Вот только согласиться на прогулку без охраны я не мог, о чем и сообщил жене. Скандал не скандал, но полчаса обиженного сопения мне было обеспечено. В результате мы договорились, что нас будет сопровождать лишь пара охранителей, и держаться они постараются чуть в стороне от нас.

Солнечная погода, красивый город, белоснежное ландо и красавица-жена рядом, что еще нужно для хорошего отдыха, после хоть и недолгого, но утоми-

тельного перехода по штормовому Варяжскому морю? Ну разве что не хватает чашки кофе в какой-нибудь маленькой забегаловке, под разноцветным матерчатым навесом...

— Витушка, о чем задумался? — Голос Лады вырвал меня из мечтаний, и я, улыбнувшись жене, кивнул в сторону небольшого двухэтажного особняка, украшенного затейливой лепниной. Ярко-красные навесы над его высокими окнами хлопали на ветру, а под ними расположилось несколько столиков.

— Думаю, что кофе с пирожными это то, что сейчас сделает меня абсолютно довольным жизнью.

— Как мало некоторым нужно для счастья. — Губы Лады тронула легкая улыбка. — Что ж, если пара пирожных достанется и мне...

— Сколько угодно, душа моя, — ответил я.

Лада тут же прощелетала что-то на свеоне, и извозчик остановил ландо в двух шагах от примеченного мною кафе. А следом за нами остановилась и коляска охранителей. Ребята честно старались не маячить у нас перед глазами, так что когда мы прошли под один из навесов и устроились на довольно удобных уличных креслах за небольшим круглым столом на массивной чугунной «ноге», охранители тут же растворились за нашими спинами. И надо сказать, заняли довольно выгодную позицию. Из-за их столика великолепно просматривались все возможные подходы, но при этом мне, чтобы увидеть наших охранников, пришлось бы изрядно покрутить шеей, а Ладе так и вовсе развернуться на сто восемьдесят градусов.

Подскочивший к нам официант в белоснежной рубашке и не менее белоснежном длинном фартуке одним ловким жестом вручил мне меню и тут же исчез за дверями кафе. Ну да, визит с дамой предполагает, что заказ делает сопровождающий ее кавалер...

— Хм, Ладушка... ты не могла бы мне помочь? — Вздыхнул я, бросив взгляд на меню, и скорчил просительную физиономию, увидев которую, моя жена не сдержала смеха. Нет, был бы здесь хотя бы французский язык, я бы разобрался... но шведский! Решено. По возвращению в Хольмград тут же примусь за изучение свеона.

— Как надумаешь заняться языком, скажи. Я с удовольствием помогу. — Вдруг кивнула Лада. Положительно, у меня не жена, а чудо!

Кое-как разобравшись в длинном перечне предлагаемых блюд, мы, наконец, сделали свой заказ и принялись болтать ни о чем. Я рассказывал Ладе все, что успел узнать об ученых и философах, которых мы должны были навестить во время пребывания в Свеаланде, а жена, в ответ, поделилась своими планами касающимися магазинов, которые, как оказалось, мы также должны посетить.

— Милая, ну неужели этого нельзя купить в Хольмграде? — поинтересовался я, когда Лада объявила, что первым делом мы непременно должны купить хорошей шерстяной ткани на костюм.

— Может быть. — Помолчав, кивнула Лада. — Но Григорий Евсеевич, узнав о нашей поездке, настаивал на покупке ткани именно здесь, в Свеаланде. Он даже дал мне адреса нескольких лавок в разных городах, где можно приобрести именно то, что ему требуется.

— Не понял. Это ему нужно или нам?

— Тебе, глупый. — Вздыхнув, покачала головой Лада. — Он из этой ткани костюмы тебе шить будет, а не кому-то еще. Понятно?

— Понятно. — Послушно кивнул я и уже хотел было осведомиться, во что мне может обойтись исполнение прихоти капризного телепневского портного,

как возникший словно из ниоткуда официант положил передо мной сложенный вчетверо лист писчей бумаги.

Я нахмурился. Нет, ну правда, в последнее время эпистолярное искусство начало вызывать у меня несколько неадекватную реакцию... вроде аллергии. Впрочем, если учесть, какие именно новости я узнавал из этих самых писем... в общем, ничего удивительного, правда? А вот у Лады, кроме любопытства во взгляде, никаких эмоций...

Я развернул листок и, пробежав глазами несколько куцых строчек текста, обернулся, чтобы найти взглядом автора послания. Творимир, старший в паре наших охранителей, заметив мой взгляд, подобрался... и я коротко кивнул ему в ответ. В принципе, ничего страшного в том, чтобы отпустить его мающего животом напарника не было. Карлскруна оказалась на редкость приличным городом, почти лишенным такого пренеприятного явления, как уличная преступность. По крайней мере, на этом острове я никакой шпаны не видел. Да и вообще сильно сомневаюсь, что кто-то решится напасть на нас среди бела дня. А потому я с легкостью позволил Творимиру отправить напарника обратно на «Варяг», на попечение Меклена Францевича.

Оба охранителя кивнули и дружно поднялись из-за стола... Мне понадобилось несколько минут, чтобы вспомнить, когда и где я наблюдал подобную картинку, а потом в голове у меня словно что-то щелкнуло. Ну конечно!

— Витушка, дорогой, я уверена, что пожар потушат и без твоей помощи, — заметила Лада, едва я начал вставать из-за стола.

— К-какой пожар? — не понял я.

— Тот самый, на который ты так торопишься. — Улыбнулась моя жена. — Сядь, успокойся и забудь на

время о всяких сложностях. Ты обещал мне прогулку по городу, помнишь?

— Да, конечно. — Вдохнул я.

— Вот и славно. А все остальное подождет. В конце концов, могу я в свой медовый месяц провести целый день с мужем?!

— Извини, ты права. Что-то со мной не то... действительно. — Я выдохнул и постарался успокоиться. На счет пять дыхание мое выровнялось, и я смог мыслить более трезво. Улыбнулся Ладе. — Я полностью в вашем распоряжении, мой капитан.

— Спасибо, Вит. — Бросив короткий взгляд по сторонам и, убедившись, что немногочисленные посетители кафе на нас не смотрят, Лада развернула веер и, целомудренно прикрыв мягкими перьями наши лица, наградила меня коротким, но жарким поцелуем. Боже мой, какой разврат! О времена, о нравы! М-да уж... Вот только почему у меня щеки горят, словно у мальчишки?

Я покосился на жену и хмыкнул. Если мое лицо сейчас такого же цвета, как у нее, то мы светимся что два стоп-сигнала в ночи. Нет, ну как дети, честное слово!

На «Варяг» мы вернулись, даже позже, чем посыльные доставили на борт наши покупки. Но к ужину успели, а это главное. Тем более что сегодня Лейф превзошел сам себя, приготовив совершенно замечательный грибной пирог с сыром и запеченное филе лосося со стручковой фасолью. Пища богов.

На одно только надеюсь, что «Варяг» никогда не пойдет куда-нибудь в Индокитай, а то с Лейфа, этого географа от кулинарии, станется начать готовить в походе каких-нибудь жареных тарантулов или сушеных кузнечиков... А я эту насекомую мерзость не люблю. Воспоминания навевают... нехорошие.

Кстати, о воспоминаниях. Надо бы озадачить князя Телепнева кое-какими вопросами, касательно творив-

шегося на Руяне беспредела. Да и по персоналиям пройти не помешает. Так... а вот по ним надо для начала заглянуть в книжку, а потом уж расспрашивать нашего князя. Где тут мой альманах?

От чтения справочника из города Гота меня отвлекла Хельга Милорадовна.

— Виталий Родионович, могу я вас попросить отвлечься на минутку от этого апофеоза породистого самолюбия? — Хельга присела на диван, напротив меня.

— Для вас, все что угодно, Хельга... до первого возражения Лады. — Кивнул я, откладывая в сторону альманах Гота.

— Вы так любезны... князь, — весело сверкнув глазами, проговорила исследовательница.

— И вы туда же, Хельга Милорадовна? — Вздохнул я.

— Прошу прощения, Виталий Родионович. Просто я впервые вижу человека, которому не пришлось по душе получение столь высокого титула. Вот и не удержалась от маленькой проверки, — покаялась Хельга.

— Ладно уж. Оставим это. — Я махнул рукой. — Так, чем я могу вам помочь, Хельга Милорадовна?

— Да... Сегодня, мой брат был в городе и слышал, что в Карлскруне остановился граф Виттельсбах из свеаландской ветви этой фамилии...

— Виттельсбах... Виттельсбах... — Я потер переносицу, пытаясь вспомнить, где мог слышать эту фамилию. — Это не тот ли самый Мориц Виттельсбах, о котором так восторженно отзывался советник Сакулов, перед нашим отъездом?

— Именно он. — С готовностью кивнула Хельга. — Мы не стали включать его в список философов, которых намеревались посетить в Свеаланде, поскольку не предполагали, что сей ученый господин осмелится выйти в свет. После недавнего скандала в Иль-де-Франс

Виттельсбах, обвиненный в проведении запрещенных исследований, вынужден был бежать, спасаясь от клерикалов Сен-Клу¹.

— Я так понимаю, вас интересует, не нанесет ли общение русских исследователей с французским беглецом, скажем так, политический вред исследованию? — поинтересовался я.

— Верно. — Коротко кивнула Хельга.

— Не вижу ничего страшного. На территории Руси господин Виттельсбах не совершал никаких преступлений, а учитывая, что у нас отсутствует как таковое понятие запрета исследований в области естествознания, даже сам термин «преступник», в отношении господина Виттельсбаха я считаю неприменимым. Так что, если у вас появится возможность пообщаться с этим человеком, препятствовать я не стану... но охрану возьмите с собой. На всякий случай... — договорил я, и Хельга засияла, но тут же насторожилась.

— А что, вы даже с Владимиром Стояновичем не посоветуетесь?

— А зачем? — удивился я. — Его сиятельство четко определил мои права и обязанности в оказании помощи вашим исследованиям, и сложившаяся ситуация не выходит за рамки моих полномочий. Так что, езжайте себе спокойно.

¹ *Сен-Клу* — «философский» центр Франции, своеобразная Сорбонна, с жесткими правилами и нормами, за соблюдением которых следит клерикальная комиссия. В ее власти запрещение и разрешение исследований в области «естествознания», а также преследование исследователей-нарушителей. Кроме того, законодательством Франции на клерикальную комиссию возложены обязанности по расследованию любых преступлений, связанных с применением магии. Подчиняется комиссия непосредственно кардиналу Франции и подотчетна королю.

— Благодарю, Виталий Родионович. — Хельга тряхнула копной рыжих волос и, вскочив, умчалась делиться новостями с братом, чья долговязая фигура все время нашей беседы нервно расхаживала по кормовому балкону яхты. М-да уж. Я покосился на альманах, лежащий рядом, и вздохнул. А ведь еще совсем недавно все было просто и понятно, но нет, стоило попасть в поле зрения сильных мира сего, и жизнь тут же стала не в меру веселой штукой.

Я же теперь человек женатый, можно сказать респектабельный... и вообще, без пяти минут заводчик, так что побегушки-пострелушки никак в этот светлый образ не вписываются. Ну разве что изредка, незаметно и тихо... как учили, а не так, как с этими руянско-ковбойскими приключениями вышло. Позорище, так и азы первой профессии забыть недолго. Нехорошо.

Вновь открыв упитанный том «апофеоза породистого самолюбия», по меткому выражению Хельги, я погрузился в хитросплетения родословных, громких титулов и ярких гербов, старательно раскладывая по полочкам информацию о том, кто кому доводится родней и в какой степени. Честно говоря, на «том свете» подобное упражнение мне и в голову бы не пришло, но здесь... в этом мире непотизм явление не просто частое, но обыденное, а значит, его ни в коем случае нельзя упускать из виду.

Нашел я, кстати, и Виттельсбахов. Вот уж где рассадник того самого непотизма! Одних высших сановников в Рейхе, Свеаланде и Лотарингии около десятка. И лишь французская ветвь блистает совсем в других областях. Там все больше меценаты да академики... но ни одного представителя этой славной фамилии в Сен-Клу. Не было среди франкоговорящих Виттельсбахов естественатцев... уже века два как не было. Последний из философов этого рода пребывал в стенах Сен-Клу

как раз два века назад, но от чего-то переехал в Свеаланд и основал тем самым северную ветвь фамилии. Интересно, получается, у Виттельсбахов, побег философов из Франции в Свеаланд это такая традиция? Забавно.

Утром следующего дня Хельга с братом усвистали в город, в надежде устроить встречу с беглым светилом философии, а мы с Попандопуло засели за разбор рекомендательных писем, подготовленных его начальником, главным инженером Хольмского завода накопителей Горбуновым. В Карлскруне располагаются конторы очень многих компаний и производств. Столица как-никак. Вот Гордей Белозорич и снабдил нас письмами владельцам некоторых из них. В основном хозяевам металлургических и станкостроительных заводов, чья номенклатура товаров была куда шире, чем даже у демидовских и фроловских заводов на Руси.

Не сказать, что я уже готов заказывать необходимое оборудование для завода, но посетить несколько контор, чтоб присмотреться к имеющемуся ассортименту и ценам, нам явно не помешает. А там, глядишь, и с владельцами познакомимся. Потом, как время придет, и торговаться проще будет...

Отобрав несколько рекомендаций, мы с Леопольдом выбрались на причал и отправились на поиски экипажа. Конечно, утро не самое лучшее время для визитов, но ведь мы пока в гости к дельцам и не набиваемся. Вот если что-то заинтересует, тогда и с владельцами встретимся, там и письма пригодятся...

Попандопуло молчал всю дорогу до первого пункта нашего сегодняшнего путешествия, конторы финской компании «Оутокумпу», медные производства которой так нахваливал Горбунов, но когда мы покинули обитель горячих финских парней и вышли из небольшого особнячка на острове Сальте, Леопольд, наконец, заговорил, и слова его повергли меня в небольшой ступор.

— А что ж вы, Виталий Родионович, и на составленный мною список надобных станков не взглянули? — небрежно поинтересовался Попандопуло, забираясь следом за мной в нанятую коляску.

— Хм... Леопольд Юрьевич, а вы уже его составили? — придя в себя, выдавил я. Ну да, у нас еще толком сам автомобиль не додуман, а один скоростной юноша уже и список оборудования накропать успел...

— А как же. — В голосе Попандопуло проскользнули возмущенные нотки. — Разумеется, он неполон, но для открытия первого этапа производства указанных мною станков будет вполне достаточно.

— Первого этапа? — Я непонимающе взглянул на Леопольда, и тот нахмурился.

— Виталий Родионович, вы же сами говорили о необходимости скорейшего начала выделки электромоторов. Вот мы с Высоковскими и план составили... Неужто вы его еще не прочли?

— Каюсь, Леопольд Юрьевич, со всеми этими происшествиями... — Я развел руками, припомнив, как еще по пути на Борнхольм Берг передал мне кипу бумаг, которую я так и не удосужился просмотреть.

— А... ну да. — Попандопуло смешался и, запунцовев, проговорил: — Это вы меня извините. Гордей Белозорич часто мне пеняет, что я в работе ничего вокруг себя не вижу. Вот, возьмите. Тут основное...

С этими словами Леопольд достал из-за отворота пиджака бумажник и, выудив из него несколько бережно сложенных листов бумаги, протянул их мне. Оказалось, что педантичный Попандопуло составил для себя тезисную выжимку из рожденного им с Высоковскими плана и не расставался с ней, таская в бумажнике вместе с небольшим блокнотом, куда он записывал все свои многочисленные идеи.

Вчитавшись в ровные, словно по линейке написанные строки, я удовлетворенно хмыкнул. Оказывается, предложенная мною в одной из бесед с нашими изобретателями идея, касающаяся организации производства, была ими принята и доработана. В результате уже сейчас мы могли заняться закупкой станков, на которых после некоторой хм-м... модернизации в скором времени можно будет начать производство электродвигателей. А следующим пунктом первого этапа шло оборудование цеха по производству «воздухонаполненного покрытия», иначе говоря, шинное производство. Следом за ним производство амортизаторов... Эх, а ведь с толком расписано...

Самое интересное, что наши высоколобые умники, создавая свой план, учли такую «неважную», по мнению большинства их коллег, вещь, как финансы. Введение в эксплуатацию каждого этапа позволяло открыть производство еще ДО сборки первого авто. А что, компактные электродвигатели для небольших производств, вместо локомотивов, мягкие амортизаторы для колясок, шины для них же, фонари, производство которых легко трансформируется в производство фар... и так далее.

Пролистав записи, я откинулся на обитую кожей спинку дивана и как никогда четко почувствовал, как же трясет на брусчатой мостовой коляску, пусть даже сама она поддрессорена, а диван под моим сидением тихо поскрипывает пружинами.

— Вот что, Леопольд Юрьевич, — я прихлопнул ладонью прочитанные листы. — Разворачиваемся и возвращаемся на «Варяг», почитаю ваш план. Если меня все устроит, то уже завтра навестим контору Ганзы.

— Банк? — удивился Попандопуло, но послушно ткнул извозчика кулаком в спину, и тот, выслушав короткую фразу, кивнув, потянул поводья.

— Именно. Свяжемся по телеграфу с князем, объясним, что к чему, и оформим для вас опцион. Владимир Стоянович сообщал, что государь одобрил кредитование завода, под залог наших электрических патентов и обязательство поставить в казну двадцать электромоторов в течение года, с момента открытия производства. Так что дело за малым...

— И на какую сумму? — любопытствовал Попандопуло, отчего я невольно поморщился.

— Пока немного. В пределах ста пятидесяти тысяч. — Вздыхнул я.

— А... да, невелик кредит. — Согласно кивнул Лепольд. Я недоуменно покосился на него.

— Сто пятьдесят тысяч это ваш опцион. Сам кредит — семьсот тысяч. — Попандопуло заперхал.

Глава 6

ПОВТОРЕНИЕ, МАТЬ УЧЕНИЯ...

На чтение составленного нашими умниками плана у меня ушло добрых три часа, но результат откровенно порадовал. Единственное, что вызывало у меня определенное и вполне обоснованное беспокойство, это то, что его составители ни в коей мере не являются экономистами... Впрочем, здесь этого племени пока и вовсе нет, что, правда, никак не мешает заводчикам развивать свои производства. Заводчикам, да... ну, у них хоть опыт есть, а у меня... а у меня есть князь Телепнев, между прочим. Вот ни на секунду не поверю, что у его сиятельства не найдется подходящего специалиста! А значит... Ладно. Все равно я планировал связаться с князем...

Честно говоря, глядя на кипу бумаг, составляющих результат работы наших ученых, я несколько приуныл. Чтоб отправить такую прорву информации, мне ря-

дом с корабельным телеграфом ночевать придется. Да и пользоваться защищенной «канцелярской» связью для решения вопросов бизнеса как-то... нехорошо, одним словом.

Впрочем, «поплакавшись» князю об этой проблеме, я получил вполне успокоительный ответ. Которым и поспешил воспользоваться.

— Вот что, Леопольд Юрьевич, с покупками придется немного подождать, — задумчиво проговорил я, входя в салон, где меня дожидался Попандопуло. — Но в банк мы все же поедem. Готовы?

Понурившийся было, услышав начало фразы, Леопольд воспрянул и, кивнув, устремился следом за мной.

Кивнув на ходу тренирующимся на палубе Тишиле и Лейфу, я скатился по трапу на причал. Как ни удивительно, Леопольд, уж на что не производящий впечатления тренированного человека, и не подумал отставать. Так что не прошло и пяти минут, как мы, поймав очередного извозчика, катили в ганзейскую контору.

Узкие высокие дома с забранными в мелкую решетку окнами проплывали мимо, а меж их красными черепичными крышами, как меж зубцами крепостных стен, виднелось безоблачное синее небо. Хорошо...

Мы почти миновали Бьоркхольмен, когда наш извозчик ткнул лопатообразной ладонью в сторону ничем не примечательного, на первый взгляд, здания, примостившегося на углу двух улиц, и, прогудев что-то о Ганзе, остановил коляску. Кажется, приехали.

Я подхватил сверток с копиями бумаг, приготовленных нашими философами, расплатился с извозчиком и выбрался из коляски следом за Леопольдом.

Тяжелые дубовые двери конторы распахнулись перед нами еще до того, как мы успели коснуться начищенных бронзовых ручек. Ну да, ментальные кон-

структы, вместо фотоэлементов. Я фыркнул, но не мог не признать, что ганзейцы умеют пускать пыль в глаза.

Оказавшись в небольшом приемном зале с длинной и высокой, забранной матовым стеклом стойкой, мы с Попандопуло переглянулись.

— Телеграф, — проговорил я, и Леопольд старательно закрутил головой. Секунда, и инженер кивает на скромную дверь в противоположном конце зала, над которой расположилась небольшая табличка... естественно, на свеоне. Нет, точно, нужно учить язык.

Кабинет телеграфного отдела встретил нас тишиной и еле слышным стрекотом, доносящимся откуда-то из-за перегородки, разделившей и без того небольшое помещение на две части.

— Добрый день, господа, располагайтесь. Чем могу вам помочь? — Лощеный молодой человек в деловом костюме, поднявшийся нам навстречу из-за массивного стола, безошибочно начав разговор на русском языке, указал нам с Леопольдом на гостевые кресла у окна.

Услышав клерка, Попандопуло выжидающе глянул на меня и, не проронив ни слова, устроился в одном из кресел.

— И вам доброго дня. Мы хотели бы арендовать телеграфную линию связи с Хольмградом. — Понимая, что просьба моя несколько необычна, я тем не менее сильно надеялся, что смогу уговорить здешних дельцов пойти навстречу. В конце концов, какой банкир упустит выгоду?

— Простите? — Невозмутимо-доброжелательное выражение лица клерка сменилось явным непониманием.

— Хм. Господин... — Я сделал паузу.

— Роствер... Герман Иммануилович, — спохватился клерк и, пригладив нервным жестом редкую бородку, коротко кивнул.

— Так вот, господин Роствер, повторюсь, мы желали бы арендовать ваш телеграф для связи с Хольмградом. Причем это не будет передача сведений в хольмское представительство Ганзы.

— Извините, но банковский телеграф не исполняет почтовых функций. — Нахмурился наш собеседник. — Исключение составляют лишь доверительные бумаги, касающиеся денежных операций наших вкладчиков.

— Верите ли, уважаемый Герман Иммануилович, я прекрасно осознаю всю необычность своей просьбы. И все же настоятельно прошу меня выслушать. — Я выложил на журнальный столик пакет с бумагами. — Здесь находятся документы, которые необходимо в ближайшее время передать моему компаньону. Доверить их обычной почте или почтовому же телеграфу я не могу, поскольку такое действие поставит крест на их конфиденциальности. Тогда как банковский телеграф и был создан для ее обеспечения. Вы же не будете с этим спорить? Естественно, оплачивать работу я буду по полной, банковской же, ставке. Если не ошибаюсь, это обойдется в сумму не менее сорока рублей ассигнациями. Кроме того, прошу иметь в виду. В случае своевременного получения документов моим компаньоном, к вечеру завтрашнего дня ваша контора получит распоряжение из Хольмграда на открытие казначейского счета... с шестизначным лимитом.

Глаза клерка округлились, после чего молодой человек, наверное, чтобы прийти в себя, вновь дернул свою кучую бородку, и, наконец, заговорил.

— Но помилуйте, даже если допустить, что наш отдел пойдет вам навстречу... в случае связи с не ганзейскими аппаратами, мы не сможем гарантировать полную конфиденциальность передаваемых сведений! Для этого необходимо, чтобы принимающая сторона обеспечила соответствующие условия.

— О, на этот счет можете не волноваться. Безопасность принимающей аппаратуры полностью лежит на моем компаньоне. — Я позволил себе короткую усмешку. Все-таки не зря князь озаботился альтернативными линиями связи, помимо официального телеграфного сообщения с Особой канцелярией, как раз на подобный случай. Нет, я не имею в виду, что канцелярская аппаратура не имеет должной степени защиты. Просто иногда на Владимира Стояновича накатывают приступы прямо-таки болезненной щепетильности, особенно при угрозе смещения частных интересов и служебных возможностей сотрудников нашего ведомства... Хм... Наверное, это что-то вроде обострения. Правда, от чего зависит периодичность таких «приступов», я пока не разобрался. Да и не только я. Половина канцелярии гадает, пытаясь отыскать закономерность, то опираясь на ход небесных светил, то на прогнозы погоды... а уж как разворачивается фантазия наших исследователей, особенно когда князь им в очередной раз по ушам ездит «за ненадлежащее использование имущества Особой канцелярии»...

Клерк задумчиво поглядел на нас с Леопольдом, еле заметно сморщился и вздохнул.

— Я постараюсь вам помочь, господа, но... Самому мне этот вопрос не решить. Вы не возражаете, если я приглашу для беседы директора конторы?

— Отнюдь. — Я покачал головой, и сотрудник конторы почти тут же исчез за перегородкой.

— Виталий Родионович, вы уверены, что это так уж необходимо? — поинтересовался Попандопуло.

— Разумеется, нет. — Я пожал плечами и, заметив недоуменный взгляд Леопольда, пояснил: — На самом деле я мог бы просто отправить князю просьбу без всяких пояснений, и завтра вы уже могли бы договариваться о поставках. Но... на мой взгляд, это было бы

невежливо по отношению к компаньону. Если бы он ограничивался лишь... хм, денежным и политическим содействием, такой подход был бы оправдан. Но за то время, что мы... хм-м... наслаждаемся путешествием, князь очень немало сделал для развития проекта. Например, он подобрал подходящий для начала производства участок земли и даже успел договориться о его аренде. Кроме того, не далее как несколько дней тому назад он успел договориться о строительстве, и сейчас одна из хольмградских архитектурных контор ведет разработку планов первичной застройки... В общем, я считаю, что он вправе знать подробности разработанного вами плана.

Ну не рассказывать же Леопольду свет Юрьевичу подробности моих недавних переговоров с князем, тем более что большая их часть хоть и касается нашего общего дела, но находится под грифом? Как всегда, его сиятельство решил убить двух зайцев одним выстрелом...

— Хм. Не могу спорить, — развел руками Попандопуло, но договорить не успел. В кабинет вошел Роствер, а следом за ним нарисовался седой благообразный господин, с таким добрым лицом, что моя рука автоматически скользнула под пиджак, проверить наличие верного сварскольда в кобуре... а заодно и бумажника в кармане.

В отличие от встретившего нас клерка, директор оказался природным свеем, что ничуть не мешало ему говорить на довольно чистом русском языке. Так что не прошло и четверти часа, как мы пришли к соглашению. Директор прекрасно понял перспективы моего предложения, а потому и не подумал упираться рогом, ссылаясь на инструкции, и мигом признал, что пользователь казенного счета, открытого в его конторе, разумеется, имеет те же права, что и обычные вкладчики. Что же

до небольшого расхождения во времени получения статуса и пользования правами им гарантированного, то это, право же, такие мелочи!

Ха, я думаю! Сто пятьдесят тысяч на пусть казенном, но счете в ЕГО конторе, с легкостью перекрывают предложенное мною небольшое отступление от банковских правил.

Нет, будь мы на Руси, я бы и заморачиваться не стал, у нас в любой серьезной стряпчей конторе можно найти так называемый «банковский телеграф», но мы не в Хольмграде, а международная связь у стряпчих невозможна. Пользоваться же услугами почтовых служб... Хм. Наверное, достаточно сказать, что о международной почтовой конвенции здесь слыхом не слыхивали. Учитывая же ту кашу, что заварилась вокруг фамилии Старицкий, сомнений в том, что моя переписка привлечет внимание властей, да и просто влиятельных людей Свеаланда, у меня практически нет. Паранойя? Пускай. Как говорится, если у вас паранойя, это еще не значит, что за вами никто не следит.

Конечно, такое «неофициальное» использование телеграфа тоже не гарантирует полной конфиденциальности, но... во-первых, банковскую копию телеграммы я просто заберу с собой, а во-вторых, это ганзейский банк, штаб-квартира которого находится в Хольмграде, а учредителями являются все сто Золотых Поясов... можно сказать, карманный банк «русских» ганзейцев. Есть еще пара причин, но, в отличие от приведенных, озвучивать их тому же Леопольду Юрьевичу, например, я не собираюсь. Владимир Стоянович настоятельно просили, ага...

Откладывать отсылку документов мы сочли совершенно ненужным, так что Попандопуло, получив от меня настоятельнейшую просьбу ни на секунду не отлучаться от аппарата, остался с Роствером контро-

лировать передачу сведений в Хольмград, а я, вручив Леопольду несколько ассигнаций для оплаты, отправился обратно на «Варяг».

Следующие три дня нам с Ладой пришлось посвящать Высоковским, точнее, составить им компанию в их визитах, которые Хельга и Берг расписали чуть ли не по минутам. За день мы умудрялись побывать в двух-трех домах, где Высоковские тут же заседали на хозяина или хозяйку со своими заумными философскими беседами, а мы с Ладой вынуждены были брать на себя общение с чадами и домочадцами.

Не могу сказать, что это было совсем уж невыносимо, но пару раз я ловил себя на мысли, что непрочь переломать кости какому-нибудь очередному двоюродному брату хозяина или слащавому племяннику хозяйки гостеприимного дома, что так и вились вокруг моей жены, расточая ей комплименты... да и судя по тому, как немеет от многочисленных щипков моя рука, и без того нервная Лада тоже изрядно ревновала к местным «красавицам», буквально расстреливавшим меня томными взглядами. У них что, перманентный недотрах, что ли?!

В общем, когда Высоковские, наконец, объявили, что с визитами к виднейшим философам Свеаланда покончено, мы с Ладой облегченно вздохнули, и я радостно объявил о скором продолжении круиза. Правда, капитан обломал мой порыв назначить выход в море на завтрашний день, но и два дня на сборы срок невеликий, потерпим. А потом... прощай, Карлскруна, с ее странно озабоченными жителями!

И снова шум волны за бортом, соленый ветер и... очередная долгая тренировка с Тишилой. Похоже, Бережной решил, что мы теперь поселимся на «Варяге», и воевать будем исключительно холодным оружием, беря на abordаж незадачливых купцов... Одно хорошо. Я не

единственный человек на яхте, кого Тихомир Храбрович взялся изматывать тренировками. Рядом со мной запыленно сопит Лейф, а чуть в стороне разрабатывает кисти рук наш юнга... точнее, малец, как принято здесь называть ему подобных. Шестнадцатилетний отпрыск Грубора, увидав во время стоянки в порту Карлскруны, как Тишила под орех разделявает Лейфа в очередном спарринге, загорелся идеей овладеть саблей. И ведь уговорил старого бретера... уломал-таки! Более того, умудрился уговорить и отца и самого Бережного об обучении у последнего, по возвращении яхты домой. Ну и флаг ему в руки.

Мои размышления прервал перезвон рынды, ничуть не похожий на очередные склянки. Скорее уж... тревога?

Переглянувшись с Тишилой и Лейфом, я отбросил в сторону тренировочный клинок и рванул на мостик. Брат Лады топал следом, явно на пару шагов опережая Тихомира. Что ж, значит, уборка инвентаря легла на плечи нашего мальчика... ладно, не в первый раз.

— Бажен Рагнарлович, что случилось? — остановившись у комингса перед распахнутой дверью, ведущей в рубку, спросил я. На что Белов только рыкнул и, махнув рукой, вновь внимательно уставился на панель навигацкого стола. Не обращая на нас никакого внимания, он довольно долго молчал, а потом просто-таки взорвался фонтаном коротких приказов. О! А вот и до нас очередь дошла.

— Лешко, какого дьявола посторонние на мостике?! Гони их в шею! — Рев тестя, раздавшийся в небольшом помещении, чуть не оглушил меня в прямом смысле этого слова. Я обернулся на стоявших за моей спиной Тихомира и Лейфа, но там уже было пусто.

— Извините, Виталий Родионович... — пробасил оказавшийся рядом со мной Лешко и виновато развел руками.

— Что стряслось? — Я послушно отодвинулся от двери, и моряк, выйдя за мной в узкий переход, аккуратно прикрыл ее за собой.

Лешко помялся, но, вздохнув, все-таки ответил:

— С полчаса тому у нас снова попутчик объявился. Я-то поначалу думал, что это купец какой, мало ли? Маршрут-то хоженный, торговый. Вот только он как повис у нас на хвосте, в трех милях, так и держится, словно привязанный... А тут еще эти блуждающие мины.

— Мины? — Ответом на мой вопрос послужили уже знакомые по началу нашего плавания звуки взрывов за кормой.

— Они, проклятые... — прислушавшись к грохоту, кивнул Лешко и продолжил говорить, как ни в чем ни бывало. — Думаю, этот, что у нас на хвосте, того и ждет, что мы на них напоремся. Да только не дождется, гнида. С нашей защитой мы мины раньше увидели, чем они проснуться успели. Уйдем.

— Хм... Какие интересные новости. А что за корабль к нам прицепился? — поинтересовался я.

— Того не знаю. Далековато для определения. — Развел руками Лешко и, услышав приглушенный закрытой дверью рев Белова, явственно поежился. — Вы извините, Виталий Родионович, но я должен идти. Капитан зовет.

Вот так. Снова — здорово. Нет, вернемся в Хольмград, я точно набью морду Рейн-Виленскому за эту подставу с титулом... Но прежде прежде я разберусь с той тварью, что никак не может успокоиться, и продолжает свои идиотские покушения...

Пока я предавался сладким мечтаниям, «Варяг» явно сбавил ход, а рокот тестя превратился в почти неразличимый из-за закрытой двери шум. Значит, Бажен Рагнарлович уже успокоился, или ситуация выровнялась, перестав быть критической... Вот теперь можно

и заглянуть в капитанскую «вотчину» без страха быть протянутым под килем, хм.

— Бажен Рагнарович...

— А, Виталий! Прости, что наорал. — Тесть обернулся на мой голос и, бросив косой взгляд на навигационный стол, удовлетворенно кивнул. — Сам знаешь, что тут у нас произошло. Вот, пока виляли так, чтоб мину в бок не словить, совсем извелся. Не для моего возраста такие приключения, совершенно точно говорю.

— Не приbedняйтесь, господин капитан. На яхте нет ни одного человека, кто бы поверил этим вашим вздохам. — Ухмыльнулся я, но тут же посерьезнел. — Что вы думаете по поводу очередного нашего спутника?

— Даже и не знаю, что сказать. — Развел руками тесть. — Идет за нами как по ниточке, но... на борту никаких маяков совершенно точно нет и быть не может. Чужие на стоянке к нам в гости не заглядывали, а портовые чиновники все время были у меня на глазах, так что и они не могли такую свинью нам подложить...

— На борту нет... — пробормотал я и, вспомнив недавнюю свою мысль о протяжке под килем, вздрогнул. — А снаружи?!

— Снаружи? — Удивленно воззрился на меня тесть.

— А почему нет? Присобачить маяк к корпусу, ниже ватерлинии, и всего делов... — Кивнул я.

— Та-ак. Этого нам еще не хватало, — пробормотал тесть, замерев на секунду. А потом встрепенулся и, зажав любимую трубку в зубах так, что я, кажется, услышал хруст чубука, вдруг рявкнул во весь голос: — Грубора ко мне, немедленно!

«Варяг» лег в дрейф, и спустя полчаса за борт перевалил один из матросов, наряженный в водолазный костюм, больше похожий на скафандр космонавта, если тот, вместо пластиков и прочих высокотехнологичных

материалов, собрать из бронзы и плотной, на совесть заговоренной от намокания кожи.

Медленно потекли минуты ожидания... Мы всей компанией собрались на палубе у борта, выглядывая нашего разведчика. И могу поклясться, никто из нас за все время, пока водолаз исследовал днище «Варяга», ни разу не отвел глаз от морских волн. Наконец, наш «Кусто» вынырнул на поверхность и усилием четырех матросов был вытянут на палубу.

Едва с водолаза свинтили тяжеленный шлем, как тот, вспотевший и покрасневшийся, тяжело вздохнул.

— Есть. Болтами привернули, аккурат к килю. По виду совсем новенькая, даже потемнеть не успела, точь-в-точь как та бандура, что мы перед Борнхольмом утопили... — наконец, проговорил матрос, и мы с тестем переглянулись.

— То-то я думал, отчего мины так странно шли... — промычал Белов-старший. — А они, оказывается, не на шум винтов наводились, а на этот маяк, чтоб его!!!

— Вот интересно, к чему такие сложности? — тихо проговорил я. — Не проще было сразу подрывной заряд всобачить... с таймером, например, или с детонацией по сигналу?

Капитан покосился на меня и, вынув треснувшую трубку изо рта, так же тихо ответил:

— Мощи заряда не хватит. Тут одного пороха не меньше полусотни килограмм понадобится, да еще механизм... такой заряд ни один ныряльщик не установит, а водолаз к кораблю незаметно не подберется...

— А-а, ну да, конечно. Это я не подумал. — Я растянул губы в фальшивой, даже на мой взгляд, улыбке, но тесть вроде бы не заметил. Черт! Совсем расслабился, мог бы и вспомнить, что здесь еще даже тротил не изобрели... так и садят снарядами с порохом. Хм, интересно,

а японцы уже шимозой свои боеприпасы снаряжают, или тоже пока так... по старинке?

Э-э, что-то меня не туда занесло. Лучше б пинка себе отвесил за то, что противодиверсионную службу на яхте не организовал. Нет, я, конечно, не великий спец по противодействию «ихтиандрам», но ведь основы-то помню! Даром, что ли, столько лет на службе по «коробкам» мотался?

— А, что? — Я встрепенулся, когда локоть Лады нежно заехал мне в бок.

— Я спрашиваю, что с маяком делать будем, Виталий? — повторил свой вопрос тесть, и я понял, что нахожусь под прицелами глаз всей нашей экспедиции. И главное, взгляды такие... оценивающие-выжидающие, что ли? Или предвкушающие? Не-не-не, никаких абордажей!

— Так, Бажен Рагнорович. — Я помотал головой. — Для начала, разумеется, снимем этот самый маяк. Потом топим его здесь же, укрываемся защитой...

— Идем чистить морды нашему спутнику, — прогудел Лейф, за что тут же схлопотал подзатыльник.

— Не перебивай, новик. — Погрозил сыну внушительным кулаком наш капитан.

— Именно. Никакого мордобития. — Согласно кивнул я. — Выбрасываем на море кучу хлама и тихо-тихо ждем. Телеграф на прием в широкополосном режиме, и слушаем эфир.

— Так мы что, так их и отпустим?! — Снова не выдержал Лейф и, получив еще один подзатыльник от отца, обиженно засопел.

— Посмотрим, новик. Посмотрим.

Как мы и предполагали, преследовавший нас корабль, оказавшийся яхтой лишь чуть больше «Варяга», покрутился на месте нашего предполагаемого кораблекрушения, его матросы даже выловили разбитую

шлюпку и пожертвованный Ладой раздолбанный комод из нашей каюты. Правда, остальной хлам так и остался в воде. Гринписа на них нет, негодяев. Сделав большой круг, видимо в поисках спасшихся, яхта взяла курс на запад и вскоре пропала не только из виду, но и с панели навигацкого стола. И только потом наш телеграф поймал передачу, на которую я уже и не смел надеяться. Схватив ленту, прежде чем за нее успел взяться наш радист, я пробежал по тексту взглядом, и губы сами собой разошлись в улыбке. Очень злой улыбке. Вот и все. Кончились игрушки-пострелушки.

ЧАСТЬ 5

Глава 1

ШУТ-ТОЧКИ, ПРИБАУТ-ТОЧКИ...

Как ни жаль, но придется нам сворачивать программу нашего круиза. Конечно, это вовсе не значит, что мы немедленно отправляемся в Конуград, вовсе нет. Но и о продолжении морской прогулки речь не идет. Я покрутил в руках телеграмму и, сунув ее в бумажник, довольно кивнул.

— Идем к нашему берегу, Бажен Рагнарович, — обернувшись к тестю, проговорил я. — Только так, чтоб ни один любопытный не увидел.

— Понял. — Белов окинул взглядом навигацкий стол и, затребовав к себе Лейфа, принялся готовить яхту к скрытому переходу.

На плечи новика легла обязанность по прокладке оптимального курса «Варяга», чему брат Лады был рад ничуть не меньше, чем абордажу.

Убедившись, что больше мне на мостике делать нечего... да и тесть уже начал недобро коситься на «постороннего», я потихоньку выбрался из вотчины капитана и отправился в салон, где мои спутники наверняка давно уже изнывают от любопытства.

Описание произошедшего не заняло много времени, зато обсуждение... Честно, через полчаса выслушивания буквально фонтанирующих идеями о причинах недавних событий друзей, я сбежал от них на балкон, пока моя бедная голова просто не взорвалась... А когда меня, наслаждающегося свежим бризом и терпкой папиросой, там нашел профессор Грац вместе с Хельгой, пришлось и вовсе ретироваться из салона.

Заперевшись в своей каюте, я уселся в кресло и, убедившись, что воцарившуюся тишину не нарушает даже тиканье часов, облегченно вздохнул. Ну вот, теперь можно и поразмыслить над дальнейшими планами... точнее, над их реализацией. А через полчаса мне пришлось оторвать свою задницу от удобного и мягкого кресла и возвращаться к тестю.

— Бажен Рагнорович... — Я окликнул нашего капитана, сосредоточенно следящего за пыхтящим над навигацким столом Лейфом.

— Да, Виталий? — Тесть отвлекся от созерцания труда своего сына и, глянув в мою сторону, прищурился от дыма, пыхнувшего над неизменной трубкой. Ну прямо Иосиф Виссарионыч, ага...

— Вопрос у меня имеется, Бажен Рагнорович. — Вздохнул я, перешагивая комингс. — Как думаете, найдется на нашем берегу спокойное местечко, чтоб можно было спрятать «Варяга», да и до какого-нибудь города добраться без помех?

— Хм... — Тесть переглянулся со стоящим у штурвала Лешко и попытался спрятать ухмылку. — Так ведь это смотря для какой цели.

— Вот только не говорите мне, уважаемый капитан, что в буйно-ушкуйном прошлом вам такие захоронки были без надобности.

— М-да. — Тесть крикнул и, вновь переглянувшись с Лешко, махнул рукой. — Найдется, Виталий, найдется,

непременно. Но вы все же поведайте, для чего вам это место понадобилось?

— Вот скажите, Бажен Рагнорович, надо нам каждый божий день вот от таких подарков бегать, как эти мины? То-то. — Вздыхнул я, когда тесть покачал головой. — Я и подумал, что пора нам домой возвращаться, вот только открывать нашим недругам, что мы живы, понятное дело, не след. А уж какие у них силы имеются, мы уже имели счастье наблюдать, так что, боюсь, по прибытии в Ревель противники наши вполне могут о том провести.

— Думаете? — Тесть нахмурился, а я в ответ только кивнул в сторону закутка с телеграфом. Бажен Рагнорович понимающе хмыкнул. — Понимаю. Хотите потихоньку высадиться на берег, добраться до города, а там чугушкой в Хольмград?

— Почти так. Вот только думается мне, что лучше было бы большей части нашей компании вернуться домой, а Леопольд Юрьевич отправится дирижаблем в Свеаланд. Есть у нас там кое-какие дела, что обязательно решить надобно.

— А «Варяг», а команда? — хмуро поинтересовался Лейф, как оказалось, давно уже закончивший возиться с картами и теперь активно греющий уши.

— А яхта через седмицу-другую спокойно отправится в Конуград. Закроет там адрес и станет на прикол, — договорил за меня тесть.

— Именно, Бажен Рагнорович. Именно. Жаль только, Высоковские всех намеченных философов не навестили. Ну да ничего, нам и того, что есть, хватит, — подвел я итог.

— Ну что, Лешко, посидим, подумаем, где бы нам нашу красавицу до поры припрятать? — Повернулся к рулевому капитан и, выпустив роскошное кольцо дыма, хмыкнул. — Лейф, зови Грубора. Он в тех ме-

стах, почитай, каждый прибрежный валун знает. Покумекаем, вспомним бывшее... эх!

Поняв, что с местом стоянки «Варяга» эти морские волки и без меня разберутся, я развернулся и потопал на поиски Высоковских... С ними мне тоже надо было обговорить пару моментов. Да и про Леопольда Юрьевича забывать не стоит. Тут тоже найдется, что обсудить. А еще... Лада! О, это будет сложно...

Но я справился! И вот, спустя сутки, «Варяг» оказался у побережья. Отсюда до Ревеля не больше сорока миль, которые, как пообещал помощник нашего капитана, у нас есть все шансы проделать по суше во вполне удобном экипаже.

То, что сначала показалось мне небольшой бухтой, на деле оказалось устьем реки... со старательно углубленным руслом. Не иначе как Грубор в юности не только ушкуйным, но и контрабандным промыслом занимался. Впрочем, чего-то в этом роде я и ожидал, хоть и не надеялся на столь качественную захоронку.

«Варяг» поднялся вверх по руслу реки не больше чем на милю, но этого оказалось вполне достаточно. Вся наша компания удивленно наблюдала за открывшимся видом. А посмотреть было на что.

Здесь нас ждал самый настоящий порт. В лесу, на узенькой речке, какой-то ухарь поставил сразу два крана и выстроил пусть деревянную, но самую настоящую пристань! С размахом контрабандисты живут! Стоп. Контрабандисты!

Я пулей метнулся на мостик, где место рулевого сейчас занимал Грубор, очевидно, как единственный член экипажа, знающий здешний фарватер, и, даже толком не отдышавшись, попытался высказать присутствующему здесь же тестю свои подозрения.

— Ну, вы уж совсем-то за дурачков нас с Грубором не держите, Виталий, — прогудел Белов, кивая своему

помощнику. — Неужто мы бы сунулись сюда, коли б хоть какие-то сомнения имелись?

— И все же. Могу я поинтересоваться, откуда у вас такая уверенность, что здешний хозяин не выдаст нас недругам? — хмуро заметил я.

— Хм. — Грубор вздохнул и развел руками. — Так ведь если родному брату не верить, то и жить на этом свете незачем будет.

— Брату? — не понял я.

— Как есть брату. — Кивнул Грубор в сторону виднеющегося на взгорке огромного рубленого дома. — Вон его усадьба. Клетко — старший в семье, ему отец и передал управление нашим хозяйством, ну а я корабль принял. Это потом уж, как нашу «Ласточку» патруль данов на дно пустил, я в ушкуйники подался, а так наша фамилия, почитай, лет сто на этой речке дело правит.

— Дела-а... — Я еле удержался от того, чтобы почесать пятерней затылок. — Потомственные контрабандисты, надо же!

— Да ну! Какая там контрабанда... Так, ремонт корабля на скорую руку провести, груз поддержать, что не каждый склад примет... Опять же, свои грузы завсегда лучше поближе к дому держать, а не в том же Ревеле. Там, считай, что ни год, так пожар в портовых складах. Нет уж, что ни говорите, а дома-то оно поспокойней будет. И незаконного ничего в том нет. Хотя все лабазы обыщите, ни единого запрещенного гвоздя не найдете. Ручаюсь. — Грубор даже подбородок вскинул в праведном гневе.

— Ладно-ладно. Верю! — Я замахал руками. — Вот только... Грубор, а можешь меня со своим братом свести? Расспросить его хочу кое о чем.

Помощник перевел взгляд на Белова, но тот только плечами пожал, и Грубор вздохнул.

— Сделаем, Виталий Родионович. А сейчас... извините. Мне надо на причал. Сейчас Клетко людей пришлет, надо бы с ними объясниться. Так-то он уж знает, что мы здесь. Я еще с час назад его по телеграфу предупредил, но выйти все ж надо. Спокойствия ради.

— Конечно-конечно, Грубор. — Я посторонился, пропуская к выходу помощника Белова, и тот моментально усвистал на берег.

Братом Грубора оказался здоровенный детина, на полголовы выше своего младшего родственника. Учитывая, что тому же помощнику капитана я уступаю в росте примерно на столько же, а во мне, ни много ни мало, метр восемьдесят пять... Но и обозвать Клетко долговязым или каланчей у меня язык не повернется. Не с его габаритами. А учитывая физиономию отпетого душегуба, самым фееричным образом сочетающуюся с изящным пенсне в тонкой золотой оправе, удивительно ровно сидящем на явно не раз переломанном, хрящеватом носу... В общем, на редкость колоритный дядька... и хлебосольный.

Но вот, хоть режьте, помощничкам его, по-моему, куда сподручней в руках стволы держать, нежели в порту амбалить или дворников-садовников изображать. Но они старались... очень.

После обильной трапезы Грубор позвал меня в кабинет хозяина усадьбы.

— Виталий Родионович, брат сказал, что вы хотите о чем-то поговорить? Я — весь внимание, — тихим голосом проговорил Клетко, небрежно кивнув на кресло. Сам он с удобством расположился за широким столом, к которому это кресло и было приставлено... вроде как для посетителей.

— Хм. — Волевой братец у Грубора. Ну ладно, хозяин дома, как-никак. Я сел на предложенное место

и, окинув взглядом добротную обстановку комнаты, вынул из кармана портсигар. — Позвольте?

— Отчего же. Я и сам до табака охотник. — Клетко подался вперед и наклонился, подвигая поближе ко мне массивную пепельницу, уж больно стол широк, иначе ему было не дотянуться. Вот так.

— Благодарю. — Я кивнул, одновременно закуривая папиросу... И Клетко, получив в лицо вроде как случайный дымный заряд, откинувшись на спинку своего массивного троподобного кресла, вдруг рассыпался в тихом, но искреннем смехе.

— Уел, Виталий Родионыч. Как есть, уел. Ладно. Слушаю вас, — отсмеявшись, проговорил Клетко.

— Тут вот какое дело... Свей у Борнхольма задержали контрабандиста... — Я жестом остановил пытавшегося возмутиться хозяина кабинета. — Не стоит, Клетко Режеславич. Меня заинтересовал их груз. Вот хочу спросить у опытного человека, раз выпала такая оказия... насколько обычен такой товар для Варяжского моря.

— М-да уж. — Клетко покосился на устроившегося в углу комнаты на диванчике брата. Жаль, конечно, что мне не было видно его реакции, но хозяин дома явно ею удовлетворился. Потому что тут же задал вопрос: — И что же там был за груз?

— Оптика. Бинокли, стереотрубы. Счетные машины. Телеграфные кабели и полевые телефоны. Горные машины. — Я коротко перечислил примерный набор увиденного.

— Жирно. — Уважительно покачал головой Клетко и, потеряв ладонью чисто выбритый подбородок, вздохнул. — Вот только не контрабанда это. В смысле, не обычная контрабанда... Ни один нормальный х о д о к с военным грузом связываться не станет, если только он не самоубийца, конечно. Тут ведь одной каторгой

не отделаешься, ежели поймают, без всяких разговоров пеньковый галстук примерят.

— Военным? Откуда такая уверенность? Как-то не сочетаются горные машины с армией, нет?

— О, ошибаетесь, Виталий Родионович. При строительстве тех же оборонительных сооружений и долговременных артиллерийских позиций без таких машин не обойтись. Уж поверьте выпускнику Высшего инженерного училища. — Усмехнулся Клетко. Ни черта ж себе контрабандист!

— Вот так, так... — протянул я. — Ну, спасибо, Клетко Режеславич.

— Я помог вам в вашем вопросе? — с довольной улыбкой поинтересовался хозяин кабинета.

— Весьма. Вы дали мне пищу для размышлений. — Кивнул я.

— Что ж. Но, думаю, это стоит ответной благодарности? — Хитро прищурился Клетко, и я несколько напрягся.

— В допустимых пределах, почему бы и нет. — По размышлении, я кивнул.

— О, поверьте, ничего... хм... противоречащего законам Руси, — чуть замялся хозяин дома. Обтекаемо.

— Я вас внимательно слушаю.

— Видите ли... у меня есть некий артефакт, я над ним довольно долго работал и... мне бы хотелось его испытать, но для этого нужен корабль с открытым адресом.

Понятно. Еще один философ-изобретатель на мою голову. Правда, этот товарищ на диво практичен. Что, правда, не прибавляет мне желания отдать ему на растерзание «Варяг».

Честно рассказав Клетко о своих сомнениях, в ответ я получил целую лекцию, в ходе которой хозяин дома

попытался меня убедить в том, что даже при самом худшем исходе дела максимум, что может произойти, так это разрушение самого изобретенного Клетко артефакта. А при удачном исходе он клятвенно обещался привести все бумаги яхты в соответствующий фактическому положению дел вид.

— Знаете, даже интересно, получится у вас открыть трюмы «Варяга», не потревожив печати, или нет. Но мне кажется, что действие это, хоть и не запрещено Русской Правдой, все же...

— Не соответствует вашим представлениям о порядочности? — Приподнял бровь Клетко.

— Вы правильно поняли.

— А знаете ли вы, что таможенная служба Свеаланда предложила награду в размере трехсот тысяч крон тому, кто сможет обойти защиту адреса?

— Претендуете?

— Разумеется.

— Года через три-четыре? — Ухмыльнулся я.

— Ну, Виталий Родионович! Вам не все ли равно? Годом раньше, годом позже... — протянул Клетко, и я посерьезнел.

— Темните вы, Клетко Режеславич. Ой, темните. Уж скажите прямо, что вам нужно?

— Я отдам вам чертежи и схемы артефакта, но... мне нужен год.

— Год?

— Именно. Я должен быть уверен, что в течение этого времени Русь не передаст Свеаланду эти сведения без моего участия.

— Ох. Боюсь, подобные решения находятся вне моей компетенции. — Вздохнул я, поднимаясь с кресла. Дошел до окна, полюбовался открывающимся видом. Хмыкнул. — Впрочем, ладно. Возьму на себя такой грех... господин полковник.

Клетко крикнул, а Грубор гулко захохотал. Впрочем, он моментально осекся, когда я демонстративно спрятал в наплечную кобуру выскользнувший из рукава «барринс».

— И на чем же я погорел? — грустно поинтересовался Клетко.

— Если исключить общую бредовость темы беседы меж хозяином базы контрабандистов и служащим Особой канцелярии? — Я злорадно улыбнулся и, заметив, как мой собеседник развел руками, ответил: — Начнем с того, что в предоставленных мне Канцелярией сведениях о команде «Варяга» нет ни одного упоминания о наличии у нашего уважаемого Грубора старшего брата, тогда как вообще родственные связи наших матросов описаны довольно полно.

Грубор тяжело вздохнул, признавая свою вину, а я продолжил:

— Затем ваши люди. Нет, те, что работают в порту, ничем себя не выдали... да и дворник с садовником вполне могут тянуться во фрунт перед начальством, если допустить, что они ветераны и еще не забыли армейских привычек. Но отдавать воинское приветствие управляющему усадьбы, это уже перебор, не находите? Ну и... отсюда открывается замечательный вид на окрестности, аж до самого побережья. И особенно хорошо смотрятся вон те горушки. Не удивлюсь, если там обнаружатся те самые долговременные артиллерийские позиции, а? Ну, а если вспомнить вашу оговорку по поводу Высшего инженерного училища, да прикинуть возраст... В общем-то, все... А теперь серьезно. Что вам нужно от нашей компании, господин полковник?

— Ничего, ровным счетом ничего. — Пожал плечами тот, вытаскивая из лежащей на краю стола папки засургученный конверт из жесткой желтой бумаги. —

Собственно, ваше прибытие именно сюда было организовано для вручения вот этого пакета из секретариата государя.

Вот так. Я повернулся к Грубору.

— Надеюсь, у вас хватило ума не передавать информацию по телеграфу открытым способом.

— Виталий Родионыч, ну вы уж меня совсем за дурака держите. — Покачал головой тот. — Я передал-то всего одно кодовое слово в обычном сообщении.

— Вот как? И что же оно означало?

— Давление иностранных агентов, с опасностью для жизней членов экспедиции, — покосившись на полковника, проговорил Грубор.

— Поня-ятно. — Я повернулся к хозяину кабинета. — Благодарю за приятную беседу, Клетко Реже-славич, а сейчас нам пора собираться в Ревель. Вы же выделите нам несколько экипажей?

— Обязательно, Виталий Родионович, обязательно. — Поднимаясь с кресла, кивнул Клетко и вздохнул. — А все-таки жаль, что такая шутка сорвалась.

Ну да, не поиздевался над коллегой из конкурирующей конторы, день прошел зря. Я покачал головой и, распрощавшись с хитрымудренным полковником, отправился на «Варяг», где наша команда уже паковала вещи.

Учитывая, что Лада, как всегда, не допустила меня до этого священнодействия, у меня выдалось достаточно свободного времени, чтобы ознакомиться с переданным мне пакетом. И если свести все велеречивые обороты к минимуму, то перевод этого шедевра канцелярского эпистолярного стиля на русский язык поместится в одном предложении-приказе: Свернуть экспедицию и обеспечить прибытие Высоковских в Хольмград, в кратчайшие сроки, в целости и невредимости... Ладно. Приказано — сделаем.

Честно говоря, я и не думал, что при царящей в этом мире повсеместной неторопливости, мы так быстро справимся со сборами. Но факт остается фактом. Не прошло и двух часов, как вещи были уложены в кофры экипажей, а наша компания устроилась на их скрипучих диванах. И мы покатались.

В Ревель наша колонна въехала аккурат в тот момент, когда часы управы пробили полночь. Восемь часов в пути... И я еще называл диваны в экипаже удобными?! Как бы не так! Да на облучке кареты на Руяне и то было сидеть комфортнее, чем в этом жарком черном гробу на колесах...

Экипажи въехали во двор, огороженный высокой каменной стеной, и замерли на подъездной дорожке перед невысоким белокаменным двухэтажным особняком, опоясанным просторным гульбищем. Мы дружно покинули изрядно нагревшиеся за день кареты и принялись оглядываться по сторонам. Несколько фонарей, установленных во дворе, давали достаточно света, чтобы мы не натыкались друг на друга впотьмах, но совершенно недостаточно, чтобы как следует оглядеться и оценить место, куда нас доставили люди Клетко, по его же рекомендации.

Впрочем, долго топтаться на месте нам не пришлось. Один из возниц взбежал на высокое крыльцо особняка, и уже через пару минут вокруг нас вилось с десяток человек, помогающих втащить багаж в дом.

Шепелевская гостиница, в которой мы так удачно остановились, оказалась на удивление уютным местом. Небольшие, со вкусом обставленные номера, широкие веранды и маленький ресторан с постоянным струнным квартетом, допоздна играющим что-то ненавязчивое... симпатичный отель. И не скажешь, что владелец его на самом деле служит под началом знакомого нам полковника.

Билеты до Хольмграда нам удалось приобрести уже на следующее утро, но с отправлением на три дня позже.

Ерунда. На следующий день мы проводили Попандопуло, отправившегося обратно в Свеаланд, доделывать наши дела, а оставшегося времени нам с лихвой хватило на то, чтобы немного отдохнуть от морских приключений, привести себя в порядок, что бы ни имели в виду под этими словами Лада и Хельга, и вволю насладиться твердой почвой под ногами, вместо палубы.

Правда, женушка моя на меня обиделась за то, что я уделял ей мало времени в вечер второго дня нашего отдыха в Ревеле, а потому я был отправлен сначала в свой номер в гостинице, а затем и в свое купе в поезде. Ну, ничего страшного, иногда нужно давать женщине повод для выпуска пара, так что я просто старался не докучать ей во время пути в Хольмград, коротая время в беседах о дальнейших планах по строительству автомобиля с Бергом, чему он был рад, поскольку сестра его, из женской солидарности не иначе, присоединилась к Ладе, так что Грац и Тишила имели возможность повеселиться, наблюдая за нашей молчаливой ссорой. Но у них и своих тем для разговора хватало, так что они не вмешивались в происходящее... за что я им искренне благодарен.

Дорога до Хольмграда, в отличие от морской части нашего путешествия, оказалась на диво спокойной, если не сказать скучной. Хорошо еще, что заняла она всего два дня, так что нам не довелось совсем уж загнуться от ничегонеделанья. А по прибытии в столицу, стоило нам сойти с поезда, как Хельгу и Берга тут же взяли в оборот охранители Телепнева, к которым присоединилась и наша охрана. Им даже вещи забрать не позволили, сразу повезли на доклад в канцелярию. Беспокоится князь... ну да его можно понять. Главное, что нас с Ладой он тревожить не стал, дав время добраться до дома, привести себя в порядок, а уж потом можно будет и известить его сиятельство с собственным докладом...

А теперь домой!

Глава 2

БЕГОМ, БЕГОМ! ОТДЫХАТЬ БУДЕМ НА ПЕНСИИ... ЕСЛИ ДОЖИВЕМ

В канцелярию в день приезда я так и не выбрался, но, честно говоря, не испытывал по этому поводу никаких угрызений совести. В конце концов, если бы я вдруг срочно понадобился, то к нам в дом можно было отправить посыльного... да и телефон пока еще никто не отменял.

В общем, в приемную князя Телепнева я вошел лишь незадолго до полудня следующего дня, успев перед этим встретить прилетевшего из Свеаланда Попандопуло и хорошенько расспросить его перед визитом к начальству. Новости, кстати, были вполне себе замечательные. Леопольд Юрьевич, оказывается, не стал терять время на то, чтобы носиться по всем заинтересовавшим его производствам Свеаланда, словно укушенный. Нет, господин Попандопуло поступил проще... Пользуясь правом распоряжения опционом, он дал распоряжение ганзейской конторе на покупку целого перечня товаров через указанные им столичные представительства свеаландских заводов. Теоретически можно было устроить подобную закупку и из Хольмграда, да вот только без надлежащего контроля есть риск получить совсем не то, что требуется, а то и вовсе пролететь с ценой...

— Виталий Родионович! Рад, искренне рад видеть вас в добром здравии. — Вскочивший из-за стола ротмистр Толстоватый, бессменный секретарь и адъютант главы Особой канцелярии, широко улыбнулся, и я с удовольствием пожал руку приятеля.

— Взаимно, Вент Мирославич, взаимно. Что князь? Занят?

— Его сиятельство еще не приехал. Обещал быть к полудню. — Толстоватый бросил короткий взгляд

на напольные часы в углу приемной и уверенно кивнул. — Да, через четверть часа, не позже. А что, Виталий Родионович, расскажете о своем путешествии, пока Владимир Стоянович отсутствует? Хотя бы в общих чертах?

— Только за мзду, Вент Мирославич. — Улыбнулся я. Лицо Толстоватого на миг вытянулось, но почти тут же он улыбнулся.

— Кофий, чай... или коньяк? — поинтересовался ротмистр.

— Нет, нет. Коньяк это часа на три. А вот чашка крепкого кофию будет очень кстати. А то я толком и не уснул этой ночью, теперь вот в сон клонит. — Вдохнул я.

— Это после поезда... Все же почти трое суток под стук колес... Выматывает. — Понимающе кивнул Толстоватый.

— Ох, если бы так, Вент Мирославич, если бы так! Верите ли, так привык спать во время качки, что в нормальной постели сон уже и не идет. Всю ночь казалось, что чего-то не хватает. Извертелся, — посетовал я под смехок ротмистра.

— Надо же, и так, оказывается, бывает, — сочувствующе заметил Толстоватый, одновременно колдуя над джезвой.

Князь появился в приемной как раз в тот момент, когда мы с ротмистром приканчивали кофе. И, судя по официальному виду и количеству орденов, прибыл Владимир Стоянович отнюдь не из дома. Хм. Не рано-вато ли для деловых визитов?

— Сегодня день тезоименитства, — после обмена приветствиями заметил князь, отреагировав на брошенный мною удивленный взгляд. Только тут до меня дошло, что и Толстоватый красуется в парадной форме. Сыщик, называется... — Пройдемте в кабинет, господин

Старицкий. Вент Мирославич, голубчик, подайте нам кофий и... пожалуй, коньяк. Через полчаса.

— Сделаю, Владимир Стоянович. — Кивнул ротмистр, и я шагнул следом за князем в его кабинет.

Устроившись за своим столом, Телепнев помолчал, после чего оперся локтями на столешницу и, положив подбородок на сложенные ладони, воззрился, иначе не скажешь, на меня. Минута, другая...

— Князь? — Я приподнял бровь, демонстрируя недоумение, и Телепнев словно отмер.

— Вот скажите, Виталий Родионович, — медленно заговорил глава Особой канцелярии. — Это у вас развлечение такое?

— Не понимаю, ваше сиятельство, — честно ответил я.

— Нет. Это я не понимаю. — Откидываясь на спинку кресла, вздохнул Телепнев. — Почему с вами постоянно что-то приключается, а?

— Хм... Ну, в данном случае моей вины нет. Это же была ваша идея с возрождением рода Старицких. Неудивительно, что нашелся настоящий представитель этой фамилии, которому такой оборот совсем не понравился.

— М-да... — Князь задумчиво потер лоб ладонью. Как я его понимаю. И разнос хочется устроить, и... всей правды не скажешь. Бедный-бедный Владимир Стоянович. А вот не фиг было подставлять меня с этими титулами да фамилиями. — Так вы, действительно считаете, что в покушениях на вашу жизнь виновен исключительно этот господин... как его зовут, кстати?

— Роман Георгиевич. — Аккуратнее, надо аккуратнее, и эмоции контролировать, в обязательном порядке.

— Да-да... Роман Георгиевич... Странное имя для русского, не находите, Виталий Родионович? — побарабанив пальцами по столу, отрешенно проговорил князь.

— Неудивительно, ваше сиятельство. — Я пожал плечами, откровенно не понимая, к чему клонит Телепнев. — Он ведь родился не на Руси, соответственно и крещен был не по русскому обычаю, а скорее всего в греческой православной церкви...

— Да-да... — повторил князь все с тем же задумчивым видом. — А греки, к сожалению, находятся под влиянием Порты... Ох, ладно!

Телепнев встрепнулся и, искривив губы в слабой улыбке, махнул рукой куда-то в сторону.

— Оставим пока это, Виталий Родионович, лучше поведайте-ка мне, как прошла ваша поездка. Подробно, по событиям и действиям. Все-таки телеграфное общение это совсем не то, согласитесь?

— Вас устроит устный доклад?

— Вполне... А отчет предоставите на днях. Скажем, завтра? — Интонация вопросительная, но просьбой тут и не пахнет. Ладно. Партия сказала: «надо», комсомол ответил: «есть». Придется этим вечером засесть за печатную машинку. Вот, кстати... надо будет подумать над этим пыточным агрегатом. Ведь ни ошибку не исправить, ни фразу переиначить на ней не получается... Стоп. С этим потом. А сейчас... поехали, что ли?

Князь слушал мой рассказ не прерывая и не останавливая. Лишь раз мне пришлось ненадолго замолчать, когда в кабинет вошел ротмистр Толстоватый с подносом, на котором красовалась пара чашек кофе и два пузатых «тюльпана» с коньяком.

Впрочем, до окончания рассказа ни я, ни князь к алкоголю не притронулись, а вот кофе Вент Мирославич приносил еще трижды. Наконец, я закончил свое повествование и, опустошив принесенный специально для меня бокал с сельтерской водой, откинулся на спинку кресла для посетителей.

— Положительно, Виталий Родионович, вы прямо-таки готовый герой для авантурных романов, из тех, какими зачитываются мои внуки, — заключил князь. Я пожал плечами. А что тут скажешь? Помолчали. Взгляд Телепнева упал на забытые бокалы с коньяком, и он тяжело вздохнул. — А ведь у нас тоже есть новости. Свет уже третий день бурлит. Помнится, вы говорили, что Лада Баженовна дружна с маркизой Штауфен...

— Да, мы были представлены ей во время стоянки на Руяне. — Кивнул я.

— Передайте мои соболезнования супруге, — проронил князь.

— Маркиза?

— Скоропостижно скончалась в своем доме в Бреге, не далее как три дня назад. — Телепнев опрокинул в себя коньяк, и я автоматически последовал его примеру.

— Причины известны? — помолчав, спросил я.

— Апоплексический удар, Виталий Родионович. Она умерла во сне, — ответил князь.

— Да, Оттон Магнусович будет неутешен. Она была его хорошей знакомой. — Вздохнул я.

— Герцог — стойкий человек, уверен, он перенесет это несчастье. — Пожал плечами глава Особой канцелярии и уже совершенно другим тоном добавил: — Что ж, на этом, думаю, мы можем закончить, Виталий Родионович. Сегодня можете отдыхать, а завтра жду вас в присутствии, с докладом и... ваши подопечные совсем расслабились без присмотра. Надеюсь, вы сможете привести их в надлежащий вид.

— Приложу все усилия, Владимир Стоянович. — Поднявшись с кресла, я кивнул и направился к выходу.

— Да, Виталий Родионович, — окликнул меня князь, едва я взялся за дверную ручку. Пришлось притормозить. — Вряд ли боярин Шолка сподобится вас

поблагодарить, служащие зарубежной стражи такие невежи, знаете ли... Так я это за него сделаю.

— Ваше сиятельство? — не понял я.

— Контрабанда, которую с вашей помощью задержали у Борнхольма, должна была уйти на юг... через Венд и Чехию.

— На юг?

— В Румынию. Так уж совпало, что незадолго до вашего доклада наша комиссия, для которой, кстати, вы подбирали охрану незадолго до отъезда, обнаружила странное шевеление румынских бояр в районе Плоешти. Не могу сообщить всех подробностей, но присланный вами список оборудования, вкупе с кое-какими иными сведениями, позволили сделать вывод о подготовке у Плоешти настоящего плацдарма...

— Румынского? — протянул я.

— Виталий Родионович, я и так уже сообщил больше, чем следовало. — Нахмурился князь. — Жду вас завтра.

Вот так-так! Какие интересные новости... Есть о чем подумать.

— Всего хорошего, Владимир Стоянович. — Я поклонился и вышел.

Газеты, газеты. Русские и иностранные. Едва покинув канцелярию, я поймал извозчика и отправился на поиски информации. Конечно, вероятность того, что в открытых источниках найдутся все интересующие меня сведения, слишком мала, но она есть и упускать ее не стоит.

Затарившись целым ворохом «печатного слова» самых разных форматов и изданий, я вернулся домой и, раскланявшись на входе с сидящей в открытой коляске Заряной Святославной, явно отправляющейся куда-то по своим садоводческим делам, отправился прямым ходом в свой кабинет.

— Витушка, ты дома? — Голос Лады отвлек меня от просмотра двенадцатой по счету газеты.

— Давно. — Обнимая вошедшую в кабинет Ладу, проговорил я.

— Я тут жду его, все глаза проглядела, а он! — Отстранившись, девушка уперла руки в бока и смерила меня деланно-суровым взглядом.

— Прости, милая. Просто, начальство вывалило на меня такие новости, что... — повинулся я, указывая жене на стопку газет, возвышающуюся на столе.

— Поня-ятно, — протянула Лада. — Но, мне кажется, что работа подождет. В конце концов, я соскучилась. Сильно!

Возражать в таком вопросе? Я еще не настолько сошел с ума, чтобы своими руками развязывать гражданскую войну в собственном доме.

К просмотру прессы я смог вернуться только поздним вечером. Не могу сказать, что нашел там что-то выходящее из ряда вон, но чем больше газет я читал, тем больше крепла во мне уверенность, что кроме Порты и Руси на территории Румынии действует еще кто-то... и вполне возможно третьей стороной список участников не ограничивается.

Придя к такому выводу, я отложил в сторону последний прочитанный листок и, вздохнув, принялся за отчет, который и занял все мое время до самого утра.

Правда, перед тем как отправиться в присутствие, я решил нанести визит человеку, чья информированность иногда просто потрясает.

— Доброе утро, Заряна Святославна.

— А, Виталий Родионович! Доброе, доброе. — Покивала Смольянина, когда я появился на пороге ее кабинета. — Ну что, поведаете мне в подробностях о своем путешествии? Слышала, вам пришлось вернуться в Хольмград раньше, чем предполагалось?

— Можно и рассказать. — Следуя молчаливому предложению хозяйки дома, я присел на диван. Говорю же, осведомленность графини просто поразительна. — Никак вы уже и с Ладой пообщаться успели?

— Ну разумеется. — Снисходительно кивнула Смольянина.

— А с Мекленом Францевичем? — Улыбнулся я.

— Как раз вчера вечером беседовали. — Вдохнула хозяйка дома и тут же вернулась к интересующему ее предмету. — Виталий Родионович, не томите, рассказывайте все в подробностях. А я велю подать чай... с вашими любимыми медовиками.

— За такой подарок я расскажу вам всю мою жизнь, любезная Заряна Святославна.

Удивительно, но беседа со Смольяниной не затянулась надолго. Так что уже через час я смог ее расспросить об интересующих меня вопросах, в частности, о румынской кампании и слухах о смерти Эльзы-Матильды... Вот только, к моему сожалению, конкретной информации я здесь так и не получил... кроме того, что торговый дом Варбургов внезапно сократил поставки голштинского сырья для производств, принадлежащих Фридриху Гогенштауфену, герцогу Швабскому. Поговаривают, старый Варбург, после смерти маркизы, заимел зуб на ее семью. Не доверяет он рыжему герцогу, ох не доверяет.

А что там за производства, кстати говоря?

— Керосин, Виталий Родионович, светильная жидкость. Нет, не только он, конечно, но... это самая прибыльная часть заводов Фридриха. В Европе разве что очень богатые люди могут себе позволить иметь в доме накопители, а прочие вынуждены пользоваться различного рода техническими ухищрениями... И керосиновые лампы там в ходу повсеместно.

— Понятно... — протянул я, жалея, что у меня не было возможности хорошенько расспросить Эльзу-Ма-

тильду. Керосин... Я вздохнул и замер, не донеся до рта вкуснейшее медовое пирожное. Керосин! Керосин — нефть... нефть — Плоешти. Приехали.

Вот так... И здесь не обошлось без «черного золота». Черт, но как же все сложно-то, а! Думай, голова, думай!

— Виталий Родионович! — Смольянина дернула меня за рукав.

— А?

— Ну наконец-то, Виталий Родионович! Неужто медовики оказались столь вкусны, что вы потеряли разум? — Улыбнулась хозяйка дома и обернулась на звук приоткрывшейся двери. — Что тебе, Людмила?

— Телефон. Просят Виталия Родионовича, — тихо проговорила горничная, не переступая порога кабинета.

— Извините, дражайшая Заряна Святославна. — Я развел руками, поднимаясь с кресла.

— Понимаю, Виталий Родионович. Служба есть служба. — Кивнула Смольянина. — Ну что же, идите. Но вечером жду вас с супругой на ужин.

— Будем, обязательно будем, — ответил я, уже стоя у двери. И вздохнул. — Если, конечно, не произойдет что-то экстраординарное.

Как я и думал, звонил мне не кто иной, как князь Телепнев, вот только вместо ожидаемого вопроса о том, где носит его подчиненного, глава Особой канцелярии сухо уведомил меня, что ждет к часу в присутствии, непременно при параде. Пришлось возвращаться домой, чтобы переодеться. Впрочем, не могу сказать, что Ладе это не понравилось, особенно когда я заметил, что до времени визита у нас есть не меньше четырех часов. В результате в канцелярию я собирался в жуткой спешке, но прибыл в срок.

По крайней мере, увидав меня в приемной, Толстоватый бросил взгляд на часы и одобрительно хмыкнул,

после чего протянул тонкий платок и посоветовал привести себя в порядок, благо еще минут пять у меня есть.

Проскользнув в уборную, я взглянул в зеркало и, моментально поняв, чему так ухмылялся приятель, принялся ожесточенно оттирать след губной помады на щеке. А здешняя помада это такая штука, что без усилий не сотрешь.

В общем, в кабинет шефа я явился чистый, но с горящей алым цветом правой щекой, словно пощечину схлопотал. Правда, князь, похоже, даже не заметил этого моего конфуза и, коротко приказав следовать за ним, шагнул к выходу.

— А доклад? — спросил я.

— Отдайте Венту Мирославичу. — Глянув на папку в моих руках, мотнул головой Телепнев.

У дверей канцелярии нас уже ждал экипаж, который, стоило нам разместиться на диванах, рванул вперед так, будто лошадей кто-то накормил закисью азота.

— Виталий Родионович, надеюсь, ваши приключения не повлияли на подготовку к экзамену? — осведомился князь, когда наш экипаж выкатил на Словенскую набережную.

— Смею надеяться, что не повлияли. — Пожал я плечами.

— Замечательно. Честно говоря, не хотелось бы нарушать собственное слово и уговаривать экзаменаторов... — Вот тут до меня дошло, отчего князь был столь хмур и резок.

— Так мы... — начал я, и был тут же перебит скупым кивком собеседника.

— Именно. Мы направляемся в Аттестационный кабинет, где вы пройдете испытания на чин.

— С чего вдруг такая срочность? — подивился я.

— Сегодня эти испытания проходят выпускники Высших Государевых курсов. А вечером, в детинце

состоится принесение вассальной клятвы. Государь решил, что это лучший повод для вашей с ним встречи.

— Хм. А ничего, что, по идее, я должен бы проходить эти испытания лишь на исходе лета, а сейчас едва июнь закончился? — возмутился я.

— Отвечу вам словами государя. — Усмехнулся князь. — Ежели он, и в самом деле, столь умен и ретив, то два месяца будут лишь напрасной тратой времени... В одном государь прав. Выделять вас еще больше, чем это уже было проделано за прошедшее время, бессмысленно, и ничего, кроме еще одной головной боли и шепотков в обществе о незаслуженной протекции, вам не принесет.

— Ну да, а то, что я сдаю экзамен на чин, не окончив обучения и едва вернувшись из путешествия, это ничего? — пробурчал я, но Телепнев меня услышал и еле заметно усмехнулся.

— Так ведь всему свету известна ваша стремительность в делах и развлечениях, дражайший Виталий Родионович. Так что поохают, поохают, но примут. А вот отдельного испытания могут и не простить... Так как? Говорить мне с экзаменаторами?

— Идите к дьяволу, Владимир Стоянович! — Фыркнул я, мысленно удивляясь витиеватости, с которой князь пытался взять меня «на слабо». Хотя... Почему пытался? Взял уже.

— Что ж. Тогда я остановлю экипаж у здания Аттестационного кабинета, и удачи вам... князь Старицкий. — На этот раз улыбка у Телепнева получилась куда более искренней, да и настроение, кажется, уверенно поползло вверх.

Карета действительно остановилась у высокого особняка лишь для того, чтобы высадить меня у широких и крепких дверей, после чего извозчик хлестнул лошадей, и те, только что не встав на дыбы, рванули

экипаж, увозя шефа куда-то по его шефским делам. Ну и ладно.

Я огляделся по сторонам и, поднявшись на высокое крыльцо, решительно потянул на себя тяжелое медное кольцо, заменяющее дверную ручку. Мощные железные петли тихо, почти неслышно скрипнули, и я оказался в самом настоящем людском муравейнике. Кажется, такого столпотворения я не видел еще с «того света».

Отыскать в этом сумбуре место, где проходят испытания, оказалось довольно легко. Я просто открыл первую попавшуюся дверь и, не дожидаясь, пока все сидящие за конторками клерки скрестят на мне взгляды, обратился к стоящему у огромного шкафа детинушке, на телесах которого вицмундир восьмого класса только что по швам не трещал.

Поначалу, недовольный тем, что его отвлекли, дя-дечка скривился, но заметив нашейный знак ордена, подобрался и заговорил довольно любезным тоном.

Получив у него нужную информацию, я вежливо... очень вежливо поблагодарил чиновника и отправился на третий этаж особняка, где уже собралось порядочное количество людей, явно ожидающих своей очереди перед высокими двойными дверями, ведущими в аудиторию, где заседала аттестационная комиссия.

Честное слово, если бы не возраст большинства присутствующих, а у некоторых возраст уже основательно проредил шевелюру или побил ее серебром, я бы решил, что оказался среди обычных студентов, ожидающих экзамена. Нет, здесь никто не листал судорожно конспекты, не бросался к выходящим из аудитории, забрасывая их вопросами: «ну что?» и «ну как?», но вот ощущения... да... та же тревога и сосредоточенность во взглядах, нервные движения и отрешенность. Хм. Вот не думал, что когда-то еще придется окунуться в экзаменационные треволнения...

— Старицкий, Виталий Родионович, — представился я, оказавшись в аудитории перед длинным столом, за которым устроилось аж пятеро экзаменаторов. Сидящий передо мной мужчина, что-то писавший в журнале, поднял голову, и я улыбнулся. — Добрый день, Боримир Вентович!

Советник Сакулов вздрогнул и еле слышно застоялся. М-да, чую, это будет весёлый экзамен...

Глава 3

МЕЖДУ СТРУЙКАМИ, МЕЖДУ СТРУЙКАМИ...

В толпе из добрых трех десятков чиновников, выдержавших сегодня испытания на чин надворного советника и, соответственно, претендующих на личное дворянство, я ждал своей очереди и рассеянно оглядывал приемную. Кстати, к моему удивлению, далеко не все экзаменовавшиеся сегодня были приглашены в детинец для принесения вассальной клятвы. Уж не знаю, с чем это связано, но... по размышлению, я вынужден был признать, что если бы личного дворянства удостоивался каждый без исключения чиновник, достигший седьмого класса, то через полвека пол-Руси будет фанфаронить, рассылая визитки с личным гербом. И пусть даже только десятая часть из них сможет впоследствии дать своему роду потомственное дворянство, такое увеличение привелигированного сословия может привести исключительно к взрыву, даже с учетом того, что в этом мире никому и в голову не пришло подписывать рескрипты «О вольности дворянской», и здешняя «элита» вся поголовно служит. А кто не желает — платит тягло... так называемый «боярский кошт», своеобразный налог. Но боярам, с их гонором, платить какие-либо налоги претит. Еще бы, ведь это уравнивает их с другими

сословиями. Вот они и идут на службу, дабы урону чести боярской не нанести, да... Что, правда, не избавляет их от денежных трат, поскольку, как я узнал у того же Толстоватого, все служилые бояре, чьи рода занесены в Бархатную книгу, отчисляют немалые суммы в организованное государем Военное общество, причем размеры отчислений зависят от величины принадлежащих им земель.

Пока я размышлял о хитроумии правителя, придумавшего этот щадящий боярское самолюбие способ отъема у них денег, рядом со мной нарисовался неприметный человечек в темно-синем вицмундире со скромным серебряным шитьем младшего кабинетского служащего и тихо попросил меня идти за ним.

Ожидавшие приема чиновники покосились в нашу сторону, но и только. Я кивнул и двинулся следом за секретарем. Миновав несколько извилистых коридоров, мы спустились по лестнице на пару пролетов вниз и, пройдя по открытой галерее, оказались у довольно невзрачной двери, за которой, как оказалось, меня уже ждал секретарь Государева кабинета, Эдмунд Станиславич Рейн-Виленский, так поразивший меня при нашем знакомстве своим сходством со знаменитым Железным Феликсом... Да и здешняя ипостась Дзержинского тоже была не так проста... Чуть ли не второе лицо в государстве, между прочим.

— Добрый вечер, Виталий Родионович, — тихим, невыразительным голосом проговорил человек, из-за интриг которого меня против моей воли сделали самым настоящим самозванцем.

— И вам того же, Эдмунд Станиславич, — отвесив короткий поклон, отозвался я, демонстративно не обращая внимания на предложенное тайным советником кресло. — Чем обязан?

Рейн-Виленский вздохнул и, потерев острую бородку, покачал головой.

— Полно вам, Виталий Родионович. Садитесь, нам нужно поговорить. — Несмотря на мягкость тона, в темных глазах моего собеседника явственно мелькнул стальной блеск, и я решил попридержать коней. Ссориться со вторым лицом в государстве мне сейчас не с руки, так что... Устроившись в предложенном кресле, я воззрился на своего визави. Помолчали.

— Внимательно вас слушаю, Эдмунд Станиславич, — я решил прервать воцарившуюся в этой маленькой, но уютной гостиной, тишину.

— Хм. Что ж, начнем, пожалуй, с истории вашего путешествия по Варяжскому морю. Поведаете мне о своих приключениях? А то отчеты это все-таки немного не то. Послушать живого человека всегда намного приятнее, не находите? — Неожиданно усмехнулся Рейн-Виленский.

— Отчего же? — Я пожал плечами. — Сухие строчки действительно куда скучнее, чем повествование участника событий. Извольте...

Рассказ о наших приключениях на море и суше занял у меня больше часа. А Эдмунд Станиславич оказался замечательным слушателем. Он ни разу меня не перебил, хотя я замечал, что время от времени лежащее на столике перо вдруг подскакивало и начинало что-то строчить на подложенном листе бумаги. Очевидно, вопросы по теме, так сказать.

Мои подозрения оправдались. Стоило только завершить рассказ и смочить пересохшее горло принесенным все тем же служащим яблочным соком, как из Рейн-Виленского посыпались вопросы, а через минуту к нему присоединился еще один голос, обладатель которого, выйдя из-за моей спины, заставил меня подпрыгнуть на месте.

— Государь. — Вылетев из кресла, я поклонился, на что Ингварь Святославич ответил коротким кивком.

— Садитесь, господин Старицкий, садитесь. У нас будет долгая беседа... — проговорил великий князь, и я послушно вернулся в кресло... естественно, дождавшись, пока потомок Рюрика и Гостомысла устроится в своем, чуть в стороне от Рейн-Виленского.

И снова вопросы, ответы, вопросы, вопросы... В какой-то момент мой взгляд расфокусировался и сознание поплыло, словно кто-то вколол мне средство из «особой» аптечки. Впрочем, это неважно, а важны только вопросы, на которые я должен отвечать... честно, правдиво... точно... точно. Это неправильно. Не важно... Важна только правда... честно... точно... Почему? Нет, это не мои мысли... я должен... должен...

— Вы желали смерти маркизе Штауфен? — Тон государя взлетает до отвратительного визга, а лицо искажается, словно отражение в кривом зеркале.

— Да.

— Вы убили маркизу Штауфен? — На миг мне показалось, что крутящийся в ладони тайного советника медальон сбился с ритма...

— Н-н-нет. — Почему?! почему?! Правду, я должен говорить только правду... честно... точно... да. Должен... говорить...

— Вы нанимали людей для убийства маркизы Штауфен? — Голос Рейн-Виленского, наоборот, уходит в глубокий, пробирающий до костей бас, вибрирует... «плывет», но я его понял. Нанимать людей для убийства этой суки? Нет, конечно. Зачем? Нет.

— Государь, вы слышали ответ. Он этого не делал, хотя явно за что-то сильно не любит Эльзу. Сопrotивляться такому воздействию невозможно, тем более что укрыться в «хрустальной сфере» он не успел... чистый

гипноз... — Голос этого... Дзержинского, да... голос отдалился, стал тише...

— Понимаю, но... давайте еще раз попробуем... — Лицо Рюриковича стало огромным, оказавшись у самых моих глаз. Рука требовательно сжала мое плечо... — Вы просили или приказывали кому-либо убить маркизу Штауфен?

Да что они привязались ко мне с этой дрянью?!

— Нет.

— Вы платили кому-либо за ее смерть?

— Нет.

— Вы обещали кому-нибудь что-либо за смерть маркизы Штауфен?

— Н-нет. — Голоса отдаляются, и картинка перед глазами темнеет, словно наступает ночь...

— В госпиталь. — Голос государя окончательно уплыл.

Темнота обступает меня, и я проваливаюсь в ничто.

В себя я пришел рывком и, оглядевшись по сторонам, облегченно выдохнул. Сон, нет никаких джунглей и нет погони... а я? А, собственно, где это я?

Я недоуменно похлопал глазами, оглядывая незнакомую обстановку, а потом на меня словно асфальтовым катком накатили воспоминания о вчерашнем допросе, и я самым пошлым образом заржал, сжав зубами подушку, чтобы никто не услышал...

Успокоившись, я кое-как сполз с широкой койки и, обнаружив в дальнем углу неприметную узенькую дверь, отправился напрямик к ней, надеясь, что там расположен санузел, а не какой-нибудь гардероб.

Приняв душ и приведя себя в порядок, я обыскал палату и, обнаружив свои вещи в шкафу, быстро оделся. Найденные на полке бумаги, среди которых нашелся подтверждающий чин патент, рескрипт о присвоении личного дворянства и запечатанный государевой печат-

тью конверт, я аккуратно сложил и сунул во внутренний карман. После чего решил выглянуть из комнаты.

Без проблем миновав широкий коридор госпиталя с почему-то пустующей стойкой дежурного, я спустился по добротной каменной лестнице на первый этаж и, поймав первую же пробегавшую мимо меня сестру милосердия, попросил ее передать главному врачу, что господин Старицкий, то бишь я, уехал домой.

Хм. Происходи дело на «том свете», и так легко из госпиталя я бы не сбежал, но тут... воистину край непуганых идиотов!

Сестричка кивнула и исчезла, а я спокойно вышел из здания и, поймав извозчика, отправился домой, по пути размышляя над произошедшим. Черт! Да это было близко! Очень близко! Хорошо еще, что они поторопились с началом допроса. Дилетанты, что с них возьмешь... А ведь, еще чуть-чуть, и я бы слился...

Но сильны, гады... Помнится, штатный мозголом канцелярии, рассказывая о приемах своей работы, утверждал, что подобный уровень воздействия не под силу большинству его коллег. А тут... аж двое сразу. И все на бедного, несчастного меня.

А вообще, мне в пору гордиться! Все-таки даже не князь Телепнев допрашивал, а сам государь. Это вам не хухры-мухры... Вот только зачем? Можно же было отдать приказ Особой канцелярии и не мараться самому...

Коляска мерно катила по мостовой в сторону Неревского, а я углубился в чтение письма, явно написанного рукой государя-следователя. В нем нашелся и ответ на мой вопрос. Начиналось письмо с кратких и формальных извинений, а заканчивалось довольно искренним признанием в том, что идея допросить меня неофициально принадлежала не кому иному, как самому великому князю. Причины же столь странного порыва он обозначил довольно скупо. Но мне этого

хватило, чтобы понять: если верить Ингварю Святославичу, то он откровенно опасался того, что даже если я признаюсь на допросе в Особой канцелярии в совершенном убийстве, Телепнев, на пару с Рейн-Виленским, скроют этот факт из желания продолжить игру с участием «возрожденного Старицкого». Теперь же государь не сомневается в моей непричастности к смерти несчастной... кузины?! и искренне поздравляет с чином надворного советника и званием личного дворянина. Охренеть. И почему в Готском альманахе об этом нет ни слова?!

Чувствуя, как закипает моя несчастная голова, я свернул письмо и, запихнув его обратно в карман, поторопил извозчика. Лошади прибавили ходу, в разгоряченное лицо ударил легкий ветерок, и спустя десять минут я оказался у усадьбы Смольяниной.

Лада встретила меня в холле нашего флигеля, бледная и осунувшаяся, с темными тенями, залегшими под покрасневшими от слез глазами. Она не произнесла ни слова, просто обхватила руками за шею и, до боли вжавшись в меня, тихо всхлипнула. И мне ничего не оставалось, кроме как обнять ее в ответ и тихонько шептать на ухо всякие глупости. Я не знаю, сколько мы простояли так в обнимку в прихожей, но когда жена, наконец, отстранилась, шея у меня уже почти ничего не чувствовала... И целый день Лада ходила за мной по дому таким молчаливым хвостиком, и лишь поздно вечером жену словно прорвало. За прошедшие трое суток моего отсутствия она чуть не сошла с ума. Сначала я не вернулся из канцелярии к назначенному сроку. Следующим утром Телепнев сообщил ей, что меня задержали в детинце, и когда я приеду домой, неизвестно. А появившийся к вечеру офицер из личного конвоя государя и вовсе перепугал Ладку заявлением, что я нахожусь на излечении после допроса. В просьбе

указать, где именно меня лечат, офицер отказал, прикрывшись приказом. В посещении «больного» Ладе было отказано.

Спасибо Заряне Святославне, удержала женушку от глупостей... Кто бы теперь меня удержал?

Когда мы, наконец, выбрались из спальни, за окнами уже воцарился вечер. Эх, жаль, что Лейф остался с отцом на «Варяге», сейчас наверняка уже что-нибудь вкусненькое приготовил. Желудок сочувственно заурчал, и услышавшая этот звук, Лада улыбнулась.

— Идем, что-нибудь найдем на кухне... да и я еще не забыла, с какой стороны к плите подходить.

— Э-э, нет. Раз уж стряпня Лейфа нам в ближайшее время не светит, его место займу я. Поможешь мне разобраться, что там где лежит?

— Хм, ты уверен, что это будет... безопасно? — невинно поинтересовалась Лада.

— Сама увидишь. Идем на кухню?

Ничто так не успокаивает, как хорошая стряпня... И тут есть два варианта: приготовление и собственно употребление. Вот я и решил, что двойная доза успокоительного мне не повредит.

Дверной звонок задребезжал как раз в тот момент, когда мы с Ладой уютно устроились за накрытым столом прямо на кухне. Покосившись на аппетитное жаркое по-суздальски и отставив в сторону рюмку с прозрачным аперитивом, я вздохнул и, поднявшись из-за стола, пошел открывать дверь. Лада проводила меня взглядом загнанной лани и... дождавшись, пока я скроюсь за поворотом коридора, на цыпочках двинулась следом за мной. Смешная!

— Эдмунд Станиславич? Какая неожиданность... — Я кивнул стоящему на пороге тайному советнику и повел рукой, приглашая его войти. — Не стойте на пороге, проходите.

— Благодарю, Виталий Родионович. — Рейн-Виленский махнул рукой сопровождавшему его адъютанту, и тот, уже было собравшийся проскользнуть в дом следом за шефом, резко затормозил и замер на крыльце. Понятно. Беседа предполагается конфиденциальная.

Секретарь снял «котелок» и, бросив в него белоснежные перчатки, положил шляпу на консоль.

— Пройдемте в гостиную, Эдмунд Станиславич. — Я проводил своего визави в комнату и, предложив ему кресло, устроился на диване, напротив. После чего молча воззрился на гостя.

— Хм, понимаю ваше негодование, Виталий Родионович, но позвольте мне объясниться, — заговорил, наконец, Рейн-Виленский, поняв, что я не собираюсь начинать беседу первым.

— Внимательно вас слушаю, ваше высокопревосходительство.

— М-да. Ну что же... Итак, да... — Эдмунд Станиславич откашлялся. — Как вам несомненно известно, буквально несколько дней назад преставилась маркиза Эльза-Матильда Штауфен, дочь герцога Швабского... Насколько я знаю, вы были представлены ей?

— В Бреге. — Кивнул я.

— Да, конечно... Знаете, смерть в таком возрасте это всегда трагедия, но в данном случае положение отягчается тем, что не все... не все верят в ее естественность. Особенно, учитывая, что той же ночью скончались и двое ее доверенных лиц... и тоже естественной смертью. Если про угоревших пьяных можно так сказать. Впрочем, я не с того начал, — прервав самого себя, Рейн-Виленский на мгновение умолк и тут же заговорил снова: — Несколько лет назад, еще до начала румынской кампании, герцог обратил свое внимание на нефтяные поля Плоешти, что могли поставить ему

необходимое сырье для производств в обход дома Варбургов, до сих пор являющихся монополистами в этой области. Им принадлежат разведанные месторождения в Шлезвиг-Голштейне, Италии и Галлийских Портах. Естественно, Варбурги не захотели терять монополию, а тут так удачно начались волнения среди румынских бояр. Торговый дом с удовольствием влез в эту свару, Гогенштауфен расสวิрепел и, надавив на германского императора, довольно серьезно прищемил хвост своему датскому противнику. Те же, в ответ, сократили поставки нефти для его заводов. Герцог повез сырье из Баку... Война между Гогенштауфеном и домом Варбургов шла с переменным успехом до тех пор, пока не появились вы. Уж не знаю, какие такие планы герцог связывал с родом Старицких, но ваш выход на сцену заставил его форсировать события. В Засснице внезапно погибает некий Георг-Теодор Ольдер, владелец маленького банка, сотрудничавшего с домом Варбургов, следом за ним не выдерживает сердце у его супруги Марии, в девичестве Воротынской...

— Зачем вы рассказываете мне об этом, Эдмунд Станиславич? — не выдержал я.

— Потерпите, Виталий Родионович, потерпите. — Покачал головой тайный советник. — Дом Варбургов берет под свою опеку единственного сына Ольдеров... которого почему-то зовут отнюдь не на германский манер Романом Георгиевичем...

Услышав имя этого... кол-лобка, чтоб его, я вздрогнул.

— Вы поняли, да? Георг-Теодор Ольдер в юности, скорее всего, носил совсем другое имя и имел непосредственное отношение к «исчезнувшему» роду Старицких. Как выяснила недавно наша зарубежная стража, деньги на создание банка он заработал во время сорокалетней смуты на Балканах и уже оттуда переехал на

север Германии. Так вот, Роман Георгиевич развивает бурную деятельность, вовсю вставляя палки в колеса Гогенштауфену. Он курирует снабжение партизанского движения в Румынии, догадываетесь, где именно? Бояре, лояльные герцогу, мрут как мухи, один за одним... пока... пока некто не сообщает Роману свет Георгиевичу о том, что в Варяжское море скоро должна выйти яхта, на борту которой будет находиться «самозванец». Тот бросает все и мчится на север. Дальнейшая его история вам известна.

— Допустим. Но я так и не понял, что именно вы от меня хотите, — заключил я.

— Скажите, вам ведь известно, кто именно направлял действия вашего «родственника»? — Прищурился Рейн-Виленский, уходя от ответа. Я усмехнулся.

— Разумеется.

— И кто?

— Эльза-Матильда, маркиза Штауфен. — Мой собеседник дернулся, словно пощечину схлопотал.

— Но... вы не ошибаетесь? — Рейн-Виленский буквально впился в меня взглядом.

— Нет. Маркиза старательно замазывала своего конфиденнта в криминале, но при этом не менее старательно ограждала его от реальных встреч с законом. Проще говоря, вытаскивала его из всех передраг.

— Доказательства? — железным тоном потребовал мой собеседник.

— Ну что вы, откуда им у меня взяться? — Я елико возможно искренне развел руками. — Впрочем... Вам же докладывали о людях, что подозреваются в смерти некоего Раздорина? Так вот, могу вас уверить, что именно они принесли мне приглашение маркизы на вечер в ее доме. И именно их я видел в камере по соседству с узилищем Романа Георгиевича, откуда он то ли бежал, то ли был похищен...

— И схвачен три дня назад в Свеаланде. Суд над ним состоится через две недели, — со вздохом договорил Рейн-Виленский. — Чем же она его купила?

— Обещанием невозможного. — Пожал плечами я. — Возвращением Зееланда под власть Старицких.

— Это же бред! — Вскинулся мой собеседник.

— Рад, что вы разделяете мою точку зрения, ваше высокопревосходительство.

— Но опять-таки подтвердить свои слова вы не можете.

— Ну почему же? — Я сделал вид, что задумался и, улыбнувшись, щелкнул пальцами. Выпендрож, конечно, но мне нравится. Миг, и в мою руку влетел небольшой пенал, открыв который, я вытащил длинный рулончик бумаги и зачитал, вслух, с выражением: — *Милая Матти! Сегодня странный день. Не далее, как несколько часов назад мы слышали далекий грохот, похожий на гром, но на небе не было ни облачка. А вот недавно, буквально и четверти часа еще не прошло, наши матросы вытащили на борт обломки. Представь мое удивление и ужас, когда я прочел название корабля, выбитое на медной бирке куска какой-то мебели: «Варяг»! Та самая яхта, которой ты так восхищалась в своем последнем письме... Как страшен рок, милая моя Матти! Вот еще совсем недавно гордый корабль рассекал волны и неся, словно птица в дальние страны, миг и он идет ко дну... Спасшихся не было. Капитан велел служить молебн, и мы стояли на палубе с непокрытыми головами, пока капеллан читал отходную. Матти, любезная моя, скучаю по тебе, надеюсь, что следующая наша встреча произойдет как можно скорее, и мы вместе отправимся домой, на прекрасный Зееланд.*

— Вот так, Эдмунд Станиславич. Эта телеграмма была отправлена с преследовавшего мою яхту корабля, после того как он обыскал примерный район нашего

«затопления» от попаданий блуждающих мин. Хорошо еще, что у нас имелась серьезная защита. А то ведь, действительно, утопнуть могли. — Я аккуратно свернул бумажную ленту в рулончик и вновь спрятал ее в пенале. На память.

— Хм. Я бы на их месте воспользовался более серьезным шифром. Впрочем... нет, это бы всполошило все военные стоянки и пограничные патрули... Занятно... да... но зачем ей такие сложности?

Я пожал плечами, а Рейн-Виленский продолжил бормотание.

— М-да, это, конечно, доказательство хлипкое...

— Я не суд. Мне хватило. — Мне откровенно надоело общаться с этим человеком, а потому ответ прозвучал довольно грубо.

Тайный советник бросил в мою сторону короткий, внимательно-острый взгляд, но тут же вздохнул.

— Извините, Виталий Родионович, засиделся я у вас, а ведь пришел только на несколько минут, извиниться за произошедшее... Государь уж очень расстроился. Эльза-Матильда для него... впрочем, это уже неважно. Еще раз прошу прощения, Виталий Родионович, — поднимаясь с кресла, проговорил Рейн-Виленский, и я чуть было не выдохнул облегченно. Но удержал лицо и проводил гостя к выходу, по пути уверяя, что я вовсе не держу зла ни на самого Эдмунда Станиславича, ни тем более на своего сюзерена.

Мы тепло попрощались, и Рейн-Виленский шагнул за порог, где его стойким солдатиком дожидался адъютант. Я уж было начал закрывать дверь, когда секретарь Государева кабинета вдруг обернулся и, показательно блеснув знакомым медальоном в ладони, усмехнулся.

— Не суд, да?.. Знаете, вы страшный человек, господин надворный советник, — проговорил Рейн-

Виленский, явно желая оставить за собой последнее слово и чуть-чуть меня «взбодрить». Ну-ну...

— У китайцев есть поговорка: Ухватить тигра за хвост — страшно, но страшнее этот хвост отпустить.

— Это вы к чему, Виталий Родионович? — Уже спускающийся по ступеням крыльца, тайный советник резко замер... на полушаге, что называется.

— Я не тигр, но тот, кто схватит меня за хвост, бояться будет недолго... до смерти, — пояснил я. Рейн-Виленский смерил меня долгим взглядом, после чего вдруг широко, искренне улыбнулся и, усевшись в экипаж, укатил, так и не проронив ни слова. Надеюсь, мы с ним друг друга поняли.

Глава 4

ДОМ, ЛЮБИМЫЙ ДОМ...

Закрыв дверь за тайным советником, я привалился к ней спиной и, прикрыв глаза, тяжело вздохнул. Ничего так беседа получилась, особенно под конец. Он показал, кому я должен быть на самом деле благодарен за не сразу сработавшее внушение, а я в ответ... М-да. Самоубийца? Не знаю, время покажет. Но что-то мне подсказывает, что Рейн-Виленский был доволен моей реакцией... если я, конечно, не принимаю желаемое за действительное.

— Витушка, мы можем поговорить? — Голос Лады, незаметно появившейся в холле, заставил меня открыть глаза и отлепиться от двери.

— Ты слышала? — ответил я вопросом на вопрос. Лада кивнула, и мне не оставалось ничего иного, кроме как развести руками. Тем более что я и не собирался что-либо скрывать от нее в этой долгой и некрасивой

истории. — Конечно, поговорим. Сейчас, или сначала поедим?

В результате разговор состоялся после ужина, за чаем.

— Итак, с чего мне начать? — поинтересовался я, когда Лада, налив в мою любимую пиалу крепкий ароматный напиток, выжидаяще на меня уставилась.

— Полагаю, с начала... — Слабо улыбнулась жена.

— Надеюсь, с начала нашего путешествия, а не сотворения мира? — осведомился я и, заметив, как Лада комично нахмурилась, тут же сдался. — Ладно-ладно, с начала так с начала... Помнишь первую странность нашего морского путешествия?

— Блуждающие мины на следующий день после выхода из Конуграда. — Кивнула Лада.

— Они самые. Еще тогда меня удивило место их постановки. По словам твоего батюшки, торговые маршруты пролегают несколько мористее, да мы и сами пошли бы именно там, если бы не...

— Ходовые испытания. — Тут же сообразила моя жена, напомнив, что она не просто красивая и умная женщина, но и настоящая дочь своего отца! — Ну, конечно, ни один капитан не рискнул бы проводить их далеко от берега... А о нашем маршруте можно было бы узнать все в том же Конуграде, мы же ни от кого не прятались... — заключила Лада.

— Умница. Именно так все и было. Затем мы прибыли в Брег и началась памятная тебе карусель. Вот только, если в случае с минами, прямо и фактически открыто действовал Роман Георгиевич, то травлю на Руяне организовала наша любезная знакомая Эльза-Матильда, маркиза Штауфен. И ее действия поначалу были направлены не столько на меня, сколько на тебя... Ну, тут нет ничего странного. Опытная великосветская

львица решила, что «новый» Старицкий весьма перспективен и ценен, как сам по себе...

Тут Лада рассмеялась.

— Вы так самоуверенны, муж мой! — пропела она.

— Конечно, и у меня есть для этого все основания! — Подхватывая тон жены, я выпятил грудь. — Меня любит лучшая из женщин! Это ли не доказательство моей исключительности?

— Бахвал. — Покачала головой Лада и тут же погладила меня по голове. Вот и пойми женщин! То ли отчитала, то ли приласкала...

— Хм, да... О чем бишь я? А, о действиях Эльзы. Видишь ли, тут дело не только в моей неотразимости, но и в том, что я мог бы послужить замечательным противовесом тому же Роману Георгиевичу, буде тот зарвется. В общем, маркиза решила, что будет лучше, если я окажусь в ее «коллекции рыцарей». А чтобы иметь полное и безоговорочное влияние на меня, она решила убрать единственное, по ее мнению, серьезное препятствие... тебя.

Лада вздрогнула, и из ее глаз ушел всякий намек на веселье.

— Но... но...

— Она отказалась от этой идеи после того, как мы с тобой устроили представление у ворот ее дома. Почему, не знаю... — Вдохнул я и с удивлением заметил, как Лада отводит взгляд, а ее аура вдруг плеснула оттенками страха. Интер-ресно. — Милая, ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Не... не сейчас. Пожалуйста, — пробормотала жена.

— Ну-ну. Как скажешь. — Я решил не давить и буквально кожей почувствовал, как Лада расслабилась. Вот она легонько улыбнулась...

— Я расскажу тебе, клянусь. Только не сегодня, ладно?

— Договорились. Но прошу, не затягивай с этим делом, а то я помру от любопытства. — Улыбнулся я, спуская скользкую тему на тормозах. И вернулся к рассказу. — Итак. Все дальнейшие попытки нас зацепить были сосредоточены именно на мне, причем, полагаю, что здесь на Эльзу как-то надавил Роман Георгиевич. Учítывая, что маркиза резко охладела к своей первоначальной идее занять противовес Ольдеру-Старицкому, это было нетрудно. Она отдает под начало моего «родственничка»... весьма условное, разумеется, ватагу Раздорина... В свете всей известной мне теперь информации могу предположить, что эти разбойнички сидели на крючке у тех же Варбургов, кои и предоставили этот «инструмент для грязной работы» в пользование своей верной союзнице. Раздоринцы действуют четко и максимально кроваво, замазывая Романа Георгиевича в криминале по самое темечко, но при этом проваливают свою миссию и Раздорина убирает парочка головорезов, состоящих на службе самой Эльзы. Те самые «лазари», которых заметил наш друг Тихомир Храбрович. Мир тесен, как говорится.

— Подожди, Витушка, что-то не сходится. Эльза-Матильда приходится старшей дочерью Фридриху Швабскому, ты сам это говорил. Как она может быть союзницей Варбургов, с которыми ее отец до сих пор «на ножах»? — хмуря брови, приостановила мои излияния Лада.

— О! Это особая песня! Как ты можешь судить по списку ее «побед», маркиза была женщиной крайне амбициозной... и ее совсем не устраивал курс отца, «планомерно превращавшего древний европейский монархический род в семью презренных торгашей

и безземельных магнатов»... Это я цитирую, если ты не поняла.

— Хм? — Лада взглянула на меня крайне настороженно.

— Ну, можно сказать, что Эльза-Матильда исповедовалась мне... перед смертью. — Вздыхнул я, отвечая на невысказанный вопрос жены. — Ты бы слышала, какой площадной бранью она поливала своего батюшку... Но это даже не причина... Видишь ли, Варбурги предложили ей исполнить мечту. А учитывая их влияние в Нордвик Дан, я склонен подозревать, что торговому дому это было бы вполне по силам. В общем, Варбурги обещали Эльзе княжение в Зееланде, при двух условиях. Первое — она должна стать самым вероятным претендентом на титул, либо супругой такового. Второе — княжество входит в состав Нордвик Дан без всяких условий...

— Но сделка предусматривает взаимный интерес сторон, разве нет? — поинтересовалась Лада.

— Полагаю, что по их соглашению Варбургам должны были отойти нефтяные поля Плоешти, где, несмотря на действия все того же Ольдера-Старицкого, герцог Швабский имеет огромное влияние как среди местных бояр, так и среди османских военачальников... По крайней мере, я не знаю равноценных владений у Штауфенов, а для Варбургов такой кусок, как румынская нефть, был бы не просто лакомым. Он — гарантия сохранения их влияния и монополии в Европе.

— Не сходится! — Вздыхнула жена, поставив локти на стол и подперев подбородок кулачками.

— Что именно?

— Если ей нужен был муж, имеющий право на титул Зееландского князя, зачем она так обошлась с Романом Георгиевичем?

— Хм. Ну, во-первых, подставляя моего «родственника», Эльза вовсе не собиралась доводить дело до

конца и всегда вытаскивала его из передраг, так что, на первый взгляд, он и вовсе был ни при чем. Но при этом, собирала на него компромат, чтобы сподручнее было держать потенциального мужа в ежовых рукавицах. И если бы не наша выходка с абордажем, у нее это вполне могло получиться. А во-вторых, после смерти родителей Романа Георгиевича остались лишь три человека, имеющих кровные права на княжеский титул. Это сам Роман Георгиевич, твой муж и Эльза-Матильда Штауфен, о чем непрозрачно намекнул фиал с наговором на кровь, опыт с которым мы проводили в доме маркизы аккурат в тот момент, когда тебя собирались похитить молодчики младшего Климина. То есть, при отсутствии иных вариантов, Эльза вполне могла претендовать на княжение в Зееланде как носительница крови Старицких. Так-то.

— А теперь, получается, на княжеский титул претендуешь только ты? — после коротких раздумий спросила Лада... и меня ощутимо передернуло.

— Даже не думай. Это Матильду там приняли бы с распростертыми объятиями... после должной подготовки, а меня прирежут в первую же ночь княжения, — откестился я от предложенной женой перспективы.

— Очень надо. — Фыркнула Лада. — Если уж только само известие о твоём появлении вызвало такую бурю, то что будет, если ты вдруг решишься на эту авантюру?! Всемирная война?

— Вот-вот. — Покивал я и замолчал, заметив, что жена крепко о чем-то задумалась.

Несколько минут прошло в тишине, пока Лада, наконец, не вернулась с небес на землю.

— Знаешь, ты, наверное, правильно поступил... — медленно проговорила она и, заметив мой недоумевающий взгляд, со вздохом пояснила: — Я имею в виду... Эльзу. Она ведь не остановилась бы, да? Пока мы живы,

ей ничего не светило в Зееланде. А с ее происхождением и возможностями... — Истинная дочь ушкуйника потерла лоб ладонью и, сделав паузу, внезапно договорила уже совсем другим тоном: — Но я на тебя все равно обижена, дорогой мой муж.

— Почему?

— Ты мог бы рассказать мне все это еще тогда, в Ревеле, а потом уж нестись на этих кошмарных пузырях в Брег, изображая Леопольда Юрьевича. К тому же ты даже не подумал, как я буду себя чувствовать, изображая обиду, и все время поездки от Ревеля до Хольмграда видя перед собой твою личину! Не мог уговорить Попандопуло хотя бы в своем купе запереться?! Или Берг не мог наложить такую иллюзию, чтобы я могла видеть сквозь нее?! Я же скучала!

У меня очень красивая и умная жена, это точно. Но логика ее... иногда повергает меня в шок и трепет. Честное слово.

Не найдя, что ответить на эти претензии, я поднялся со стула и, обогнув стол, обнял обиженно сопящую Ладу.

Следующим утром, одеваясь для визита в канцелярию, я был весьма удивлен отсутствием в гардеробе приготовленной мною вечером «тройки». Потеревив пояс халата, я решил, что жена точно должна знать, куда пропал мой любимый костюм, и устремился на ее поиски. Лада обнаружилась в гостиной, что-то тихонько напевая себе под нос... она крутилась вокруг подставки с темно-синим вицмундиром.

— Хм, а ничего, что я числюсь заштатным сотрудником? — налюбовавшись легкими движениями любимой, спросил я.

— Витушка, не думаю, что Владимир Стоянович прислал бы эту красоту, просто позабыв о твоём положении на службе. Как считаешь? — откликнулась Лада, поворачиваясь ко мне и улыбаясь.

— М-да. С князем не поспоришь, — признал я. Вот уж не думал, что когда-нибудь снова надену мундир, пусть даже и гражданский. Зря, конечно. Мог бы и раньше догадаться, что в канцелярии без него дело не обойдется, особенно учитывая общую склонность местных наряжать в униформу все и вся...

— Ленту ордена не забудь... и этот, саквояж свой драгоценный. Фельдъегерь специально о нем упомянул, — проговорила Лада, придирчиво оглядев меня со всех сторон, когда я, наконец, застегнул последнюю из многочисленных пуговиц вицмундира. В принципе, костюм, явно вышедший из рук Григория Евсеевича, оказался лишь немного неудобнее обычной «тройки», так что чувствовал я себя в нем вполне комфортно. Разве что жесткий от серебряного шитья воротник-стойка уперся в нижнюю челюсть так, что пришлось приноравливаться, чтобы эта «колодка» не мешала говорить.

Покрутившись так и эдак, я убедился, что вицмундир почти не стесняет движений, и, обреченно вздохнув, позволил Ладе нацепить мне на шею упомянутую ею же ленту. Глянул в зеркало. М-да... Был вполне приличный себе человек, а получился... хм, чиновник, скажем так. Мне бы еще морду побрезгливее скорчить, и все. Не отличишь от какой-нибудь «канцелярской крысы»... Хм, ладно. Хорошо еще, что портной Телепнева не страдает от провалов памяти, а значит, не забыл учесть мою любовь к огнестрелу, так что наличие сбруи из двух кобур с «барринсами», спрятанной под мундиром, в глаза особо не бросалось.

Так, подняв себе настроение этими оптимистичными мыслями, я закрепил эффект долгим поцелуем жены и, подхватив с той же стойки темно-синюю фуражку с непривычно высокой тульей, отправился в присутствие... С этим костюмом я даже позавтракать забыл!

Вот, кстати, интересно. Охранители обмундированной службы Особой канцелярии носят свою форму, чем-то похожую на форму полиции. У офицеров и обер-офицеров есть только парадная форма, совершенно иная, кстати, лишь цветом отличающаяся от парадной формы пехотных номерных полков, а вот гражданские специалисты вольны в выборе одежды, кроме отдельно оговоренных случаев, когда они обязаны являться в присутствии в чиновничьих вицмундирах соответствующих классов. Особняком стоят только следователи — «мозголомы», в своих неизменных наглухо застегнутых похоронно-черных тройках. И сейчас, добираясь на пролетке до Словенской набережной, где расположилось самое одиозное здание в Хольмграде, я судорожно пытался вспомнить, чем сегодняшний день так значим, что Телепнев посчитал необходимым запихнуть меня в форму? Вроде бы день тезоименитства уже прошел...

Миновав дневального в вестибюле канцелярии, я покосился на его хитрую физиономию и вздохнул. Нет, тут совершенно точно, что-то не так. И чем ближе я подходил к приемной главы канцелярии, тем больше крепла моя уверенность в необычности происходящего. И нет, это не паранойя! Но уж больно странные, я бы даже сказал, заговорщицкие взгляды бросали на меня встреченные по пути к кабинету шефа служащие канцелярии.

— Виталий Родионович, доброе утро. — Бессменный адъютант князя Телепнева поднялся мне навстречу и, пожав руку, кивнул на саквояж. — Позвольте ваш печатный набор. Я передам его мастерам.

— Хм? — Вент Мирославич, поняв, что его слова нуждаются в пояснении, понимающе кивнул.

— По традиции, я не могу поздравить вас с получением чина раньше его сиятельства, но порядок есть порядок, а ваши печати нуждаются в исправлении.

Удивленный его речью, я протянул свой саквояж, и адъютант кивнул мне на дверь в кабинет князя.

— Идите, его сиятельство уже ждет.

— Прямо так уж и ждет... — буркнул я себе под нос, шагая к двери.

Еле слышно скрипнули петли, и я оказался в кабинете, где меня ожидал глава Особой канцелярии... в теплой компании из трех человек, дружно налегающих на кофий.

Я коротко кивнул присутствующим и воззрился на отрешенно рассматривающего вид из окна князя. Стоп. Бросив еще один беглый взгляд на гостей Телепнева, я хмыкнул. Первый из присутствующих мне точно знаком. Генерал... генерал... щеточка усов, плохо прикрывающая шрам... точно! Белокурая бестия — генерал Бйорн Орварович Гдовицкой, один из тех, людей, что участвовали в устроенных мне у Ладынина «смотринах». Интересно. Второй? О, еще более старый знакомый. Бывший мажор, а ныне полусотник пластунов славного Второго Добровольческого полка, Ларс Нискинич Мстиславской. Надо же... а третий... Нет, не помню. И лицо вроде бы знакомое, но где я его видел...

— Доброе утро, господа... Ваше сиятельство. — Убедившись, что шеф о чем-то слишком глубоко задумался, я решился первым нарушить тишину. Телепнев обернулся и, напоровшись на мою легкомысленную улыбку, покачал головой.

— Виталий Родионович, проходите. Представлять вас гостям незачем, вы и так с ними знакомы...

— Как и мы с господином Старицким, — буркнуло себе под нос наглядное опровержение слов князя.

— Радомир Годиславич, я могу назвать как минимум три десятка человек, прекрасно вам известных, и при этом они о вашем существовании даже не подозревают. — Фыркнул генерал Гдовицкой, прищутив

глаз, словно целился в желчного собеседника. И дождавшись от того недовольной гримасы, повернулся ко мне. — Рад видеть вас в здравии, Виталий Родионович.

— Взаимно. — Кивнул я.

В отличие от генерала и его оппонента, Ларс Нискинич не проронил ни слова, лишь отвесил короткий поклон. Оно и правильно. Учитывая чины присутствующих в кабинете Телепнева господ, а о том, что сердитый Радомир Годиславич находится примерно в той же весовой категории, что и Гдовицкой, можно было судить по их панибратскому отношению друг к другу, не блистающему обер-офицерским званием Ларсу, действительно, лучше бы прикинуться ветошью и не отвечивать. Мало ли как оно обернется, а крайним все одно сделают самого младшего по званию. Закон больших звезд... пардон, золотых погон...

Убедившись, что с приветственной частью покончено, Телепнев развернул свое крутящееся кресло (надо же, вот не думал, что здесь приживется что-то из тех вещей, что я описывал в своих «конспектах»...) и поднялся из-за стола.

— Виталий Родионович, позвольте мне первому, на правах вашего непосредственного начальника, поздравить вас с чином надворного советника. — Князь встал передо мной и, улыбнувшись одними глазами, протянул руку, которую я и пожал. — Поверьте, я искренне рад, что вы присоединились к когорте людей, удостоенных чести быть вассалами Его величества государя и Великого князя Руси. Это большая ответственность...

Вот чего не ожидал, так это того, что шеф впадет в такой пафос. У меня уже сжатая им рука затекла, а Телепнев только разошелся. Уже десятую минуту чешет, словно по писаному, и хоть бы с дыхания сбился! Так ведь нет!

Я присмотрелся к князю и... Да он же надо мною издевается. Как есть издевается! Ну княже, ну жук... ла-адно... Вспомнив юность шепутную, я соорудил самое внимательное выражение лица и, чуть ли не заглядывая в рот начальству, кивая на каждую его сентенцию, принялся сжимать ладонь, которую он так и не выпустил. Сначала Телепнев не понял происходящего, но когда кости его пальцев начали «играть», в глазах князя тут же поубавилось веселья. Продолжая говорить, его сиетельство попытался аккуратно извлечь свою ладонь из моей хватки. Ну да, наивный, из этих крепких лап еще никто не уходил.

Прочитав на моей наглой физиономии все, что я думаю о его шуточках, Телепнев вздохнул и довольно шустро закончил болтологию.

Следующим был генерал. К счастью, Гдовицкой явно не принадлежал к любителям пустопорожней болтовни, а потому, с ухмылкой покосившись на покрасневшую ладонь князя, он коротко поздравил меня с чином, после чего перевел стрелки на своего спутника... боярина Шолку!

Точно, это же здешний русский ответ ЦРУ, Ми-пять, шесть и далее по порядку... полковник Государевой зарубежной службы. То-то он такой злой. Не забыл, стало быть, как его перед захватом Ловчина охранители повязали.

Боярин был еще более краток, чем генерал. Буркнул что-то неразборчивое, сунул мне в руку какой-то свиток и, отвесив общий поклон, ретировался. Не понял.

— Что это было?

— Хм... если перевести с языка Радомира Годи-славича на русский, то он поздравил вас с чином и вручил благодарственную грамоту от имени его службы. Вообще-то, по правилам, подобные награды вручает глава ведомства, чьим успехам поспособствовал на-

граждаемый, да, к сожалению, вы не входите в тот узкий круг людей, кто осведомлен о личности начальника Зарубежной стражи... — Усмехнулся Гдовицкой.

— И не надо. Еще не хватало самому в государственные тайны лезть. Ну их к лешему, — проворчал я, заслужив понимающие взгляды князя и генерала. А вот Ларс Нискинич выглядел удивленным. Ну да, конечно, с его точки зрения, нет ничего интереснее страшных государственных секретов...

— Ну, а мы с полусотником люди прямые, военные, нам тайны разводить ни к чему. — Ухмыльнулся Гдовицкой, кивая Ларсу, и тот тут же подскочил, вынимая из болтающегося у бедра некоего подобия «ташки» небольшой ларец благородного красного дерева. Перехватив шкатулку под днищем, Мстиславской одним движением повернул небольшие бронзовые защелки, и крышка ларца откинулась словно сама собой. Блеснули камнями и серебром богато украшенные затейливой чеканкой ножны длинного кривого ножа.

— Это благодарность от членов следственной комиссии, что сопровождали ваши ученики. Если бы не охранители... — Бйорн Орварович ненадолго замолчал, а потом махнул рукой. — Вон, Ларс Нискинич потом подробно обскажет, как дело было, а пока примите нашу благодарность.

Я бросил короткий взгляд на Телепнева, и тот украдкой показал мне десять пальцев. Значит, все живы-здоровы. Ну и славно!

Кивнул на коробку, и князь, в ответ, махнул рукой, дескать, не волнуйся, не отберу... Замечательно.

Наполовину вытащив клинок из ножен, я полюбовался на хитрый рисунок дамаскской стали и, довольно крикнув, вернул нож на место. Рассыпавшись в благодарностях, я забрал у Мстиславского подарок, и его на-

чальник, быстренько распрощавшись с нами, покинул кабинет вместе с Ларсом.

Дождавшись, пока за посетителями захлопнется дверь, Телепнев, ничтоже сумняшеся, отобрал у меня коробку и, вдоволь полюбовавшись ножом, со вздохом отложил его в сторону. После чего кивнул мне на кресло у своего стола.

— Ну что, Виталий Родионович, покуражились, пошутили, подарками разжились, можно и делами заняться, как считаете? — Моментально растеряв всю свою веселость, проговорил князь и подвинул в мою сторону кипу документов. — Здесь все расчеты по расширению этой вашей «тренировочной базы». Читайте, после обеда доложите свои предложения и замечания.

— Хм. Может, мне кажется, но по-моему, я все еще в отпуске, разве нет? — опешил я.

— Вот как? — Сделал удивленный вид князь. — Ошибаетесь, господин надворный советник. Как есть, ошибаетесь. Отпуск был вам дан по Правде, до прохождения испытаний на чин... Так что...

Глава 5

КАК МНОГО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ...

Прежде чем забрать документы, приготовленные князем, я решил поинтересоваться, а собственно, за что меня благодарит Зарубежная стража, и развернул грамоту. Прочитав довольно короткий текст, я помотал головой и воззрился на своего шефа.

— Что, Виталий Родионович?

— Хм, ваше сиятельство, может, вы просветите меня по поводу этой бумаги? — Я приподнял лист грамоты. — Тут ведь нет ни слова о причинах награждения.

— Ну что вы, Виталий Родионович, кто же о таком в подобных бумагах писать станет? — С легкой улыбкой развел руками Телепнев. — То же дела государевы, о них молчать надобно.

— М-м, допустим. И что, тайны эти столь велики, что и награждаемый о них знать не должен?

— Хм. Официально, подчеркиваю, Виталий Родионович, сугубо официально грамота сия была вам пожалована за участие в пресечении деятельности некоторых лиц, направленной на умаление и ослабление нашего государства. Раздорина помните? Вот-вот, именно за него. Конечно, будь на то воля самого главы Стражи, он бы за этакое участие вас не то что наградить, а расстрелять повелел бы. Да государь заступился. Уж не знаю, чем вы его так заинтересовали, но... после вашей беседы в детинце, Великий князь, получив весьма сердитую записку главы Зарубежной стражи, по поводу некоего «слона в посудной лавке», зачитал этот доклад перед Кабинетом, после чего попенял автору на дурных подчиненных и выказал свое неудовольствие «работой иных чиновников, стремящихся списать свои неудачи и неуспехи на злоумышленное противодействие подданных, в чьей верности государь не имеет никаких сомнений». Его высокопревосходительство намеков понял правильно и... результат его понимания перед вами. Полагаю и доставил его именно тот человек, что подал главе Зарубежной стражи доклад о вашем «злоумышленном противодействии»... Прием вполне в духе его высокопревосходительства, знаете ли.

— То есть... — начал было я, но Владимир Стоянович меня перебил.

— Поздравляю вас, «князь». Теперь вы действительно можете считать себя принятым в свете. — Телепнев ухмыльнулся.

— Не понял, — честно признался я.

— Ну, какой же придворный без врагов? А у вас теперь появился довольно сильный противник. Так что можете не сомневаться, общество примет вас как родного. Еще бы, это ведь такой хороший повод для новых пересудов!

— Глава Зарубежной стражи? — Честно говоря, от такого предположения мне несколько поплохело. Встать на пути человека, возглавляющего разведку государства... легче сразу изобразить Анну Каренину... или хотя бы Берлиоза. М-да...

— Да что вы, Виталий Родионович, уж извините, но для его высокопревосходительства вы все же птица не того полета, по крайней мере пока. А вот боярин Шолка второго конфуза вам точно не простит, знаете ли, — «успокоил» меня князь. Стоп.

— Какого-такого второго? Это ж вы его велели скрутить, тогда, на дороге? — возмутился я.

— А вы присутствовали при его унижении. — Развел руками Владимир Стоянович. И ведь не возразишь. Эх, ладно... Будем надеяться, что все не так страшно. — Ну да ничего, поверьте, таких врагов-неприятелей у нас у всех хватает, так что не беспокойтесь раньше времени, — словно прочитав мои мысли, заключил Телепнев и, помолчав, вкрадчиво так заметил: — Право, мне куда больше интересно, что такого произошло во время вашей встречи с государем, что после нее он так о вас беспокоится?

— Извините, Владимир Стоянович, но о том я могу рассказать исключительно с разрешения его величества. Слово, — старательно контролируя ментальную защиту, проговорил я. Естественно, никакого слова я не давал, но... Логика подсказывает, что это была такая своеобразная форма извинения за жесткий допрос. Ну а то, что до меня не стали доводить этот факт специ-

ально, говорит только о том, что государь и секретарь его Кабинета рассчитывают на мое молчание... ответное, так сказать. А я не враг своему здоровью, так что лучше помолчу.

Князь смерил меня долгим взглядом и, поняв, что говорить я не собираюсь, почти незаметно кивнул.

— Что ж, Виталий Родионович, понимаю, и зла за ваше молчание не держу, — медленно проговорил князь. Я прямо-таки видел, как в его голове щелкают шестеренки. Кажется, Владимир Стоянович заинтересовался этим вопросом и теперь прикидывает варианты, как половчее разузнать причины такого благоволения государя... Ну и флаг ему в руки. У меня и других дел полно.

Поняв, что продолжения беседы не будет, я взял со стола папку с документами и покинул кабинет главы Особой канцелярии. Чтобы тут же попасться в руки его адъютанта. Вент Мирославич вручил мне обновленный печатный набор и, звякнув ключами, усмехнулся, кивнув на папку у меня подмышкой.

— Ну вот, становитесь настоящим чиновником, Виталий Родионович. Осталось только комнату вам подыскать, да стол с несгораемым шкафом.

— Это намек, Вент Мирославич? — Фыркнул я.

— О нет, сие есть факт, господин Старицкий. — Вздернул нос ротмистр, и я еле удержал улыбку. Уж очень похоже на цитату из фильма у него получилось.

Вент Мирославич продемонстрировал мне один из ключей.

— Хм, а у Меклена Францевича тоже имеется здесь свой кабинет? — поинтересовался я, и Толстоватый неожиданно смутился.

— Не совсем, — скрыв замешательство за легким кашлем, проговорил ротмистр. — В подвалах имеется прозекторская, а при ней, собственно...

— Понял. — Я хмыкнул. Ну да, как можно было забыть о специфической работе уважаемого профессора...

— Ну что же, не желаете взглянуть на ваш кабинет?

— С удовольствием, Вент Мирославич. Ведите! — Кивнул я.

Собственно, можно было догадаться. Если «вотчина» Граца находится в подвале, рядом с моргом, то мои владения... правильно, рядом с атлетическим залом. Небольшая комната, обитая дубовыми панелями, довольно светлая из-за единственного, но очень большого окна. В углу стол с креслом, еще пара кресел у противоположной стены, меж книжным шкафом и дедушкой сейфов — этакой несгораемой тумбочкой.

— Виталий Родионович, могу я задать вам один вопрос? — Толстоватый, стоявший у порога, пока я осматривался в кабинете, сделал шаг вперед.

— Разумеется, Вент Мирославич, я вас внимательно слушаю.

— Его сиятельство обмолвился, что вы ведете не только занятия по «рукопашному» бою, но и по стрельбе. Это так?

— Конечно. Желаете присоединиться?

— Это было бы замечательно, но... видите ли, время... — замялся Вент Мирославич.

— Понимаю. — Кивнул я. Иными словами, ротмистр не хочет позориться перед обмундированной службой... — Что я могу предложить. Занятия после окончания рабочего дня будут для вас бессмысленны. Усталость, рассеянность... Но это поначалу, а до тех пор можно было бы заниматься, допустим, по субботам. И если вы не возражаете, в компании моего новика и... Лады.

Уже было готовый согласиться ротмистр замер, но через несколько секунд все же кивнул. И правильно...

— Замечательно, тогда... буду ждать вас через три дня у нас. К десяти утра. Как раз и Лейф из Конуграда должен будет вернуться. Смотрите, не опоздайте к завтраку. В этом случае, ручаюсь, вы лишитесь огромного удовольствия. Мой новик, знаете ли, творит на кухне такие чудеса, что и Гавру с Ладыниным не снились.

— Буду непременно, Виталий Родионович. — Довольно кивнул ротмистр и, заметив, что я взялся за замок папки, поторопился уйти. Ну и правильно, до конца рабочего дня еще ой как долго, а и у него и у меня дел навалом.

Разобравшись с расчетами стоимости нового тренировочного комплекса, запрос на который был предоставлен мною князю еще до нашей морской прогулки, я закрыл папку и попытался систематизировать все прочитанное. Итак, идея своеобразного центра подготовки охранителей, расположенного в пригороде Хольмграда, получила полное одобрение главы Особой канцелярии, а вот идею изменить правила набора в службу он отверг. Правда, не совсем, но вопрос создания специального училища для будущих охранителей, как отписался Владимир Стоянович, нуждается в детальной проработке. Пф! Как будто я сам этого не понимаю! Но ведь нынешний подход к комплектованию обмундированной службы, когда в охранители набираются выходцы из армии и полиции, ущербен! И не понимать этого князь не может... Собственно, он и понимает, но... денег нет. Ладно. Будем крутиться... и начнем, пожалуй, с подготовки специалистов, которые в будущем смогут стать костяком преподавательского состава центра подготовки. Уж на это меня должно хватить. Пообщаться с мозголомами, пусть вытрясут из своих рядов пару-тройку специалистов. Можно даже отставных. Тихомира привлечь, пару-тройку толковых преподавателей по праву... С Мекленом Францевичем

потолковать... Так, с миру по нитке, глядишь, и голому на рубаху наберется. В общем, будем работать, а там и с деньгами на училище разберемся. Дожму князюшку, ой дожму.

Мое прожектёрство было прервано тихим стуком в дверь. Как оказалось, это явился один из охранителей, чья группа уже собралась в зале в ожидании тренировки. Прознали же как-то, что я на службе... наверняка дневальный в холле меня сдал. Ладно... Разомнемся. Заодно посмотрю, как тут эти орлы без меня занимались...

Все оказалось намного лучше, чем я ожидал. Нет, конечно, нашлась пара ленивых обломов, с радостью оставивших тренировки, едва я отправился в путешествие, но в остальном... очень даже недурно!

А в конце занятия ко мне подошли двое охранителей из того списка, что я предоставил князю, когда ему потребовались люди для сопровождения комиссии в Румынию, и, заговорщицки переглянувшись, попросили меня навестить их отряд, по каким-то причинам временно расквартированный в казармах столичного гарнизона. Почему бы и нет? Пообещал уважить героев и телефонировал домой, предупредив Ладу, что вернусь поздно, возможно даже пьяным, после чего отправился на Людинов, «в гости».

Поначалу на входе в «часть» встретили меня неласково, но бляха Особой канцелярии решила дело, так что уже через пять минут после прибытия в гарнизон вызванный начкар самолично проводил меня к небольшому отдельно стоящему зданию, у входа в который также находились караульные.

— У вас что, «губа» здесь? — Хмыкнул я.

— Э-э... помещение для дисциплинарных наказаний. — Каким-то чутьем поняв, что я имею в виду, кивнул лейтенант. — Видите ли, полковник приказал

оградить солдат от общения с... гостями, а другого подходящего помещения у нас просто не нашлось.

— Понятно. Но хоть условия-то им создали? — В ответ лейтенант посмотрел на меня каким-то совсем уж тоскливым взглядом и нехотя кивнул.

— Создали... — И столько зависти сквозило в этом вздохе, что моя настороженность моментально сменилась недоумением. Но тут дверь в помещение здешней гауптвахты отворилась, и на пороге возник один из самых упорных моих «учеников» — Ставр.

— Виталий Родионович! — прогудел гигант, расплываясь в широкой улыбке, и, развернувшись с казалось бы невозможной для его габаритов грацией, рыкнул куда-то в глубь дома. — Тренер приехал!

Ответом ему был дружный вопль десятка глоток и на улицу горохом посыпались охранители. Лейтенант в шоке сделал шаг назад и оказался у меня за спиной. А мне куда прятаться?! Снесут же, лоси!!!

Стадо медведей затормозило в двух шагах от меня и моментально превратилось в отряд из десяти загоревших и заметно «высохших» охранителей. Надо же, всего-то месяц повоевали, а как заматерели, а?

— Наставнику, его высокоблагородию, надворному советнику Старицкому, ура-ура-ура! — На рев, от которого задребезжали стекла в доме, из окон соседнего здания начали выглядывать любопытные, но Ставр тут же пресек этот цирк, и меня потащили внутрь, по дороге нечаянно прихватив и лейтенанта — начкара.

Вот тут я и понял, откуда столько зависти было в глазах офицера. Еще бы, в центре караулки, единственного, как я понимаю достаточно просторного помещения в здании, был накрыт длинный стол, прямо-таки ломившийся от блюд, в которых наметанный взгляд гурмана с легкостью опознает творения Гавра. А господа охранители неплохо устроились!

Честно говоря, я был откровенно рад видеть этих молодых веселых ребят целыми и здоровыми. Да, трое из них уже поделились с войной своей кровью, но дело обошлось легкими ранениями, и это неплохо, поверьте, совсем неплохо.

Лейтенанта, чтоб не обижать, быстренько упоили до бессознательного состояния и уложили спать в дальней камере, и только после этого ребята принялись рассказывать о перипетиях их командировки. Разговоры затянулись далеко за полночь, а домой я вернулся вообще перед рассветом, потому как найти в три часа ночи извозчика задача не из легких, а пешком от Людинова до Неревского не меньше полутора часов ходу. Впрочем, в этом есть и положительные стороны. Пока добирался до дома, я умудрился подраться с каким-то пьяным идиотом, закинуть его в Волхов, вытащить из воды и, сдав беднягу на руки прибежавшему на шум городовому, хорошенько проветриться. Так что в холл нашего с Ладой флигеля я вошел, будучи трезвым, мокрым и... с амбре, бьющим влет любую птицу, рискнувшую оказаться в радиусе десяти метров от меня. Но Лада оказалась покрепче любого пернатого, а потому, спустившись на поднятый мною в прихожей шум, сначала фыркнула, а когда как следует разглядела, в каком состоянии ее любимый муж «вернулся с работы», рассмеялась.

— Хорошо хоть додумался мундир снять, перед тем как ринуться спасать своего противника, — заметила Лада, когда я, приняв душ и переодевшись в халат, сидя в гостиной, с огромной чашкой чая в обнимку, закончил повествование о своих ночных приключениях. — За неподобающее отношение к мундиру городской мог и в присутствии сообщить. А уж Владимир Стоянович тебе такое наказание выдумал бы...

— Повезло, — констатировал я.

— Именно так, — согласилась Лада и, взъерошив мои мокрые после душа патлы, поднялась с дивана. — Идем. Завтра рано вставать. Утром приезжают Лейф с батюшкой, надо их встретить.

Не сказать, что утро было таким уж замечательным, но и повеситься с похмелья меня не тянуло. Так что, преодолев недомогание, не без помощи сердобольной Лады, со снисходительной улыбкой снабдившей меня огромной кружкой рассола, я довольно быстро пришел в себя и уже через полчаса отправился на вокзал.

К нашему возвращению домой Лада успела приготовить замечательный обед, так что даже привереда Лейф не смог придраться к качеству блюд. Хотя, конечно, не смог удержаться от фыркания, не обнаружив на столе своего любимого прозрачного аперитива. Но должно же в этой жизни хоть что-то оставаться неизменным. В общем, пришлось Беловым довольствоваться легким вином, вместо рюмочки холодной водки. Но обед этот «недостаток» не испортил.

Во время уже ставшего привычным мне послеобеденного чаепития Белов-старший сделал очень серьезную мину и начал «аккуратно» и очень «незаметно» подводить меня к интересной ему теме.

— А что, Виталий Родионович, я тут посчитал, сколько денег принес нам «Варяг» во время путешествия... Внушительная сумма получилась, знаете ли.

— Бажен Рагнарлович, не ходите вокруг да около... Давайте, по существу. — Вздыхнул я.

— Хм. — Белов отвел взгляд и принялся набивать трубку. — Виталий, эта «прогулка» только вам принесла, ни много ни мало, около семисот тысяч рублей ассигнациями... считая стоимость захваченного у Борнхольма приза, конечно. Я не предлагаю действовать так же в дальнейшем... но даже чистая торговля грузами, вроде того, что мы доставили на Руян, может принести нам неплохой

доход. Заметьте, доставка напитков на остров чаще всего осуществляется, что называется, по пути. Малые суда торговлей не промышляют... опасно, а крупным перевозчикам просто невыгодно заниматься столь небольшими объемами. Мы вполне можем занять эту нишу... при условии, что у нас останутся аппараты защиты.

Честно говоря, со всеми этим событиями я и позабыл проверить счет в Ганзейской конторе, куда должна была быть перечислена моя доля за кораблик контрабандистов и их груз. А ведь мне еще нужно будет поделиться с охранителями... Но, даже с учетом этих расходов, сумма все равно получается внушительной. Настолько, что необходимость в продаже яхты и впрямь если не отпадает, то становится всего лишь возможностью. Что не может не радовать.

— Считаете, это будет выгодно? — поинтересовался я, и тесть, кивнув, выудил из кармана пиджака аккуратно сложенный расчет. Вложения, расходы, содержание, жалованье команды... славно.

— Бажен Рагнарлович, я не могу принять ваше предложение вот так, с ходу, но... — я покачал головой, заметив, как нахмурился тесть. — Но! Обещаю, что дам ответ в течение трех, максимум четырех дней.

Беловы кивнули одновременно, и мне пришла в голову одна простая идея.

— И учтите, если решение будет положительным, то я поставлю несколько обязательных условий, без исполнения которых ни о каком фрахте «Варяга» и речи не будет.

— Хм. Ла-адно. Посмотрим, послушаем ваши предложения. — Тесть прищурился и, затаившись табаком, скрылся в облаке дыма.

— Вот и славно. — Бросив взгляд на Ладу, с подозрением смотрящую на мою довольную улыбку, я не удержался и погладил любимую по руке.

В этот момент тесть вытащил трубку изо рта и, с криканьем выбив ее тлеющее содержимое в пепельницу, поднялся с кресла.

— Ладно уж, замороженные! Пойду я, надо проверить, что дома делается... — И, гулко топая по паркету, Бажен Рагнарлович вразвалочку направился к выходу.

Я было хотел его проводить, но тут от Лады шибануло таким страхом, что меня аж качнуло. Обернувшись к жене, я поразился. Только что довольная и радостная, в один момент она стала абсолютно другой, совершенно непохожей на себя. Бледная, с дрожащими губами, Лада бросила на меня загнанный взгляд и попыталась сбежать. Ну уж нет. Что за муть?!

— Так ты ему до сих пор не сказала? — вякнул Лейф. Лада покачала головой, но мне было не до того. Подхватив жену на руки, я взбежал по лестнице на второй этаж и, пинком отворив двери в нашу спальню, осторожно усадил плачущую жену на кровать. Она не всхлипывала, не заходила в истерику, просто сидела на краешке кровати, сжимая в побелевших кулачках платок, и молчала, только слезы катились, прокладывая мокрые дорожки на ее щеках, и капали на белоснежный воротник.

Да что с ней такое?!

— Лада... — Я попытался поймать взгляд жены, но она опустила голову, так что попытка оказалась неудачной. — Лада, посмотри на меня.

Она качнула головой, но я аккуратно подхватил пальцами подбородок и приподнял голову девушки. Заглянув ей в лицо, я... Черт, в этих серых глазах было столько боли и страха, что я оторопел, но, справившись со своим ошеломлением, принялся старательно и нежно вытирать ее мокрые от слез щеки. А Лада сидела и, кажется, даже боялась пошевелиться. Но потихоньку-полегоньку она вроде бы начала успока-

иваться. Так что спустя четверть часа я смог ее расспросить. И первые же слова набравшейся смелости Лады меня убили.

— Я тебя приворожила. — Вот так. Простенько и со вкусом. Нет, было бы дело на «том свете», я бы только посмеялся такому заявлению, но здесь... Я с шумом втянул носом воздух, но, заметив, как дернулась Лада, попытался улыбнуться и осторожно погладил ее по голове. Не отстранилась. Уже хорошо.

— Рассказывай, солнышко.

И она рассказала. Все оказалось просто и вовсе не так страшно, как она представляла... кажется.

Когда, в самом начале моего пребывания в Хольм-граде, размышлы князя Телепнева вскрывали «хрустальную сферу», что-то пошло не так. Совсем не так. Иными словами, господа исследователи вдруг обнаружили, что не могут вывести меня из транса. Выход нашла Хельга. Старый народный заговор, которым когда-то связывали новобрачных. Одна из особенностей этого взаимного приворота в том, что в случае необходимости супруги могут вытащить свою вторую половинку чуть ли не из-за кромки, временно объединяя свои жизненные силы. Хельга хотела было пройти этот ритуал сама, но тут Берг встал на дыбы, и его дружно поддержали все участники проекта, вплоть до Телепнева... Короче, когда Лада нашла рыдающую от невозможности спасти «подопытного» Хельгу, в одном из закутков канцелярии, та ей и выложила все возможное. И Лада согласилась пройти ритуал вместо Высоковской.

— Сама?! — вырвалось у меня. Лада, заалев, кивнула. — Зачем?! Так хотелось сломать себе жизнь?!

— Ты мне понравился... Очень. — тихо произнесла жена. Ну не дура ли?

В этот момент Лада подняла на меня опять полный слез взгляд.

— Я дура, да? — Какая проницательность! Я прикрыл глаза и, сосчитав до десяти, выдохнул.

Вот вам и логичное объяснение нашего стремительного, сумасшедшего романа и секрет моего полного крышесноса... и причина, по которой Эльза-Матильда отказалась от своих первоначальных планов. Привороженного-то хрен совратишь. А Лада? Она же все это время боялась признаться... Но зато теперь стали понятны и перепады ее настроения и перепалки с братом, резко обрывавшиеся при моем появлении... и настоящая причина нервного срыва в Бреге. Дьявол! Да для нее те слухи вообще должны были быть пыткой! Вот ведь... Были б живы Климины, я б с ними провел беседу... в виде полевого допроса!

Я тряхнул головой и, взглянув на Ладу... девушку, спасшую меня от смерти и добровольно связавшую свою жизнь с моей, опустился на колени, чтобы видеть ее глаза.

— Ты. Моя. Жена. — И точка. Люблю? Любим? Значит, МОЁ. А как это получилось... Да черт бы с ним. Вот только с исследователями разберусь... и с князем. Без него здесь явно не обошлось.

— Но приворот... — неверяще проговорила Лада. А в эмоциях такой шторм...

— Плюнь и забудь. — Я обнял жену и, послав все планы к лешему, одним усилием воли запер дверь спальни. Мне сейчас только Лейфа здесь не хватает, ага.

Глава 6

КРОМЕ МОРДОБИТИЯ, НИКАКИХ ЧУДЕС...

Утром, поднявшись с постели, успокоенные и умиротворенные, мы с Ладой спустились в гостиную, где нас уже дожидался Лейф с завтраком. Сам новик удоб-

но устроился в кресле и читал газету, изо всех сил делая вид, что кроме нее, его совершенно ничто не интересует. Артист погорелого театра. Он своими взглядами скоро нам спины насквозь просверлит.

— Да у нас все в порядке, Лейф. Успокойся уже — не выдержал я. А как тут стерпеть, когда его взгляды даже поестть толком не дают... Словно лазером жжет, зараза такая.

— Да я что, я ничего... Не глухой же... Понял, — пробормотал новик, покраснел и, ойкнув, уткнулся носом в газету.

— Хм. Надо будет обновить заглушающий наговор в спальне, — констатировал я, старательно отводя взгляд от заалевшей вслед за братом жены.

Первой не выдержала Лада, и ее звонкий смех разнесся по дому. А следом расхохотались и мы с Лейфом. М-да... Глупо, конечно, зато напряжения как не бывало.

Покончив с сытным завтраком, я отправился в спальню, переодеться к выходу из дома, Лейф вновь потерялся на кухне, а Лада... Кстати, а куда это собралась моя женушка?

— Знаешь, я подумала, что нам нужна прислуга... — словно отвечая на мои мысли, проговорила жена, старательно поправляя перед зеркалом оборки на платье.

— И?

— Вот хочу пойти, переговорить с Заряной Святославной, может, она толковых людей присоветует.

— Хм. Здравая мысль. Уж кто-кто, а наша любезная хозяйка в таких делах разбирается, — согласился я. — Но учти, не больше пяти-шести человек. И чтобы среди них обязательно был хороший повар и знающий садовник.

— Зачем нам столько? — Удивленно взглянула на меня Лада, моментально отвлекшись от своего отраже-

ния в зеркале. И зачастила: — Да и повар с садовником... А Лейф на что... и сада у нас нет. А Заряна Святославна хоть мне и доверяет, но чужого человека до своих цветов ни за что не допустит!

— Стоп-стоп-стоп, милая! — Я поднял руки вверх. — Подожди. Давай так, ты хозяйка, вот и поступай, как считаешь нужным... Свои пожелания я высказал, следовать им или нет, думай сама. Хорошо? И насчет повара... тебе не кажется, что заставлять твоего брата все время торчать на кухне как минимум некрасиво? Все-таки он член семьи, а не прислуга...

— Ох.

Это все, что она мне ответила, и, хлопнув юбкой, унеслась из комнаты. Метеор! Хм. Вот что секс животво... ой, это не из той оперы. Я ухмыльнулся. Нет, действительно, после вчерашней нечаянной исповеди Лада словно стотонную плиту с плеч сбросила... И это не может не радовать.

Поправив шейный платок, я придиричиво оглядел свое отражение все в том же зеркале и удовлетворенно кивнул. К бою готов.

Поймать извозчика на нашей улице не проблема, благо на соседнем перекрестке у них что-то вроде стоянки, так что уже через четверть часа лихач вез меня в присутствие.

Но на этот раз, прибыв в канцелярию, я не стал подниматься в приемную шефа, или, наоборот, спускаться в атлетический зал. Нет, сейчас мой путь лежал в исследовательское отделение... для обстоятельного разговора с одной обаятельной рыжей лисой. Ну вот не верю я, что Лада случайно наткнулась на Высоковскую и та, СЛУЧАЙНО, проболталась ей о грядущей смерти некоего подопытного Старицкого. Хоть Хельга и не является кадровым офицером, но понятие служебной тайны ей знакомо не понаслышке, а значит... будем

действовать, как в старом анекдоте, по принципу: Кто будет мухлевать, получит по морде, по этой наглой, рыжей морде!.. Фигурально, конечно. Еще не хватало мне женщин бить... И Эльза не в счет. Она была врагом, а враг пола не имеет. Откуда первичные и вторичные признаки у мишеней, правильно? Не нужны они им. Вовсе...

Вот так и поверишь в изречение, что женщина скажет правду только тогда, когда ей это выгодно. Хельга, с которой я столкнулся прямо в дверях лаборатории, заметив мою многообещающую улыбку, отчего-то попятилась и, судорожно сглотив, попыталась ретироваться в лаборатории, ага. Где нет ни одного запасного выхода.

— А скажи-ка мне, добрая девушка, чья была идея подставить Ладу под брачный приворот? — поинтересовался я, привалившись спиной к мною же запертой двери.

— Н-не понимаю, о чем ты. — На миг замаявшись, решительно трянула рыжей гривой Хельга.

— Ну же, Хельга, мы друзья или нет? — Вздыхнул я.

— Друзья, но я все равно не понимаю, о чем ты говоришь. — Она попыталась улыбнуться. — Ну-ну... с того времени, когда меня можно было поймать на мимике и моторике, много воды утекло, подруга дорогая, и я не ленился учиться, так что искренность чувствую хорошо.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Спустя полчаса.

— Госпожа Высоковская!

— Не понимаю, о чем ты говоришь...

— Хорошо. — Вздыхнул я, окончательно устав от этого бессмысленного диалога. — Не скажешь мне, скажешь брату. Зная Берга, он наверняка даже не подозревает о том, каким образом была найдена доброволец...

доброволица... не знаешь, как правильно? Нет? Вот и я тоже. Так что, зовем брата?

— Виталий. Зачем тебе это? — Наконец, вздохнула Хельга.

— Ну должен же я знать, кому морду бить?! Телепневу, Сакулову или вовсе Грацу? — Я развел руками.

— Что?! Морду? Не хольмганг? — опешила Хельга.

— С дуба рухнула? — Теперь пришла моя очередь удивляться. — За что хольмганг-то? За семейное счастье?!

— Подожди, Виталий... Я уже ничего не понимаю. — Присев на стул, Хельга потерла указательными пальцами виски. — Тебе нужно знать, чья была идея приворожить вас с Ладой, чтобы, по твоему же выражению, набить ее автору морду, так?

— Именно. — Кивнул я.

— Без вызова на хольмганг и не до смертоубийства? — вновь уточнила моя рыжая собеседница.

— Точно так. — подтвердил я и, заметив хитрый блеск в глазах Хельги, покачал головой. — Только не врать. Иначе подставленный узнает, что его сдала именно ты...

— Жаль. — Вздохнула Хельга. — С Сакуловым мне еще работать и работать. Скажи, а зачем тебе эта драка, Виталий?

— Ну, как бы то ни было, а мне сильно обидно, что кто-то решил, будто он вправе менять судьбы людей, даже не поинтересовавшись их мнением...

— Но ведь Лада сама предложила... — попыталась перебить меня Хельга, но замолчала под моим укоризненным взглядом.

— Лада на тот момент была романтической влюбленной девчонкой! Она предложила это, потому что ее подвели к такому решению. В том числе и ты. Скажешь, нет? Некрасиво, Хельга. Вот мне и интересно, чья это

была идея. Мы уже выяснили, что это был не Сакулов. Подозреваю, что и Грац здесь ни при чем. Он хоть и служит не за страх, а на совесть, но на такую комбинацию не пойдет... не того склада человек. Так ведь?

— Так. Так. — Вздохнула Хельга и вдруг улыбнулась. — А знаешь, я с удовольствием посмотрю, как ты будешь «бить морду» его сиятельству. Вот честное слово.

Ну не могу я сердиться на эту рыжую... наверное, это потому, что она мне троюродную племянницу напоминает... Такое же увлекающееся существо.

— Значит, он?

— Да.

— Что и следовало ожидать. Ладно, черт с тобой. Как договорюсь с князем о времени поединка, я тебе сообщу. — Махнул я рукой, и Хельга нервно икнула.

— Ты... ты серьезно?

— Увидишь. — Я хмыкнул и, отперев замок, отправился с визитом к шефу. Собственно, я и до разговора с Хельгой почти не сомневался в том, чья это была затея, но... подстраховаться стоило. А то мог бы и конфуз выйти...

— Добрый день, Вент Мирославич. Его сиятельство у себя? — пожав руку ротмистру, поинтересовался я.

— У себя. Но если хотите с ним поговорить, лучше зайдите прямо сейчас. В три пополудни назначено заседание Кабинета, так что... — заметил Толстоватый и кивнул в сторону телефонного аппарата. — Доложить?

— Будьте любезны. — Не знаю, может, в моем тоне что-то такое проскользнуло... или в улыбке, но ротмистр вдруг побледнел и, нервно кивнув, поднял трубку телефона.

— Ваше сиятельство, надворный советник Старицкий... — протараторил он в трубку и, получив ответ, указал мне на дверь. — Идите, он ждет.

— Посол шведский принять просят... — хмыкнул я себе под нос, открывая дверь в кабинет шефа.

— Виталий Родионович, добрый день. — Обосновавшийся у окна Телепнев кивнул в сторону «гостевого» кресла и сам, отлепившись от подоконника, занял привычное место за огромным рабочим столом. — Присаживайтесь и поведайте, что за прожект привел вас в мой кабинет на этот раз.

— Хм... Не совсем прожект, ваше сиятельство... Скорее, беспокойство.

— Вот как? — Князь вздернул бровь, и небрежную отрешенность сменил интерес. Ага, думает, я пришел, чтобы скуку его развеять. Ну-ну... в чем-то его сиятельство прав... Скучно ему точно не будет.

— Именно так, Владимир Стоянович. — Кивнул я. — Видите ли, я тут просмотрел списки всех занимающихся в моем зале и отметил прискорбную закономерность... можно сказать, преступную небрежность!

— Виталий Родионович, давайте обойдемся без бюрократического пафоса. Право же, не стоит. — Князь нахмурился, явно ожидая от меня какой-то подлянки и... не ошибся.

— Как скажете, ваше сиятельство. — Я изобразил тяжкий вздох. — Если говорить проще, то мною обнаружено лицо, злостно нарушающее ваш приказ по канцелярии об обязательном посещении атлетического зала. К сожалению, мой чин не позволяет мне самостоятельно наложить на это лицо взыскание, посему я и пришел к вам...

— Виталий Родионович. Неужели нельзя было просто подать бумагу на мое имя? — Скривился Телепнев, на что я только развел руками.

— Владимир Стоянович, бумага это официальный документ... Представляете, как это будет выглядеть, когда я подам вам жалобу... на вас же? Засмеют.

— По... На меня?! — Есть! Я таки вывел его из равновесия!

— Ну да. Именно вы и есть тот самый нарушитель. Что делать будем, ваше сиятельство?

— Господин Старицкий! По-моему, вы зашли слишком далеко в своей наглости и панибратстве... — наконец поняв, что я над ним просто издеваюсь, взревел князь.

— Ничего страшного! Один мой знакомый и вовсе опустил до сводничества, так что мы с ним составим отличную компанию. А, Владимир Стоянович? Шесть кругов по три минуты...

— Пф-ф. — Вскочивший было с кресла князь замер и, шумно выдохнув, рухнул обратно, так что несчастный предмет мебели довольно громко заскрипел. — Во-от оно что... Дознался, стало быть. Ну да, немудрено... Виталий Родионович, вы хоть понимаете, что тогда другого выхода не было? — тихим голосом проговорил Телепнев.

— Понимаю. Потому что, если бы другой выход был возможен, а вы все одно воспользовались бы наивностью Лады, я бы вас даже на хольмганг звать не стал...

— Наглец, вы, однако, батенька. Нагле-ец... — Покачал головой князь, окончательно приходя в себя. И усмехнулся. — Неужто титул самозванный глаза застил?

Это что, теперь он пытается меня из равновесия вывести? Ха!

— Титул? А я, признаться, про него и забыл, ваше сиятельство... Двенадцать кругов и... вторые шесть можете поделить с Бйорном Орваровичем и Эдмундом Станиславичем.

— Виталий Родионович, ты что, вообще ничего не боишься? — с каким-то даже изумлением поинтересовался Телепнев. И что ему ответить?

— Боюсь... знаете, Владимир Стоянович, действительно, боюсь. Например, того, что лет через двадцать кто-то ушлый вот так же окрутит мою дочь с каким-нибудь поганцем, или сына в какой-нибудь многоходовке используют втемную и выбросят с доски, после удачного размена. А вы за своих детей и внуков не боялись бы?

— Все-таки ты первостатейный наглец, Виталий Родионович. — Князь побарабанил пальцами по столешнице и, после минуты раздумий, решительно кивнул. — Завтра, в девять часов. Шесть кругов по три минуты и... обойдемся без участия Рейн-Виленского и Гдовицкого. Первому голова еще для дум государственных понадобится, а второму на батальных полотнах с бланшем под глазом некомильфо...

— Договорились, Владимир Стоянович. — Я поднялся с кресла и, отвесив шефу уважительный поклон, взялся за ручку двери.

— А что, Виталий Родионович, действительно, без хольмганга обошлись бы? — Вопрос, как выстрел в спину.

— А это вы у Меклена Францевича поинтересуйтесь. — Обернуться... и улыбнуться. Вежливо.

Прав князь, обнаглел я беспримерно, но, во-первых, что не позволено тому же Толстоватому, под страхом дисциплинарного взыскания, то вполне дозволено привлеченному специалисту, в смысле заштатному советнику. А во-вторых... Честно говоря, будь на месте Телепнева кто-то другой, например, тот же боярин Шолка или даже Рейн-Виленский, я бы и не подумал так выёживаться. Каким удивительным это ни покажется, при его работе, Владимир Стоянович — человек, лишенный подлости, как черты характера. Напрочь. Ну нет в нем этой гнили. Потому и понял меня, как понял в свое время Грац... Это не значит, что при необходимости у него дрогнет рука подписать смертный

приговор или отправить человека на пытки, в подвал или к мозголомам, вовсе нет. Вот только он не станет делать ничего подобного, что называется, на всякий случай. Вымирающий вид, между прочим, а на «том свете» и вовсе вымерший... как мамонты.

Эх. Ладно, эту авантюру провернули, пора заняться другими делами. Я подмигнул несколько бледному ротмистру... вот точно знаю, что он слышал всю нашу беседу от и до, хотя не понимаю, как ему это удалось, учитывая стоящую на кабинете главы канцелярии глушилку. Впрочем, не мои проблемы. Если хоть слово из нашего разговора станет известно в канцелярии или где-либо еще, князь своего адъютанта наизнанку вывернет.

Придя к такому заключению, я спустился в зал и, обнаружив там Тишилу, со скуки гоняющего подвернувшихся под руку охранителей, растянул губы в улыбке. Ну, собственно, что-то такое мне и было нужно, чтобы спуститься с небес на землю. Тихомиру, по-моему, абсолютно по барабану, гонять десяток обмундированных лосей или одного заштатного сотрудника... Вымотал меня этот энтузиаст белого оружия не хуже ротного в, казалось, навсегда позабытой учебке. К счастью, в тот момент, когда я уже был готов признать, что выдохся, в зал вошел Лейф. Спаситель!

Демонстративно ахнув, узнав текущее время, я тут же обменял себя любимого на новика и стремительно уковылял в раздевалку. Теперь душ и домой. Сегодня нам с Ладой еще предстоит визит с извинениями к Заряне Святославне, так что к семи вечера я должен быть свеж, бодр и весел. Не то хозяйка дома еще больше обидится, и не видать мне тогда медовиков, а Ладе зимнего сада.

Вспомнив о запланированном визите, я несколько скис. Ну в самом деле, ладно это было бы очередное,

уже ставшее обыденным посещение соседки и хозяйки усадьбы, с домашним чаепитием в тесной компании немногочисленных соседей... Так ведь нет, Заряна Святославна прислала приглашения в свой салон, как оказалось, ежегодно открывающий свои двери с наступлением июля. И народу на этих так называемых «летних вечерах» бывает весьма и весьма много. А у меня, благодаря руянским приключениям, кажется, развилась некоторая антипатия к подобным увеселениям. И ведь умом понимаю, что уж у Смольяниной-то мне беспокоиться не о чем, а вот поди ж ты...

А уж эти сборы... Как сказал один любитель оперы, в очередной раз дожидаясь, пока его жена и дочери, наконец, закончат наводить марафет и они смогут отправиться в этот «храм искусства»: Как можно собираться в оперу больше трех часов? Посмотрите на меня! Беруши в уши, и я готов!

Примерно так же чувствовал себя и я, дожидаясь, пока Лада, наконец спустится в гостиную и мы отправимся в гости... угу, сорок метров по прямой. Хорошо еще хоть экипаж нанимать не пришлось.

— Виталий Родионович, наконец-то я вижу вас в своем доме и уверена, что вы не сбежите через пять минут, прикрываясь некими мифическими делами в присутствии. — Смольянина павой подплыла к нам, смерила придирчивым взглядом мой костюм и довольно кивнула при виде платья Лады, скромного, но... что б этот старый грек облез! Хм... это нервное, да.

— Заряна Святославна, вы же знаете, будь моя воля...

— О да, будь ваша воля, вы бы поселились у меня на кухне, поближе к любимым медовикам. — Рассмеялась хозяйка вечера и повернулась к моей жене. — Лада, дорогая моя, следите за своим мужем, иначе с таким рационом он скоро станет вдвое больше...

И вроде бы ничего обидного Смольянина не сказала, а вот эмоции Лады говорили об обратном.

— Не волнуйтесь, Заряна Святославна. Мужчины, знаете ли, толстеют от ночных походов на кухню, а у Виталия Родионовича в это время и других дел достаточно. — И улыбается, ага. А я чуть не покраснел. У них что, всегда так?

— Все, Ладушка, все. Прекращаем. А то твой супруг уже, кажется, готов от нас бежать. Но ты умничка, правильно себя повела. Теперь я за тебя спокойна и уверена, в обиду ты себя не дашь, по крайней мере на моих летних вечерах.

— Ничего себе тренировка... — пробормотал я и, покосившись на мило улыбнувшихся мне женщин, вздохнул. — Нет, нет. Определенно, я не хочу ничего об этом знать.

Ответом мне стал тихий, но дружный смех Лады и Заряны Святославны.

— У мужчин такая ранимая психика. Ты уж побереги его, дорогая, — пропела Смольянина.

— Непременно, Заряна Святославна. Уж будьте покойны...

— Кстати, — Смольянина вновь улыбнулась, эдак с намеком, — Виталий Родионович, сегодня днем Лада обратилась ко мне за советом, по поводу прислуги... Скажите, дорогой друг, зачем вам нужно такое количество людей... да еще с садовником? Удовлетворите мое любопытство...

— Хм, но ведь это же очевидно, дражайшая Заряна Святославна. — Развел я руками. — В новом доме Ладе понадобятся толковые помощники.

— А повар? Лейф же безупречно готовит!

— Как я уже говорил Ладе, и она со мною полностью согласилась, Лейф — часть семьи, а не прислуга, ну а кроме того... Послезавтра я подписываю необходимые

документы и Лейф Баженович Белов в тот же день отбывает в Конуград, для принятия должности второго помощника капитана яхты «Варяг».

— Как всегда стремителен и неудержим. — Показала головой Смольянина, пока Лада пыталась прийти в себя от таких новостей. А вот меньше надо было у зеркала крутиться, глядишь, и узнала бы о моих планах еще до начала вечера. — Мне будет жаль расстаться с такими замечательными постояльцами, как вы, Виталий Родионович, Лада...

— Ну, до этого еще далеко. К тому же я искренне надеюсь, что вы не оставите нас без приглашений. — Улыбнулся я, подхватывая с подноса небольшое аппетитное пирожное.

— О да... — Наблюдая за мной, Смольянина рассмеялась. — Лада, даже не надейся получить рецепт моих медовиков. Иначе я рискую никогда больше не увидеть вас у себя в гостях.

Да, присутствуя здесь князь, он мог бы быть счастлив, Заряна Святославна и Лада отомстили за него, весь вечер старательно меня высмеивая. Как будто у них других тем не было! Нет, я понимаю, что на самом деле Смольянина просто натаскивала Ладу, обучая ее всем нюансам этих светских сборищ. Испортит мне жену, как пить дать, испортит! И все равно это был неожиданно славный вечер. Мне даже удалось сойтись с одним интереснейшим человеком, оказавшимся великолепным знатоком сталей... и их производителем. Может быть, нам удастся договориться с ним о выделке нужных нам марок, и тогда можно будет с легкостью отказаться от свеаландских поставок. Все-таки, несмотря на все прелести союза, подобные закупки у соседей изрядно бьют по карману... М-да... Но все хорошее рано или поздно заканчивается, завершился и этот теплый июньский вечер.

А на следующий день... Хм. Бокс это не рукопашка, и шесть раундов по три минуты с Телепневым оказались вовсе не синекурой, так что после этого боя мы с князем еще добрых трое суток дружно кряхтели и сопели, потирая синяки и шишки. Зато пар спустили... и Хельгу порадовали. Она оказалась единственным человеком, допущенным в зал, да и то не в качестве зрителя, а в роли скорой помощи, на случай, если мы чересчур увлечемся...

Хоть бы эмоции прикрывала, лиса рыжая! Я же из-за ее восторженного писка чуть апперкот не пропустил! А в шестом раунде мне-таки удалось достать князя прямым в ухо, и победа осталась за мной...

Заключительная глава

Спокойствие сонной осенней улицы на окраине Хольмграда в этот солнечный полдень было нарушено приближающимся гулом, не громким, но необычным, никогда ранее здесь не слышанным. Вот дернулась занавеска в окне маленького домика, приютившегося на углу Бронной и Стершневой, со скрипом отворилась дверь трехэтажного доходного «гордеевского» дома, а вон и любопытные мальчишки высыпали к решетчатой ограде двора, всюю галдя и обсуждая, что за шум доносится со стороны «старицкого» завода.

Да, мальчишки самые осведомленные жители Хольмграда, если не считать кумушек, конечно. Уж эти вездесущие дьяволята точно знают, где, что и когда произошло. И сейчас они шумят, размахивая руками... Ну конечно, уж кому как не им знать, что на старицком заводе строят новые паровозы, что могут ездить где угодно без рельсов, и вот сегодня первые «монстры» должны прокатиться через весь Хольмград, чтоб

показаться люду. Кое-кто заикнулся было, что это может быть и не паровоз, а экипаж, но был тут же осмеян. Ведь всем известно, что Старицкий паровые повозки, иначе как «ведром с гайками» не называет. Так станет ли он возиться с такой ерундой?

Но не успели мальчишки перейти в своем споре к более тяжелым, «кулачным» аргументам, как из-за поворота показался первый питомец старицкого завода, ярко-алого цвета. И на улице вновь воцарилась тишина, прерываемая лишь тихим гулом двигателей и шелестом широких шин. Небольшой брелок, в виде креста в круге, возвышается над массивной блестящей решеткой, по бокам от которой сверкают стеклянные «глаза» фар в таких же блестящих хромом капельках корпусов, длинный лакированный «нос», изящные обводы крыльев над массивными, часто спицованными колесами, плавно переходящие в широкие подножки, под открытым, словно у ландо, кузовом... А следом, катятся еще три таких же «монстры»... Впрочем, нет. Не совсем таких. Эти экипажи закрытые, благородного темно-синего цвета, сияющие на солнце зеркальным лаком и остеклением. Вот только у замыкающей колонну машины, значительно более высокой, чем ее собратья, и даже на вид куда более мощной, вместо богатого «аквариума», лишь небольшая кабина, в которой поместится не более двух-трех человек, и огромный кузов, затянутый новомодной прорезиненной тканью. «Монстры» быстро прокатили мимо глазющих на них детей, а когда скрылись за поворотом...

— Оне ж к Гостиному едут, больше-то некуда... — заметил чей-то не по-детски рассудительный голос, и вся ватага тут же сорвалась с места.

Автомобили действительно добрались до Гостиного двора и, притормозив, по очереди въехали на подиум, выстроенный специально для них... прямо напротив

«творений» волжских и свейских мастеров. И здесь не нужно быть знатоком техники, чтобы понять: похожие на коляски, в которые забыли запрячь лошадей, дребезжаще-пыхтящие изделия упертых новгородцев и рискованных стокгольмцев безнадежно отстают от сияющих лаком и хромом, комфортабельных автомобилей хольмградского производства...

Посмотреть на произведенное земляками чудо собрался если не весь город, то его половина точно. И ведь вроде привыкли уже люди к новинкам, выходящим из ворот четырех хольмградских производств, ан нет... снова и снова удивляют их новые заводы. Вот и сейчас самые смелые из любопытных с интересом подходят к машинам, щупают кузова, заглядывают в обшитые лакированным деревом и кожей салоны. А стоящие рядом с автомобилями подтянутые молодые люди и изящные улыбчивые барышни, доставившие четырехколесные новинки к Гостиному двору, с готовностью отвечают на сыплющиеся градом вопросы.

Скорость? Груз? Зависит от модели. Если брать вон того «Великана», да-да — специальный грузовой автомобиль, развивает скорость до шестидесяти пяти верст в час и способен принять на борт полсотни пудов. Легкие авто, конечно, столько не увезут, но у них и предназначение совсем иное. Вот, например — кабриолет-купе «Летяга» рассчитано сугубо на двух человек и небольшой багаж, весом не более трех-четырех пудов. Но зато эта «белка» отличается большой скоростью и совершенно замечательным разгоном, позволяющим почувствовать всю мощь двигателя. Лучший выбор для загородных прогулок с барышней. А вот лимузин «Консул» не может похвастать такими скоростными характеристиками, но ему это и не нужно. Владельцу подобной роскоши просто неприлично куда-то торо-

питься. «Консул» на сегодняшний день самый комфортабельный автомобиль в мире. И, наконец, «Классик» — автомобиль, сочетающий в себе довольно большую грузоподъемность и замечательные ходовые качества, создан специально для путешествий всей семьей. В нем с комфортом разместится до шести человек, а запас хода составляет триста верст. Нет, двигатели не паровые, электрические. Количество накопителей также зависит от модели. У «Великана», например, четыре накопителя питают два электродвигателя. На «Летяге» установлен лишь один накопитель, подключенный к единственному же электродвигателю. Сделано это для облегчения веса авто. У «Консула» и «Классика» схемы одинаковые. По два накопителя, питающих один электродвигатель. Салон «Летяги»? Карельская береза. А у «Консула»... красное дерево и сандал. Да. Хром... Золота не будет. Нетехнологично... но если на заказ, то... загляните в контору завода... И опять вопросы, вопросы...

После долгих препирательств торжественный ужин, посвященный выпуску первого авто (точнее, сразу четырех машин разных моделей), общим решением пайщиков нашей компании было решено провести в ресторане у Ладынина, чтоб никому не было обидно. И я умудрился на него едва не опоздать. Но уж тут моей вины не было ни капли. Кто же знал, что назначенная государем комиссия выберет именно сегодняшний день для визита в таки созданное нами с князем Телепневым Училище кадрового резерва? И кому как не исполняющему обязанности начальника этого великовозрастного детского сада было сопровождать дотошных визитеров?

Впрочем, вру. Судя по намекам главы комиссии — бывшего начальника хольмградского сыска, а ныне товарища министра внутренних дел, княжича Туровского,

вопрос о ликвидации приставки и.о. перед названием моей должности уже решен положительно, а не верить Бернгардту Вячеславичу у меня причин нет. Так что, уже вначале следующего года, если до того времени не произойдет ничего эдакого, я окончательно выйду из подчинения Особой канцелярии вообще и его сиятельства князя Телепнева в частности. А статус заштатного чиновника сменится вполне почтенной должностью директора училища... пусть оно и находится в ведении Малого Государева кабинета, а не Министерства просвещения.

В общем-то, только эта новость и спасла меня от сердитых нотаций Лады, дожидавшейся моего возвращения домой, чтобы вместе отправиться на ужин, куда она, к ее великой гордости, был приглашена не как супруга одного из совладельцев, а как вполне себе самостоятельная фигура финансового директора компании...

Этот вечер я запомню надолго. А ежели забуду, то фотографии напомнят. Вон Леопольд Юрьевич вокруг стола кружится, все никак не наиграется новеньким аппаратом. Я думаю! В отличие от якобы переносных «ящичков», бытовавших здесь, до вмешательства нашей команды его новый фотоаппарат, произведенный на нашем «Первом оптическом», является действительно ручным, хоть и весит почти два килограмма.

— Господа! — Поднявшийся со своего места Владимир Стоянович, с бокалом в руке, окинул сидящих за столом долгим взглядом и улыбнулся. — Я рад видеть вас здесь сегодня... хотя лучше было бы все-таки устроить этот банкет не в ресторане, пусть даже и у Ладынина, а у меня в имении...

— Лучше было бы у нас, все ближе к городу, чем ваша вотчина! — воскликнула Хельга, а следом за ней и Лада поспешила сказать свое слово.

— Почему это у вас было бы лучше? Наш дом тоже достаточно велик и расположен в самой столице, а не в пригороде! И вообще, у вас, вон, в прошлом месяце новоселье справляли... — Лада тут же подняла голос в защиту нашего дома, в строительство и обстановку которого она вложила всю душу... в перерывах меж подаванием нерадивых счетоводов.

— Дамы, дамы, дамы... — не скрывая улыбки, Теплев повысил голос. — Не ссорьтесь, пожалуйста! Еще одного спора на эту тему я не переживу.

— Продолжайте, Владимир Стоянович. — Переглянувшись, Хельга с Ладой дозволяюще кивнули.

— Хм... м-да... Так вот, как я сказал, я рад видеть вас здесь сегодня, в этот знаменательный день, на неофициальном собрании пайщиков нашего объединения. Мы славно потрудились за эти четыре года. Открыты «Первое механическое», — кивок в сторону сманенного князем у «соседей» Горбунова. Гордей Белозорич приподнял в ответ своей бокал, — и «Первое оптическое производство». — Еще один кивок, на этот раз в сторону бывшего ученика Горбунова, временно оставившего в покое свой фотоаппарат Леопольда Юрьевича. — «Первое электротехническое производство» и, наконец, «Первое автомобильное ателье». — Салют бокалом в нашу с Бергом сторону.

— Вы слышите, в каждом названии есть объединяющее их слово — Первые. Не только на Руси, но и в мире. Нашим трудом, вашими знаниями мы сделали то, чего никто и никогда еще не делал. Поздравляю вас, друзья. Но... Я хочу поднять этот бокал не только в честь выхода наших заводов на полную мощность и запуска в производство первых настоящих автомобилей. — Теплев усмехнулся и обвел взглядом недоумевающих гостей. — Виталий Родионович, неужто и вы позабыли? Как нехорошо! Что ж, я напомню. Ровно пять лет на-

зад, в такой же солнечный день, в Хольмград прибыл обычный Южный экспресс... вот только привез он очень необычного пассажира...

— Да уж более странных пациентов у меня точно не было... — Расхохотался Меклен Францевич. До него первого дошло, что именно имеет в виду глава Особой канцелярии и пайщик известных производств, которые, иначе как «Четверкой Первых» хольмградские дельцы уже и не называют.

— Согласна, мой муж уникален, — ровным тоном проговорила Лада, но не удержала каменного выражения лица и прыснула на пару с Хельгой.

— Вот-вот. Виталий Родионович, все, что было сделано нами за эти пять лет, без вас было бы невозможно. За вас, господин Старицкий!

Я поднялся из-за стола и впервые за очень долгое время почувствовал, как щеки разгорятся огнем.

— Да, совсем забыл! — Опустошив бокал, князь вдруг хлопнул себя ладонью по лбу и вытащил из внутреннего кармана сюртука небольшую плоскую шкатулку. Взвесив ее в ладони, Владимир Стоянович обогнул стол и, остановившись передо мной, улыбнулся. — Я до сих пор вспоминаю отвращение на вашем лице, Виталий Родионович, когда вы рассматривали свой трофей. Помните самоходный экипаж Буса Ловчина? Как вы его назвали... «паротабуретка», да? Так вот, с согласия квалифицированного большинства пайщиков, учитывая ваш вклад в создание действительно удобного средства передвижения, было принято решение передать вам в дар первое серийное авто модели «Классик». Сначала мы хотели подарить «Летягу», но Лада Баженовна настояла, и... в общем, мы решили, что ее мнение в этом вопросе не учитывать нельзя.

— Это точно... Ее мнение попробуй не учти... Катком задавит. Особенно в последнее время, — фыркнув,

прошептал я князю. Тот понимающе ухмыльнулся и протянул мне ключ.

— Благодарю вас, друзья... — Приняв шкатулку с металлической пластиной ключа, я искренне улыбнулся и отвесил присутствующим общий поклон.

— Катайтесь на здоровье, Виталий Родионович, — ответил Телепнев. — Только не прямо сейчас. Дождитесь окончания банкета хотя бы...

— Нет-нет, никак не раньше завтрашнего дня, — тут же заявила Лада. — Я видела, как летали эти экипажи на испытаниях, и поверьте, садиться за руль авто в подпитии это чистой воды самоубийство!

Спорить с Ладой никто не стал, хотя... Нет, по нынешним дорогам и семьдесят километров в час уже много. В общем, завтра покатаемся. А пока... что тут у нас из деликатесов имеется? О! А такого я не пробовал... надо будет поинтересоваться у повара. Глядишь, и удивлю Лейфа, когда он соизволит заглянуть к нам в гости. А то капитанство окончательно испортило моего ученика. Он же на «Варяге», только что не ночует... Стоп. А это что такое?

Берг толкнул меня в бок и украдкой кивнул в сторону окна, на подоконнике которого лежал черный чемоданчик странной формы. То ли чехол для аккордеона, то ли для...

— Неужто получилось? — прошептал я, и Высоковский довольно кивнул, после чего громко хлопнул в ладоши, привлекая внимание окружающих.

— Господа, прошу минуту вашего драгоценного внимания. Некоторое время назад Виталий Родионович в очередной раз бросил вызов нашим с Хельгой талантам, описав устройство, идея которого, по его собственному признанию, пришла во время написания очередного отчета для нашего дорогого шефа, его сиятельства князя Телепнева... Как человек, вынуж-

денный тратить немало времени на составление подобных отчетов, я не мог не принять замысел Виталия Родионовича близко к сердцу...

— Берг, не будьте столь многословны, пожалуйста. Наше терпение, конечно, велико, но не безгранично, знаете ли, — заметил ухмыляющийся адресат тех самых отчетов.

— Да-да, конечно, знаете, пришлось изрядно поломать голову над идеей Виталия Родионовича, но... мы все-таки смогли воплотить ее в жизнь. Замечательнейший инструмент получился, знаете ли... И куда более универсальный, нежели предполагалось изначально, да...

— Берг Милорадович! — Тут уже Телепнева в его возмущении поддержали и Грац с Попандопуло, и даже Горбунов вытянул шею, в ожидании продолжения презентации Высоковских.

— Ох, да... Прошу прощения. — Берг переглянулся с довольной сестрой и небрежным жестом левитировал чемодан себе в руки. Раздвинув многочисленные блюда, Высоковский водрузил его прямо на стол и откинул тяжелую крышку, под которой, на фоне массивного матово-черного корпуса, сверкнула полированной медью окантовка круглых клавиш и рамка сложенного экрана. — Вот. Собственно, как и описывал свою идею Виталий Родионович, в основе этого агрегата лежит обычная печатная машинка, совмещенная с экраном, вроде тех, что используются в корабельных навигационных столах, разве что поменьше размером... но это лишь вопрос удобства. Никаких принципиальных сложностей с подключением экранов любой размерности здесь нет, но это лишь приятное дополнение. Самое главное, теперь нет необходимости набирать заново весь текст в случае одной-единственной опечатки. Все набранное сначала высвечивается на экране и очень легко правит-

ся. А уж потом, по отдельной команде, введенный текст можно распечатать на бумаге. Что, несомненно, очень удобно. Больше нет необходимости сбивать пальцы о тугие клавиши и мучиться с залипающими рычагами литер. Вместо них теперь работают специальные конструкторы на медных проводниках. Они переносят набранный текст сначала на экран, а оттуда на лист бумаги, целиком и сразу.

И это еще не все. Благодаря широкому использованию ментальных конструкторов, мы получили возможность ввода текстов на разных языках. Специальный переключатель позволяет перевести набор текста с кириллицы на латиницу. Также, используя собственные возможности экранов, можно распечатывать не только текст, но и несложные изображения, правда, пока только черно-белые.

Но вообще, возможности инструмента отнюдь не ограничиваются одной лишь печатью... Мы с Хельгой, в качестве опыта, встроили в агрегат несколько вычислительных конструкторов, используемых как в наших, так и в свейских арифмометрах, и, после небольшой отладки, они показали просто-таки замечательные результаты. Конечно, здесь есть еще над чем поработать, например, хотелось бы иметь возможность, каким-то образом сохранять введенные сведения и произведенные расчеты, не перенося их на бумагу, да и сложные вычисления высшей математики пока ему не под силу, но уверяю вас, эти задачи имеют свое решение, и в будущем мы, несомненно, справимся со всеми сложностями, а пока... мы имеем вполне работоспособный печатный механизм, многократно упрощающий процесс ведения любого делопроизводства.

Сгрудившиеся вокруг новинки, участники застолья засыпали Берга и Хельгу вопросами, а я ошарашенно рассматривал стоящий на столе агрегат... Ведь рассчи-

тывал получить всего лишь что-то вроде электрической печатной машинки середины девяностых, а что сотворили эти неугомонные родственники?! Механический... магический... прадедушка компьютеров, едрить-колотить. Стимпанк, однако! И ведь, судя по речи Берга, они с Хельгой уже почуяли перспективность развития этой темы... Стоп! Кстати, о рыжей сестрице нашего долговязого гения...

Пока я приходил в себя от шока, Хельга успела всучить всем присутствующим бокалы с вином... чтоб поднять их за очередной успех нашей компании. Э-э, нет. Так, дело не пойдет! Я вытащил из руки Лады бокал, врученный ей Хельгой, и отрицательно покачал головой в ответ на недоуменный взгляд исследовательницы.

— Не в ее положении. — Удивление на лице Хельги сменяется пониманием, и она, тут же забыв про тост, утаскивает мою жену в уголок зала, ради разговора на животрепещущую для каждой женщины тему. Хм. Это надолго. О грядущем пополнении семьи Старицких Лада может говорить часами... по себе знаю.

Окинув взглядом оживленно обсуждающих новинку друзей, я обратил внимание на шикарно сервированный стол, о котором, кажется, наши пайщики успели позабыть, и, подвинув к себе поближе блюдо с сибирскими пельменями, принялся меланхолично его уничтожать, одновременно лениво прикидывая, что сотворят неугомонные Высоковские, если их посвятить в сакральную тайну тетриса?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
--------------	---

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Приятные хлопоты... оксюморон	6
Глава 2. Поспешай не торопясь, а то успеешь... ..	17
Глава 3. Подарки бывают разные... ..	30
Глава 4. Гора с горой.....	43
Глава 5. Тяжело в учении, или Подготовка продолжается... ..	56
Глава 6. Стук колес и плеск волны... ..	69

ЧАСТЬ 2

Глава 1. Выходим завтра в море.....	84
Глава 2. Бег по волнам, или Заяц в поле.....	97
Глава 3. Дела домашние, дела торговые	111
Глава 4. От рукомашества к ногодрыжеству	124
Глава 5. Сильные духом и сильные мира	137
Глава 6. Правильный вопрос — уже половина ответа... иногда неправильного.	151

ЧАСТЬ 3

Глава 1. Ночь — лучшее время для душевных бесед, не правда ли?	165
---	-----

<i>Глава 2. Иногда, лучше ошибиться, чем убедиться в собственной правоте</i>	<i>178</i>
<i>Глава 3. Покой — понятие растяжимое. От койки в кубрике до доски над бортом</i>	<i>192</i>
<i>Глава 4. Ничто так не напрягает, как последствия расслабления</i>	<i>205</i>
<i>Глава 5. Уходим... Уходим? Уходим!.....</i>	<i>218</i>
<i>Глава 6. По морям, по волнам... ..</i>	<i>231</i>

ЧАСТЬ 4

<i>Глава 1. Кто ходит в гости по ночам... ну, в общем, причины бывают разные, да... ..</i>	<i>245</i>
<i>Глава 2. Как русичи к свеям ходили.</i>	<i>258</i>
<i>Глава 3. Один раз — случайность, два раза — совпадение, три — закономерность.....</i>	<i>271</i>
<i>Глава 4. Знакомые всё морды. Вопрос один, сразу бить или обождать?</i>	<i>284</i>
<i>Глава 5. Приключения на хлеб не намажешь</i>	<i>297</i>
<i>Глава 6. Повторенье, мать ученья... ..</i>	<i>310</i>

ЧАСТЬ 5

<i>Глава 1. Шут-точкки, прибаут-точкки... ..</i>	<i>324</i>
<i>Глава 2. Бегом, бегом! Отдыхать будем на пенсии... если доживем</i>	<i>337</i>
<i>Глава 3. Между струйками, между струйками.....</i>	<i>349</i>
<i>Глава 4. Дом, любимый дом... ..</i>	<i>362</i>
<i>Глава 5. Как много нам открытий чудных.....</i>	<i>375</i>
<i>Глава 6. Кроме мордобития, никаких чудес... ..</i>	<i>388</i>
<i>Заключительная глава</i>	<i>401</i>

Литературно-художественное издание

16⁺

АНТОН
ДЕМЧЕНКО

САМОЗВАНЕЦ ПО ОСОБОМУ ПОРУЧЕНИЮ

Ответственный редактор *А. Сидорович*
Корректор *А. Филимонова*
Верстка *Е. Посадовой*

Подписано в печать 08.09.15.
Формат 84 x 108 1/32. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 16,5.
Тираж 2500 экз. Заказ № 1466.

ООО «Издательство АСТ» 129085,
г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 1;
953000 — книги, брошюры

Отпечатано с готовых файлов заказчика

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

Издательский дом «Ленинград»
представляет новую серию

НИКОЛАЙ ПОБЕРЕЖНИК

ЭРТА АРМИЯ АКАНА

Накануне войны терратос рвут на части гильдии торговцев и промышленников. Вероломное вторжение, богатые ресурсами предгорья потеряны, а среди ущелий и опасных перевалов ведет свою горную армию Кинт Акан. Он молод и храбр, но война, лишения и горе снова и снова испытывают его. Того, чье лицо высушено ледяными ветрами, испачкано потом и кровью, а сердце черствеет с каждым последним вздохом погибшего товарища. Найти в себе силы идти до конца, не сломаться и вырвать победу у северян!

Что станет наградой за храбрость и верность терратосу?

www.lenizdat.org

Издательский дом «Ленинград»
представляет новую серию

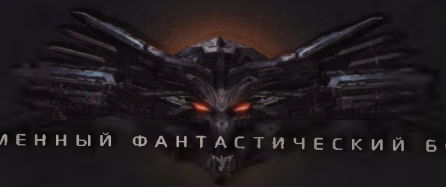
КОНСТАНТИН МУРАВЬЕВ

ШАГ В БЕЗДНУ

Ты все еще чужой в этом мире высоких технологий. Ты мусорщик и дикарь в глазах одних и прожжённый делец — в глазах других. Но если тебя загнали в такую ситуацию, что шанса победить и выжить практически нет... Вынудили тебя действовать там, где даже всех дарованных и приобретенных способностей не хватит на то, чтобы суметь защитить себя и тех, кто стал тебе дорог... Тогда у тебя всего лишь один шанс. Сделать тот единственный шаг, шаг в бездну. Шаг, который сделает тебя учеником бога смерти.

www.lenizdat.org

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Хавсигер поднял руку, и шум стих, пусть не сразу, но довольно скоро.
— Начали!

Взметнулся над кругом, полыхнув радужными разводами, защитный полог, оградивший спорщиков от возможных неприятностей со стороны зрителей, и бой начался.

Как я и говорил, МПЛ не предназначена для фехтования, работа с ней больше похожа на бой топором, с тем отличием, что лопата позволяет наносить не только рубящие, но и длинные секущие, а в некоторых случаях и очень эффективные тычковые удары. Вот одним из таких «нежданчиков» Лейф и «порадовал» своего противника. Скользя под косой удар падающего сверху палаша, новик скрутился взводимой пружиной, и отточенное лезвие лопаты вошло точно подмышку вооруженной руки Нестора, заставив тяжелый абордажник упасть на моментально заалевший песок. Климин взревел от боли и ярости, а в следующий миг Лейфа унесло к самому бордюру от мощного пинка противника.

Ленинград
издательский дом

ISBN 978-5-17-094625-9

9 785170 946259